МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Издается с 2001 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 002
ББК Ч81 + Т3(2)
Д 638

Редакционная коллегия:
Л. Н. Мазур, докт. ист. наук, доцент (гл. редактор)
О. В. Горбачев, докт. ист. наук, проф. (ответств. редактор)
А. М. Сафронова, докт. ист. наук, доцент
А. А. Бакшаев, канд. ист. наук, доцент
А. П. Килин, канд. ист. наук, доцент
Т. А. Селезнева, ст. преп.
В. В. Шибаев, канд. ист. наук

Рецензенты:
Кафедра всеобщей истории
Уральского государственного педагогического университета
(заведующий кафедрой доктор исторических наук, профессор *В. Н. Земцов*)
Н. Г. Суровцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры
автоматизированных систем документационного обеспечения управления
Российского государственного гуманитарного университета

Д 638 **Документ.** Архив. История. Современность : сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Вып. 21. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 412 с.

ISBN 978-5-7996-3315-8

В сборнике представлены статьи по проблемам истории Урала и России, источниковедения, методологии, документоведения и архивному делу.

Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей, специалистов в области истории, архивоведения, документоведения и информационного обеспечения управления.

УДК 002
ББК ББК Ч81 + Т3(2)

ISBN 978-5-7996-3315-8 © Уральский федеральный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1
ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА

Батищев С. Д.
Личный фонд челябинского историка В. Е. Четина (1922–2008): краткий обзор документов 6

Левашова Е. В., Сафронова А. М.
Военная служба как вид государственной службы Российской Федерации 13

Логинова Н. Е., Плетнева М. В.
Особенности подбора и отбора педагогических работников образовательного учреждения (на примере ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет») 27

Манин Д. О.
Споры русских послов о титулатуре царя при дворе Людовика XIV 32

Огорельцев П. А., Купорез К. Д.
Высшее образование в условиях пандемии: итоги и проблемы дистанционного обучения 40

Раздел 2
ИСТОРИЯ РОСИИ И УРАЛА

Черноухов Э. А.
Верх-Исетский госпиталь в XIX – начале XX вв. 48

Люхудзаев М. И.
Участие С. Н. Стрижова и И. П. Тарасова в политической деятельности эсеров на Урале в 1903–1918 гг. 56

Павленко А. П.
Красные войска под Кыштымом в мае-июне 1918 г. (взгляд генштабиста А. Л. Симонова) 70

Фельдман М. А.
Руководители регионов в годы первых пятилеток: испытание индустриальным проектом (на примере Уральской области) 86

Каменская Е. В.
Советско-французский пакт 1935 г. в контексте международных отношений середины 1930-х гг. (по материалам советской печати) 105

Бугров К. Д.
Гонка за сульфидином: исследовательская стратегия И. Я. Постовского и формирование центра сульфамидной терапии в Свердловске во 2-й половине 1930-х – 1940-е гг. 121

Клинова М. А.
Изменение норм выработки и сдельных расценок оплаты труда на промышленных предприятиях СССР (1946–1949 гг.) 133

Хакимов Р. Ш.
Дело № 1335. Златоуст, 1957 год 145

Мазур Л. Н.
От уездного города к столице Урала: особенности урбанизационного перехода Екатеринбурга–Свердловска 165

Раздел 3
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ

Бекленищева М. В.
Опыт развития международного туризма в СССР в 1955–1991 гг. в современной историографии 191

Бондарь В. А.
Личные анкеты и опросные листы членов Екатеринбургской губернской организации РКП(б) (1921–1924 гг.) как исторический источник 206

Веселкова Н. В.
Документальная память: хрупкие актанты 213

Соколов С. В.
Документы Свердловского отделения ВООПИК как источник по интеллектуальной жизни Свердловска в 1960–1980-е гг. 222

Уланов К. А.
Журналы управителей казенных караванов первой половины XVIII в. ... 230

Шихова О. Н.
Музей, который хотел бы посетить современный школьник 237

Юмашева Ю. Ю.
Историческая наука, архивы, библиотеки, музеи и искусственный интеллект: что день грядущий нам готовит? 247

Раздел 4
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

Бакшаев А. А.
Организация деятельности окружных и заводских архивов на Урале в XIX – начале XX вв. 280

Маркевич В. М.
Современные подходы к изучению понятия «документ» в отечественном документоведении: историография проблемы 288

Огуренко Е. В.
Архивная служба СССР в 1938–1962 гг.: историографический обзор 297

Олимпиева Е. В. , Плетнева М. В.
Применение методики case study в условиях дистанционного обучения студентов УрФУ 305

Селезнева Т. А.
О формировании локальной нормативной базы управления документами 310

В. В. Шибаев
Нормативное регулирование делопроизводства и архивного дела в Российской Федерации в 2020–2021 гг. 323

Раздел 5
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

А. М. Сафронова
Надзиратели горнозаводских школ Урала: круг обязанностей и взаимоотношения с учителями и учащимися (1729–1730-е гг.) 330

Т. Н. Кандаурова
Аграрные учебные заведения Юга России первой половины XIX в.: земледельческие фермы Новороссийского военного поселения 344

А. В. Бровцин
Из истории создания санатория «Нижнеивкино». 1870–1970-е гг.: по документам Центрального государственного архива Кировской области 377

Список основных сокращений 395

Сведения об авторах 397

Summary 400

Раздел 1
ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА

УДК 930.253(470.55):929

С. Д. Батищев

ЛИЧНЫЙ ФОНД ЧЕЛЯБИНСКОГО ИСТОРИКА В. Е. ЧЕТИНА (1922–2008): КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ

В статье дан обзор личного фонда одного из уральских историков. Он позволяет увидеть сферу его личных и профессиональных интересов, частично реконструировать диссертационные истории ученого, познакомиться с научными сборниками, где публиковались его труды, и давно ставшими библиографической редкостью. На основе эпистолярного наследия, отложившегося в этом фонде (отчасти опубликованного), можно проследить особенности межличностных отношений с членами семьи, фронтовыми товарищами, друзьями, коллегами.

Ключевые слова: В. Е. Четин, личный фонд, историк, документ.

Василий Егорович Четин (1922–2008) был представителем исторического сообщества г. Челябинска. Он являлся специалистом по истории горнозаводского Урала второй половины XIX – начала XX вв., рабочего движения в Пермской губернии. Еще при жизни историка (в 2006 г.) в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) был образован его фонд, а сам он, таким образом, стал фондообразователем.

В настоящей публикации предлагается обзор наиболее важных, на взгляд автора статьи, документов, которые в этом фонде отложились. Общее количество единиц хранения в фонде – 384 по первой описи и 70 по второй.

В теории архивоведения принято считать, что архивный фонд «должен рассматриваться как сложный, но генетически и структурно целостный исторический источник, особенность которого заключается в том, что он отражает прошлое сквозь призму информационных

© Батищев С. Д., 2021

связей конкретного фондообразователя, а сами эти связи между запечатленными фактами, событиями и другими историческими реалиями даны в нем в том виде, в котором они заложены фондообразователем» [Автократов, 1973, с. 63]. Объемная и сложная для восприятия цитата, но она позволяет уяснить тот факт, что личность фондообразователя является ключевым индикатором информационного потенциала содержимого фонда. Информационный потенциал документов, откладывающихся в фондах, не равнозначен. Проще говоря, одни документы являются информативнее других и, следовательно, важнее для исследователей, поскольку они позволяют из документального наследия фондообразователя с наибольшей полнотой «выжать» информационный ресурс для своих изысканий. Для нас интерес представляют источники, показывающие научную деятельность В. Е. Четина. На них мы и будем в основном сконцентрированы. Предваряя обзор фонда, мы можем классифицировать документы, находящиеся в нем, следующим образом:

1) делопроизводственная документация;
2) источники личного происхождения;
3) научные труды В. Е. Четина;
4) визуальные источники.

Эта классификация раскрывается в нижеприведенном обзоре. Но сначала обозначим небольшую теоретическую ремарку.

По мнению Л. Н. Мазур, в последние годы в российском социуме «принципиальное значение приобретают задачи актуализации документального наследия. Под актуализацией имеется в виду не просто использование архивных документов, а включение их в культурную память общества» [Мазур, 2018, с. 16].

Имеющиеся публикации источников из фонда В. Е. Четина могут такой актуализации способствовать, поскольку касаются важных событий в жизни советского общества. Фронтовые письма актуализируют память о событиях Великой Отечественной войны [Батищев, 2020 (а)]. Документы, связанные с деятельностью Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР, показывают научную активность российской провинции, что тоже, возможно, со временем займет свое место в культурной памяти жителей Урала [Батищев, 2020 (б)].

В фонде имеется автореферат кандидатской диссертации В. Е. Четина («Рабочее движение в Пермской губернии 1861–1870-е гг.»), диссертационные отзывы официальных оппонентов (Ф. С. Горового, В. С. Виргинского) и научного руководителя (К. В. Сивкова) [ОГАЧО. Ф. Р-944, оп. 1, д. 1], отзыв ведущей организации, где Четин и создавал свою исследовательскую работу [Там же,

д. 2]. Кроме того, представлен машинописный вариант диссертации [Там же, д. 3]. Диссертация состоит из трех глав, ее общий объем 432 страницы, не считая списка источников и литературы. Обзор диссертационных отзывов на кандидатское исследование В. Е. Четина осуществлен в отдельной публикации [Батищев, 2020 (в)].

За годы своей профессиональной деятельности Четин написал и опубликовал несколько десятков статей. На некоторые из них сохранились отзывы коллег-рецензентов [ОГАЧО, ф. Р-944, оп. 1, д. 8–9].

Сам Четин также периодически выступал в качестве рецензента тех или иных диссертационных исследований. Сохранились отзывы В. Е. Четина на диссертации и статьи соискателей ученой степени Б. Н. Накарякова, В. Я. Рушанина, М. И. Гримма (Там же, д. 10).

Также сохранились некоторые письма родственникам, написанные уже в мирное время [Там же, д. 53]. В отдельное дело вошли несколько сохранившихся писем (1930–1940-х гг.) отца Василия Четина – Егора Ефремовича [Там же, д. 237], из которых можно подчерпнуть какие-то особенности межличностных отношений отца и сына.

Деятельность В. Е. Четина в качестве преподавателя исторического факультета Челябинского государственного педагогического института (ЧГПИ) также нашла отражение в некоторых документах, которые отложились в этом фонде. В частности, материалы по вспомогательным историческим дисциплинам [Там же, д. 17–22], курс которых Четин вел в институте – конспекты лекций по нумизматике, русской метрологии, библиография статей по вспомогательным историческим дисциплинам из журнала «Вопросы истории» (1935–1978 гг.), а также вырезки из некоторых газет («Правда», «Челябинский рабочий» и т. д.) о современных и древних денежных знаках.

Эпистолярное наследие, помимо переписки с родственниками и фронтовыми товарищами, представлено письмами коллег-историков [Там же, д. 56] из разных вузов по темам исторических исследований (1968–1985 гг.), письмами библиографов [Там же, д. 55] Кировской, Горьковской, Ульяновской, Саратовской библиотек о революционно-демократическом движении в Поволжье и на Урале (1958–1972 гг.), письмами сотрудников журнала «Советские архивы» по вопросам публикации научных статей В. Е. Четина [Там же, д. 57].

На письмах сотрудников журнала «Советские архивы» остановимся особо. Из них можно узнать, что В. Е. Четин направлял в редакцию свою статью «Об эволюции уровня зарплаты уральских рабочих в 1861–1904 гг.». Сохранились два письма от редакции с просьбой о существенной корректировке текста, а также отзыв В. В. Адамова на эту статью, который написал его по просьбе редакции журнала. Оба письма и отзыв датированы 1971 г. Поскольку эти документы нигде не публиковались, то можно кратко остановиться на их содержании.

В первом письме (датировано 10 августа 1971 г.) редакция журнала за подписью доктора исторических наук Л. М. Иванова высказывает следующие замечания к представленному тексту. Во-первых, «в статье отсутствуют обобщающие данные о заработной плате (номинальной и реальной) по отдельным заводам, горным округам и в целом по Уралу за 1861–1904 гг., по которым можно было бы проследить действительный уровень заработной платы в рассматриваемый период» [Там же, оп. 1, д. 57, л. 1]. Во-вторых, удивление у редакции вызвало отсутствие в статье статистических таблиц «без которых трудно представить работу, претендующую на показ динамики изменения заработной платы в большом промышленном районе за полстолетия» [Там же]. В-третьих, нарекание вызвало то, что во второй половине представленной статьи присутствуют только данные о номинальной заработной плате, без попыток перечисления ее в реальную. В-четвертых, «следует остановиться на специфике положения уральских рабочих, значимости в их бюджете заработков. Историографии вопроса фактически нет» [Там же, л. 2].

В. Е. Четин внес некоторые корректировки в свой текст и выслал редакции второй вариант статьи. На это последовало второе редакционное письмо в его адрес (датировано 11 ноября 1971 г.). И опять редакцию присланный текст не устроил. В. Е. Четину сообщили, что его статью «было решено послать на дополнительное рецензирование специалисту-ураловеду В. В. Адамову. При сем направляем Вам отзыв В. В. Адамова. Переработанный текст просим прислать к 20 декабря с. г.» [Там же, л. 3].

Кратко коснемся отзыва Адамова [Там же, л. 15–17]. Известный свердловский историк, как и редакция журнала, отмечает слабость историографического обзора в статье В. Е. Четина: «стремление быть первооткрывателем, видимо, помешало автору дать более подробный обзор литературы. Тема обязывает к такому обзору, т. к. авторы не одинаково смотрят на существо проблемы» [Там же, л. 15]. Адамов подчеркивал, что у автора в статье нет четкого понимания о значимости тех или иных источников, которые использовал автор, «критерии отбора и оценки их не указаны» [Там же]. На взгляд Адамова, Четин не учитывал специфику положения уральских рабочих, «обусловленную крепостнической или полукрепостнической зависимостью от заводов» [Там же].

В. Е. Четин в этой, как и в других своих работах, исходит из того, что к началу 70-х гг. XIX века по факту завершилась капиталистическая перестройка уральской промышленности, «что с этого момента горнозаводские рабочие Урала представляются в качестве более или менее чистого пролетариата, заработная плата которого целиком

уже зависит от уровня борьбы, технического прогресса и колебания рыночных цен» [Там же, л. 16]. В обосновании этого ошибочного, на взгляд В. В. Адамова, тезиса и подбирается материал в статье, «отрывочный и случайный характер этого материала достаточно очевиден» [Там же]. Предположение В. Е. Четина о «рыночности» заработной платы уральских рабочих, указывал рецензент, не соответствовало действительности, так как зарплата «состояла из двух частей: денежной и натуральной. В понятие последней входила не только выдача провианта, но и представление заводами своим рабочим право бесплатного пользования своей землей, лесом и т. д.» [Там же]. Конечно, преобладание денежной части над натуральной было, но процесс капитализации шел медленно, «по расчетам пермских земцев, к концу XIX века только 30 % потребностей уральских рабочих покрывалось заработком на заводах, остальное доходами от хозяйства, занятия промыслами и т. д.» [Там же]. Автору статьи, на взгляд рецензента, не удалось должным образом отразить динамику заработной платы уральских рабочих в указанный хронологический период, так как «показ специфики динамики заработной платы требовал анализа бюджетов рабочих, сопоставления дохода с уровнем цен и т. д.» [Там же, л. 17].

В. Е. Четину, судя по всему, так и не удалось опубликовать свою статью в журнале «Советские архивы». Но она у него вышла в печати несколько лет спустя в одном из челябинских сборников [Четин, 1974]. Насколько сильно отличается «челябинский» вариант статьи от тех, что он посылал в журнал, сказать сложно, поскольку черновые варианты текста нам неизвестны. Но поскольку статья его так и не была опубликована в центральном издании, можно предположить, что далеко не все замечания рецензентов он счел необходимым учитывать.

Существует несколько вариантов автобиографии историка (1955, 1997, 2001), на основании которых можно проследить основные вехи жизненного пути Василия Егоровича [Там же, оп. 1, д. 84].

Помимо кандидатской диссертации, В. Е. Четин готовил и докторскую [Там же, д. 176–179]. В фонде отложился план-проспект диссертации, первые три рукописных (машинописный вид) главы. Для написания докторской диссертации он был переведен в штат научных сотрудников, о чем в фонде содержится соответствующий приказ и прошение Четина об этом переводе [Там же, д. 9]. Кроме того, есть план работы над диссертацией, согласно которому она должна была быть закончена к декабрю 1970 г., имеется протокол заседания кафедры истории СССР ЧГПИ (делопроизводственная документация), где обсуждались первые главы его докторской диссертации. Составлена библиография научных трудов В. Е. Четина, напрямую или косвенно перекликающихся с темой докторской диссертации. Имеется отчет

В. Е. Четина о работе над диссертацией за 1968–1970 гг., а также о его научных изысканиях за этот же период. Среди документов особо отметим официальное заключение зав. кафедрой истории СССР МГПИ И. И. Минца о работе старшего научного сотрудника Челябинского пединститута В. Е. Четина над докторской диссертацией, прикрепленного для консультаций к кафедре истории СССР МГПИ. Но анализ докторской диссертации В. Е. Четина в контексте развития советской историографии 1960–1970-х гг., в силу особой значимости вопроса для создания научного портрета автора, предполагается осуществить в отдельной публикации.

Значительное время при подготовке своих диссертационных и других научных изысканий Четин проводил в центральных и региональных архивах, в которых осуществлял обширные выписки из документов, которые также сохранились в его фонде [Там же, д. 198–212 и др.].

Значительный объем в фонде отведен сборникам статей и книг по истории Урала, в которых В. Е. Четин публиковал свои работы [Там же, д. 27–52]. Имеются также рукописные (машинопечатные) тексты его статей, в которые он вносил какие-то правки от руки, которых, разумеется, в печатных сборниках не было [Там же, д. 96, 243]. В фонде отложилось и некоторое количество неопубликованных статей Четина [Там же, д. 68–77].

Авторефераты диссертаций по истории Урала, направлявшиеся Четину для ознакомления или написание отзывов на них, тоже заняли свое место в фонде челябинского историка. Хронологические рамки авторефератов – 1969–1984 гг. [Там же, д. 135].

За годы работы Четин выступил научным руководителем ряда курсовых и дипломных работ студентов, посвященных истории отдельных заводов Урала в разные исторические эпохи, некоторые из которых он сохранил в своих документах [Там же, д. 138, 141, 278 и др.].

Отметим несколько исторических очерков В. Е. Четина, которые остались неопубликованными. Среди них «Златоустовский завод в 90-е гг. XIX века» [Там же, д. 4], «Первые шаги рабочего движения на Урале (1861–1863)» [Там же, д. 6], «Подготовка реформы 1861 года на Южном Урале» [Там же, д. 7], «Стачечное движение уральских рабочих в 70-е гг. XIX в.» [Там же, д. 171], «Наш край в годы Великой Отечественной войны Советского Союза» [Там же, д. 172], «Как строили социализм рабочие и крестьяне нашей области» [Там же, д. 173].

Отложились и документы о работе кафедры истории СССР ЧГПИ [Там же, д. 190–192] в их числе характеристики преподавателей кафедры истории СССР за 1960–1981 гг., выписки из протоколов заседаний кафедры по кадровым вопросам.

В фонде сохранились и несколько внешних отзывов на статьи аспирантов кафедры истории СССР ЧГПИ В. Я. Рушанина, М. А. Чулкиной, Т. А. Андреевой [Там же, д. 197].

О фронтовом прошлом Четина позволяют узнать не только его письма с фронта родственникам, но и письма его военных товарищей уже в мирное время [Там же, д. 226–228] и письма совета ветеранов по разным общественным вопросам [Там же, д. 230].

Отложились и визуальные источники. 70 дел описи № 2 представлены фотодокументами. Фотоснимки можно систематизировать следующим образом:

1) фото разных лет самого Четина;

2) фотоснимки коллектива исторического факультета ЧГПИ в разные годы, праздничные шествия и демонстрации;

3) фотографии исторических памятников в Златоусте и Свердловске;

4) фотокопии, отражающие строительство соцгорода ЧТЗ;

5) фотокопии участников революционного движения на Южном Урале.

Фонд В. Е. Четина может быть полезен для работы российских историографов над региональными темами, связанными с историей горнозаводского Урала. В Объединенном архиве Челябинской области это единственный личный фонд ученого-историка, поэтому вопросы его содержания и проблемы изучения имеют принципиальный характер для историографов.

В уральских архивах личных фондов историков не так много. Еще в 1990 г. свердловский историк и библиограф А. И. Серов отмечал, что «нашей бедой является наше отношение к своим личным архивам. В большинстве случаев они не систематизированы и не обработаны. Всем этим делом нам заниматься просто некогда, передавать эти россыпи на гос. хранение неловко. В конце концов они достаются наследникам, из них незаметно исчезают отдельные составные части, а в ряде случаев они вообще исчезают из поля зрения науки» [Серов, 1990, с. 5].

Изучение личных архивов ученых (не только историков), позволяет выявить основные вехи их жизненного и научного пути. По справедливому замечанию английских историков и архивистов, «архивы и архивные документы, сохраняя аутентичные свидетельства прошлого того или иного общества, так или иначе формируют социальную память» [Блоуин, Розенберг, 2017, с. 27]. Личные архивы сохраняют память, как правило, об одном конкретном человеке и его личной и трудовой жизни. О людях, принадлежащих к корпорации ученых-исследователей, на наш взгляд, следует знать. Историки и архивисты

в конечном итоге должны стремиться к единой цели – к публикации и актуализации документального наследия. Наша обзорная статья, возможно, внесет свой вклад в это важное дело.

Автократов В. Н. Общая теория архивоведения // Вопр. ист. 1973. № 8. С. 59–72.

Батищев С. Д. Фронтовые письма Василия Егоровича Четина: к публикации источника // Архив в социуме – социум в архиве: материалы 3-й регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск : [б. и.], 2020. С. 385–387. (а)

Батищев С. Д. Уральское отделение Археографической комиссии Академии наук СССР: публикация источников из фонда историка В. Е. Четина // Magistra Vitae: электрон. журн. по историч. наукам и археологии. 2020. № 1. С. 133–152. (б)

Батищев С. Д. Кандидатская диссертация В. Е. Четина «Рабочее движение в Пермской губернии 1861–1870 гг.» в отзывах научного сообщества // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIV Всерос. науч. конф. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : ООО Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 100–108. (в)

Блоуин Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2017.

Мазур Л. Н. Документальная память: свойства, структура, проблемы актуализации // Архив в социуме – социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск : [б. и.], 2018. С. 13–17.

Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-944. Четин Василий Егорович.

Серов А. И. Введение // Летописцы родного края. Очерки об исследователях истории Урала. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 3–6.

Четин В. Е. Об эволюции уровня зарплаты уральских рабочих в 1861–1904 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1974.

УДК 94(470):355

Е. В. Левашова, А. М. Сафронова

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются нормы Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», принятого в 1998 г., в который до конца 2020 г. внесено 127 изменений и дополнений. Этот закон регламентирует один из видов государственной службы, входящих в систему государственной службы РФ. Это единственная госслужба, в которую граждане принимаются не только по контракту, добровольно, но и по призыву в возрасте от 18 до 27 лет. В связи с этим в законе подробно раскрываются понятие «воинская обязанность», особенности зачисления на военную

© Левашова Е. В., Сафронова А. М., 2021

службу, ее прохождения, определяются воинские должности и звания, предельный возраст пребывания на военной службе и другие вопросы.

Ключевые слова: федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», военная служба, воинская обязанность, служба по призыву и по контракту, составы военнослужащих, воинские звания, сроки службы, зачисление в запас.

Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в нашей стране впервые введены понятия «система государственной службы» и «виды государственной службы». Этим законом было установлено три вида государственной службы: гражданская, военная и правоохранительная (О системе…, 2003, ст. 2). Но законом от 13 мая 2015 г. № 262-ФЗ в эту статью была внесена поправка, и вместо «правоохранительной службы» введено понятие «государственная служба иных видов». Если государственная гражданская служба подразделяется на федеральную и госслужбу субъектов РФ, то военная служба и служба иных видов, согласно ст. 2 закона, являются только федеральными. Организация каждого вида госслужбы РФ регламентируется особым федеральным законом.

Раньше других, 28 марта 1998 г., в стране был принят федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» [О воинской обязанности…, 1998] За годы его действия (по декабрь 2020 г.) в него внесено 127 изменений и дополнений. Этот закон объемен, он состоит из IX разделов и 65 статей. Для более четкого представления о структуре закона перечислим названия его разделов:

I. Общие положения (ст. 1–7); II. Воинский учет (ст. 8–10); III. Обязательная и добровольная подготовка гражданина к военной службе (ст. 11–21); IV. Призыв граждан на военную службу (ст. 22–31); V. Поступление на военную службу по контракту (ст. 32–35); VI. Военная служба (ст. 36–49); VII. Увольнение с военной службы (ст. 50–51.1); VIII. Запас Вооруженных Сил Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ст. 51.2 – 57); IX. Заключительные положения (ст. 58–65).

В целом нормы Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» раскрывают сущность понятия воинская обязанность, регламентируют порядок призыва и поступления на военную службу по контракту, прохождение службы и увольнение с нее, пребывание в запасе.

Поскольку военная служба является одним из важных составляющих системы государственной службы Российской Федерации,

самостоятельным видом государственной службы нашей страны, взаимосвязанным с другими ее видами, важно представлять, как федеральное законодательство регулирует основы ее организации.

В соответствии с нормами Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» воинская обязанность граждан России предусматривает: воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв на военную службу, ее прохождение по призыву, пребывание в запасе, призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе. В период мобилизации, военного положения и в военное время воинская обязанность граждан предусматривает призыв на военную службу, ее прохождение и военное обучение в этот период [Там же, ст. 1, п. 2].

Исполнение гражданами воинской обязанности обеспечивают в пределах своей компетенции органы государственной власти, иные госорганы, органы местного самоуправления и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности и их должностные лица [Там же, п. 6].

Ст. 2 закона раскрывает понятия «военная служба» и «военнослужащие». Военная служба – это особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в Вооруженных Силах Российской Федерации и в войсках национальной гвардии РФ, в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны (МЧС), Службе внешней разведки РФ, органах ФСБ, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета РФ и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранными гражданами – в Вооруженных силах РФ и воинских формированиях.

Вооруженные силы РФ состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, в которые входят виды и рода войск Вооруженных сил РФ, тыла Вооруженных сил РФ, войска, не входящие в эти виды и рода войск [см.: Виды Вооруженных сил РФ]. В состав ВС РФ входят три отдельных вида войск: Сухопутные войска, Воздушно-космические силы, Военно-морской флот; Специальные войска и три отдельные рода войск (Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), Войска воздушно-космической обороны, Воздушно-десантные войска) [см.: Виды и рода войск в России].

Согласно ст. 4 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. штатная численность военнослужащих Вооруженных сил РФ устанавливается Президентом РФ. Согласно российским официальным данным, численность Вооруженных сил по состоянию на 2018 г. составляла 1 902 758 чел., из которых только 1 013 628 были военнослужащими. Остальные лица являлись гражданским персоналом [Жуковский].

Военную службу проходят граждане РФ по призыву и в добровольном порядке (по контракту); иностранные граждане – только по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами в Вооруженных силах РФ и воинских формированиях. Поправка закона в отношении допуска к военной службе РФ иностранных граждан была внесена в Федеральный закон 1998 г. 11 ноября 2003 г. [О воинской обязанности…, 1998, ст. 2, п. 2].

В отличие от других видов государственной службы, призыву на военную службу подлежат все граждане мужского пола от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять и не пребывающие в запасе [Там же, ст. 22, п. 1].

Первоначальная постановка на воинский учет граждан осуществляется в период с 1 января по 31 марта в год достижения ими возраста 17 лет комиссиями по постановке граждан на воинский учет. Комиссии создаются в муниципальных районах, муниципальных и городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения решением высшего должностного лица субъекта РФ по представлению военного комиссара [Там же, ст. 9, п. 1]. Девушек ставят на воинский учет в случае, если они имеют военно-учетную специальность, на протяжении всего года [Там же, п. 4].

Для постановки на учет создается специальная комиссия, которая организовывает медицинское освидетельствование граждан, определяет их годность к военной службе по состоянию здоровья, проводит мероприятия по профессиональному психологическому отбору для определения их пригодности к подготовке по военно-учетным специальностям и принимает решение о постановке гражданина на воинский учет либо вносит на рассмотрение призывной комиссии вопрос о зачислении в запас гражданина, признанного ограниченно годным к военной службе, или вопрос об освобождении от исполнения воинской обязанности признанного негодным к военной службе. Председатель комиссии или по его поручению секретарь комиссии обязан объявить гражданам решение комиссии и разъяснить их обязанности по воинскому учету [Там же, п. 6–7].

За уклонение от призыва на военную службу предусмотрена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса РФ – штраф в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы, иного дохода за период до 18 месяцев или принудительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до 6 месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет [см.: Уголовный кодекс…, 1996, ст. 328].

Отсрочка от призыва на военную службу предоставляется:

а) признанным временно не годными к военной службе по состоянию здоровья – на срок до одного года;

б) занятым постоянным уходом за отцом, матерью, женой, родным братом или сестрой, дедушкой, бабушкой или усыновителем, если отсутствуют другие лица, обязанные по закону содержать этих граждан, а также при условии, что последние не находятся на полном гособеспечении и нуждаются по состоянию здоровья в соответствии с заключением федерального учреждения медико-социальной экспертизы по месту жительства граждан, призываемых на военную службу, в постоянном постороннем уходе (помощи, надзоре);

б.1) являющимся опекуном или попечителем несовершеннолетнего родного брата или несовершеннолетней родной сестры при отсутствии других лиц, обязанных по закону содержать их;

в) имеющим ребенка и воспитывающим его без матери ребенка;

г) имеющим двух и более детей;

д) имеющим ребенка-инвалида в возрасте до трех лет;

з) поступившим на службу в органы внутренних дел, Государственную противопожарную службу, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, органы принудительного исполнения и таможенные органы РФ непосредственно по окончании образовательных организаций высшего образования этих органов и учреждений, при наличии у них высшего образования и специальных званий – на время службы в указанных органах и учреждениях;

з.1) поступившим в войска национальной гвардии РФ непосредственно по окончании образовательных организаций высшего образования, при наличии у них высшего образования и специальных званий – на время службы в указанных войсках;

и) имеющим ребенка и жену, срок беременности которой составляет не менее 22 недель;

к) избранным депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, депутатами законодательных (представительных) органов госвласти субъектов РФ, депутатами представительных органов муниципальных образований или главами муниципальных образований и осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, – на срок полномочий в этих органах;

л) зарегистрированным в качестве кандидатов на замещаемые через прямые выборы должности или на членство в органах (палатах органов) госвласти или органах местного самоуправления, – на срок до дня официального опубликования (обнародования) общих результатов выборов включительно, а при досрочном выбытии – до дня выбытия включительно.

Право на отсрочку от призыва на военную службу имеют также граждане, которые обучаются очно в образовательных организациях и научных организациях, имеющих государственную аккредитацию, по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры [О воинской обязанности…, 1998, ст. 24].

Призыв на военную службу граждан, не пребывающих в запасе, осуществляется два раза в год с 1 апреля по 15 июля и с 1 октября по 31 декабря на основании указов Президента РФ. Граждане, проживающие в отдельных районах Крайнего Севера или местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, призываются на военную службу с 1 мая по 15 июля или с 1 ноября по 31 декабря. Граждане, проживающие в сельской местности и непосредственно занятые на посевных и уборочных работах, призываются с 15 октября по 31 декабря; педагогические работники образовательных организаций – с 1 мая по 15 июля [Там же, ст. 25, п. 1].

Военная служба по призыву длится один год. В некоторых случаях ее можно заменить на альтернативную гражданскую службу продолжительностью два года. Это особый вид трудовой деятельности, осуществляемый гражданами взамен военной службы по призыву и регулируемый специальным законом [Об альтернативной…, 2002]. Для прохождения альтернативной службы нужно лично подать заявление в военный комиссариат о желании замены военной службы на альтернативную гражданскую.

Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной, если:

– несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию;

– он относится к коренному малочисленному народу РФ, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционную хозяйственную деятельность и занимается традиционными промыслами коренных малочисленных народов РФ [Там же, ст. 2].

Но на альтернативную гражданскую службу не направляются граждане, которые имеют основания для освобождения от призыва на военную службу, не подлежат призыву на военную службу, имеют основания для предоставления отсрочки от призыва [Там же, ст. 3].

На военную службу можно поступить и в добровольном порядке по контракту, чему посвящен разд. V Федерального закона 1998 г. (ст. 32–35). Здесь перечислены требования, предъявляемые к гражданам, поступающим на военную службу по контракту: «Гражданин (иностранный гражданин) должен владеть государственным языком Российской Федерации, а также соответствовать медицинским и профессионально-психологическим требованиям военной службы к конкретным военно-учетным специальностям. Для определения соответствия гражданина установленным требованиям проводятся медицинское освидетельствование и мероприятия по профессиональному психологическому отбору» [О воинской обязанности…, 1998, ст. 33, п. 1].

Военную службу по контракту могут проходить как мужчины, так и женщины. В настоящее время в российской армии женщины в качестве военнослужащих проходят службу по более чем 150 специальностям во всех видах и родах войск. Преимущественное количество воинских должностей женщины занимают в военно-учебных заведениях, подразделениях связи, медицинской, вещевой и продовольственной службах Вооруженных сил РФ [Арзамасцев, 2020].

Контракт о прохождении военной службы заключается между гражданином и от имени Российской Федерации – Министерством обороны РФ, иным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых предусмотрена военная служба. Контракт заключается письменно по типовой форме [О воинской обязанности…, 1998, ст. 32, п. 1].

В контракте о прохождении военной службы закрепляются добровольность поступления гражданина (иностранного гражданина) на военную службу, срок, в течение которого он обязуется проходить службу, условия контракта, воинское звание, фамилия, имя и отчество гражданина, заключающего контракт, число, месяц и год его рождения. Условия контракта включают в себя также обязанность гражданина (иностранного гражданина) добросовестно исполнять все общие, должностные, специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами РФ, закрепляется право на соблюдение прав военнослужащего и прав членов его семьи, включая получение социальных гарантий, компенсаций. В контракте оговаривается и порядок прохождения военной службы [Там же, п. 2–3].

Контракт о прохождении военной службы вправе заключать граждане в возрасте от 18 до 40 лет; иностранные граждане – от 18 до 30 лет, причем последние лишь один раз [Там же, ст. 34, п. 1].

Для поступивших на военную службу по контракту в целях проверки их соответствия требованиям, определяющим общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, устанавливается испытание сроком на три месяца. В этот срок не засчитываются периоды, когда военнослужащий фактически отсутствовал в воинской части или установленном за пределами воинской части месте военной службы, а также время отбывания дисциплинарного ареста [Там же, ст. 34.1, п. 1].

Если в течение срока испытания будет установлено, что военнослужащий не соответствует установленным требованиям, он признается командиром (начальником) воинской части не прошедшим испытание и увольняется с военной службы (направляется для прохождения военной службы по призыву). По истечении срока испытания военнослужащий считается выдержавшим его и продолжает военную службу [Там же, п. 3–4].

Срок военной службы для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, составляет 12 месяцев. Для лиц, заключающих контракт, сроки службы устанавливаются различные в зависимости от воинской должности. Первый контракт о прохождении военной службы заключается:

– с военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, или иным гражданином, поступающим на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание солдата, матроса, сержанта, старшины, – на два года или три года по выбору гражданина; с иностранным гражданином – на пять лет.

– с поступающим на военную службу на воинскую должность, предусматривающей воинское звание прапорщика, мичмана или офицера, – на пять лет;

– с военнослужащим, обучающимся в военном вузе – на период обучения и пять лет военной службы после получения высшего образования;

– с обучающимся по программе подготовки военного специалиста среднего звена – на период обучения и три года военной службы, а в случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы, – пять лет военной службы после получения среднего профессионального образования;

– с гражданином, прошедшим обучение по программе военной подготовки в военном учебном центре при федеральной государственной образовательной организации высшего образования и поступающим сразу же на военную службу на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера, – на три года

или пять лет. Последующие контракты могут заключаться на разные сроки или на неопределенный срок (до наступления предельного возраста пребывания на военной службе) [Там же, ст. 38, п. 1, 3, 5].

Для военнослужащих устанавливаются военная форма одежды и знаки различия по воинским званиям военнослужащих, они утверждаются Президентом Российской Федерации. Знаки различия по видам Вооруженных Сил, родам войск и службам, конкретным воинским формированиям по их функциональному предназначению, персонифицированные знаки различия, правила ношения военной формы и знаков различия определяются министром обороны РФ, руководителем иного федерального органа исполнительной власти или федерального госоргана, в которых предусмотрена военная служба. Федеральные органы, в которых предусмотрена военная служба, вправе определять случаи, когда военнослужащие при исполнении своих обязанностей могут носить гражданскую, специальную, форменную или иную одежду, не относящуюся к военной форме, устанавливать требования к этой одежде. Военнослужащий вправе не носить военную форму одежды вне воинской части, на отдыхе, в увольнении или отпуске [ст. 39, п. 1–2].

Федеральный закон устанавливает круг граждан РФ, приводящихся к Военной присяге на верность своему Отечеству перед Государственным флагом Российской Федерации и Боевым Знаменем воинской части. Это военнослужащий, проходящий военную службу по призыву или впервые поступивший на военную службу по контракту; не проходивший военной службы и впервые призванный на военные сборы; гражданин, обучающийся в военном учебном центре по программе военной подготовки и проходящий учебные сборы; гражданин, обучающийся в военной образовательной организации высшего образования по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса и проходящий учебные сборы [Там же, ст. 40, п. 1].

Иностранный гражданин, поступивший на военную службу, дает обязательство «соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников, достойно исполнять воинский долг» [Там же, п. 3].

Ст. 42 Федерального закона 1998 г. посвящена воинским должностям. Военнослужащий может занимать только одну воинскую должность, каждой из которых соответствует одно воинское звание. Единый перечень воинских должностей, подлежащих замещению высшими офицерами, и общее количество воинских должностей, подлежащих замещению полковниками, капитанами 1 ранга, утвер-

ждаются Президентом РФ. Перечни иных воинских должностей утверждаются в порядке, определенном министром обороны РФ, руководителем иного федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в которых предусмотрена военная служба [Там же, ст. 42, п. 1–2].

В перечнях воинских должностей определяются должности, которые замещаются на конкурсной основе; должности, которые могут замещаться военнослужащими женского пола, военнослужащими, являющимися иностранными гражданами, гражданским персоналом, а также должности, которые не могут замещаться военнослужащими, являющимися гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства [Там же, ст. 42, п. 3].

Военнослужащий может проходить военную службу и не на воинских должностях в случаях: нахождения в распоряжении командира (начальника) – не более трех месяцев; нахождения в его распоряжении в связи с проведением организационно-штатных мероприятий – не более шести месяцев; нахождения в распоряжении командира (начальника) в связи с возбуждением уголовного дела – до вынесения решения по этому делу. Федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента РФ могут быть установлены другие случаи прохождения военнослужащим военной службы не на воинских должностях [Там же, п. 4].

Назначение на воинские должности и освобождение от воинских должностей высших офицеров осуществляются указами Президента РФ; остальных военнослужащих – в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы [см.: Положение…, 1999, ст. 11, 34]. На военнослужащего может быть возложено временное исполнение обязанностей по воинской должности, которую он не занимает, с освобождением его от исполнения обязанностей по занимаемой должности. Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, вправе предложить на рассмотрение аттестационной комиссии свою кандидатуру для назначения на освобождающуюся или вакантную воинскую должность [О воинской обязанности…, 1998, ст. 43, п. 1–3].

Военнослужащие могут быть переведены для дальнейшего прохождения военной службы: из Вооруженных Сил РФ в федеральный орган исполнительной власти или федеральный госорган, в которых предусмотрена военная служба, и наоборот, из этих органов в Вооруженные Силы; из одного федерального органа исполнительной власти или федерального госоргана, в другие, в которых предусмотрена военная служба [Там же, ст. 44, п. 2].

В законе перечислены составы военнослужащих и воинские звания, которые делятся на войсковые и корабельные. По составу военнослужащие делятся на три группы: рядовые, прапорщики и мичманы, офицеры. Группа офицеров, в свою очередь, подразделяется на младших, старших и высших. Завершает пирамиду маршал РФ. Военнослужащим как войсковым, так и корабельным присваивается одно из 19 воинских званий, которые привязываются к должности (табл. 1) [Там же, ст. 46, п. 1].

Таблица 1.

Воинские звания в Вооруженных силах РФ

Составы военнослужащих	Воинские звания	
	войсковые	корабельные
Солдаты, матросы, сержанты, старшины	рядовой ефрейтор младший сержант сержант старший сержант старшина	матрос старший матрос старшина 2 статьи старшина 1 статьи главный старшина главный корабельный старшина
Прапорщики и мичманы	прапорщик старший прапорщик	мичман старший мичман
Офицеры:		
младшие офицеры	младший лейтенант лейтенант старший лейтенант капитан	младший лейтенант лейтенант старший лейтенант капитан-лейтенант
старшие офицеры	майор подполковник полковник	капитан 3 ранга капитан 2 ранга капитан 1 ранга
высшие офицеры	генерал-майор генерал-лейтенант генерал-полковник генерал армии	контр-адмирал вице-адмирал адмирал адмирал флота
	Маршал Российской Федерации	

Перед воинским званием военнослужащего, проходящего военную службу на гвардейском корабле или в гвардейской воинской части, добавляется слово «гвардии». Слова «юстиции» или «медицинской службы» добавляются к воинскому званию военнослужащего или гражданина, который имеет военно-учетную специальность

юридического или медицинского профиля; если военнослужащий находится в отставке или запасе, добавляются слова «запаса» или «в отставке». Запрещается вводить специальные звания или классные чины для лиц, не являющихся военнослужащими [Там же, п. 2–5].

Ст. 47 Федерального закона регламентирует порядок присвоения воинских званий. Воинские звания высших офицеров присваиваются Президентом РФ; старших офицеров – должностными лицами в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы. Сроки военной службы в воинских званиях и порядок их присвоения также определяются Положением о порядке прохождения военной службы [см.: Положение…, 1999, ст. 8–11].

Очередное воинское звание присваивается военнослужащему в день истечения срока его военной службы в предыдущем звании, если он занимает воинскую должность, для которой предусмотрено воинское звание, равное или более высокое, чем воинское звание, присваиваемое военнослужащему. Оговариваются случаи, когда очередное воинское звание не может быть присвоено военнослужащему [О воинской обязанности, 1998, ст. 47, п. 1–2].

Устанавливается, что очередное воинское звание военнослужащему может быть присвоено досрочно за особые личные заслуги, но не выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой им воинской должности. Если срок военной службы в присвоенном воинском звании истек, то за особые личные заслуги воинское звание может быть присвоено на одну ступень выше предусмотренного штатом для занимаемой должности, но не выше воинского звания майора или капитана 3 ранга [Там же, п. 4–5].

Военнослужащему, имеющему ученую степень и (или) ученое звание, занимающему воинскую должность педагогического работника в военной профессиональной образовательной организации или военном высшем учебном заведении, либо научного работника в них или в научной организации, – не выше воинского звания полковника или капитана 1 ранга [Там же, п. 5].

При поступлении на военную службу гражданина, проходящего либо проходившего службу в МВД, органах прокуратуры РФ, Следственном комитете РФ, войсках национальной гвардии РФ, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах принудительного исполнения РФ или иных правоохранительных органах и имеющего специальное звание (классный чин прокурорского работника), воинское звание ему присваивается в порядке, определенном Положением о порядке прохождения военной службы [см.: Положение…, 1999, ст. 17].

Военнослужащий, гражданин, пребывающий в запасе или находящийся в отставке, может быть лишен воинского звания только по приговору суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления и восстановлен в прежнем воинском звании в случае реабилитации или изменения (отмены) приговора суда [О воинской обязанности…, 1998, ст. 48, п. 1–2].

В ст. 49 закона устанавливается предельный возраст пребывания на военной службе для:

– Маршала РФ, генерала армии, адмирала флота, генерал-полковника, адмирала – 65 лет;

– генерал-лейтенанта, вице-адмирала, генерал-майора, контр-адмирала – 60 лет;

– полковника, капитана 1 ранга – 55 лет;

– военнослужащего, имеющего иное воинское звание – 50 лет.

Для женщин предельный возраст пребывания на военной службе – 45 лет.

С военнослужащими, достигшими предельного возраста пребывания на военной службе, может заключаться новый контракт о прохождении военной службы. Для маршала РФ, генерал-полковника, адмирала флота, генерала армии, адмирала – 70 лет, а для лиц, имеющих иное воинское звание, – до достижения ими возраста 65 лет [Там же, ст. 49, п. 3].

В ст. 52 подробно перечисляются все категории граждан, подлежащих зачислению в запас, а ст. 53 подразделяет граждан, пребывающих в запасе, на три разряда с определением возрастных границ пребывания в каждом из разрядов (табл. 2).

Граждане женского пола, пребывающие в запасе, имеющие воинские звания офицеров, пребывают в запасе до достижения ими возраста 50 лет, а остальные – до достижения ими возраста 45 лет.

Граждане, пребывающие в запасе, для подготовки к военной службе могут призываться на военные сборы, от них освобождаются граждане женского пола. Ст. 54–56 регламентируют вопросы проведения военных сборов. Военные сборы подразделяются на учебные и сборы по проверке боевой и мобилизационной готовности воинских частей и военных комиссариатов.

Министерством обороны РФ либо органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых предусмотрена военная служба, определяется продолжительность военных сборов, место и время их проведения. Продолжительность военных сборов не может превышать два месяца, а периодичность призыва граждан на них – не чаще одного раза в три года, за исключением граждан, пребывающих в резерве [Там же, ст. 54, п. 3–4].

Таблица 2.

Составы запаса ВС РФ и возраст граждан, пребывающих в запасе

Составы запаса (воинские звания)	Возраст граждан, пребывающих в запасе		
	первый разряд	второй разряд	третий разряд
Солдаты, матросы, сержанты, старшины, прапорщики и мичманы	до 35 лет	до 45 лет	до 50 лет
Младшие офицеры	до 50 лет	до 55 лет	до 60 лет
Майоры, капитаны 3 ранга, подполковники, капитаны 2 ранга	до 55 лет	до 60 лет	до 65 лет
Полковники, капитаны 1 ранга	до 60 лет	до 65 лет	
Высшие офицеры	до 65 лет	до 70 лет	

По общим основаниям увольнение с военной службы высших офицеров осуществляется Президентом РФ, военнослужащих в воинских званиях до полковников, капитанов 1 ранга включительно – в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы [см.: Положение…, 1999, ст. 34]. Военнослужащие увольняются с военной службы в запас, а военнослужащие, достигшие к моменту увольнения предельного возраста пребывания в запасе или признанные не годными к военной службе по состоянию здоровья, – в отставку [О воинской обязанности…, 1998, п. 1–2]. В ст. 51 закона устанавливаются основания увольнения с военной службы.

Таким образом, рассмотрение норм Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» даже в кратком виде показывает, что он всесторонне регламентирует все вопросы организации военной службы как вида государственной службы РФ и раскрытие этих норм позволяет проводить сравнение с соответствующими нормами федеральных законов о других видах государственной службы России и выявлять их особенности.

Арзамасцев Н. И. Особенности конституционно-правового статуса военнослужащих-женщин // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 27–30.

Виды Вооруженных сил РФ // Министерство обороны Российской Федерации (сайт). URL: https://structure.mil.ru/structure/forces/type.htm (дата обращения: 06.01.2021).

Виды и рода войск в России // Войсковые части России. URL: https://voinskayachast.net/articles/vidy-i-roda-voysk-v-rossii (дата обращения: 06.01.2021).

Жуковский И. Армия сократилась на три сотни // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/army/2018/01/01/11592842.shtml (дата обращения: 13.06.2021).

О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 22.12.2020 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 30.01.21).

О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 06.01.2021).

Об альтернативной гражданской службе: федер. закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37866/ (дата обращения:26.12.20).

Об обороне: федер. закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 08. 12. 2020) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения:26.12.20).

Положение о порядке прохождения военной службы: утв. указом Президента РФ от 16.09.1999 (с изменениями на 21.12.2020) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24400/ (дата обращения: 26.12.20).

Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-Ф // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения:26.12.20).

УДК 94(470):378.12

Е. Логинова, М. В. Плетнева

ОСОБЕННОСТИ ПОДБОРА И ОТБОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

(на примере ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

В статье представлен опыт подбора и отбора педагогических работников в Российском государственном профессионально-педагогическом университете. Дана характеристика основным особенностям этого процесса с учетом специфики образовательного учреждения. Проанализирован комплекс локальной нормативной базы организации.

Ключевые слова: педагог, управление персоналом, менеджмент, собеседование.

© Логинова Н. Е., Плетнева М. В., 2021

Управление персоналом в целом, подбор и отбор кандидатов в частности – актуальные проблемы любой организации во все времена. Эффективность работы предприятия напрямую зависит от кадровой политики, качества выбранных методов подбора и отбора сотрудников. В образовательных учреждениях система управления персоналом и деятельность по подбору и отбору педагогических работников является приоритетной, поскольку формирование трудового коллектива напрямую влияет на достижение основных целей организации: удовлетворение потребностей общества и государства в квалифицированных специалистах по основным направлениям общественно полезной деятельности, обеспечение модернизации и развития системы образования [Об образовании…, 2012].

Процедура подбора и отбора персонала образовательного учреждения представляет собой совокупность мер по поиску и привлечению кандидатов, обладающих определенным набором качеств, знаний и навыков, и имеет свою специфику. Подбор персонала как этап процесса формирования трудового коллектива нацелен на создание резерва кадров для конкретной должности и включает в себя оценку потребности образовательного учреждения в кадрах, формулировку требований к кандидату, анализ и выбор источников поиска персонала, непосредственный поиск кандидатов, обладающих необходимыми качествами, и формирование с ними деловых контактов. А на этапе отбора осуществляется оценка профессиональной и личной пригодности претендентов, из которых определяется наиболее подходящий по критериям кандидат на вакантную должность.

Подбор и отбор педагогических работников образовательного учреждения может осуществляться за счет внешних и внутренних источников. При выборе источника заполнения вакантной должности необходимо учитывать вероятность возникновения как положительных, так и отрицательных последствий в решении кадровых вопросов организации.

Использование внутренних источников предполагает заполнение вакансий сотрудниками, находящимися в штате учреждения (посредством перевода на вакантную должность или их совмещения). Внутренние источники гарантируют сохранение сильного персонала, дают возможность для карьерного роста сотрудников, целенаправленного развития их навыков. Вместе с тем, подбор персонала через внутренние источники имеет свои недостатки: возможность возникновения напряженности или соперничества в коллективе, ограниченный выбор кандидатов, появление фамильярности при решении деловых вопросов [Шлендер и др., 2017, с. 109].

Пополнение штата учреждения за счет внешних источников предусматривает привлечение кандидатов на вакантные должности со стороны, не связанных трудовыми отношениями с учреждением. К внешним источникам относятся биржи труда, частные кадровые агентства, СМИ, интернет, кандидаты по рекомендациям работников. Внешние источники позволяют осуществлять отбор из большего числа кандидатов, но вместе с тем требуют больших затрат на подбор кадров, а период адаптации кандидатов на рабочем месте в сравнении с кадрами из внутренних источников протекает значительно дольше [Там же, с. 110].

Поскольку привлечение педагогического персонала на вакантные должности часто осложняется недостаточным уровнем оплаты труда, неудовлетворительными условиями работы, нехваткой квалифицированных и мотивированных кадров на рынке труда, оптимальными методами подбора персонала в образовательное учреждение являются: размещение объявлений в профессиональных газетах, журналах, на сайте самого образовательного учреждения, а также сервисах и порталах по поиску работы; обращение в городские и районные центры занятости населения, на биржу труда; информирование руководителей учреждений-партнеров, сотрудников своей организации о вакансиях; привлечение к работе через производственную практику и стажировку молодых специалистов, отвечающих требованиям вакансий.

Этап отбора персонала представляется наиболее важным; только при правильном его выполнении можно обеспечить учреждение необходимыми кадрами, а также в значительной степени обеспечить формирование благоприятного социально-психологического климата в организации. Именно он влияет на степень честности, открытости, доверия, которые формируются в команде, степень активности сотрудников, их вклад в достижение целей, уважение ценностей, ответственность за результат деятельности [Баранова, 2015, с. 81].

Конкурсный отбор является одной из особенностей отбора кандидатов на вакантные должности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу. Конкурс на замещение вакантной должности осуществляется на основании Положения о порядке замещения должностей [Об утверждении положения…, 2015]. Каждое образовательное учреждение разрабатывает собственные локальные акты о проведении процедуры замещения вакантных должностей.

Деятельность ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (далее – РГППУ) направлена на формирование у обучающихся профессиональных компетенций, обеспечивающих высокую конкурентоспособность на рынке труда.

Именно квалифицированный профессорско-преподавательский состав позволяет организовать качественный образовательный процесс.

Процедура проведения конкурсного отбора на вакантные должности педагогических работников РГППУ регламентирована Положением о порядке замещения должностей педагогических работников [Положение…, 2017]. Объявление конкурса происходит посредством публикации приказа ректора на сайте РГППУ, где указывается перечень должностей, на замещение которых объявляется конкурс, основные квалификационные требования к должностям [Об утверждении Единого…, 2011], сроки приема заявления для участия в конкурсе, место и дата проведения самого конкурсного отбора. Кандидаты на вакантные должности вместе с заявлением предоставляют полный комплект документов, в который входят: паспорт; документы об образовании, ученой степени, ученом звании; трудовая книжка; справка о наличии (отсутствии) судимости; медицинское заключение об отсутствии ограничений на занятие трудовой деятельностью в сфере образования; документы о повышении квалификации за последние три года и иные документы по усмотрению претендента для повышения своей конкурентоспособности: список опубликованных учебных изданий и научных трудов, перспективные планы развития, самоотчеты и прочее.

Претендент не допускается к участию в конкурсе в случае несоответствия требованиям, предъявляемым к вакантной должности, непредъявления установленных документов, а также нарушения сроков их подачи. Процедура конкурсного отбора включает в себя три этапа: рассмотрение документов кандидатов на заседании кафедры, рассмотрение документов кандидатов на заседании Комиссии Ученого совета университета и рассмотрение кандидатур претендентов на заседании Ученого совета университета.

Первый этап предполагает заседание кафедры – заведующий кафедрой докладывает присутствующим о претендентах и представленных ими документах, а члены кафедры выступают по каждой кандидатуре. Кафедра на своем заседании принимает по каждому претенденту решение – рекомендовать к избранию на должность или нет. Независимо от принятого решения документы претендентов на вакантные должности вместе с выпиской из протокола заседания, в которой отражен ход обсуждения кандидатур, принятые решения и результаты голосования, передаются в Комиссию Ученого совета университета по выборам и конкурсному отбору не позднее двух недель до окончания сроков проведения конкурса [Положение…, 2017, с. 4–5]. На втором этапе конкурсного отбора Комиссия Ученого совета университета осуществляет экспертизу документов претенден-

тов на вакантные должности. Процедура экспертизы осуществляется на основании выписки из протокола заседания кафедры и включает в себя оценку соответствия полноты и правильности оформления документов установленным требованиям, анализ документов и выработку обобщенной оценки профессиональной деятельности. Комиссия принимает по каждому из претендентов решение – рекомендовать к избранию на должность или нет. Решение Комиссии Ученого совета носит исключительно рекомендательный характер и не препятствует проведению конкурса Ученым советом [Там же, с. 5–6].

Заключительный этап отбора состоит в рассмотрении кандидатур претендентов на заседании Ученого совета РГППУ. Претенденты имеют право присутствовать на заседании при рассмотрении их кандидатур, поэтому своевременно информируются о дате, времени и месте проведения заседания. Решение об избрании по конкурсу на должность принимается голосованием. Избранным считается претендент, получивший более половины голосов членов Ученого совета от числа принявших участие в голосовании при кворуме не менее 2/3 списочного состава совета. Если голосование проводилось по единственному претенденту, и он не набрал необходимого количества голосов, конкурс признается несостоявшимся. Если голосование проводилось по двум и более претендентам, и никто из них не набрал необходимого количества голосов, то проводится второй тур выборов, при котором голосование проводится по двум претендентам, получившим наибольшее количество голосов. В том случае, если при повторном голосовании никто из претендентов не набрал более половины голосов, конкурс также признается несостоявшимся [Там же, с. 8–9]. А с лицом, успешно прошедшим конкурсный отбор на должность педагогического работника, оформляются трудовые отношения в соответствии с законодательством.

Таким образом, грамотное проведение процедур подбора и отбора персонала образовательного учреждения позволяет избежать текучести кадров, создает основу ее эффективного функционирования и развития, способствует раскрытию инновационного потенциала организации, повышению качества образовательных услуг, созданию фундамента экономического и духовного процветания российского общества.

Баранова И. П. Профессиональный рекрутинг для образовательной среды высшей школы: возможности и ограничения // Педагогика и психология образования. 2015. № 3. С. 78–83.

Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.06.2021).

Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования»: приказ Мин-ва здравоохр. и соц. развития РФ от 11.01.2011 № 1н // Российская газ. URL: https://rg.ru/2011/05/13/spravochnik-dok.html (дата обращения: 14.06.2021).

Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: пост. Правительства РФ от 8.08.2013 № 678 // Гарант. URL: http://base.garant.ru/70429490/ (дата обращения: 14.06.2021).

Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу: приказ Минобрнауки России от 23.07.2015 № 749 // Гарант. URL: http://base.garant.ru/71222700/ (дата обращения: 14.06.2021).

Положение о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу от 26.06.2017 № 01-Р/76217. Екатеринбург : ФГАОУ ВО РГППУ, 2017.

Шлендер П. Э., Лукашевич В. В., Мостова В. Д. Управление персоналом : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

УДК 94(47).048/.05:327

Д. О. Манин

СПОРЫ РУССКИХ ПОСЛОВ О ТИТУЛАТУРЕ ЦАРЯ ПРИ ДВОРЕ ЛЮДОВИКА XIV

Статья посвящена изучению посольств как особой культурной практики раннего Нового времени в России. Акцент сделан на историю борьбы русских послов за признание титула «великие государи» (“*magni domini*”) при французском дворе. Основными источниками для работы стали статейные списки, дипломатические грамоты и материалы французских отчетов о посольствах. Рассмотрены механизмы этой борьбы, аргументы сторон, их взаимное восприятие, влияние международной обстановки и культурных стереотипов, а также дипломатических традиций. На основе проанализированного материала сделаны выводы об особенностях культурного инструментария членов посольств и их собеседников, а также о факторах влияния международной ситуации на дипломатическую борьбу.

Ключевые слова: Людовик XIV, русско-французские отношения, дипломатический церемониал, внешняя политика, Вестфальская система.

В современной исторической науке особое место занял эмический подход, который позволяет расширить представления историков

© Манин Д. О., 2021

о прошлом. Его сутью является осмысление событий прошлого посредством анализа их акторов и выбора этими акторами тех или иных культурных традиций [см.: Черутти, 2005]. Именно эмический подход к изучению такого культурного феномена как посольства, с нашей точки зрения, способен дать новые ответы на вопросы формирования системы международных отношений в раннее Новое время, демонстрируя изменения в поведении самих акторов рассматриваемого процесса. На сегодняшний день такое изучение наиболее актуально в связи с происходящим процессом переформатирования современной системы международных отношений. Сравнение современного процесса с событиями прошлого может помочь российскому обществу переосмыслить свою роль в меняющемся мире.

Несмотря на ранний интерес к истории русско-французских отношений, их научное изучение началось лишь на рубеже XIX–XX вв., когда интерес к проблематике рос в связи с формированием Антанты. Прежде всего это работы А. Н. Рамбо [Recueil des instructions…, 1890, p. 36–38] и П. В. Безобразова [Безобразов, 1892, с. 11], выполненные в характерном для рубежа веков позитивистском ключе и ставшие основой для некоторых современных исследований [см.: Малиновская, 2014; Архимандрит Августин, 2010]. Тем не менее, описательный характер работ мешает авторам дать непротиворечивую трактовку фактов и ответить на принципиальные для темы вопросы (например, почему отношения между странами сложились так поздно). Последним серьезным вкладом в фактологическую сторону вопроса стала статья В. Д. Преображенского [Преображенский, 1947]. Отдельные проблемы русско-французских отношений затрагивались и в современных публикациях по более широким проблемам дипломатической истории России [Флоря, 2013; История внешней политики…, 1999; От царства к империи…, 2015], в т. ч. касавшихся места России в Вестфальской системе [Кобзарева, 2017, с. 304]. Тем не менее, вопрос о месте России на международной арене остается не до конца ясным из-за отсутствия достаточно объемного изучения ее связей с основными державами Европы.

Целью представленной статьи является использование эмического подхода для восполнения вышеозначенного пробела в изучении дипломатических связей России с Францией, центром системы международных отношений второй половины XVII в. Особенность и новизна представленной статьи заключается в предельно конкретном предмете исследования (эволюция принципов и условий использования титула “*magnus dominus*”), а также особый акцент на акторах, принимавших прямое участие в рассматриваемых процессах.

Стоит подчеркнуть, что для русского монарха титулатура имела важное значение, особенно в условиях превращения России в государство современного типа (для которого ключевое значение имеет суверенитет). Именно титулатура фиксировала как территориальные представления царя, а соответственно и российского государства в его лице, так и его статус относительно соседей. Изначально титул «господаря» (эволюционировавшего в титул «государь») был переводом латинского титула "*dominus*" [Золтан, 2002, с. 558]. Именно такой латинский термин использовался для перевода русских грамот, где великий государь именовался "*magnus dominus*" [AE, CP, Russie, vol. 1, fol. 75] или в качестве других вариантов этого латинского словосочетания.

Во второй половине XVII в. международное признание России в Европе актуализировалось в связи с внешней политикой в отношении Речи Посполитой, а позже – Османской империи. Несмотря на прогабсбургскую в целом ориентацию России, русские круги никогда не исключали Францию из числа возможных союзников и отправляли к Людовику XIV посольства при любой возможности к сближению [см.: Кочегаров, 2008, с. 113]. Важно подчеркнуть, что само включение России в Вестфальскую систему было обусловлено ее союзом со Швецией [Recueil des instructions…, 1890, t. VIII, p. X], которая, в свою очередь, оставалась традиционным союзником Франции.

Тринадцатилетняя война России с Речью Посполитой (1654–1667), а также события Северной войны (1655–1660) привлекали внимание европейских держав к Восточной Европе, а в подготовке проекта Кардисского мира незадолго до своей смерти успел поучаствовать сам кардинал Мазарини [Губер, 2000, с. 409], способствуя сближению Речи Посполитой и Швеции против Австрии и России [Wójcik, 1968, s. 85]. Для руководителя Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина окончание Тринадцатилетней войны стало началом дипломатической войны за польский престол, где особую опасность представлял французский кандидат [Флоря, 2013, с. 409]. Отправляя посольства в Западную Европу, руководитель Посольского приказа не надеялся заключить с Францией перемирие в этом дипломатическом противостоянии [Wójcik, 1976, s. 130], но искал возможности к сближению на других направлениях – в балтийском и османском вопросах. В первом случае России была полезна переориентация Швеции в союзе с Францией на западное направление [Ibid., s. 238], во втором – громкие французские победы над османами в битве при Сен-Готарде 1664 г. и в ходе Кандийской войны (1645–1669) давали надежду на возможность успешного крестового похода против мусульман [Османская империя…, 2001, с. 165–166]. С такими целями во Францию была направлена миссия

П. И. Потемкина и дьяка С. Румянцева в 1668 г. Потемкин был опытным послом и активным участником войн с Речью Посполитой и Швецией. Хотя он и не мог быть отнесен к верхушке придворного общества, Потемкин имел с ней прочные связи, например, был вхож к патриарху [Седов, 2006, с. 46–47].

Интерес представляет способ описания статуса России и ее государя. Через наказ посольству А. Л. Ордин-Нащокин предписывал послу объявить королю и его советникам, что «*Великий Государь*, Его Царское Величество с *Великим Государем* их, с Его Королевским Величеством в братской дружбе и любви, на какове мере быти хочет» [Тайный наказ, 1850, с. 2], подчеркивая равный статус царя и его державы с королем и Францией [Там же, с. 4]. В наказе также расписывался алгоритм действий для обоснования такой титулатуры: основной акцент был сделан на защиту титулов «царь» и «самодержец», а полемика вокруг титула «великий государь» и прочих должна была повторять ее [Там же, с. 5–9]. Наказ рекомендовал при аргументации ссылаться на трансляцию статуса из Византии, вместе с регалиями – животворящим крестом и шапкой Мономаха (которая в русской концепции использовалась ранее для коронации всех греческих великих государей) [Там же, с. 8–9].

Проблемы с титулатурой в российской дипломатии возникали часто. В рамках посольства 1668 г. основанием для конфликта стал порядок титулов, написанных в полном объеме [Статейный список…, 1954, с. 282]. Впрочем, после подготовки новой грамоты оказались не упомянуты титулы «самодержца, отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя» [Там же, с. 288]. Показательно, что согласно статейному списку, трансляция статуса из Византии через Константина Мономаха не использовалась в качестве аргумента, а Потемкин обосновывал титулатуру через длительность существования России, ее контроль над бывшими татарскими ханствами (Казанским, Астраханским и Сибирским) и через признание титулатуры прочими монархами Европы [Там же, с. 290].

Третий вариант грамоты представляет собой вычищенный вариант предшествующего документа, против чего послы протестовали, однако титул уже был указан, причем, с их точки зрения, верно [Там же, с. 292] (после переписывания грамота была принята [Там же, с. 295]). Важно отметить, что исправления грамоты известны только по статейным спискам, а во французских отчетах приставов упоминается лишь отстаивание послом наличия латинского перевода [AE, CP, Russie, vol. 1, fol. 52–53]. Тем не менее, повторение подобных инцидентов с исправлениями грамот в последующих посольствах (известны прецеденты, когда сами французские представители вспоминают

об исправлениях), позволяет утверждать о большой вероятности их соответствия действительности. Необходимо также подчеркнуть, что в сохранившихся латинских копиях царских грамот титул "*magnus dominus*" используется исключительно в отношении Людовика XIV, но не в отношении самого царя [Ibid., fol. 26], а для царя упоминается лишь в русском оригинале [Ibid., fol. 19], впрочем, и сам Наихристианейший король не стал удостаивать себя подобным титулом в ответной грамоте [Ibid., fol. 38]. Основным достижением посольства 1668 г. стоит выделить становление новой традиции русско-французских отношений и формирование представление об используемой царем титулатуре.

Следующая посольская миссия произошла в годы Голландской войны Людовика XIV (1672–1678). Сменивший А. Л. Ордина-Нащокина на посту главы Посольского приказа А. С. Матвеев имел более традиционное понимание русской внешней политики и практически отказался от балтийского вопроса, сфокусировавшись на южном и юго-западном направлениях. С этого момента фактор привлечения Франции к антиосманской коалиции начинает доминировать над прочими. Когда в 1673 г. во Франции побывал русский посланник А. А. Виниус, его цель состояла в привлечении внимания к османской угрозе, он даже предпринял попытку предложить посредничество странам-участницам Голландской войны. После затянувшегося двухнедельного ожидания грамоты, серьезных споров вокруг титулатуры не возникло [Казакова, 1985, с. 355], хотя в русской грамоте царский титул "*magnus dominus*" был впервые употреблен в послании к королю [AE, CP, Russie, vol. 1, fol. 75]. Возможно, отсутствие конфликта можно объяснить низким статусом посланника Виниуса или его расчетом на возможность в будущем привлечь Францию к подготовке Вечного мира с Речью Посполитой, а в перспективе и к антитурецкой коалиции. Так или иначе, под руководством А. С. Матвеева Посольский приказ так и не успел предпринять существенных шагов в отношении Франции.

Проблема титулатуры получила дальнейшее развитие в конце правления Федора Алексеевича, когда было отправлено посольство, вновь возглавляемое Потемкиным, на этот раз совместно с дьяком С. Полковым. С начала 1680-х гг. стояла задача привлечения Людовика XIV к Священной Лиге, сложился даже проект русско-французского союза, направленный против Османской империи [Флоря, 2018]. Однако король не был готов открыто вступать в антитурецкую коалицию, а министр иностранных дел Ш. Кольбер де Круасси не возлагал больших надежд на союз с Москвой [Сборник…, 1881, с. 12]. После королевской аудиенции и перевода полученной грамоты оказалось, что

на ней отсутствовали титулы «царь» и «великий государь» [РГАДА. ф. 93, оп. 1, д. 7, л. 111 об.]. Стратегией обоснования титулов стало простое указание на идентичность титулов Федора Алексеевича титулам его отца Алексея Михайловича, которые французы уже писали правильно. Помимо этого, посол пытался подкупить министра, выдав ему «сорок соболей по сто в десять рублев» для правильного написания титула [Там же, д. 9, л. 10]. Аргументация была принята французской стороной, грамоту послали на исправление, но вручение ее послам затянулось из-за смерти брата Ш. Кольбера де Круасси. В итоге на новой грамоте титул «великие государи» все равно остался не написанным [Там же, д. 7, л. 117 об.], с чем послы не смогли смириться, ссылаясь на страх королевского гнева [Там же, л. 132 об.]. Расхождение целей России и Франции на международной арене, как их понимали посол и министр иностранных дел, оказывало определенное влияние на ход посольства. Даже французские планы антишведской коалиции не способствовали сближению Франции с Россией, так как де Круасси планировал действовать не напрямую, а через сближение России и Дании [Сборник…, 1881, с. 401–407]. Соответственно и признание специфического титула осталось для французской стороны невозможным.

Тем не менее, внешнеполитический курс России способствовал более частым посольствам во Францию – именно объединение основных европейских держав против Османской империи было залогом как успешной военной кампании, так и скорейшего заключения Вечного мира. Деятельность миссии П. И. Потемкина и С. Полкова в 1684 г. продолжили посол С. Алмазов и дьяк С. Иполитов. В рамках их посольства во Францию недопонимание между дипломатами никуда не исчезло, а также вернулась полемика вокруг титула «великие государи», который французская сторона вновь не указала в грамоте, наотрез отказываясь его признавать. Алмазов для обоснования титула прибегал к рассказу об обещании французского посла, прибывшего к царю от Людовика XIII (по всей видимости речь идет о посольстве Л. де Курменена 1629 г.) писать полный царский титул [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 11, л. 41 об.] (возможно, вопреки сообщениям Котошихина [Котошихин, 1984, с. 40–41], сведения о ранних отношениях с Францией были Посольским приказом так или иначе сохранены).

В рамках этого посольства отвечать на жалобы послов пришлось не французским приставам, а самому министру иностранных дел королевства – Ш. Кольберу де Круасси. Он настаивал, что такого титула в переписке французский король никогда не использовал и признание титула за царем повлечет за собой желание прочих монархов также обладать им [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 11, л. 41], а также, уточнял де Круасси, даже сам Людовик XIV, являясь самым могущественным монар-

хом в Европе, таким титулом не пользуется [Там же, л. 45]. Здесь стоит вновь подчеркнуть, что Людовика XIV титулом "*magnus dominus*" русские грамоты называли на протяжении всего его правления, даже когда у адресанта грамоты, царя, этот титул не использовался. Титул казался русским послам более чем возможным к употреблению и даже необходимым, возможно, именно поэтому через апелляции к дипломатическим практикам отношений России с прочими государствами удалось убедить французскую сторону указать все титулы исправно (даже французские приставы сами предложили послам ознакомиться с латинским списком подготовленной грамоты, чтобы отдать в случае ошибок его на исправление) [Там же, л. 48 об.]. Присланный послам заранее список с грамоты не включал в себя лишь титул «обладателя», что было исправлено и послы грамоту приняли [Там же, л. 50 – 50 об.], почетно выполнив свою миссию.

Однако российский дипломатический триумф не длился долго, международная обстановка в корне поменялась во второй половине 1680-х гг. Становилось все более очевидно, что Франции стоит готовиться к войне на своих собственных границах, а присоединение Людовика XIV к Священной лиге стало окончательно невозможным из-за многогранности противоречий Франции с Империей и опасности эскалации конфликтов [Roy, 1996, p. 63].

Картину дальнейших событий помогают воссоздать документы посольства Я. Ф. Долгорукова и Я. Е. Мышецкого. Беспрецедентность посольства проявлялась в самом статусе великих и полномочных послов – оба они были представителями высшей знати России, князьями из рода Рюриковичей. Своеволие российской знати привело к немалому количеству дипломатических инцидентов, послы не позволяли умалять свою честь в той же мере, что и честь государеву. Терпение Людовика XIV и его администрации быстро закончилось, подпитывая известные послам стереотипы о деспотизме короля Франции [РГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 34]. Поданная послам грамота после всех неудач посольства оказалась вновь написана с отсутствием титула «великие государи» [Там же, л. 95]. Посол долго настаивал на своем, подчеркивая, что в посольстве С. Алмазова и С. Иполитова грамота была написана исправно [Там же, л. 97 об.], но французская сторона этот факт отрицала. Вероятно, недопонимание было связано с тем, что это было первое русское посольство во Франции, которому была выдана грамота на французском языке без латинского дубликата. Если Людовик XIV мог указать титул "*magni domini*" на латинском языке, то сама возможность его трансляции на французский язык оказалась невозможной. Пререкания с королем закончились угрозой оставить посольство в Гавре, которая подействовала на русских послов, принявшим французскую позицию [Там же, л. 109].

Таким образом, за вторую половину XVII в. русская дипломатия и сама практика посольств прошли существенную эволюцию, неслучайно именно в форме посольства будет происходить знакомство Петра Алексеевича с европейской жизнью. Латинская версия царского титула в русских вариантах изменялась, в то время как французская сторона продолжала ориентироваться на традицию, заложенную первым посольством П. Потемкина. Более плотное вовлечение России в Вестфальскую систему отношений вело к необходимости учитывать Московское царство даже странами Западной Европы, несмотря на наличие ряда негативных стереотипов о «московитах». Заинтересованность Людовика XIV и министра иностранных дел де Круасси в сохранении дружеских отношений с Россией способствовала принятию государева титула, но успехи русской дипломатии были нивелированы французским политическим курсом второй половины 1680-х гг. и отношением де Круасси к союзу с Россией.

Архимандрит Августин (Никитин) Франция и Россия от Людовика XIII до Петра I // Нева. 2010. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/aa17.html (дата обращения: 29.07.2020).

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. : Унив. тип., 1892.

Губер П. Мазарини. М. : КРОН-ПРЕСС, 2000.

Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 554–590.

История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М. : Международные отношения, 1999.

Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Тр. Отд. древнерус. лит-ры. Л. : Наука, 1985. Т. XXXIX. С. 348–364.

Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годы) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2. С. 144–165.

Кобзарева Е. И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. М. : Историческая литература, 2017.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. : Изд. археогр. комиссии, 1884.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М. : «Индрик», 2008.

Малиновская А. В. А. А. Матвеев и его вклад в развитие торговых отношений между Россией и Францией // Личность в истории Нового и Новейшего времени : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 18 апр. 2014 / отв. ред. И. М. Эрлихсон, Ю. И. Лосев. Рязань : Изд-во «Концепция», 2014. С. 123–126.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / под ред. Г. Г. Литаврина. Ч. 2. М. : Пам. ист. мысли, 2001.

От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М. ; СПб. : Ин-т рос. ист. РАН; Центр гуманитарн. инициатив, 2015.

Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2. // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 9. 1947. С. 4–17.

Сборник русского императорского исторического общества. Т. 34. СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1881.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.

Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М. ; Л. : Наука, 1954. С. 227–318.

Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 1–10.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Сношения России с Францией.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М. : «Индрик», 2013.

Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. № 2. С. 139–146.

Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. № 4 (42). С. 5–18.

Шикуло М. И. Споры о статусе: посольский интродуктор и иностранные послы во Франции XVII в. // Новая и Новейшая история. 2016. № 2. С. 224–231.

Шикуло М. И. Французские дипломаты в системе дипломатической иерархии европейских дворов во второй половине XVI–XVII вв. // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2016. №1 (27). С. 139–146.

Archives du ministere des affairesétrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française / ed. par A.N. Rambaud. Paris: Ancienne librairie G. Bailliére et cie F. Alcan, 1890. T. VIII.

Roy P. Louis XIV et le second siège de Vienne (1683). Paris: Honoré Champion, 1996.

Shaube M.-K. Comment régler des incidents diplomatiques? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris: Éditions A. Pédone, 2009. P. 323–343.

Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką: stosunki polsko-rosyjskie, 1667–1672. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.

Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679: Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław; Warszawa: Wydawnictwo Polska Akademia Nauk, 1976.

УДК 94(470):378.147

П. А. Огорельцев, К. Д. Купорез

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена изучению положительных и отрицательных сторон дистанционного обучения в сфере высшего образования и основана на комплексном подходе (были использованы материалы прессы, результаты анкетирования студентов, мнения экспертов). Авторами определен

© Огорельцев П. А., Купорез К. Д., 2021

спектр мнений, отраженный в ответах респондентов, выделены ключевые маркеры и факторы влияния на формирование общественного восприятия дистанционного обучения. Проведено сравнение по основным показателям с результатами исследований других авторов (В. А. Мау, Г. И. Идрисов, Я. И. Кузьминов и др.).

Ключевые слова: пандемия, высшее образование, общественное мнение, кризис, социологический опрос, дистанционное обучение, COVID-19, студенты, онлайн коммуникации, образовательные технологии.

Пандемия COVID-19, начавшаяся в марте 2020 г., внесла серьезнейшие коррективы в сферу высшего образования. Глобальные изменения затронули как технологии обучения, так и оценки его результатов. Превалирование положительных или отрицательных сторон дистанционного обучения находится в прямой зависимости от возраста, состояния здоровья, уровня мотивации и других субъективных показателей, присущих участникам образовательного процесса [Трудности на дистанции]. В российском обществе до сих пор нет консенсуса по поводу влияния дистанционного обучения на знания и компетенции обучающегося.

Для изучения проблем дистанционного обучения в сфере высшего образования в период пандемии COVID-19 студентами второго курса направления подготовки «Документоведение и архивоведение» было проведено социологическое исследование, которое включало проведение анкетирования среди студентов департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета, опрос преподавателей, а также контент-анализ публикаций, посвященных теме пандемии, представленных в газете «Уральский федеральный» и на интернет-ресурсах.

По итогам анкетирования выяснилось, что большинство студентов успешно адаптировались к дистанционному обучению, однако испытывают трудности технического, психологического и экономического характера. Большая часть проблем связаны с трудностями самоорганизации (52,5 %), нехваткой очного общения (42 %), возросшим объемом домашних заданий (38,2 %), некачественными онлайн-платформами, используемыми ВУЗами (30,3 %) и нагрузкой на здоровье (25 %). Более половины опрошенных частично удовлетворены качеством организации дистанционного обучения (53,7 %), однако понимают, что во многом возникающие сложности – это издержки неопытности исполнителей и масштаба процесса внедрения дистанционного формата обучения. Уровень мотивации учащихся уменьшился, многие надеются сдать сессию в легком дистанционном формате из-за понижения уровня контроля со стороны преподавателей (52 %), что также является недостатком такой формы обучения.

Схожие выводы сделаны в аналитическом отчете, который был подготовлен ведущими ВУЗами РФ. Так, согласно этим данным, 40 % обучающихся отмечают нехватку очного общения с преподавателями и сокурсниками как основной недостаток дистанционного обучения. На 17 % увеличилась доля студентов, отмечающих дискомфорт в связи с необходимостью включать веб-камеру по просьбе преподавателя. 52 % студентов столкнулись с техническими проблемами различного рода и перебоями с Интернетом [Высшее образование…].

По информации из другого источника, более трети (36 %) студентов отметили, что дистанционный формат обучения им нравится больше, чем очный. Четверть опрошенных указали, что при дистанционном формате им стало проще задавать вопросы преподавателю, у 64 % респондентов появилось больше времени на сон, у 49 % – больше свободного времени, 55 % стали меньше уставать от учебы [Мау и др.].

Таким образом, дистанционная форма обучения удобна для части студентов (43,7 %), в частности, из-за возможности совмещения работы с учебой. Другие отдают предпочтение очной форме обучения (56,3 %). Практически все студенты с пониманием относятся к дистанционному формату, так как осознают, что это вынужденная мера.

Опрос преподавателей был нацелен на изучение основных принципов и приоритетов, которыми они руководствуются при организации работы со студентами в новых условиях. В учебном процессе большинство преподавателей опираются на принципы планирования, сотрудничества со студентами и стремление сделать максимально эффективной онлайн-коммуникацию. Однако организация диалога на лекциях и практических занятиях сталкивается с рядом проблем психологического свойства – выключенные веб-камеры, низкая активность большинства студентов, что оставляет чувство неудовлетворенности от общения.

При оценке эффективности проведения учебных занятий в онлайн-формате мнения экспертов разделились: одни (около трети) считают, что «результативность проводимых занятий онлайн значительно ниже, чем занятий, которые проводятся оффлайн», другие полагают, что эффективность не изменилась. Среди негативных моментов дистанционного формата обучения экспертами были упомянуты неполадки с техникой, отсутствие живого общения, которое затрудняет процесс обучения, а, следовательно, и размывает его результаты.

Как отмечается в исследовании «Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России», основная часть опрошенных преподавателей (68,1 %) не приняли дистанционное образование, рассматривая этот формат как временный: они не были готовы к постоян-

ному применению дистанционных технологий в своей практике. При этом 40 % респондентов признали, что использование дистанционных образовательных технологий в качестве сопутствующих очному обучению может быть вполне продуктивным [Там же].

По вопросу об оптимальном соотношении очных и онлайн-занятий в системе высшего образования большинство экспертов отметили, что допустимый вариант – 30 % курсов онлайн и 70 % офлайн, хотя незначительная часть преподавателей выступила против онлайн-формата. В целом преподаватели считают неизбежным в дальнейшем перевод обучения в онлайн-формат для заочников и частично для магистрантов. Бакалавриат желательно оставить в офлайн-формате, поскольку уровень самоорганизации и самоконтроля у студентов младших курсов находится в стадии формирования, а мотивация – нестабильная.

Преподаватели видят в переходе на дистанционный формат серьезные угрозы: они беспокоятся, что этот переход приведет к снижению заработной платы, потере работы, сокращению ставок ППС, утрате идентичности, потере связи с вузом и коллегами. Они также считают, что широкое использование дистанционных образовательных технологий повлечет за собой значительное увеличение учебной нагрузки и отчетности, бюрократизацию, а также может обернуться профанацией и / или примитивизацией педагогической работы. Кроме того, преподаватели указывают на отсутствие при дистанционном обучении живого, непосредственного общения, потерю обратной связи и эмоционального контакта со студентами, а также на невозможность индивидуального подхода, обезличенность, отсутствие творческой составляющей при проведении занятий и их унификацию. Многие из них полагают, что при дистанционном обучении нельзя обеспечить действенный контроль за вовлеченностью студентов в образовательный процесс, указывают на возможный рост некорректного поведения (списывание, отсутствие на занятиях при создании видимости их посещения и т. п.).

В качестве еще одной угрозы преподаватели рассматривают уход из вузов преподавателей старших возрастов, поскольку им сложно освоить дистанционный формат преподавания. Для системы высшего образования это станет невосполнимой потерей [Там же].

Таким образом, анализ полученных данных позволил сделать вывод, что, по мнению участников учебного процесса, высшее образование может осуществляться в дистанционной форме, однако на данный момент этот режим качественно уступает очному обучению. По мнению студентов и преподавателей, дистанционное обучение необходимо внедрять в качестве вспомогательного инструмента, так как для

преподавателей и студентов важным моментом является реальная, а не виртуальная включенность в процесс обучения.

На заключительном этапе был проведен контент-анализ корпоративной прессы «Уральский федеральный» за 2020 г., а также научных публикаций и интернет-ресурсов по теме исследования.

Как можно судить по публикациям в университетской газете [Уральский федеральный], вуз сумел в сложном режиме работы не потерять спонсоров, получить дополнительные ресурсы от государства. Уральские студенты и преподаватели разных научных направлений участвовали в изучении коронавируса, феномена пандемии, ее влиянии на человека; они приступили к разработке лекарственных препаратов, которые могли бы помочь в ликвидации пандемии и ее последствий. Газета приводит примеры высокого уровня преподавания в формате дистанционного режима обучения. Большое внимание на страницах вузовской прессы уделено вопросам цифровизации: активно идет разработка новых программ и правил для проведения конференций, прошло тестирование платформ для эффективного и комфортного получения образования (апрель, май 2020). Не прекратилась и культурно-научная жизнь университета, но она видоизменилась и перешла в онлайн (март, апрель, июль 2020). Если до марта 2020 г. дистанционное обучение в основном считалось способом получения образования для людей с ограниченными возможностями, особыми потребностями и студентов, проживающих за рубежом, то с началом пандемии дистанционное образование затронуло всех студентов.

По состоянию на март 2020 г., в России только незначительная доля вузов имела необходимую инфраструктуру для организации онлайн-обучения. Таких вузов оказалось примерно 25–30 % от общего числа. Еще около 15–20 % вузов смогли перейти к полноценному дистанционному обучению, приблизив его к очному формату и не потеряв в процессе перехода качества подготовки студентов. Только 45 % вузов имели полноценные LMS-платформы (системы управления учебным процессом) [May и др.].

Интерес к дистанционному образованию вырос и на уровне научных публикаций. Среди положительных черт нового формата обучения ученые отмечали его высокий уровень, гибкость, мобильность, мотивацию, самоорганизацию, свободный режим работы, экономию времени [Адильгазинов, 2020; Кириченко, 2020; Дудин, Кононова, 2020; Волков, 2020; Петухов, 2020]. Недостатки – трудная адаптация, низкая коммуникабельность, высокая нагрузка, низкая мотивация, низкая компьютерная грамотность, отсутствие опыта, снижение качества, стресс, технические сбои / неполадки, увеличение времени работы и «эффект присутствия» [Абрамян, Катасонова, 2020; Дудин,

Кононова, 2020; Ковров; Седанкин, 2020]. Кроме того, нами было проведено разделение понятий «образовательная платформа» и «платформа» вообще. В первом случае речь идет о сервисах (Microsoft Teams), под вторым исследователи чаще всего подразумевают весь комплекс обеспечения учебной деятельности, например, корпоративную систему (urfu.ru). [Давыдова, Карабаева, 2017, с. 55]. Но описательными сюжетами большинство материалов не ограничились – многие ученые предлагают действенные механизмы по модернизации сложившейся ситуации в виде курсов повышения онлайн-грамотности, введения рейтингования студентов для повышения их мотивации и создания рабочих автономных корпоративных систем в ВУЗах. [Высшее образование…].

Анализу были также подвергнуты форумы на интернет-ресурсах («E1.ru», «Ирк.ру», «Вслух.ru», социальных сетей «Одноклассники» и “Twitter”) с комментариями по проблемам дистанционного обучения. Главным плюсом дистанционного обучения пользователи считают сохранение здоровья (39 % упоминаний) преподаватели и студентов. Вторым часто упоминаемым плюсом отмечают более тесный контакт посредством корпоративных систем (15 %), но только с точки зрения получения информации. Отмечается полезный для будущего развития опыт работы с интернет-ресурсами по образованию и получение доступа обучающимися возможности для изучения удобных ресурсов с информацией (31 %). Также была упомянута возможность повторного просмотра онлайн-занятий и опыт самоорганизации (по 15 %). Что касается недостатков, здесь из более чем 30 отзывов выделяются пять ключевых маркеров. Технические трудности (32 % упоминаний) заключаются, по мнению пользователей, в недостатке опыта, в отсутствии технических средств или доступа в Интернет, неподготовленности платформ к большим нагрузкам по потребляемому и отправляемому трафику. Другие пользователи отмечают большое количество домашних заданий (21 %) и трудности в усвоении нового материала из-за недостатка теоретических занятий и также подчеркивается увеличенная нагрузка уже со стороны преподавателей в связи с подготовкой и проверкой домашних работ. Следующей по значимости проблемой (13 %) стало беспокойство в связи с отсутствием живого общения. Достаточно много минусов видят и в необходимости дополнительного контроля за студентами (8 %) из-за трудностей самоорганизации. Пятым маркером (5 %) стали проблемы со здоровьем из-за длительного пребывания за компьютером или телефоном. Проанализировав все результаты, полученные в ходе контент-анализа интернет-ресурсов, было отмечено, что большая часть пользователей негативно относится к дистанционному обучению.

Подводя итоги, отметим, что дистанционное обучение – это сравнительно новая форма образования, которая постепенно и неумолимо входит в нашу жизнь. Пандемия COVID-19 ускорила его внедрение, что позволило внештатно апробировать его как форму учебной коммуникации. Безусловно, студентам легче, чем школьникам привыкнуть и принять дистантный режим обучения, однако им, как и преподавателям, необходимы дополнительная мотивация, обучение новым технологиям и обобщение опыта использования новых образовательных методик. Пандемия актуализировала дистанционные технологии, способствовала получению нового опыта, изучение которого имеет серьезные перспективы.

Абрамян Г. В., Катасонова Г. Р. Особенности организации дистанционного образования в ВУЗах в условиях самоизоляции граждан при вирусной пандемии // Совр. пробл. науки и образования. М.: ООО «Изд. дом “Академия естествознания”». 2020. № 3. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43079510 (дата обращения: 23.11.2020).

Адильгазинов Г. З. Дистанционное обучение – глазами студентов // ANNALI D’ITALIA. Прага: Global Science Center LP. 2020. № 10 (3). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43775643 (дата обращения: 23.11.2020).

Волков С. К. Опыт региональных вузов в организации дистанционного обучения: первые итоги // Информационное общество. М.: Ин-т разв. информ. общ-ва. 2020. № 4. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44084414 (дата обращения: 20.11.2020).

Высшее образование: Уроки пандемии. Оперативные и стратегические меры по развитию системы : анал. докл. // Высшая школа экономики. URL: https://ioe.hse.ru/lawworks/news/keywords/409828092/ (дата обращения: 10.02.2020).

Давыдова Е. А., Карабаева Е. М. Понятие «образовательная платформа» и обзор некоторых образовательных платформ // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития. Уфа : «ОМЕГА САЙНС», 2017. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31493252& (дата обращения: 23.11.2020).

Дудин М. Н., Кононова Е. В. Управление высшим образованием в условиях больших вызовов и угроз, вызванных пандемией коронавируса COVID-19 // Пробл. рыночной экономики. М.: Ин-т проблем рынка РАН. 2020. № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43917864 (дата обращения: 20.11.2020).

Кириченко М. А. Японское образование: дистанционное обучение и другие вызовы современности // Вост. Азия: факты и аналитика. М.: Изд-во Ин-та Дальн. Вост. РАН. 2020. № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43102867 (дата обращения: 20.11.2020).

Ковров В. В. Образовательный челлендж как социально-педагогическая технология организации дистантной формы образовательного процесса в ВУЗе в условиях самоизоляции // Дистанционные образовательные технологии : сб. тр. V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Н. Таран. Симферополь : ООО «Изд-во тип. “Ариал”», 2020. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44059981 (дата обращения: 23.11.2020).

Мау В. А., Идрисов Г. И., Кузьминов Я. И. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России // Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. URL: https://www.iep.ru/files/text/other/COVID.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

Петухов Н. А. Особенности организации дистанционной работы с использованием цифровых технологий в современных условиях // Экономика коронакризиса: вызовы и решения : сб. науч. тр. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А». 2020. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42939347 (дата обращения: 20.11.2020).

Трудности на дистанции: была ли российская система образования готова к переходу в онлайн из-за коронавируса? // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4307297 (дата обращения: 09.01.2020).

Уральский федеральный // Электронный научный архив УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/28713 (дата обращения 30.12.2020).

Раздел 2
ИСТОРИЯ РОССИИ И УРАЛА

УДК 94(470.54-25).07/.083:61

Э. А. Черноухов

ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ ГОСПИТАЛЬ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Проанализирована история Верх-Исетского госпиталя в 1810–1914 гг.: первоначально частного медицинского заведения горнозаводчиков Яковлевых, затем участковой больницы Екатеринбургского уездного земства. Автор рассмотрел предпосылки создания, строительство и реконструкцию его зданий, штатную организацию, состав врачей, причины передачи заводского госпиталя в ведение земства. Проведенный анализ свидетельствует о важной роли этого заведения в развитии медицины Верх-Исетского заводского поселка и Екатеринбурга.

Ключевые слова: Верх-Исетский заводской поселок, Екатеринбург, медицина, горный госпиталь, земская больница, врачи.

Верх-Исетский госпиталь (первоначально горный, затем преобразованный в земскую больницу) в XIX – начале XX вв. имел важное значение для организации медицинской помощи населению заводского поселка, а также расположенного в непосредственной близости Екатеринбурга. Краткие сведения о его создании содержатся в статье автора по медицинским кадрам Верх-Исетского горного округа [Черноухов, 2008, с. 613–614]. История заведения нашла отражение в юбилейном издании Свердловской областной клинической больницы № 1, руководство которой ведет свое «происхождение» с Верх-Исетского госпиталя. Во вводном очерке этой книги рассмотрены некоторые аспекты организации и деятельности рассматриваемого медицинского заведения. Но, к сожалению, это издание содержит некорректные заимствования и существенные ошибки по истории госпиталя в дореволюционный период [Свердловская областная…, 2011, с. 6–26].

В 2019 г. начался новый этап развития комплекса зданий Верх-Исетского госпиталя. На его базе после масштабной реконструкции

© Черноухов Э. А., 2021

и перестройки был создан культурно-выставочный комплекс «Синара-центр». В нем есть специальный исторический зал, в котором показаны основные вехи развития медицинского заведения.

Целью этой статьи стала историческая реконструкция организации и деятельности Верх-Исетского горного госпиталя, а затем созданной на его площадях земской больницы в XIX – начале XX вв.

Верх-Исетский горнозаводской округ в первой половине XIX в. занимал одно из первых мест на Урале по количеству и качеству изготовлявшегося железа, здесь успешно развивалась добыча золота. Длительное время округ находился в единоличном владении Алексея Ивановича Яковлева (1801–1849), затем в «нераздельной собственности» его сына Ивана и дочери Надежды (1849–1862) [Неклюдов, 2004, с. 142–144]. Стабильное положение и устойчивое развитие Верх-Исетского округа позволяли с 1820-х гг. направлять значительные средства на развитие его социальной инфраструктуры, в том числе медицинских заведений.

В начале XIX в. в этом обширном горнозаводском хозяйстве имелся только приемный покой для лекарского ученика и содержания медикаментов, расположенный при Верх-Исетском заводоуправлении [Свердловская областная…, 2011, с. 10]. Небольшой госпиталь при центральном заводе, по данным врача Тихона Феофилактовича Успенского, появился только в 1810 г. [Кузякин, 1960, с. 207]. Медицинскую помощь здесь оказывал лекарский ученик под присмотром екатеринбургского уездного врача Августа Фридриха Фелькнера [Описание заводов…, 1956, с. 221]. Последний физически не мог уделять этому госпиталю должного внимания. Кроме своей основной должности он формально заведовал медицинской сферой еще в трех обширных горнозаводских округах – Кыштымском, Ревдинском и Сысертском с девятью заводами, расположенными более чем в полусотне километров от Екатеринбурга [Черноухов, 2017, с. 255].

В Верх-Исетском округе в 1807–1812 гг. был и первый собственный врач – Ларион Алексеевич Поступальский, получивший практические навыки в военных госпиталях, а затем звание штаб-лекаря по выслуге лет на уральских горных заводах. Но он обслуживал население всех поселков этого обширного горнозаводского хозяйства, кроме центрального [ГАСО, ф. 24, оп. 33, д. 49, л. 15; д. 266, л. 3–10 об.].

К концу 1810-х гг. состояние медицинской сферы в Верх-Исетском округе во многом не соответствовало требованиям действовавшего ведомственного законодательства. В его центральном заводском поселке имелся только небольшой госпиталь с минимальным числом кроватей для стационарного лечения, к тому же без собственного врача. Это вызывало постоянные обоснованные претензии горных властей.

Рост доходности Верх-Исетского округа, утверждение патерналистских взглядов у его владельца и планомерное ведомственное принуждение способствовали появлению «образцового» медицинского заведения в его центральном поселке [Черноухов, 2017, с. 259–263]. Госпитальный комплекс был создан по проекту известного архитектора М. П. Малахова в первой половине 1820-х гг. в начале бульвара, соединявшего Екатеринбург с Верх-Исетским заводским поселком. По мнению историка архитектуры А. М. Раскина, на этом месте первоначально планировалось создать усадьбу для самого А. И. Яковлева. Но затем планы владельца округа изменились, и уже строившийся комплекс зданий переоборудовали для госпиталя [Раскин, 1989, с. 97, 169].

В феврале 1822 г. берг-инспектор А. Т. Булгаков через заводских исправников предписал всем владельцам горных заводов и промыслов брать пример с А. И. Яковлева, который завершал строительство обширного госпитального комплекса в Верх-Исетском поселке. В его главном каменном корпусе предполагалось разместить 36 штатных кроватей для стационарного лечения, с возможностью добавления еще 14 запасных. К корпусу примыкали два каменных флигеля, которые можно было в случае необходимости приспособить для приема пациентов. Первоначально в них планировали разместить богадельню с мужским и женским отделением [ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 4416, л. 36; оп. 33. д. 1189, л. 3–4].

Но после завершения строительства восточный флигель стал использоваться как место жительства для врача и его семьи. Во всех контрактах, заключенных с врачами, прописывалась обязательство владельцев по предоставлению квартиры в госпитальном комплексе.

А. И. Яковлев справедливо гордился тем, что был одним из первых частных заводчиков Урала, который создал обширный госпитальный комплекс в своем хозяйстве. Строительство и укомплектование главного корпуса было в основном завершено в 1824 г., а двух флигелей – в 1826 г. По оценкам местного заводоуправления, на это было потрачено более 100 тыс. руб. [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 1942, л. 15 об.]. Необходимые усовершенствования проводились и в дальнейшем. Так, к 1833 г. был построен теплый переход в госпитальную баню [РГАДА, ф. 1267, оп. 3, д. 412, л. 81 – 81 об.].

Берг-инспектор А. Т. Булгаков оценил Верх-Исетский госпитальный комплекс, как «самый красивый в архитектурном отношении и удобный» среди всех медицинских заведений при горных заводах Урала [ГАСО, ф. 24, оп. 33. д. 1189, л. 4 об.]. Медицинский инспектор М. Г. Вульф отмечал, что его главное здание «служило украшением бульвара» [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 1942, л. 11], соединявшего Екатерин-

бург с Верх-Исетским заводским поселком. Госпитальный комплекс высоко оценили и другие известные современники: император Александр I (1824 г.) [Император Александр I, 1915, с. 136] и немецкий исследователь А. Гумбольдт (1835 г.) [Мондей, 2001, с. 68]. Эти оценки разделяет современный историк архитектуры Р. М. Лотарева [Лотарева, 1993, с. 77–78].

Создание Верх-Исетского госпитального комплекса стало примером для других горнозаводских хозяйств Урала. Так, вышеприведенные оценки А. И. Яковлева, давнего соперника владельца Нижнетагильского округа Н. Н. Демидова, явились одной из причин для создания последним собственного образцового заведения. В 1826–1831 гг. в его центральном поселке построили обширный госпитальный комплекс, рассчитанный более чем на 100 кроватей. В 1830-х гг. в Кыштымском округе было создано два капитальных каменных госпиталя [Черноухов, 2017, с. 264–266]. Главные корпуса этих комплексов также сохранились до наших дней.

Первым квалифицированным врачом в Верх-Исетском госпитале в 1822–1824 гг. стал Марк Гейнрих Вульф (1797–1848). После него здесь последовательно служили Федор Петрович Ламони (1824–1829), Петр Иванович Вагнер (1829–1840), затем снова Ф. П. Ламони (1840–1858). Кроме того, в округе постоянно имелись аттестованные аптекари. В 1822–1845 гг. эту должность занимал провизор Павел Яковлевич Ауэрбах, перешедший сюда из Екатеринбургской заводской аптеки, где он получал вдвое меньшее жалование [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1863, л. 205 об. – 206]. Его сменил Христофор Васильевич Румбаум, также перешедший с казенной медицинской службы. В 1850–1858 гг. в Верх-Исетском госпитале служил провизор Федор Зоргевиц, а после него – провизор В. А. Гельмих. Биографии, условия службы и деятельность этих врачей и аптекарей проанализированы в статье автора по медицинским кадрам Верх-Исетского горного округа [см.: Черноухов, 2008, с. 613–616].

Владельцы госпиталя практически не испытывали проблем с наймом и частой сменяемостью врачебного персонала, типичных для многих горнозаводских хозяйств Урала в XIX в. Длительная служба врачей и аптекарей в Верх-Исетском поселке во многом объясняются двумя причинами: привлекательными материальными условиями контрактов и расположением заведения. Центральный поселок округа в XIX в. практически слился со «столичным» для горнозаводского Урала Екатеринбургом. Это обеспечивало квалифицированным врачам и аптекарям соответствующий круг общения и широкие возможности для частной практики, особенно выгодной в материальном плане.

В июле 1824 г., после завершения оборудования Верх-Исетского госпиталя, был значительно расширен штат его персонала. К уже имевшимся врачу, аптекарю и двум старшим лекарским ученикам заводоуправление определило трех младших лекарских, двух аптекарских учеников и административно-хозяйственный персонал (смотрителя, стряпку, прачку, водовоза, сторожей) [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 1214, л. 4–5]. Через десять лет в штате госпиталя были девять лекарских и три аптекарских ученика [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 2074, л. 6]. Их традиционно набирали из воспитанников своего заводского училища, открытого в 1822 г.

В 1830-х гг. в других крупных заводских поселках Верх-Исетского округа были созданы собственные небольшие медицинские заведения со стационарным лечением пациентов. При этом обширный Верх-Исетский госпиталь, обеспеченный квалифицированным персоналом, сохранил свое окружное значение. В него продолжали направлять пациентов с тяжелыми болезнями из других заводских поселков округа.

С 1859 г. врачом Верх-Исетского госпиталя стал Александр Андреевич Мирославский (1828–1914). Он был сыном отставного горного чиновника, первым (после перерыва) казенным стипендиатом на медицинском факультете Казанского университета. После отработки «обязанной для горного ведомства службы» в Богословском и Екатеринбургском казенных округах А. А. Мирославский перешел на службу к Яковлевым. В крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала были более привлекательные материальные условия контракта и лучшие условия для медицинской практики, в том числе создававшие реальные возможности для научной деятельности.

Полувековая плодотворная деятельность А. А. Мирославского в должности врача Верх-Исетского госпиталя (1859–1909 гг.) пришлась на сложный период трансформации горнозаводской медицины в регионе. После отмены крепостного права и создания новых органов местного самоуправления заводовладельцы постоянно указывали на обязанность земств оказывать медицинскую помощь всему населению. В свою очередь, земства, в том числе в Верх-Исетском округе, стремились к сокращению расходов в этой сфере. В 1863 г. в хозяйстве сократили ставку врача в сылвинской группе заводов [Черноухов, 2017, с. 294–297].

После отмены крепостного права работники горных заводов уже не получали какой-либо денежной платы и провианта в период лечения в заводских госпиталях. Поэтому в новых исторических условиях они значительно реже пользовались возможностью получения стационарной медицинской помощи. Это привело к резкому сокращению

численности собственных пациентов в заводских госпиталях, в том числе Верх-Исетском [см.: Черноухов, 2017, с. 294–296].

В этих непростых условиях А. А. Мирославскому удалось сохранить потенциал Верх-Исетского госпиталя. В нем осталось значительное количество штатных мест (30 кроватей) для стационарного лечения с уменьшением численности среднего медицинского персонала до четырех фельдшеров. Этот кроватный фонд имел важное значение и для Екатеринбурга, где в 1857–1876 г. не было городской больницы.

Положение принципиально изменилось с созданием земских учреждений в Пермской губернии (1870 г.). Екатеринбургское уездное земство 40 лет не имело собственной больницы в своем обширном Пригородном участке. Опираясь на финансовые расчеты, его руководство предпочитало помещать своих пациентов для стационарного лечения в имевшиеся медицинские заведения. Для жителей Екатеринбурга использовали потенциал трех из них: горного госпиталя Монетного двора (в 1875 г. переданного в военное ведомство), возрожденной в 1876 г. городской больницы и Верх-Исетского заводского госпиталя.

Сотрудничество было взаимовыгодным [см.: Черноухов, Черноухов, 2019, с. 451]. В 1873 г. управляющий Верх-Исетским округом И. П. Котляревский предложил Екатеринбургскому уездному земскому собранию помещать своих пациентов в его заводские госпитали, в том числе Верх-Исетский. Для всех «посторонних» (для заводов) пациентов первоначально установили плату в 35–37 коп. в сутки. Впоследствии под влиянием инфляции она периодически повышалась: до 45 коп. в 1875 г. и 60 коп. – в 1880 г. [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 4088, л. 3–4, 15, 132]. Екатеринбургское земство постоянно использовало Верх-Исетский госпиталь для стационарного лечения пациентов своего Пригородного участка.

Кроме того, в 1875 г. было достигнуто соглашение о помещении в госпиталь больных от Уральской железной дороги [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 4088, л. 19–22]. Но в 1879 г. оно было расторгнуто после конфликта по поводу оплаты лечения машиниста Мамонтова [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 4280, л. 15–16, 22–24].

Во второй половине XIX в. Верх-Исетский госпитальный комплекс дважды реконструировали. В середине 1880-х гг. в его главном здании кардинально укрепили фундамент. В первой половине 1890-х гг., с постройкой новых хозяйственных помещений, в госпитале удалось увеличить количество палат, создать специализированную операционную и изолированный приемный покой, а также оборудовать водопровод, туалеты и дезинфекционную камеру [см.: Автобиография…, 1902, с. XXXII].

Во второй половине XIX – начале XX вв. Верх-Исетский госпиталь пользовался широкой известностью у населения региона как признанный центр оказания квалифицированной хирургической и офтальмологической помощи. Эта репутация во многом обеспечивалась авторитетом А. А. Мыслáвского, которому в 1895 г. Казанский университет присвоил звания доктора медицины без защиты диссертации.

В 1909 г. новым врачом Верх-Исетского госпиталя стал выпускник Томского университета Леонид Васильевич Лепешинский (1870–1949). Он получил известность в период службы в Билимбаевском участке Екатеринбургского земства в 1898–1909 гг. [ГАСО, ф. 18, оп. 2, д. 181]. Потенциал Верх-Исетского госпиталя позволил ему успешно реализовывать свои возможности в хирургической деятельности.

В то же время, с конца XIX в. материально-техническое состояние госпитального комплекса постепенно ухудшалось. После смерти в 1897 г. Н. А. Яковлевой (в замужестве Стенбок-Фермор) Верх-Исетский округ испытывал серьезные финансовые проблемы. Они приобрели особую остроту в условиях социально-экономического кризиса и перехода к «многовладению» [см.: Неклюдов, 2013, с. 80–84]. Новые владельцы Верх-Исетского округа настойчиво стремились передать все свои заводские госпитали Екатеринбургскому земству.

Для последнего особый интерес представлял госпитальный комплекс Верх-Исетского завода. С одной стороны, он требовал серьезного ремонта и расширения. Но, с другой, в Екатеринбургском уездном земстве уже давно обсуждали необходимость иметь собственную большую больницу (до 120 кроватей) для самого населенного Пригородного участка. Верх-Исетский госпитальный комплекс с обширной прилегающей территорией представлялся прекрасной основой для ее создания.

Соглашение руководства Верх-Исетского округа и Екатеринбургского земства четко вписывается в общую тенденцию взаимодействия земской и горнозаводской медицины Урала. Оно стало результатом длительных (в течение трех лет, с несколькими перерывами) сложных переговоров, сопровождавшихся взаимными уступками. В конце 1910 г. был заключен компромиссный договор о передаче Верх-Исетского госпитального комплекса Екатеринбургскому уездному земству. Он предусматривал 12-летнюю бесплатную аренду, передачу земству части прилегающей заводской территории под строительство новых зданий и плату в 90 коп. за сутки за стационарное лечение заводских пациентов [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 316, л. 13–144; Журналы…, 1911, с. 290–290 об.].

В 1911 г. началась новая страница в истории Верх-Исетского госпитального комплекса. Он стал центром Пригородного земско-завод-

ского участка с населением более чем в 60 тыс. чел. Земство сразу перевело на его площади свою городскую амбулаторию и начало строительство новых зданий для размещения пациентов различных категорий. Это позволило быстро увеличить штатное количество мест для стационарного лечения: до 80 кроватей [см.: Журналы…, 1912, с. 35–40].

В результате Верх-Исетская больница быстро заняла особое положение в Екатеринбургском уезде. Формально она оставалась одной из 11 действовавших здесь земских участковых больниц, не имея статуса центрального (или районного) медицинского заведения. Но реально она стала ведущей для уезда: в 1914 г. на нее было затрачено 31,8 % всех «больничных» расходов Екатеринбургского уездного земства [см.: Журналы…, 1916, с. 363]. Вскоре после начала Первой мировой войны на базе больницы был создан военный лазарет на 125 кроватей [см.: Свердловская областная…, 2011, с. 26].

Верх-Исетская больница, единственная среди земских в Екатеринбургском уезде, имела трех штатных врачей. Ее старший врач Леонид Васильевич Лепешинский заслуженно входил в число лучших хирургов Пермской губернии. Терапевтическим отделением больницы заведовал один из самых известных медиков Екатеринбургского земства Николай Александрович Русских (1857–1916), служивший в нем с 1879 г. Вторым врачом Верх-Исетской больницы была Янина-Фелиция (Леонардовна) Сломовская (1877–1952), получившая в 1915 г. два ордена за самоотверженную деятельность во фронтовых госпиталях. Жизнь и деятельность каждого из них вполне может стать темой для отдельного исследования, как и дальнейшая история этого медицинского заведения, выполнявшего важные функции в здравоохранении Екатеринбурга на протяжении большей части XX в.

Автобиография А. А. Миславского // Зап. Урал. мед. общ-ва, год VII. Ч. 3. Екатеринбург : тип. Алексеева, 1902.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 18. Екатеринбургская земская управа.

Ф. 24. Уральское горное правление.

Ф. 72. Главное управление акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов (б. Яковлевых).

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XLI-й очередной сессии (1910 г.) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург : тип. газ. «Уральская жизнь», 1911.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 42-й очередной сессии (1911 г.) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург : тип. газ. «Уральская жизнь, 1912.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 46-й очередной сессии (1915 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург : тип. тов-ва «Уральский край», 1916.

Император Александр I: по личным воспоминаниям лейб-медика Д. К. Тарасова. Пг. : тип. Суворина, 1915.

Кузякин В. П. К истории организации медицинского обслуживания рабочих Верх-Исетского металлургического завода // Материалы к истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск : ТГУ, 1960. С. 206–208.

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993.

Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.) : сб. ст. Екатеринбург : Демидовский институт, 2001. С. 64–76.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил : НТГСПА, 2004.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2013.

Описание заводов хребта Уральского, составленное Пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым в 1807–1809 годах // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII и XIX веков : сб. докум. материалов. Свердловск : тип. Металлургиздата, 1956. С. 147–298.

Раскин А. М. Архитектура классицизма на Урале. Свердловск : УрГУ, 1989.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1267. Демидовы.

Свердловская областная клиническая больница № 1: 200 славных лет: больница в лицах / под ред. Ф. И. Бадаева. Екатеринбург, 2011.

Соркин Ю. Э. Врачебная династия Мирославских XIX–XX вв. Екатеринбург : АРГО, 1995.

Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А. Земская и горнозаводская медицина Пермской губернии в 1870–1880-х годах: начало взаимодействия // Науч. диалог. 2019. № 12. С. 447–457.

Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX века // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 612–617.

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2017.

УДК 94(470.5).083.4/.084.3:329

М. И. Люхудзаев

УЧАСТИЕ С. Н. СТРИЖОВА И И. П. ТАРАСОВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСЕРОВ НА УРАЛЕ В 1903–1918 гг.

В статье сделана попытка определить роль С. Н. Стрижова и И. П. Тарасова в политической активности эсеров на Урале в 1903–1918 гг. Наиболее успешно агитационную и пропагандистскую работу среди населения они вели в легальный период своей активности, добиваясь поддержки своих резолюций на партконференциях эсеров Урала. Заняв

© Люхудзаев М. И., 2021

лидирующие позиции в организации эсеров Екатеринбурга в 1917 г., Стрижов и Тарасов стремились оказать влияние на управление предприятиями региона через Заводское совещание. Автором сделан вывод о невозможности реализации на практике предложений Стрижова об автономном развитии Урала в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: И. П. Тарасов, С. Н. Стрижов, партия социалистов-революционеров, золотодобыча, геология, промышленность, автономия Урала, съезды золотопромышленников

Внимание исследователей к истории политических партий, возникших в начале XX в., закономерно, поскольку в их деятельности отражен опыт взаимоотношений активной части общества и власти. Особый интерес представляет исследование истории партии социалистов-революционеров (ПСР), занимавшей одно из ведущих мест в российской политической системе, бывшей одной из наиболее многочисленных и влиятельных немарксистских организаций, чьи представители действовали на территории Урала. Изучение опыта их деятельности позволяет избежать ошибок при решении современных проблем развития общества и российской государственности. В данной работе сделана попытка определить роль С. Н. Стрижова и И. П. Тарасова в политической активности эсеров на Урале в 1903–1918 гг.

Сергей Николаевич Стрижов (1875–?) родился на территории Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда в семье известного в Пермской губернии предпринимателя, золотопромышленника, общественного деятеля и мецената. В собственности Н. Г. Стрижова было несколько небольших золотых приисков, в том числе и тех, где велась дорогостоящая шахтная добыча [см.: Евдошенко, 2014, с. 121]. С. Н. Стрижов учился в Екатеринбургской классической гимназии, но оставил ее после шестого класса. В 1897–1899 гг. он участвовал в геологоразведочных работах на Северном Кавказе под руководством старшего брата, И. Н. Стрижова, вошедшего в группу крупнейших нефтяников и газовиков России первой половины XX в. [см.: Стрижов, 1901, с. 115; 1902, с. 106].

Его соратник Иван Петрович Тарасов (1880–1937) родился в семье екатеринбургского купца, золотопромышленника и мецената П. И. Тарасова. В 1898 г. И. П. Тарасов окончил Екатеринбургское Алексеевское реальное училище, а затем обучался в Московском императорском высшем техническом училище [см.: Микитюк, Рукосуев, 2019, с. 141]. За участие в студенческой демонстрации 9 февраля 1902 г. в здании Московского университета Тарасова подвергли полугодовому тюремному заключению и отчислили из вуза [см.: ГА РФ, ф. 102,

оп. 100, д. 1678, л. 3]. Вернувшись на Урал, он участвовал в деятельности Екатеринбургского комитета (Восточная группа «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров»), который при активном участии Стрижова получал нелегальную литературу из Швейцарии и снабжал ею организации в Перми и Уфе [см.: Капцугович, 1975, с. 33]. Весной 1903 г. комитет активизировал свою деятельность с приездом в Екатеринбург Ю. П. Стрижовой, отправленной на Урал центральными эсеровскими организациями [Там же, с. 31]. В этот период Тарасов выезжал для создания эсеровских кружков и групп в Нижний Тагил и Каслинский завод.

После того, как в конце мая 1903 г. провокаторы целиком выдали полиции Екатеринбургский комитет, было арестовано 40 человек, а «Уральский союз» вскоре прекратил свое существование [Там же, с. 38]. За агитацию и распространение нелегальной литературы (брошюр и прокламаций) 25 мая подверглись аресту жена Стрижова и его сестры Клавдия и Вера, а 2 июня – Тарасов, которых выпустили на свободу в сентябре 1904 г. под крупный залог [см.: ГА РФ, ф. 102, оп. 200, д. 1300, л. 76, 81]. Примечательно, что сестры Стрижова вышли замуж за членов ПСР И. П. Тарасова и А. В. Иванова, которых позднее вместе с ним участники революционного движения на Урале в 1905–1906 гг. называли лидерами эсеровской организации Екатеринбурга [см.: Евдошенко, 2014, с. 121]. Вернувшись из Швейцарии в 1904 г., Стрижов участвовал в восстановлении эсеровской организации в Екатеринбурге, налаживал контакты с эсерами Челябинска, Златоуста, Нижнего Тагила [см.: Капцугович, 1975, с. 49]. За распространение нелегальной литературы, участие в сходках и манифестациях заводских рабочих Стрижов привлекался к ответственности в Орле (1904 г.) и Екатеринбурге (1905 г.) [см.: ГА РФ, ф. 102, оп. 202, д. 2560, ч. 1, л. 1–3].

Вероятно, преследования, в том числе ликвидация эсеровской организации в Екатеринбурге, произошедшая после провала в феврале 1908 г. местной группы «Уральского боевого союза», подтолкнули эсеров к использованию легальных форм пропагандистской работы через профсоюзы, кооперативы, прессу и т. д. Управляя прииском «Анонимного общества Кочкарских золотых приисков» в Троицком уезде Оренбургской губернии, Тарасов в 1907–1908 гг. по совместительству был секретарем, казначеем и членом правления Кочкарского приискового общества народного образования [см.: Микитюк, Рукосуев, 2019, с. 141]. Эта организация содействовала образованию, просвещению и культурному развитию работников Кочкарских золотых приисков и членов их семей. Летом 1910 г. полиция при обыске в библиотеке общества обнаружила более 300 книг и брошюр нелегального содер-

жания, а в протоколе обыска было отмечено, что подбор литературы осуществлялся правлением общества, в состав которого входили «политически неблагонадежные» братья Тарасовы [Общество народного образования…].

Став с 1910 г. представителем Совета съезда золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний, Тарасов неоднократно принимал участие в работе профильных форумов, проходивших на Урале. На V общем съезде золото- и платинопромышленников (ЗиПП) Уральской горной области, состоявшемся в Екатеринбурге 11–14 февраля 1910 г., он поддержал ходатайство об открытии школы десятников при Миасском реальном училище. Тарасов отметил, что золотопромышленники Кочкарского рудника переходят на разработку золота цианистым способом и необходимо ознакомление учеников с основами химии для успешной работы на цианистой фабрике [см.: Труды V-го общего съезда…, 1910, с. 48–49]. Сделав доклад комиссии по законопроекту положения о страховании рабочих от несчастных случаев, он предложил его изменение для обсуждения в Государственной Думе, о котором при условии одобрения съездом предлагалось в частном порядке сообщить представителям Пермской, Оренбургской, Уфимской и Вятской губерний [Там же, с. 27–28]. Аналогичное решение съездом было принято по докладу Тарасова о больничных кассах, в котором для рассмотрения в Государственной Думе замечания к проекту было поручено сделать Оренбургскому съезду золотопромышленников [Там же, с. 33].

Принимая деятельное участие в обсуждении вопросов нефтедобычи и золотодобычи на Урале в прессе и на съездах ЗиПП, Стрижов в 1910 г. стал членом Петербургского оргкомитета по созыву I Всероссийского съезда представителей средней и мелкой промышленности и торговли. Критикуя в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» решение бюджетной комиссии Госсовета, отказавшей в финансировании правительственных разведочных бурений на Ухте, он заявил, что это удар по всем мероприятиям казны в Северном нефтяном районе. Стрижов подчеркнул, что изгнание из Ухты предпринимателей-пионеров сыграет на руку нефтяным королям, позволив капиталам Нобеля и Ротшильда задавить любую конкуренцию [см.: Стрижов, 1910, с. 11]. Отметив в другой статье, что общая добыча золота и платины на Урале с 1906 по 1910 гг. неуклонно падала, одной из причин снижения золотодобычи Стрижов назвал отсутствие льгот со стороны казны для необходимой при оборудовании приисков механизации [см.: Стрижов, 1911, № 14, с. 97]. По его мнению, исправить ситуацию могло расширение разработок путем проведения научно-промышленных геологических изысканий на новых местах,

установление путей сообщения с отдаленными районами, создание кредита для предприятий, введение государственной монополии на добычу платины [см.: Стрижов, 1911, № 16, с. 340].

Представляя интересы группы мелких золотопромышленников на X местном съезде ЗиПП Пермской губернии в Екатеринбурге в феврале-марте 1911 г., Стрижов выступил с докладом по вопросу об улучшении путей сообщения между приисками, а также приисками и населенными пунктами в Чердынском районе [см.: Труды X местного съезда…, 1911, с. 17]. По поручению этой группы он внес дополнения о том, что на приисках, выработанных на землях казенных, общественных и посессионных следовало предоставить свободное право пользования водой, с правом установления промывальных устройств [Там же, с. 39]. Съезд отклонил его кандидатуру для участия во Всероссийском съезде представителей средней и мелкой промышленности и торговли, избрав Н. Г. Стрижова [Там же, с. 117].

Стрижов и Тарасов участвовали в работе XI местного съезда ЗиПП Пермской губернии в Кушве (12–15 марта 1912 г.). Стрижова избрали секретарем съезда и в состав Совещательной конторы от владельцев, имеющих прииски на казенных землях [см.: Труды XI местного съезда…, 1912, с. 11, 51]. При обсуждении мер по борьбе с хищничеством на приисках Тарасов предложил Совету съезда детально разработать этот вопрос, упростив условия легальной разработки. Стрижов отметил, что содержать за свой счет мировых судей золотопромышленникам, среди которых много малоимущих, было тяжело и следовало ходатайствовать об увеличении уездных членов суда, но только за счет казны. Проблему хищничества могло решить содержание за счет золотопромышленников горных надсмотрщиков, о наличии которых на приисках в Оренбургской губернии сообщил Тарасов [Там же, с. 19–21].

Выступив за упрощение регистрации участков кустарей-крестьян, Стрижов предложил ходатайствовать перед Горным управлением об отмене требования отвода с сохранением требований удостоверения Волостного правления и выкопировки из планшета, что было одобрено съездом [Там же, с. 15–16]. Кроме того, съезд поддержал предложения Стрижова о ликвидации посессионного права для перехода в казну большей части посессионных земель, а также об открытии участков, прежде закрытых для освоения (в даче Нижне-Исетской, Березовской и др.) [Там же, с. 23–24]. Стрижов вновь был избран секретарем 29 декабря 1913 г. на XIII местном съезде ЗиПП Пермской губернии в Екатеринбурге. Согласившись с его мнением по вопросу о дополнительной поземельной плате и новом проекте правил пользования отводами на казенных землях, съезд поручил Совету

послать телеграмму министру торговли и промышленности и копии министру финансов, директору Горного департамента с изложением отрицательного отношения к проекту [см.: Труды XIII местного съезда…, 1913, с. 18].

Понеся убытки из-за аварий на шахтах в 1912 г. и стремясь избежать банкротства, Тарасовы согласились на предложения Кочкарского АО о продаже приисков летом 1913 г., что сделало эту организацию одним из крупнейших золоторудных предприятий страны [см.: Дмитриев, 2002, с. 182–202]. Вениамин, Иван и Клавдия Тарасовы в 1913–1914 гг. оставались действительными членами правления Кочкарского приискового общества народного образования [см.: Хайрятдинов, 2020, с. 22]. Вероятно, поработав в Грозном у известного бурового подрядчика Г. М. Фаниева, в 1916 г. Тарасов вернулся в Екатеринбург, став совладельцем технической конторы по поставкам металлоизделий и станков [см.: Евдошенко, 2014, с. 121]. В этот период он входил в состав Уральского областного военно-промышленного комитета, а также был членом вещевой приемочной комиссии, занимавшейся приемкой и освидетельствованием предметов по его заказам [см.: Микитюк, Рукосуев, 2019, с. 141]. С февраля 1916 г. Тарасов был членом Екатеринбургского местного комитета союза городов, а также участником областного совещания представителей аналогичных организаций Северного района.

В феврале 1915 г. в Екатеринбурге было разрешено учредить профессиональное «Общество торговых и торгово-промышленных служащих», в которое вошли служащие банков, различных торгово-промышленных предприятий и учреждений города, а учредителями стали эсеры И. С. Кожихов и И. Н. Муксунов [см.: Габдулхаков, 2004, с. 75]. Вероятно, участвуя в его работе, Стрижов в 1916 г. вошел в состав редакции по выпуску прокламаций и листовок вместе с эсерами С. К. Тарабукиным, И. С. Кожиховым и др., объединившимися с социал-демократами Екатеринбурга для организации нелегальной типографии [см.: ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 246, ч. 56, л. Б, л. 2]. В конце года эсеровская организация командировала в Уфу Кожихова, который договорился с местными эсерами о поставке типографии в Екатеринбург. В 1917 г. Стрижов продолжил партийную работу в Троицке, активно участвуя в мероприятиях местной эсеровской организации.

На Урале после февраля 1917 г. разрозненные группы оппозиционных при царизме парткомов возобновили свою легальную деятельность. 7 марта был избран Екатеринбургский комитет ПСР, председателем которого стал Тарабукин. Тарасов вошел в состав реорганизованного Екатеринбургского горкома эсеров 4 апреля 1917 г., а также в редакционную комиссию, ответственную за издание пар-

тийной литературы и снабжение ею населения. Численность Екатеринбургской организации ПСР в этот период составляла 450 человек, а в новом составе ее парткома из пяти эсеров трое вскоре перешли на левые позиции (Н. Н. Барабошкин, М. И. Борисов, И. П. Тарасов). Проводя активную пропагандистскую деятельность среди населения и солдат, в марте-мае эсеровский горком Екатеринбурга напечатал более 100 тыс. экземпляров программы ПСР и различных брошюр [см.: Попов, Бугров, 1997, с. 52].

Если доклад Тарасова 6 апреля на митинге Екатеринбургской организации ПСР, в котором была изложена политическая программа эсеров, прошел без прений, то его выступление по вопросам войны и мира на собрании эсеров 17 мая вызвало жаркие дебаты [см.: Зауральский край, № 76, с. 3]. Тарасов заявил, что Екатеринбургский комитет ПСР присоединяется к точке зрения Петросовета об условиях мира: без аннексий и контрибуций, отсутствие захватных стремлений, самоопределение народов, возмещение убытков от войны капиталистами воюющих стран [см.: Зауральский край, 1917, № 114, с. 3]. Собранием эсеров была принята резолюция В. И. Хотимского о том, что трудовой народ должен ликвидировать войну и, если надо – наступать для сохранения свободы.

На собрании организации ПСР, прошедшем под председательством Тарасова в Екатеринбурге 9 июня, прапорщик Стрижов приветствовал участников, ознакомив с итогами партийной работы в Троицке. По его словам, эсеры вели агитацию среди солдат, рабочих и в местном Совете, в котором члены ПСР преобладали по влиянию. Уделив все внимание выборам в городское управление, в предвыборной кампании эсеры Троицка объединились с социал-демократами. Стрижов призвал эсеров Екатеринбурга к единению в общей работе под знаменем «Земли и воли» [см.: Зауральский край, 1917, № 126, с. 3]. В печати он сообщил, что работа в Троицке эсерами велась интенсивно, почти еженедельно происходили партсобрания, читались лекции по вопросам программы, удалось провести двух членов ПСР в состав исполкома уездного Совета крестьянских депутатов, было решено приступить к изданию двухнедельного партийного органа «Степная воля» [см.: Труд, 1917, с. 3].

Авторитет Тарасова был подтвержден его избранием на I Екатеринбургском окружном съезде советов рабочих и солдатских депутатов (9–14 июня) в президиум и товарищем председателя [см.: Зауральский край, 1917, № 130, с. 3]. Незначительное преимущество большевиков (50 человек против 36 эсеров, 13 меньшевиков и 7 беспартийных) на этом съезде позволило их оппонентам при блокировании диктовать свои условия. После отказа блока эсеров и меньшевиков работать

в военной секции в ответ на требование С. М. Цвиллинга о подчинении Стрижов заявил, что они не могли подчиниться, не признавая право «кучки людей» выносить решения, на которые их не уполномочили и готовы были покинуть заседание [см.: Борьба, 1917, № 12].

В июле левые эсеры Тарасов и Хотимский на областной партконференции вошли в состав Уральского областного бюро [см.: ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 77, л. 13]. Тарасов выступил с докладом по муниципальному вопросу и предложил компромиссную резолюцию, призвав уральских руководителей парторганизаций объединиться в коалицию, лояльную Петросовету и Временному правительству [см.: Дмитриев, 2002, с. 182–202]. Став членом областного бюро, Тарасов отвечал за издание печатного органа «Вольный Урал». Он оказался в эсеровском списке представителей в Екатеринбургскую городскую думу, в которую членам ПСР удалось провести 30 июля 44 гласных (51,7 % всех голосов) [см.: Думы Урала, 1917, № 53; Капцугович, 1975, с. 116]. На Оренбургском губернском съезде советов крестьянских депутатов, проходившем с 5 по 10 августа, делегат Троицкого уездного Совета Стрижов вместе с представителем Оренбургского Совета А. А. Левиным были избраны для участия в работе Московского государственного совещания. По предложению Стрижова губернский съезд единогласно принял резолюцию о В. М. Чернове, в которой приветствовал его возвращение на пост министра земледелия и высказался за возможность беспрепятственной передачи земли в пользование трудовому народу на уравнительно-трудовых началах [см.: Труд, 1917. № 121, с. 4].

Пытаясь склонить на свою точку зрения II губернскую конференцию ПСР (2–5 сентября) в Перми, левые эсеры во главе с Тарасовым и Хотимским добились заявления об отказе от сотрудничества с буржуазией, но их предложение о поддержке единовластия советов не имело успеха [см.: Попов, Бугров, 1997, с. 95]. В резолюции конференция указала требования о создании однородной власти из среды демократии, прекращении травли ее левого крыла, отмене смертной казни, ускорении созыва Учредительного собрания. Тарасов подчеркнул в своем выступлении, что власть фактически перешла в руки демократии и соглашения с буржуазией быть не может. По его мнению, в этом точка зрения демократических организаций Екатеринбурга и Перми совпадала. Одобрив созыв Демократического совещания, которое стало бы «выразителем воли широких слоев демократии», эсеры Екатеринбурга 16 сентября на общем собрании поддержали его при условии формирования «однородной» демократической власти [см.: Вольный Урал, 1917, № 1].

В сентябре было созвано учредительное собрание Заводского совещания Урала, на котором присутствовали представители Екате-

ринбургского окружного и городского Советов, а также областного Совета крестьянских депутатов. Подвергнув критике Заводское совещание за безынициативность, Тарасов отметил, что ему «больше не требуется опека сверху, оно само сумеет разобраться в местных заводах» [ГАСО, ф. Р-2601, оп. 1, д. 413, л. 153 об.]. Эсер М. В. Успенский, избранный с Тарасовым в рабочий состав совещания, заметил, что оно может урегулировать вопрос о введении Временным правительством твердых цен установлением контроля над промышленностью всеми доступными средствами. В октябре 1917 г. Тарасов переехал из Екатеринбурга в Омск, став в местном отделении Закупсбыта[1] комиссаром по распределению сельскохозяйственных машин, поступающих из США [см.: Микитюк, Рукосуев, 2019, с. 141].

В Екатеринбурге Стрижов принял участие в работе местной военной организации эсеров, которая уже стояла на левой позиции, что позволило ей избежать партийного раскола [см.: Наш Путь, 1918, № 7, с. 2]. Военная организация, как наиболее активная часть эсеров Екатеринбурга, поддерживала влияние ПСР в городе, вела пропаганду на митингах и лекциях, разъясняла свою позицию в брошюрах «об организации и тактике», издавала воззвания, газету «Наш Путь» в целях объединения левых эсеров на Урале [см.: Там же, № 5, с. 2]. От Совета фабзавкомов эсеры С. Н. Стрижов и М. И. Зайд вошли в состав Временного бюро Комитета народной власти, которому с 31 октября по 22 ноября Екатеринбургский Совет передал власть [см.: Кружинов, Сокова, 2017, с. 17; Баранов, 1928, с. 28–29; ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 322, л. 176–177]. Кроме них во Временном бюро оказались большевики П. Л. Войков, Н. Н. Крестинский, И. Я. Тунтул, беспартийный П. П. Браницкий.

Участвуя в агитационной работе, 16 ноября Стрижов выступил в Шайтанском заводе с лекцией о разнице в программах эсеров, меньшевиков и большевиков, а 17 ноября – на собрании Ревдинской эсеровской организации, где изложил вопрос о текущем моменте. Предложенные им резолюции для объединения и выяснения общей тактики эсеров на Урале и о власти в Ревде были приняты с дополнениями. В частности, в резолюции было указано о создании однородной власти из социалистических партий, недопустимости диктатуры одной партии, учреждении ревкома [см.: Вольный Урал, 1917, № 28]. Войдя 30 ноября в состав Рабочего бюро Заводского совещания (ставшего затем Исполнительным бюро), Стрижов считал, что левые эсеры не должны игнорировать важную и ответственную работу в этом органе, охватывающем весь Урал. 23 декабря 1917 г. на Заводское совещание

[1] Закупсбыт (Союз сибирских кооперативных союзов) – сибирская кооперация, существовавшая с 1916 г. до начала 1920-х гг.

возложили руководство работой национализированной промышленностью Урала, ее демилитаризацией, через него же осуществлялось финансирование заводов и горных округов [см.: Буданов, 2006, с. 164]. Для усиления партийного влияния в Заводском совещании и областных Советах рабочих и солдатских депутатов Стрижов предложил доизбрать в эти органы по одному представителю, получив согласие левоэсеровского горкома [см.: Наш Путь, 1918, № 2, с. 3]. В статье о муниципализации Билимбаевского завода он отметил, что для достижения успеха в этом вопросе нужна опора на Заводское совещание и советы, ведущая к широкому самоуправлению, которое в организованном виде станет автономией Урала [см.: Там же, № 4, с. 2].

Считая неизбежным создание автономии края, 17 декабря на собрании левых эсеров Екатеринбурга Стрижов выступил за сохранение самостоятельной организации левых эсеров региона при тесном контакте с ПЛСР до выяснения партийной платформы вообще и по Уралу в частности [см.: Там же, № 2, с. 3]. Войдя в состав комиссии по созыву областного партийного съезда, он указал в печати на необходимость выявить свое мнение по вопросам о работе казенных, посессионных и частных заводов на Урале, разработке недр в интересах населения, реформировании горнозаводского промысла в крае [см.: Там же, с. 1]. Стрижов участвовал в работе IV губернской конференции ПСР в Перми, на которой лишенные права решающего голоса левые эсеры ушли с заседания и впоследствии провели свое собрание в Мотовилихе, поставив задачу о создании местных, губернских и областной организаций ПЛСР.

На I съезде левых эсеров (10–12 января 1918 г.) в Екатеринбурге Стрижов выступил с докладом об организации власти на Урале, после которого была принята резолюция о необходимости осуществления автономии Урала [см.: Там же, № 8, с. 2]. Делегаты приняли предложенную Стрижовым резолюцию, в которой подтвердили отмежевание от ПСР и дальнейшее самостоятельное существование, укрепление и развитие организаций ПЛСР. Возможно, Стрижов вошел в состав избранного на съезде обкома ПЛСР, в котором кроме него оказались Н. П. Горин, М. И. Зайд, Д. Е. Синявский, В. И. Хотимский, М. Х. Поляков. Рассматривая способы организации власти на Урале, он подчеркивал необходимость установления его автономии с центром в Екатеринбурге, в котором распределялись бы средства из Петрограда, получаемые для финансирования края [см.: Там же, № 5, с. 2]. Внося поправку к резолюции большевиков на III Уральском областном съезде советов рабочих и солдатских депутатов (24–29 января) в Екатеринбурге, Стрижов указал, что пролетариат России составляет малую величину, поэтому следует говорить «пролетариат и тру-

довое крестьянство», а не «пролетариат и беднейшее крестьянство» [см.: ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 327, л. 42]. Стоит отметить, что, уступая на съезде в численности большевикам (119 человек), левым эсерам (22 человека) было сложно оказывать влияние на принимаемые решения.

Занимаясь редактированием газеты «Наш Путь», Стрижов по-прежнему участвовал в агитационной работе и по поручению обкома ПЛСР Урала выступил 29 апреля на собрании в Нижнеуфалейском Совете с докладом по текущему моменту [см.: Наш Путь, 1918, № 39, с. 4]. Критикуя в печати курс В. И. Ленина во внешней и внутренней политике, Стрижов отмечал, что поворотным пунктом стал Брестский мир, превративший его в «мещанина русской революции», пытающегося путем уступок Германии создать в России социалистический остров [см.: Там же, № 40, с. 2–3]. Примечательно, что III областной партсъезд, солидарный с его точкой зрения, принял резолюцию по текущему моменту, которая резко противоречила новому курсу Ленина [Там же, с. 3]. Стрижов заявил, что автономия Урала могла облегчить развитие промышленности края и развить активность трудящихся, а вместо национализации была необходима муниципализация предприятий «до передачи заведования производством областному самоуправлению» [см.: Там же, № 39, с. 3].

В условиях вооруженного противостояния чехословакам на Урале Стрижов на заседании Екатеринбургского Совета 29 мая убеждал в лояльности левых эсеров, требуя для них представительства в военно-революционном штабе Урала. Получив отказ на просьбу об участии в заседаниях штаба, левые эсеры лишились возможности иметь оперативную информацию об изменениях обстановки на фронте [см.: ЦДООСО, ф. 41, оп.1, д. 102, л. 23 об. – 24; ГАСО, ф. Р-2601, оп. 1, д. 210, л. 134–135]. Затягивание решения вопроса о выдаче оружия левым эсерам обостряло их отношения с большевиками. Так, при участии Стрижова и Горина был улажен конфликт, возникший в конце мая в Екатеринбурге между левоэсеровскими дружинами и областным военкомом Ф. И. Голощекиным, который отказал им в выдаче вооружения до момента подчинения общему командованию [см.: ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 102, л. 19, 21]. Это условие не устраивало левых эсеров, рисковавших в случае обострения отношений с большевиками остаться без оружия.

Во второй половине июня больше недели Стрижов в составе редакции «Нашего Пути» был мобилизован в связи с чехословацкой угрозой и ростом напряженности обстановки в Екатеринбурге и на Верх-Исетском заводе [Наш Путь, 1918, № 50, с. 1]. Обвинив 10 июля левых эсеров в «эквилибристике» на заседании Екатеринбургского Совета при выяснении их отношения к выступлению ЦК ПЛСР

в Москве, большевики напомнили, что «левейший из левых» Стрижов назвал «Октябрьское восстание бунтом, большевистской авантюрой, направленной против демократии» [Уральский рабочий, 1918, № 138]. Выразив недоверие официальному заявлению представителей обкома левых эсеров, 11 июля Г. И. Сафаров заявил в передовице газеты «Уральский рабочий», что они свое «приятие» авантюристской линии ЦК пытались прикрыть необходимой (общей с большевиками) обороны революции на Урале. После эвакуации из Екатеринбурга под руководством Стрижова левыми эсерами велась контрразведка в районе г. Невьянска. Поддерживая связь с подпольем, они объединяли членов ПЛСР на фронте, вели агитацию среди крестьян, формировали отряды, снабжали оружием и обмундированием [см.: ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 435, л. 56]. Накануне сдачи Невьянска перед контрразведкой эсерами был поставлен вопрос о временном перевороте на фронте под лозунгом выборности командного состава и комиссаров [см.: ГАПК, ф. Р-732, оп. 1, д. 424, л. 1 – 1 об.]. 13 августа Стрижов направил коменданту станции Невьянск прошение на выдачу пропуска двум дружинникам отряда для поездки в Тагил и одному для поездки в Сан-Донато и возвращения в отряд [см.: ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 77, л. 114]. Среди эвакуировавшихся в августе в Пермь членов левоэсеровского обкома Стрижов не упоминался. В автобиографии в 1940 г. И. Н. Стрижов сообщил, что его брата уже не было в живых [см.: Выдающийся ученый нефтяник…, 2008, с. 103].

И. П. Тарасов с весны 1918 г. жил во Владивостоке и заведовал Владивостокской конторой Закупсбыта. В частности, в мае того же года он занимался вопросами сбыта пушнины в Америку и закупки машин для промышленных предприятий, а в ноябре – закупки эфирных масел из Японии и Америки [см.: Закупсбыт, 1999, с. 127, 144]. Позднее он оказался в эмиграции, сначала в Японии, затем в Китае (Шанхай), где служил в представительстве Нефтесиндиката, а К. Н. Тарасова держала «пансион» для советских служащих [см.: Евдошенко, 2014, с. 121]. В 1927 г. Тарасов вернулся в СССР, служил в Наркомторге. В 1937 г. он работал плановиком на Чаквинской чайной фабрике в Грузии, 24 февраля был арестован органами НКВД, 14 сентября осужден Военной коллегией по статьям 58-6, 58-10 УК ГССР и на следующий день расстрелян [Тарасов Иван Петрович].

Рассмотренный материал подтверждает, что в лице Стрижова и Тарасова в руководстве эсеровской организации Екатеринбурга в 1917 г. оказались опытные активисты ПСР, участвовавшие в революционном процессе в 1903–1905 гг., подвергавшиеся арестам за нелегальную деятельность и бывшие практиками, хорошо знающими специфику региона. Как и другие уральские эсеры, в межреволюци-

онный период они использовали легальные методы работы в профсоюзах, кооперативах, прессе, ведя агитационную и пропагандистскую работу для налаживания и укрепления связи с массами [Габдулхаков, с. 78]. Участвуя с 1903 г. в политической жизни края, наибольшего успеха они добились в легальный период своей активности, получив поддержку своих резолюций на областных партконференциях и сыграв важную роль в консолидации левых эсеров Урала. Используя опыт предшествующей революционной работы, в 1917 г. Стрижов и Тарасов заняли лидирующие позиции среди эсеров Екатеринбурга и стремились оказать влияние на управление предприятиями Урала через Заводское совещание. Предложения Стрижова об автономном развитии Урала, основанные на знании специфики работы предприятий региона и учитывающие их особенности, были вызваны не столько сепаратизмом, сколько необходимостью реорганизации всей системы руководства промышленностью и отсутствием кадров. Они едва ли могли быть реализованы на практике в обстоятельствах Гражданской войны, поскольку противоречили ее условиям и не были поддержаны местными большевиками.

Баранов А. Октябрь и начало Гражданской войны на Урале. Свердловск : Изд. Истпарта Уралобкома ВКП, 1928.

Борьба (Екатеринбург). 1917.

Буданов А. В. Становление органов рабочего управления национализированным производством Урала (1917 – май 1918 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск. 2006. Вып. № XVI (3). С. 163–168.

Вольный Урал (Екатеринбург). 1917.

Выдающийся ученый нефтяник и газовик профессор Иван Николаевич Стрижов / под ред. И. А. Гараевской. М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2008.

Габдулхаков Р. Б. Особенности политической деятельности эсеров на Урале (1907 – февраль 1917 г.) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 10. С. 74–79.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-732. Коллекция документов и воспоминаний о революции 1905 года, Февральской революции, Октябрьской революции и гражданской войне. 1904–1969 гг.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880–1917 гг.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2601. Коллекция документов по истории рабочего и революционного движения, и установления Советской власти на Урале. 1881–1927 гг.

Дмитриев А. В. Дом на Тарасовской. Семейная хроника одного купеческого рода // Урал. 2002. № 8. С. 182–202. URL: http://book.uraic.ru/elib/ural/2002_08/Ural_2002_08_11.htm (дата обращения: 05.01.2021).

Думы Урала. 1917. № 53.

Евдошенко Ю. В. И. Н. Стрижов: новые факты биографии // Нефтяное хозяйство. 2014. № 8. С. 120–123.

Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923). Новосибирск : Наука. Сиб. отд. РАН, 1999.

Зауральский край. 1917.

Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1975.

Кружинов В. М., Сокова З. Н. Альтернативные формы политической власти осенью 1917 г.: региональный аспект // Урал. ист. вестн. 2017, № 3 (56). С. 14–22.

Микитюк В. П., Рукосуев Е. Ю. Уральский областной военно-промышленный комитет: дела и люди. Екатеринбург : УрО РАН, 2019.

Наш Путь (Екатеринбург). 1918.

Общество народного образования на Кочкарских приисках // Челябинская область : портал. URL: http://chel-portal.ru/enc/obshhestvo_narodnogo_obrazovaniya_na_kochkarskih_priiskah (дата обращения: 05.01.2021).

Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург : Наука, 1997.

Стрижов И. Н. Демонзагатский серебро-свинцовый рудник Терского горнопромышленного акционерного общества // Горн. журн. 1901. № 5. С. 114–125.

Стрижов И. Н. Геологическое строение Куртатинского ущелья и месторождения медного колчедана в его верховьях (на Северном Кавказе) // Горн. журн. 1902. № 10. С. 103–116.

Стрижов С. Н. Итоги статистики по добыче золота и платины на Урале // Изв. Архангельск. общ-ва изучения Русского Севера. 1911. № 14. С. 95–99; № 16. С. 37–341.

Стрижов С. Н. Ухтинская нефть. К современному положению вопроса. // Изв. Архангельск. общ-ва изучения Русского Севера. 1910. № 6.

Тарасов Иван Петрович // Открытый список. URL:https://ru.openlist.wiki/%D0%A2%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1880) (дата обращения: 05.01.2021).

Труд : орган Моск. комитета партии эсеров. 1917.

Труды V-го общего съезда золото- и платинопромышленников Уральской горной области, бывшего в Екатеринбурге 11–14 февраля 1910 г. Екатеринбург : Тип. газ. «Уральская жизнь», 1910.

Труды X местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в Екатеринбурге с 28 февраля по 2 марта 1911 г. Екатеринбург : Тип. Л. В. Шаравьевой, 1911.

Труды XI местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, проходившего в Кушвинском заводе с 12 по 15 марта 1912 г. Екатеринбург : Тип. Тов. «Уральский край», 1912.

Труды XIII местного съезда золото- и платинопромышленников Пермской губернии, бывшего в Екатеринбурге 28–30 декабря 1913 года. Екатеринбург : Тип. Л. В. Шаравьевой, 1914.

Уральский рабочий. 1918.

Хайрятдинов Р. К. История предпринимательства Пластовского района. Пласт : МКУ «Пластовский районный музей», 2020.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Свердловский (Уральский) истпарт. 1922–1979 гг.

Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Каменный пояс, 2004. Т. 3: К–Л.

УДК 94(470.5).084.3:329

А. П. Павленко

КРАСНЫЕ ВОЙСКА ПОД КЫШТЫМОМ В МАЕ-ИЮНЕ 1918 г. (ВЗГЛЯД ГЕНШТАБИСТА А. Л. СИМОНОВА)

В статье анализируется отчет Андрея Леонидовича Симонова, бывшего офицера Генерального штаба, находившегося на службе у красных (в дальнейшем перешел на сторону белых). Излагается биография А. Л. Симонова. Подробно описываются действия красных войск под Кыштымом с 27 мая по 12 июня 1918 г. в общем контексте развития чехословацкого восстания. Характеризуются состояние красных отрядов, их боевые действия против сил чехословацкого корпуса и отступление с поля боя.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, восстание Чехословацкого корпуса, военное строительство, Андрей Леонидович Симонов, Академия Генерального штаба.

В конце мая 1918 г. в России против большевиков поднял восстание Чехословацкий корпус, что способствовало эскалации Гражданской войны и перерастанию ее в масштабный общероссийский конфликт. В момент первых столкновений Гражданской войны рубежа 1917–1918 гг. чехословаки, находившиеся на Украине, пытались сохранить нейтралитет. В марте 1918 г. советское правительство разрешило проход железнодорожных эшелонов корпуса во Владивосток, откуда солдат планировалось вывезти кораблями стран Антанты во Францию. В мае 1918 г. поезда, растянувшиеся по дороге от Пензы до Владивостока, были остановлены по приказу наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, предписавшего разоружить чехословаков (около 45 тыс. чел.). Попытки местных советских отрядов выполнить этот приказ привели к вооруженным столкновениям с легионерами. В ответ вспыхнуло восстание корпуса, части которого располагались в Поволжье, Сибири и на Южном Урале. Ночью 27 мая 1918 г. произошло выступление чехословацкой группировки (около 9 тыс. чел.) в Челябинске [Златоустовский инцидент, 2008, с. 5–17; Плотников, 2007, с. 9, 10].

Сразу после начала восстания на Урале красные начали мобилизацию своих сил. В распоряжении Уральского областного военного комиссариата имелись только полки незавершенного формирования, а также рабочие отряды [Гражданская война…, 1962, с. 78, 81, 82]. В целом красные войска можно было охарактеризовать как малобоеспособные. Ситуация с командными кадрами была несколько лучше. Весной 1918 г. в Екатеринбург эвакуировали Николаевскую академию

© Павленко А. П., 2021

Генерального штаба, слушателей и выпускников которой большевики привлекли к военному строительству. Прибытие генштабистов и их назначение на различные должности на местах значительно облегчило работу Уральского облвоенкомата, по оценке его руководителей [Там же, с. 78].

Историк А. М. Кручинин считает, что в первый месяц после начала восстания чехословаки старались объединить три группы своих сил, «пробить» дорогу и попасть на Дальний Восток. Челябинская группа легионеров под командованием подполковника С. Н. Войцеховского должна была соединиться с сибирской группой и защитить железную дорогу. В рамках этой стратегии подполковник решил обезопасить челябинский железнодорожный узел от угрозы атак с флангов со стороны красных войск и нанес им первый удар в районе ст. Аргаяш на направлении Екатеринбург–Челябинск [Кручинин, 2012, с. 8, 9, 28].

Происходившие здесь боевые действия до сих пор подробно не исследованы в отечественной историографии Гражданской войны на Урале [см.: Урал в Гражданской войне, 1989; Революция защищается, 1989; Кручинин, 2012 и др.]. Цель данной статьи – отчасти ликвидировать этот пробел, введя в научный оборот и подробно проанализировав данные отчета непосредственного участника тех событий, генштабиста Андрея Леонидовича Симонова.

Согласно биографическом справочнику, составленному А. В. Ганиным, А. Л. Симонов родился 11 октября 1887 г. [Ганин, 2009, с. 338]. Он происходил из потомственных дворян Иркутской губернии, был сыном полковника. Как и его отец, избрал военную карьеру, окончив в 1911 г. Александровское военное училище по первому разряду и получив 6 августа 1911 г. чин подпоручика. С 1912 г. он был адъютантом командира 2-го отдельного полевого тяжелого артдивизиона 3-й Сибирской стрелковой бригады [РГВИА, ф. 408, оп. 1, д. 6318, л. 14 об.].

В самом начале Первой мировой войны, 31 августа 1914 г., А. Л. Симонов был произведен в чин поручика (за выслугу лет), а 23 января 1916 г. – в штабс-капитаны. Он активно участвовал в войне и был отмечен целым рядом боевых наград: в 1916 г. – орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом и Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. В начале 1917 г. было утверждено награждение этого офицера еще двумя орденами: Св. Анны 2 ст. с мечами и Св. Станислава 2 ст. с мечами [Симонов, картотека].

В 1917 г. штабс-капитан А. Л. Симонов все также служил в 3-й Сибирской стрелковой бригаде. Окончив подготовительные курсы 2-й очереди в мае 1917 г., он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, а весной 1918 г. вместе с ней переехал в Екатерин-

бург. Здесь А. Л. Симонов, уже выпускник, генштабист, получил назначение в штаб Приуральского военного округа [Ганин, 2009, с. 338, 496, 507, 533].

Свои взгляды на сложившуюся весной 1918 г. ситуацию он отразил в письме своему товарищу Г. Д. Кутереву от 11 мая 1918 г.: «Нужно засучить рукава и приняться за черновую работу. Что сделаешь, то твое. А из малейших кусочков выйдет большое целое. И вот мне кажется, что работа в большом штабе, оперирование на бумаге, оно не даст результата того, который получишь, если мы, испытанные, научившиеся приспособляться, обжатые жизнью, образованные и объединенные одной общей идеей – пойдем ближе к формируемым массам, а может быть, и встанем во главе их, то дело создания армии пойдет куда быстрее. У нас с комиссарами отличные отношения… Они говорят, что работать могут только с молодым офицерством, что мы показали не только свое желание работать, но и отличные способности…» [Кавтарадзе, 2002, с. 34].

Вскоре А. Л. Симонов получил возможность реализовать свои идеи на практике – его назначили начальником Кыштымского полевого штаба (приступил к исполнению обязанностей 2 июня 1918 г.), а уже 3 июня он стал военным руководителем на направлении Екатеринбург–Челябинск [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 3, 6, 27]. На этом посту А. Л. Симонов пытался привести в порядок недисциплинированные необученные красные части, наладить разведку, связь, взаимодействие с соседями и выстроить систему обороны. Однако вверенные ему полки и отряды не смогли выдержать удара чехословаков и беспорядочно отступили. О дисциплине и боеспособности своих подчиненных он пишет с нескрываемым сарказмом, предлагая в итоге комплекс мер по борьбе с негативными явлениями в Красной армии.

После поражения красных под Кыштымом А. Л. Симонов получил повышение (очевидно, командование посчитало, что его вины в той неудаче нет). 14 июня 1918 г. он был назначен начальником штаба только что сформированного Северо-Урало-Сибирского фронта [Гражданская война…, 1962, с. 54]. При преобразовании последнего в 3-ю армию РККА А. Л. Симонов сохранил должность начштаба. В это время взгляды военспеца значительно изменились, и он вступил в подпольную антибольшевистскую организацию в Екатеринбурге. Используя свое положение, А. Л. Симонов способствовал получению подпольщиками оружия [Кручинин, 2004, с. 17, 18.]. Большевик Г. П. Софронов так охарактеризовал в то время начальника штаба фронта: «Симонов, военспец, ничем себя не проявлял, работал, что называется, из-под палки» [Софронов, 1976, с. 129].

Историк А. В. Ганин писал о настроениях, царивших в академии Генштаба в Екатеринбурге: «Преподаватели и многие слушатели были

настроены антибольшевистски, что нашло свое выражение в постоянном саботаже инициатив новой власти, в нежелании даже контактировать с большевиками… Внутри академии существовали группы офицеров, участвовавшие в подпольной антибольшевистской работе. Руководство академии предпринимало попытки установить контакты с лидерами Белого движения и представителями союзников… Наиболее сильной была группа бывшего капитана К. Ю. Румши, которая объединяла антибольшевистски настроенных бывших офицеров в академии. С ней были связаны группы слушателей, направленных в советские штабы. Прежде всего, в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта, откуда подпольщики в академии получали информацию, оружие и организационную поддержку. Одним из ее руководителей был слушатель академии начальник разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, бывший штабс-капитан А. А. Буров, другим руководящим работником являлся соратник [начальника академии А. И.] Андогского, один из лидеров выпуска курсов 2-й очереди академии бывший капитан А. Л. Симонов, занимавший пост начальника штаба фронта» [Ганин, 2019, с. 176].

Как только чехословаки приблизились к Екатеринбургу, а штаб 3-й армии красных приступил к эвакуации, А. Л. Симонов скрылся, остался в городе и вместе с несколькими бывшими офицерами перешел на сторону антибольшевистских сил, 25 июля вступивших в Екатеринбург [Кручинин, 2004, с. 21; Софронов, 1976, с. 144, 145.]. А. Л. Симонов участвовал в омском перевороте 18 ноября 1918 г., в результате которого было свергнуто Временное Всероссийское правительство, а власть получил адмирал А. В. Колчак [Симонов]. В октябре 1919 г., имея чин подполковника (произведен в 1919 г.), он стал начальником штаба воевавшего в Средней Азии 11-го Яицкого армейского корпуса белых [Ганин, 2009, с. 617]. Дальнейшая судьба этого офицера неизвестна.

Вскоре после поражения красных войск под Кыштымом А. Л. Симонов пишет подробный отчет о прошедших боевых действиях: «Описание боевых действий на Екатеринбург-Челябинском направлении с 27 мая по 12 июня 1918 года» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 2–23], включив в него четыре нарисованных схемы и приложив оперативные документы, на основании которых этот документ был подготовлен [Там же, л. 24–57]. В отчете подробно характеризуются состояние красных отрядов, ход боев и действия самого военспеца. Особый интерес представляют выводы и рекомендации автора по вопросам военного строительства. Оригинал документа хранится в Российском государственном военном архиве. Заверенная машинописная копия источника отложилась в фонде Уральского истпарта

(Ф. 41) Центра документации общественных организаций Свердловской области (б. Свердловский партийный архив). Копия была получена истпартом из Центрального архива Красной армии в 1920–1930 гг.

В 1962 г. был опубликован лишь отрывок (28 строк) из многостраничного отчета А. Л. Симонова [Гражданская война…, 1962, с. 84] и некоторые из приложений. Отдельные факты и выводы из отчета были введены в отечественную историографию в коллективных монографиях о Гражданской войне на Урале [Революция защищается, 1989, с. 63, 64; Урал в Гражданской войне, 1989, с. 31, 35]. Отметим и историографический курьез: А. Л. Симонов был назван «преданным советской власти работником» [Революция защищается, 1989, с. 63]. В 2019 г. была сделана любительская публикация отчета в блоге в «Живом журнале» [Симонов А. Л.], выполнения, естественно, без соблюдения каких-либо археографических правил. При подготовке этой публикации нами использовалась заверенная копия из ЦДООСО.

А. Л. Симонов начинает изложение материала в отчете в хронологическом порядке, сообщая, что в ночь на 28 мая 1918 г. началось выдвижение красных сил в направлении ст. Аргаяш, занятой чехословаками 27 мая. Первым из Екатеринбурга эшелоном по железной дороге был переброшен 2-й Уральский интернациональный полк (командир Кавский) общей численностью около 400 чел. Полк имел несколько пулеметов и немногочисленную команду разведчиков. Личный состав состоял преимущественно из венгров (ок. 300 чел.), остальные – русские (ок. 100 чел.). А. Л. Симонов так характеризовал этот полк: «Мало обученный, без дисциплины, с выборными начальниками, при полном отсутствии бывших офицеров» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 2]. Здесь генштабист противоречит сам себе – командир полка ранее был прапорщиком [Там же, л. 6]. Точных цифр о численности и составе полковых подразделений А. Л. Симонов не привел, сославшись на то, что «совершенно не налаженная отчетная часть в полку сама никогда не знала, чем она располагает» [Там же, л. 2].

Вторую часть красных сил на этом направлении составили рабочие отряды, сформированные в кратчайший срок заводами Кыштымского горного округа из добровольцев. Командиры этих отрядов были выборными. О боевой ценности этого воинства А. Л. Симонов писал с нескрываемым сарказмом: «Вся эта масса была вооружена чем попало до зубов, но не имела понятия, как обращаться со своим вооружением, не умела его беречь и не знала, куда, зачем и против чего она идет. Было одно желание – драться, во что бы то ни стало, а пока – быть обеспеченной в смысле желудочных потребностей» [Там же, л. 2]. Естественно, что ожидать от ополченцев из только что сформированных отрядов какой-либо боевой выучки и дисциплины было нельзя.

К 1 июня 1918 г. общая численность войск Кыштымского отряда красных возросла и составила 1 180 чел. Правда, подготовка личного состава была плохой. 2-й Уральский полк имел 440 строевых бойцов (о качестве сказано выше). Около 100 добровольцев-рабочих были из числа бывших солдат, еще около 100 рабочих прошли краткое военное обучение на своих заводах (5–7 занятий), а половина, примерно 600 чел., были совершенно не обучены военному ремеслу [Там же, л. 2]. Чтобы как-то исправить положение, в тылу были организованы строевые занятия, на которых бывшие солдаты учили рабочих [Там же, л. 3].

Группировка красных войск под Кыштымом быстро увеличивалась. Ко 2 июня на фронт прибыли части 7-го Уральского полка, два 75-мм орудия и дополнительные силы рабочих с окрестных заводов. Это позволило довести общую численность Кыштымского отряда до 2 272 чел. при двух орудиях и 40 пулеметах [Там же, л. 3, 24].

4 июня в состав красных войск на фронте влился Костромской полк (командир Буриченков). Это была самая боеспособная часть Кыштымского отряда. Сам А. Л. Симонов в телеграмме в штаб Уральского военного округа дал полку следующую характеристику: «Прекрасное впечатление оставляет Костромской пехотный полк, обученный, дисциплинированный, с большим количеством бывших офицеров, снабженный всем необходимым. С глубоким сожалением должен засвидетельствовать, что у нас таких частей еще нет» [Там же, л. 33]. В дальнейшем эта часть сыграет важную роль в боевых действиях против чехословаков. Полк был немногочисленным: 340 штыков, 14 бывших офицеров, 4 пулемета [Там же, л. 33, 35]. В этот же день прибыл взвод Екатеринбургского эскадрона. Как кавалерийская часть он оказался не подготовлен, и его решено было использовать для связи. Общая численность конной разведки Кыштымского отряда составила 53 чел., было оборудовано шесть постов конной связи [Там же, л. 7].

Ранее, 3 июня, на фронт прибыл дополнительный взвод артиллерии (два орудия) под командой бывшего офицера [Там же, л. 6]. В ходе боевых действий артиллерия играла и продолжала играть особую роль. В этом отношении Кыштымский отряд красных был слаб: имелось всего 4 орудия, находившихся в плачевном состоянии в руках необученных артиллеристов. 3 июня А. Л. Симонов, сам артиллерист, произвел осмотр двух первых наличных трехдюймовок и сделал неутешительные выводы: «Осмотр артиллерии дал заключение, что, как с лошадьми, так и с материальной частью люди плохо умеют обращаться. Орудия не были выверены, плохо чищены, компрессоры имели мало масла, почему стрельба грозила сразу же разрушением собственных орудий. Взвод, имея новенькие панорамные прицелы, не

имел командирского угломера. Хотя это было излишнее, ибо командир взвода б. солдат Шумков, показав слабое представление даже о прямой наводке, откровенно сознался, что не имеет представления о таком инструменте» [Там же, л. 5–6]. Полученные в качестве подкрепления две пушки были в таком же неудовлетворительном состоянии. Прибывший вечером 3 июня бывший штабс-капитан артиллерии В. И. Гробов был назначен начальником артиллерии с заданием – привести, по возможности, в порядок орудия и разведать артиллерийские позиции [Там же, л. 6, 28].

Столь печальное состояние большей части войск под Кыштымом связано с тем, что в это время только шел процесс создания регулярной РККА, боеспособность вновь создаваемых частей оставляла желать много лучшего. На Урале красные свой единственный хорошо сформированный 1-й Уральский полк направили на Оренбургский фронт для борьбы с восставшими казаками. В распоряжении Уральского областного военного комиссариата были только незаконченные формированием части, в том числе вышеупомянутые 2-й и 7-й Уральские стрелковые полки, а также отряды местного значения, сформированные, как правило, из рабочих какой-либо фабрики [Гражданская война…, 1989, с. 78, 81–82]. Состояние этих полков и отрядов прекрасно показано в отчете А. Л. Симонова.

Сам А. Л. Симонов прибыл на фронт 2 июня 1918 г., вступив в должность начальника штаба Кыштымского отряда. Штаб располагался в заводском поселке Кыштым, военным руководителем отряда был Осипов[1], комиссаром – С. В. Мрачковский. Однако уже 3 июня, в связи с болезнью военрука Осипова, его обязанности стал выполнять А. Л. Симонов, а сам заболевший командир был эвакуирован в Екатеринбург [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 3, 6, 27]. Согласно отчету, А. Л. Симонов с 3 июня развернул деятельность по приведению в порядок наличных сил и установлению связи как между войсками на фронте, так и между войсками и штабами отрядов и полков [Там же, л. 5].

Для усиления отряда был создан импровизированный блиндированный поезд на базе присланного бронеавтомобиля, установленного на платформу. Использовать броневик обычным способом оказалось невозможно из-за плохого состояния дорог [Там же, л. 6].

[1] Личность точно не идентифицирована. Возможно, Осипов Николай Гаврилович (1867–?) – бывший полковник, участник Первой мировой войны. В мае 1918 г. добровольно вступил в РККА, начальник Екатеринбургского гарнизона. 25 июля 1918 г. перешел на сторону антибольшевистских сил. В армии адмирала А. В. Колчака, в 1919 г. командир 50-го Сибирского стрелкового полка. Или же Осипов Павел Георгиевич (1887–1942) – бывший подполковник Генерального штаба, участник Первой мировой войны, преподаватель Николаевской академии Генерального штаба. Остался в Екатеринбурге при эвакуации академии, перешел на сторону антибольшевистских сил.

Слабым местом Кыштымского отряда оставалась разведка. Сам А. Л. Симонов об этом писал следующее: «Разведка на фронте ничего не давала, ибо не было опытных организаторов этого важного и необходимого дела. Войска вовсе не проявляли желания сблизиться с противником. Донесения или вовсе не поступали, или давали сведения с военной точки зрения ничего не значащие. Поневоле… приходилось довольствоваться лишь сведениями от беженцев, которых совершенно свободно чехи пропускали, даже не обыскивая, в нашу сторону» [Там же, л. 3].

С 27 мая по 7 июня на фронте под Кыштымом было относительное затишье. Красные использовали эти дни для наращивания своих сил и приведения своих войск в сколько-нибудь боеспособное состояние. В это же время штаб отряда пытался организовать и активные действия. Предпринятые шаги по организации партизанского отряда (под руководством челябинцев Дранкина и Соснина) сразу потерпели неудачу. Предполагалось, что этот отряд, действуя в тылу легионеров, выведет из строя железную дорогу Аргаяш–Челябинск. Однако все завершилось очень быстро: оба организатора были арестованы казаками (на поддержку которых они почему-то рассчитывали) и выданы чехословакам. Планировалось также создать партизанский отряд в районе шахты Шаниной (30–40 верст от Челябинска) из местных добровольцев [Там же, л. 6, 7, 29].

4 июня А. Л. Симонов провел реорганизацию доставшихся ему в подчинение сил. Подразделения 2-го Уральского полка сформировали отряд Кавского, 7-го Уральского полка – отряд Декана (бывшего офицера). Проходившие обучение на разъезде № 87 рабочие дружины стали отрядом Лапотышкина (бывшего солдата). Три рабочих отряда в с. Рождественское составили отряд Тимонина (также в отчете использовалось понятие Рождественский отряд) [Там же, л. 6–7].

С 5 июня организуется усиленная разведка противника путем посылки партий, дозоров и лазутчиков. Вследствие плохой подготовки исполнителей результаты были неудовлетворительны. Сам А. Л. Симонов с командиром 2-го полка Кавским лично приняли участие в большом разведывательном поиске (80 добровольцев из числа венгров и русских красноармейцев). Эти силы зашли в лес на нейтральной полосе и, при приближении небольшой группы легионеров (13 чел. по оценке автора отчета), поспешно отступили в свое расположение. При этом некоторые бросали свое оружие – А. Л. Симонов и Кавский на себе принесли их винтовки. 5 июня чехословаки заняли лес у д. Аязгулово и разведка больше не рисковала переходить через р. Зюзельга. Кыштымский отряд лишился возможности видеть своего противника: лес и возвышенности у реки закрывали обзор [Там же, л. 8].

6 июня легионеры провели усиленную разведку на левом фланге красных в районе д. Аязгулово и д. Назырово, произошла стычка на крайнем левом фланге у д. Булатово. В штаб отряда поступили сведения о прибытии в Аргаяш эшелонов чехословаков и самого подполковника С. Н. Войцеховского. А. Л. Симонов сделал вывод (оказавшийся правильным), что его противник готовится к активным действиям против левого фланга красных в районе д. Назырово (здесь находилась удобная переправа через заболоченную пойму р. Зюзельга) [Там же, л. 8, 10]. Исходя из этих соображений, А. Л. Симонов перегруппировал свои силы. Отряд Декана (7-й Уральский полк) был отведен с ранее занимаемых на фронте позиций в тыл, на разъезд № 88. Сюда же перебрасывался отряд Лапотышкина. Они были непосредственным резервом. На участок, который мог быть самым опасным в случае удара легионеров – левый фланг отряда, к востоку от железной дороги – был поставлен наиболее боеспособный Костромской полк (отряд Буриченкова), он должен был обеспечить устойчивость центра и левого фланга. К западу от дороги разместился отряд Кавского (2-й Уральский полк). На крайнем правом фланге отряд Тимонина получил приказ выдвинуться из Рождественского вперед, занять переправы через Зюзельгу у деревень Куманово и Кузембаево и угрожать чехословакам ударом в тыл. Рота 7-го Уральского полка заняла Булатово на крайнем левом фланге позиций красных для защиты их от возможного обхода [Там же, л. 10]. Однако последующие события показали, что тактически грамотное расположение войск не является залогом успеха, если боеспособность многих отрядов низкая.

7 июня Костромской полк предпринял активные действия. Он попытался овладеть лесом у Аязгулово, сбил заставу легионеров, но вследствие сильного отпора чехословаков занять лесной массив не сумел. По этой же причине потерпела неудачу попытка улучшить позиции на левом фланге полка у д. Назырово. В этих столкновениях противник красных понес потери. По данным матросов, прибывших с продовольственным поездом из Челябинска через расположение легионеров, в Аргаяш от Аязгулова доставили одного погибшего, одного тяжело- и двух легкораненых чехословаков и легкораненого казака [Там же, л. 12, 44].

Рождественский отряд донес в штаб, что сбил заставу противника и занял переправы через Зюзельгу, но затем самовольно отступил обратно в Рождественское. Но на следующий день командир отряда Тимонин сознался А. Л. Симонову, что «по получению приказа о занятии деревень Курманово и Кузембаево был собран митинг, на котором решено было в бой не идти, а оставаться в своем селе». Все-таки конный разъезд отряда дошел до железной дороги в тылу чехословаков,

где наблюдал движение эшелонов. На вопрос А. Л. Симонова, почему Тимонин сразу не сообщил о саботаже подчиненными выполнения боевого приказа и результатах разведки, командир Рождественского отряда ответил: «Так постановили» [Там же, л. 12, 13]. Вероятно, это было коллективное решение отряда, собравшего очередной митинг.

В 4 часа утра 8 июня чехословаки перешли к активным действиям: они атаковали левый фланг Костромского полка, одновременно обходя позиции слева и отрезав крайнюю левофланговую роту от основных сил. А. Л. Симонов оценил силы своего противника в 6–8 рот. Напряжение боя лучше всего передает текст отчета: «Ружейным, пулеметным огнем, контратаками, атаками во фланг командой конных разведчиков (12 коней с офицером) костромичи лихо отбивали противника, но, расстреляв патроны и понеся огромные потери в командном составе и строевом [составе] (до 30 процентов, причем убитыми потом подсчитали 6 офицеров, 5 фельдфебелей, всю команду разведчиков и почти всю пулеметную [команду]), полк вынужден был отойти на ¾ версты назад своим левым флангом к лесу, где и начал окапываться» [Там же, л. 12].

К месту боя прибыло подкрепление – две роты 7-го Уральского полка. Костромичи получили патроны и при поддержке артиллерии полк перешел в контратаку. Цель – отбить Назырово. На время это удалось, легионеры были выбиты из деревни «с потерями». Но удержать успех красные не сумели: они попали под перекрестный пулеметный огонь, были охвачены с левого фланга и вследствие этого вновь отступили. К 11 часам утра бой затих [Там же, л. 13].

Нашлось в этом бою место для индивидуального подвига. А. Л. Симонов писал: «один из солдат, будучи окружен в дер. Назырово пятью чехами, на предложение сдаться [в ответ] двух уложил из винтовки, одного прикладом и одного заколол штыком, но в это время сам пал под ударом приклада» [Там же, л. 13]. Этот боевой эпизод вошел в советскую историографию, описавшую сражение у Назырово (правда, не сказавшую о поражении красных) [Урал в Гражданской войне, 1989, с. 31].

Почти сразу после окончания боя Кыштымский отряд получил подкрепление. В 12 часов дня по железной дороге прибыл эшелон с 3-м Уральским полком (400 штыков, 4 пулемета, командир – бывший солдат Анофриев). Сразу же отправить на позиции свежие силы не удалось – «люди желали обедать». Только под вечер полк удалось выдвинуть в дер. Булатово на крайний левый фланг позиций красных. Он должен был сменить там роту 7-го Уральского полка и в случае боя в центре фронта наносить удар в тыл легионерам в направлении на Аргаяш [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 13–14].

А. Л. Симонов перегруппировал свои основные силы. Остатки Костромского полка были отведены в ближний тыл. На смену ему на передовую выдвинулся 7-й Уральский полк. На правом фланге отряд Лапотышкина сменил на фронте 2-й Уральский полк, который перешел в резерв уступом за левым флангом. Рождественскому отряду на крайнем правом фланге вновь приказано занять переправы и деревни Кузембаево и Куманово и в случае боя немедленно атаковать в направлении Аргаяша. На крайнем левом фланге такую же задачу имел свежий 3-й Уральский полк [Там же, л. 14]. Таким образом, А. Л. Симонов пытался реализовать классическую схему: парировать фронтальное наступление противника двумя фланговыми ударами с возможностью выйти в тыл и взять неприятеля в клещи. Во время Первой мировой войны такая схема получила название «Канны» (в честь первого в истории «котла», устроенного римской армии войсками Ганнибала). Однако красивые планы вновь были расстроены действиями исполнителей.

Рождественский отряд снова «не пожелал» идти вперед и не сообщил в штаб о невыполнении приказа. 7-й Уральский полк простоял на передовых позициях до 12 часов ночи 8 июня, а затем личный состав отправился в тыл отдыхать, «никого не предупредив». Командир полка Декан позже сообщил А. Л. Симонову: «Люди ушли с фронта, желая обогреться и отдохнуть. Уговорились, что на полчаса, и сейчас все спят, и он ничего не может сделать». Об оголенных позициях А. Л. Симонов узнал от командира 2-го Уральского полка Кавского, по телефону сообщившего об этом. Кавский проявил инициативу и занял своими войсками оставленные позиции [Там же. л. 14, 16].

В 5 часов утра 9 июня чехословаки начали новое наступление – от дер. Назырово на левый фланг красных, ударив по 2-му Уральскому полку. В бою в российской гражданской войне сошлись венгры, чехи и словаки. 7-й Уральский полк так и остался в тылу. Связь сразу же была потеряна, и только в 7 часов утра А. Л. Симонов узнал, что на фронте началось отступление, переросшее в бегство [Там же, л. 16].

А. Л. Симонов с помощником комиссара отряда на блиндированном поезде отправились на встречу отступающим, встречая по дороге группы деморализованных красноармейцев. На разъезде № 87 они застали бойцов Костромского, 2-го и 7-го Уральского полков, рабочих отряда Лапотышкина. Здесь военный руководитель узнал, что следующий железнодорожный разъезд, № 88, уже в руках чехословаков. На этом разъезде при отступлении был брошен тяжелораненый Кавский. А. Л. Симонов постарался привести в порядок войска на станции и попытался нанести контрудар по легионерам. Он планировал выбить своего противника с разъезда № 88, получив тем удобную

оборонительную позицию на озерном перешейке. Одновременно он отправил письменные распоряжения Рождественскому отряду и 3-му Уральскому полку о нанесении запланированных фланговых ударов на Аргаяш. Однако из Булатово сразу ответа не поступило, а из Рождественского телефонировали, что отряд постановил: никуда не ходить и обороняться на занимаемых позициях. Слова, что это бессмысленно и ополченцев перебьют на месте, оказались бесполезны [Там же, л. 16, 18].

С организацией атаки на разъезд № 88 тоже возникла проблема. А. Л. Симонов «вызвал часть, которая пошла бы в атаку. Таковой не оказалось. Тогда вызвал охотников – их тоже не было. Явился командный состав собравшихся частей и заявил, что он едет вперед. В[оенный] руководитель приказал командному составу оставаться при своих частях и заявил, что едет один. Тогда около 30 чел. с двумя пулеметами заявили, что они едут». Добровольцы и сам А. Л. Симонов погрузились на блиндированный поезд[2], который тихим ходом двинулся к разъезду № 88, по пути исправляя поврежденный железнодорожный путь (для этого специально были взяты рабочие). Когда поезд остановился для очередного, третьего по счету, ремонта пути вблизи разъезда № 88, А. Л. Симонов выслал вперед разведку, которая попала под обстрел чехословаков и бросилась бежать. С поезда для прикрытия разведки был открыт беспорядочный ружейно-пулеметный огонь, причем противника с состава не было видно. Стрельба продолжалась долго, «потерявшие голову люди стреляли даже тогда, когда поезд пошел обратно и был далеко». На обратном пути, оправившись от испуга, красные взорвали два моста и в трех местах повредили путь. Но по прибытии на разъезд № 87 выяснилось, что его уже покинули почти все войска – бежали эшелонами на север. А. Л. Симонову ничего не оставалось, как тоже уехать в Кыштым [Там же, л. 17–18].

В Кыштыме стали приводить в порядок части и подсчитывать наличные силы. Всего собралось около 900 чел., 17–18 пулеметов (12 исправных), 3 орудия [Там же, л. 18]. Одну пушку бросили в воду из-за невозможности эвакуации – «расчет ускакал» [Там же, л. 51]. Здесь были получены сведения от разведчика, что 3-й Уральский полк вместо выполнения приказа об атаке в тыл чехословакам решил отступить на север. Идея организовать оборону Кыштыма встретила отпор со стороны красноармейцев, угрожавших применить оружие, если им не дадут уйти отсюда. Задачу прикрытия заводского поселка выполнил только Костромской полк, но и он выражал недовольство: поче-

[2] Блиндированный поезд в этой операции представлял пример импровизации: две пустых платформы спереди состава, бронеавтомобиль на платформе, платформа с личным составом и двумя пулеметами, борта которой были обложены деревом и дерном [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 17].

му ему все время приходится воевать за других, не желающих этого делать? Вечером к Кыштыму вышла часть отряда Лапотышкина, также настроенная на продолжение отступления. Но А. Л. Симонов признает, что в этом не самом боевом отряде также было проявление мужества. Семь красноармейцев, прикрывая отход отряда, огнем трех пулеметов долго сдерживали переправу через реку легионеров у Аязгулово. Раненные, они отступили, даже сумев эвакуировать один из пулеметов [Там же, л. 18–19].

Кыштым был оставлен красными без боя: в 6 часов утра 10 июня последним из заводского поселка эвакуировался штаб отряда. В 10 часов, по данным красной разведки, Кыштым заняла небольшая группа чехословаков. Красные сосредоточились в пос. Уфалей. Боеспособность войск вследствие перенесенного поражения была очень низкой [Там же, л. 19].

А. Л. Симонов со штабом разработали план обороны Уфалея. Предполагалось подготовить позиции на г. Шишка (взяв под контроль железную дорогу в 4 верстах к югу от станции) и в районе Верхне-Уфалейского завода (перекрыть грунтовые дороги, ведущие в Кыштым). Планировалось выдвинуть силы на пос. Касли и ст. Маук. Прибывшая рота саперов быстро привела в негодность железнодорожное полотно на перегоне Кыштым–Маук [Там же, л. 19–20]. Однако с реализацией этого плана вновь возникли проблемы: отряды отказались выполнять приказы. Удалось лишь отправить на гору для оборудования позиций свежие силы – роту саперов и роту 2-го Уральского полка, только что прибывшую на фронт, причем последнюю – только после продолжительных переговоров с комиссаром. Один из эшелонов 7-го Уральского полка, устроивший бунт, пришлось разоружать вечером 12 июня [Там же, л. 20, 22].

Большой переполох в Уфалее вызвало возвращение конной разведки от Маука: их приняли за чехословаков, а донесение разведчиков, оказавшиеся ошибочными, говорили о том, что легионеры подошли к ст. Маук, взяли пос. Касли и с. Большой Куяш. Разбор этого инцидента нарисовал анекдотичную картину. К конной разведке у Маука по дороге подъехали пьяные красноармейцы. Увидев кавалеристов, они развернули автомобиль и, стреляя, уехали на восток. Разведка же приняла их за чехословаков, сняла все посты и бежала в Уфалей [Там же, л. 20].

Обратившись к другим источникам, отметим: после кыштымского поражения центральное красное командование потребовало принять меры. 14 июня 1918 г. заведующий оперативным отделом войск Аралов телеграфировал в Екатеринбург военному комиссару С. Анучину: «Отступление к Уфалею совершенно недопустимо. Примите

героические меры не только для задержания чехов, но и для перехода в решительное наступление. Приказываю во что бы то ни стало взять обратно Кыштым… Дезорганизованные отряды совершенно необходимо привести самыми решительными мерами в полнейшее повиновение власти» [Там же, л. 124–125]. Однако выполнить требование из столицы отбить Кыштым в условиях 1918 г. оказалось невозможно; красные смогли взять завод обратно только в 1919 г.

Однако сразу стали предприниматься попытки наведения дисциплины. В тот же день, 14 июня 1918 г., был издан приказ № 1 по войскам Северо-Урало-Сибирского фронта, пункт 4 которого гласил: по законам военного времени карается смертной казнью «всякое неисполнение приказов и распоряжений военных властей» и «самовольное оставление позиций» [Гражданская война, с. 54].

В конце отчета А. Л. Симонов сформулировал выводы и рекомендации. Прежде всего, он отмечал, что порядок снабжения и вооружения войск носил очень беспорядочный характер: «без сдаточных ведомостей, часто со случайными людьми, без провожатых, предметы вооружения присылались из Екатеринбурга на фронт не в том количестве и часто не те, что требовалось». Некоторые необходимые материалы, такие как ружейное масло, вовсе не были получены. Раздача оружия проводилась без всякой системы, «кому попало: и в войска, и на сторону». Вещевое довольствие, напротив, было налажено неплохо: «всех прибывающих на фронт… переодевали во все новенькое, от фуражки до сапог», причем А.Л. Симонов считал, что это многих прельщало идти на службу, при дезертирстве красноармеец уносил с собой новую форму [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 361, л. 20–21].

Характеризуя комплектование и обучение войск, А. Л. Симонов писал, что набор добровольцев позволял постепенно наращивать количество, но качество войск оставляло желать много лучшего. Прибывавшие отряды имели своих выборных командиров, стремились в бою действовать самостоятельно, считая, что они одни могут «закидать шапками» неприятеля. Большой удельный вес личного состава «не имел вовсе понятия об оружии». К инструкторам, присланным для обучения, красноармейцы первоначально относились неодобрительно, по потом, в ходе занятий, отношение менялось на положительное. Поскольку в составе отрядов были и бывшие солдаты «старой армии», и рабочие, А. Л. Симонов обращается к взаимоотношениям в их среде: «бывший солдат, хотя он был кашеваром в запасном полку, обязательно именовал себя фронтовиком и относился с предубеждением к рабочему» [Там же, л. 21–22].

Генштабист отмечал, что громадное влияние на личный состав оказывал комиссар С. В. Мрачковский. А. Л. Симонов считал, что это

было вызвано тем, что комиссар для рабочих был своим, из местных (уроженец Уфалея). В то же время моральный дух войск был невысок. Сказывалось понимание того факта, что противник – организованная сила, а сами красные плохо подготовлены в военном отношении и мало осведомлены о политической обстановке. Кроме того, красноармейцы знали, что чехословаки могут отпускать пленных по домам. Негативно сказывалась практика отправки комиссаром подразделений для реквизиций или восстановления порядка в окрестных населенных пунктах, что приводило к распылению сил [Там же, л. 22–23].

В вопросе об отношении местного населения к войскам А. Л. Симонов делает вывод, что «слишком безответственно вели себя части в полосе, ими занимаемой, почему вовсе не пользовались симпатией и покровительством жителей». Сказывались беспорядочные реквизиции, тяжелым бременем ложившиеся на население. Для гражданских лиц война с чехословаками не была популярна, напротив, при приближении легионеров «население чувствовало как бы освобождение от какой-то тяготы», за исключением деятелей советской власти, бежавших из опасения мести со стороны односельчан [Там же, л. 22].

Исходя из произошедших на фронте событий, А. Л. Симонов подвел итоги. Первый вывод касался морального состояния личного состава и звучал так: «У войск не было идеи, за которую они могли бы жертвовать жизнью». Второй вывод был очевиден для любого профессионального военного: импровизированную, слабо обученную и дисциплинированную армию нельзя противопоставить регулярному организованному неприятельскому войску. Пример Кыштымского отряда прекрасно это показал [Там же, л. 23].

А. Л. Симонов рекомендовал ввести принцип назначения командного состава сверху, установить строгий порядок в подразделениях, наладить отчетность в сфере материального обеспечения и организовать снабжение войск всеми потребными материально-техническими средствами. Необходимо было ввести ответственность за нарушение приказов и порядка. А. Л. Симонов выступил за создание в тылу специальной организации для обучения личного состава и за то, чтобы «не держать на фронте ни одного необученного». Он призвал освободить армию от участия в карательных экспедициях. Рекомендация глобального характера звучала так: «отказаться от вольнонаемной армии и перейти к набору» [Там же, л. 23].

Рассмотренный нами исторический источник имеет большой информационный потенциал. Он обстоятельно описывает состояние и действия красных под Кыштымом. Эта информация представляет большой интерес для изучения Гражданской войны и процесса строительства красных войск на Урале. Внимание привлекают выводы

и рекомендации А. Л. Симонова. На момент написания отчета он уже состоял в антибольшевистском подполье. Однако его рекомендации были профессиональны и ценны, поскольку касались актуальных вопросов строительства красных сил.

Ганин А. В. «Академия… отправилась в Екатеринбург с целью при первом же удобном случае перейти на сторону белых». Показания бывшего подполковника П. Н. Соколова по делу «Весна». 1931 год // Изв. Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 171–185.

Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: справочные материалы. М. : Русский путь, 2009.

Гражданская война на Южном Урале 1918–1919 : сб. док. и материалов / гл. ред. П. С. Лучевников. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1962.

Златоустовский инцидент: события в районе Златоуста в мае 1918 г. / авт.-сост. А. М. Кручинин. Златоуст : ООО «Фотомир», 2008.

Кавтарадзе А. Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство… признало необходимым и учреждение… высшего военно-учебного заведения» // Воен.-ист. журн. 2002. № 10. С. 32–40.

Кручинин А. М. Златоустовский фронт. Июль 1918 г. Екатеринбург : БИК, 2012.

Кручинин А. М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 2004. № 14. С. 13–26.

Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Т. 1. Екатеринбург : БИК, 2007.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров. Оп. 1. Д. 6318.

Революция защищается. Взгляд сквозь годы / О. А. Васьковский, Б. А. Ефремов, Я. Л. Ниренбург, И. Ф. Плотников, Г. В. Пожидаева, А. Т. Тертышный. Свердловск : Сред. Урал. кн. изд-во, 1989.

Симонов Андрей Леонидович // Русская армия в Первой мировой войне. Картотека. URL: http://www.grwar.ru/persons/person/4525 (дата обращения: 21.02.2021).

Симонов А. Л. Описание боевых действий на Екатеринбург-Челябинском направлении 27.05-12.06.1918 // Живой журнал. URL: https://uncle-ho.livejournal.com/1437162.html (дата обращения: 21.02.2021).

Софронов Г. П. Неподвластное времени. М. : Воениздат, 1976.

Урал в Гражданской войне / О. А. Васильковский, Я. Л Неренберг, И. Ф. Плотников, Г. В. Пожидаева, А. Т. Тертышный. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Свердловский (Уральский) истпарт. Оп. 2. Д. 361.

УДК 94(470.5).084.6:32

М. А. Фельдман

РУКОВОДИТЕЛИ РЕГИОНОВ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: ИСПЫТАНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫМ ПРОЕКТОМ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

С начала 1920-х гг. назначенчество стало важнейшим способом формирования управленческих кадров в центре и на местах, получив нормативное оформление в партийных документах. Особенности советской номенклатуры составили основу механизма власти Сталина, контролировавшего списки утверждаемых ответственных работников. Были ли назначенцы только послушными исполнителями сталинских поручений? Каким образом утопические проекты быстрого построения социалистического общества сталкивались с реальностью Индустриального проекта? Как это столкновение отражалось на судьбе назначенцев? В какой форме проходило взаимодействие назначенных сверху функционеров и местных управленцев? Было ли это взаимодействие движением к какому-то переосмыслению отживших марксистских догм?

Предлагаемая статья делает попытку дать ответы на поставленные вопросы на примере одного из крупнейших промышленных районов СССР – Уральской области.

Ключевые слова: СССР, ВКП (б), назначенцы, Уральская область, пятилетка, индустриализация, пленум, конференция.

Человеку, ставшему символом индустриализации первых пятилеток в Уральской области, суждено было прожить 46 лет. Рожденный в семье крестьянина из деревни Княже-Павлово Княгининского уезда Нижегородской губернии в октябре 1891 г., Иван Дмитриевич Кабаков был расстрелян в октябре 1937 г. в числе многих тысяч партийных и советских профсоюзных и комсомольских работников, представителей директорского корпуса, офицеров и генералов Красной армии, руководителей регионов.

Предлагаемая статья рассматривает годы работы Кабакова на Урале с весны 1928 г. по май 1937 г. – время ареста.

Механизм организационного феномена – назначенчества, постоянно менявший состав местных кадров, подхватил ответственного секретаря Тульского губкома партии и из одного промышленного региона направил в другой, на должность председателя Уральского облисполкома и председателя Уральской областной контрольной комиссии ВКП (б). Короткий срок – всего полгода – пребывания на этом

© Фельдман М. А., 2021

посту, перед назначением на должность первого секретаря Уральского обкома ВКП (б), свидетельствует о преднамеренном характере операции по замене руководителя большевиков Уральской области.

С начала 1920-х гг. назначенчество стало важнейшим способом формирования управленческих кадров в центре и на местах, получив нормативное оформление в партийных документах. Особенности советской номенклатуры составили основу механизма власти Сталина, контролировавшего списки утверждаемых ответственных работников [Коржихина, Фигантер, 1993]. Однако двойственность феномена большевизма определяла и двойственность назначенчества: направляемые из Центра работники должны были быть верными «генеральной линии» партии и в то же время стремиться к эффективному выполнению социально-экономических задач. Очевидное частое несовпадение этих двух векторов, сопряженное с внутрипартийной борьбой, скачками социальной напряженности в СССР, порождало колебания партийно-государственного курса, оставляя функционеров в сложнейших ситуациях выбора компромиссного решения там, где, казалось бы, компромисса быть не может.

Важной особенностью периода конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. была относительная стабильность корпуса номенклатурных руководителей, включая региональных [Хлевнюк, 2016, с. 40]. Практически все они были сталинскими назначенцами. Это была профессиональная группа партийных функционеров, не без колебаний, но поддержавшая слом нэпа, активно участвовавшая в коллективизации и форсированной индустриализации. В этой связи судьба Кабакова показательна для реконструирования социального облика тех десятков назначенцев, кто руководил регионами на протяжении первой и второй пятилеток – целой эпохи в жизни СССР.

Предшественник Кабакова, Н. М. Шверник, за два года пребывания в должности (март 1927 – январь 1929 гг.) отправил за пределы Урала наиболее заметных работников из плеяды уральских большевиков (Ф. И. Локацкова, И. П. Румянцева, К. В. Рындина), известных самостоятельностью своих суждений. Однако на их место пришли люди из числа профессиональных революционеров-подпольщиков, активные участники Гражданской войны и восстановления промышленности Урала в начале 1920-х гг. (В. Н. Андронников, М. К. Ошвинцев, П. Т. Зубарев и др.) Сплоченность уральской региональной элиты подкреплялась ее преимущественно однокоренным социальным составом.

Осознание этого факта довольно быстро пришло к Кабакову. Важным источником для понимания менталитета нового уральского лидера является комплекс архивных документов – *«секретные пись-*

ма» в ЦК ВКП (б). Так, в секретном письме в ЦК ВКП (б) от 10 марта 1929 г. Кабаков писал о земельных наделах уральских рабочих как о «самом большом недочете» в положении рабочего социума края. Полное непонимание роли земельных наделов в жизни уральцев [Сигов, 1926] вылилось в предложение Кабакова коллективизировать земельные участки [ЦДООСО, ф. 4, оп. 7, д. 63, л. 71].

29 марта 1929 г. в письме к Сталину Кабаков выражает готовность арестовать 200–300 бывших белых офицеров в одном только Троицком округе как потенциальных виновников трудностей хлебозаготовок. «В этом не будет ничего страшного», – заверял Кабаков [Там же, л. 5].

В мае 1929 г. в письме к Молотову Кабаков охарактеризовал партийную организацию Уральской области как «сырую в организационном отношении». «Сырость» объяснялась «незначительностью прослойки квалифицированных рабочих». Однако выбранный метод борьбы с «сыростью» – просьба «прислать в Свердловск 20–25 партийных работников, закончивших Институт коммунистической профессуры» [Там же, л. 28] – указывал на подлинный предмет недовольства Кабакова: *недостаточную степень лояльности уральцев сталинскому курсу.*

Секретные письма показывают характерные черты назначенца из Центра: подчеркнутое дистанцирование от своего окружения; позиционирование лояльности ЦК как главного принципа деятельности функционеров; готовность к репрессиям против «классово чуждых элементов»; верность марксистским догмам неприятия частной собственности.

Открытый же «дебют» первого секретаря Уральского обкома ВКП (б) состоялся на IX областной конференции коммунистов Уральской области в начале апреля 1929 г. Однако, поскольку региональный форум начался 5 апреля – на 11 дней раньше пленума ЦК – риски выбора пути, приоритетов и политических оценок были еще велики. Не внес особой ясности в работу конференции доклад секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича: касаясь «правого уклона», Каганович, подчеркнуто не называя фамилий, указал на связь «правоуклонистов» с «кулацкой верхушкой» и, одновременно, с оппортунистами из зарубежных социал-демократических партий [ЦДООСО, ф. 4, оп. 7, д. 1, л. 4–13].

В выступлениях уральских функционеров после доклада Кагановича постоянно отмечалось: партийные организации края – «здоровые» и «не подвержены правому уклону» [Там же, л. 19–50].

Вместе с тем, в выступлениях появилась новая нотка: обязательное ритуальное осуждение «правого уклона». Однако сила воздействия речи сподвижника Сталина Кагановича оказалась ограни-

ченной во времени: она действовала только на вечернем заседании 5 апреля 1929 г. Уже в отчетном докладе первого секретаря Уралобкома И. Д. Кабакова 6 апреля 1929 г. акценты были смещены на положительные тенденции в жизни партийной организации края и на поступательное развитие экономики. О «правом уклоне» И. Д. Кабаков говорил бегло и без конкретных фактов и имен [Там же, л. 51–68].

Что же касается заседаний 7–9 апреля 1929 г., то большинство выступающих участников конференции вообще не упоминали «правый уклон». Поразительно, но тема первого пятилетнего плана – главного предмета дискуссии в правящей партии – практически не затрагивалась на конференции Уралобкома в «столице» индустриального края.

Если в Свердловске 6 апреля 1929 г. в период неопределенности в борьбе сторонников и противников нэпа Кабаков предпочитал воздержаться от демонстрации своей политической позиции, то спустя менее двух недель, 19 апреля 1929 г., при очевидном преимуществе сторонников Сталина на пленуме ЦК ВКП (б), первый секретарь Уралобкома оказался в числе наиболее активных ораторов-сталинцев, заявив: «Бухарин и Томский мобилизовали всю свою силу ума, весь арсенал острот, весь сарказм, и все это направили против единства руководства Центрального Комитета и против генерального секретаря ЦК товарища Сталина» и потребовав освобождения «отступников» от руководящих постов [Как ломали нэп, т. 4, с. 217, 219].

С апреля 1929 г. начинается период стремительного необоснованного увеличения плановых показателей и разрыва с нэповской экономикой. Показательно, что сразу же после поражения сторонников сбалансированного развития экономики на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК, в кратчайший период – с 13 апреля (дня завершения областной партийной конференции), до 3 мая 1929 г., дня открытия Седьмого областного съезда Советов Уральской области, размеры предполагаемого (за пятилетку) финансирования экономики Урала стремительно «подскочили»: с 2,7 млрд руб. до 3,5 млрд руб., в том числе в промышленность – с 1,6 до 2 млрд руб. [История индустриализации Урала, 1967, с. 173].

В советской историографии это трактовалось следующим образом: «опираясь на энтузиазм (!) и творческую инициативу масс», уральцы «проявили смелую и ценную инициативу по изменению первоначального задания пятилетнего плана в области промышленного строительства. Всплеск такого энтузиазма и привел к разработке плана «Большого Урала», утвержденного на пленуме Уралобкома в апреле 1930 г. [Зуйков, 1971, с. 37].

Однако тот же автор сообщал: в ноябре 1929 г. была образована комиссия ВСНХ СССР по пересмотру пятилетнего плана, руковод-

ствовавшаяся в своей работе августовскими (1929) Постановлениями ЦК ВКП (б) об ускорении развития ряда отраслей. Именно ВСНХ было поручено Сталиным в очередной раз переработать перспективный план развития уральской промышленности и транспорта. Аппарат ВСНХ обязывался *в деталях* разработать новый перспективный план уральской промышленности, представив его в марте 1930 г. для окончательного рассмотрения на заседании Президиума ВСНХ. «Детальная разработка Плана для Урала в специальной комиссии ВСНХ по пересмотру пятилетнего плана Урала проходила плодотворно». [Зуйков, 1971, с. 39, 41, 43].

О «плодотворности» контроля ВСНХ свидетельствует стенограмма заседания комиссии при Уралобкоме по пересмотру пятилетнего плана от 11 января 1930 г.: ее участники – руководители Уральской области во главе с Кабаковым – легко согласились с принятием фантастических плановых показателей – так понимались в тот момент партийная дисциплина и верность генеральному курсу партии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 419, л. 4–15].

Робким скрытым возражением стала только реплика заместителя председателя Уральского облисполкома В. Н. Андронникова: для скачка производства в черной металлургии (более чем в десять раз!) требуется четыре миллиарда рублей (вдвое больше, чем планировалось *во всю экономику* края весной 1929 г.). Робость профессионального революционера, прошедшего подполье и Гражданскую войну, была объяснима: стенограмма заседания комиссии в обязательном порядке отправлялась в Организационный отдел ЦК ВКП (б). [Там же, л. 16 – 16 об].

Даже в тех случаях, когда уральские лидеры пытались как-то видоизменить пятилетние программы, руководство ВСНХ быстро ставило на место регионалов. Показателен случай с предложением И. Д. Кабакова на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП (б) увеличить производство металла на Урале за счет использования местного кокса: негативная реакция руководителя ВСНХ В. В. Куйбышева была весьма ироничной и жесткой [Как ломали нэп, т. 5, с. 191, 264].

Как видно, организационная сторона вопроса о соотношении управленческих действий центра и регионального руководства просматривается достаточно очевидно: руководители Уральской области дисциплинированно выполняли установки Сталина и отделов ЦК ВКП (б). С конца апреля 1929 г. сопротивление сторонников нэповской модели было преодолено; препятствий на пути экономического волюнтаризма (по крайней мере, в период 1929–1930 гг.) не оставалось. *Время самостоятельного планирования на региональном уровне ушло в прошлое.*

Директивы Сталина все больше превращались в генеральную линию партии, определяя курс экономической политики. Подготовленный президиумом ВСНХ проект постановления от 8 июля 1930 г. предусматривал увеличение капиталовложений в экономику Уральской области за пятилетку с 1952 млн руб. до 5 873 млн руб., или в три раза. Скачок валовой продукции промышленности предполагалось обеспечить более чем в восемь раз (втрое выше, чем по первоначальным показателям первого пятилетнего плана!) – с 529 до 4 421 млн руб. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 419, л. 17].

Однако у любого проявления волюнтаризма есть свои объективные и субъективные пределы. Приняв участие в пересмотре плановых заданий вместе со Сталиным, руководитель ВСНХ В. В. Куйбышев, изучив реальную статистику, понял всю бессмысленность завышения контрольных цифр. С лета 1930 г. начинается отсчет нарастания критического отношения Куйбышева к «бешеным темпам» [Такер, 2013, с.123].

Статья А. П. Таняева в журнале «Уральский коммунист», печатном органе Уралобкома, опубликованная в конце 1930 г. и насыщенная аргументированной критикой необоснованных планов форсированного рывка промышленного развития в Уральской области, явно говорила не только о позиции автора публикации [Таняев, 1930].

Очевидные нотки раздражения политикой Центра прозвучали на пленуме Уралобкома в январе 1931 г.: причины выполнения производственных планов за 1929/30 г. в отраслях промышленности Уральской области только на 70–80 % во многом были связаны с тем, что экономика Уральской области вместо необходимых и обещанных 2,5 млрд руб., получила только 1,6 млрд руб. [ЦДООСО, ф. 4. оп. 9, д. 13, л. 35]. В докладе председателя исполкома Совета Уральского области М. К. Ошвинцева на пленуме Уралобкома в июле 1931 г. прямо отмечалось: в выпускаемой продукции – *«брак царствует»* (здесь и далее курсив мой. – *М. Ф.*) [Там же, оп. 8, д. 13, л. 1].

Подобные критические выступления сразу «брались на карандаш» цензорами из Москвы: авторы автоматически заносились в «черные списки» и принуждались к покаянию.

Открывая в Свердловске 23 января 1932 г. XI партийную конференцию Уральской области, первый секретарь обкома ВКП (б) И. Д. Кабаков сразу выделил то обязательное кредо, которое от него ожидали в отделах ЦК в столице: «за полтора года, с момента проведения X конференции в июне 1930 г., партийная организация Уральской области, удвоив свои ряды, сплотилась вокруг ленинского ЦК». В Приветствии генеральному секретарю ЦК ВКП (б) т. Сталину, единогласно принятом в начале первого заседания конференции, де-

кларировалась полная поддержка руководителю правящей партии, «*теоретику воинственного ленинизма*, организатору и вождю развернутого социалистического наступления по всему фронту» [Одиннадцатая Уральская…, 1932, Бюллетень № 1, с. 4–7].

Вечернее заседание 23 января 1932 г. было настроено на оптимистический лад заявлением регионального лидера о том, что «промышленность Урала полностью перевооружилась», большевики края «уже начали завоевывать высоты передовой техники», а «материальное положение рабочих Урала – заметно улучшилось» [Там же, Бюллетень № 2, с. 3–19].

Однако, если доказательства технического перевооружения экономики Урала Кабаков отложил на следующее, утреннее заседание 24 января, то доводы об улучшении материального положения рабочих прозвучали незамедлительно: в 1929/30 г. из фонда заработной платы рабочим края было выплачено 571 млн руб., а в 1931 г. – уже 1 180 млн руб. [Там же, с. 19].

Делегатам конференции не стоило задумываться над сомнительностью подобного утверждения: ведь если за указанные полтора года фонд заработной платы увеличился в 2,1 раза, то численность рабочих возросла в 2,3 раза! [см.: Там же, с. 5].

Кроме того, каждый делегат из повседневной жизни, из жалоб населения с мест знал о девальвации рубля, даже не владея точными данными, например, о масштабах роста розничных цен в СССР в 1931 г., когда 75 % финансового плана государства было мобилизовано именно через рост цен [Русский рубль, 1994, с. 240].

Продолжением сюрреалистичности происходящего стал приведенный Кабаковым практически единственный пример роста доходов одного (!) уральского рабочего-вальцовщика, без имени и фамилии, получавшего в августе 1930 г. 30, а в октябре – 60 рублей [Одиннадцатая Уральская…, 1932, Бюллетень № 2, с. 19].

Продолжение Отчетного доклада на утреннем заседании 24 января 1932 г. было окрашено уже в менее радужные тона: первый секретарь уральского обкома ВКП (б) сообщил, что при плановом задании по выпуску промышленной продукции на 1931 г. стоимостью в 1 360 млн руб. реальный выпуск не превысил и 655 млн руб. (*или 48 %*). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий первой пятилетки, и вошедшей в историческую литературу под именем «великого перелома».

При этом выработка продукции по металлургическим заводам Урала даже сократилась: с 339 млн руб. в 1930 г. до 320 млн руб. в 1931 г. Сопоставляя приведенные данные о выполнении плана в

1931 г. (в основных отраслях промышленности этот показатель составил 60–80 %) можно реконструировать общую картину экономической ситуации в Уральской области после осени 1929 г. – времени «великого перелома». Если говорить о росте производства промышленной продукции за 1929–1931 гг., то ее выпуск увеличился не в разы, а (*по официальным данным*) на 55 % (на 46 % в 1929–1930 гг. и на 8 % – в 1931 г.). [Там же, Бюллетень № 3, с. 4].

«Мы наметили снижение себестоимости промышленной продукции в 1931 г. на 15 %, а на деле она повысилась на 15 %» – продолжал Кабаков, – и это закономерно, поскольку «проведение хозрасчета на предприятиях всех отраслей промышленности поставлено чрезвычайно плохо»). [Там же, с. 7].

Руководитель коммунистов Уральской области воздержался от обобщающей оценки, хотя при любых раскладах, даже без учета инфляционных процессов, такие показатели свидетельствовали о провале экономического курса и о кризисных явлениях в промышленности края.

Предельно кратко был обсужден вопрос о положении в деревне [Там же, Бюллетень № 15, с. 13–16]: лаконично отмечалось, что в «ряде районов проводилась погоня за раздутыми процентами коллективизации, и осуществлялись антисередняцкие действия»; но в целом линия партии была верной. *Трагедия уральской деревни оказывалась скрытой плотной пеленой молчания*. В отличие от прошлых уральских областных конференций, обсуждение проблем сельского хозяйства в январе 1932 г. носило чисто символический характер: пример бывшего секретаря Уралобкома П. Т. Зубарева, освобожденного в октябре 1931 г. от работы за попытки смягчить репрессивные меры по отношению к зажиточным крестьянам, и, заклейменного в качестве «правого оппортуниста» [Там же, Бюллетень № 4, с. 4–9], был на слуху. Конкретные проблемы ускоренной коллективизации, ставшей глубоким потрясением и трагедией для уральской деревни в 1930–1931 гг. [Плотников, 1994], на конференции не рассматривались: крушение, либо деформация судеб сотен тысяч крестьян Уральской области явно не вписывались в оптимистический посыл о «социалистическом наступлении по всему фронту».

Годы первой пятилетки подтвердили реноме Кабакова как верного сталинского управленца в провинции, что неоднократно демонстрировалось на всесоюзном уровне. «Ода» Кабакова на XVI съезде (26 июня – 13 июля 1930 г.) в честь «мудрой политики» ЦК, добившегося резкого увеличения показателей Первого пятилетнего плана, включала обличение действий Н. И. Бухарина как «идеолога нэповской экономики», Томского как лидера ВЦСПС, не подчинявшегося

в ряде случаев партийной дисциплине, Рыкова как политика, «недооценившего роль классовой борьбы в стране» [XVI съезд…, 1930, с. 290–295].

Проблема для Кабакова заключалась в другом: замолчать провалы в экономике 1929–1931 гг., бегство из деревни в поиске лучшей доли, голод и фактическую нищету большинства населения было затруднительно. Так на XI партийной конференции Уральской области в январе 1932 г. вновь проявилась вполне очевидная закономерность: в выступлениях *хозяйственников* всплывали фрагменты подлинной реальности экономической жизни региона. Те советские и партийные работники, которые в годы нэпа прошли школу управления промышленными предприятиями и горнозаводскими трестами, привыкли называть проявления бесхозяйственности своими именами. Показателен пример М. К. Ошвинцева, в 1921–1924 гг. руководившего Богословским горнозаводским трестом, в 1924–1927 гг. – Лысьвенским горным округом, а в 1927–1929 гг. возглавлявшим крупнейший в регионе трест «Уралмет».

В докладе на XI партийной конференции председателя исполкома Совета Уральского области М. К. Ошвинцева «Об итогах 1931 г. и контрольных цифрах на 1932» было отмечено, что основные отрасли промышленности края вновь не выполнили плановые задания. Причинами такого явления были названы не мифическое вредительство специалистов, или «происки оппортунистов», а вполне объективные вещи – «в важнейших отраслях сохраняется уравниловка в заработной плате». Кроме того, несмотря на все призывы и постановления, в экономике так и «не внедрен хозрасчет». [Одиннадцатая Уральская…, 1932, Бюллетень № 12, с. 3–20].

Спустя год, в январе 1933 г., на пленуме Уралобкома, подводящим предварительные итоги первой пятилетки в Уральской области, Ошвинцев говорил уже о необходимости уйти от курса на количественные показатели, обернувшегося в 1929–1932 гг. крайне низким качеством продукции. Главный упор во второй пятилетке должен быть сделан на качество продукции, рост производительности труда, и запланированное снижение темпов роста промышленности Уральской области во второй пятилетке с 20–22 % до 13–14 % должно стать гарантией такой стратегии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 11, д. 1, л. 34–35]. Вскоре после своего выступления, Ошвинцев был освобожден от должности, а на пленуме Уралобкома в ноябре 1933 г. «обличен» в правом оппортунизме («недооценке классовой борьбы» и приеме на работу «непролетарских элементов») [Там же, оп. 11, д. 20, л. 147–148].

Неспособность к обобщению и анализу количественных показателей оборачивалась у Кабакова и иной стороной: разносной крити-

ке подвергались те из его соратников, которые раз разом находили в себе мужество называть вещи своими именами, пытались вникнуть в суть процессов в экономике и социальной сфере. *За годы первой пятилетки Кабаков избавился от практически всех членов бюро Уральского обкома ВКП (б), работавших с ним с 1929 г.*: секретарей Обкома П. Т. Зубарева, А. И. Ларичева, И. С. Семирякова; руководителей Облисполкома М. К. Ошвинцева и В. Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л. Е. Гольдича и др.

Большинство из перечисленных функционеров были уральскими рабочими, еще в юности, до 1917 г., искренне поверившими в социализм; успешно прошедшими «школу» нэпа, драматические годы первой пятилетки; отвечавшие за конкретную отрасль народного хозяйства или конкретный участок управленческой деятельности. Не решаясь на критику сталинского курса, они, тем не менее, запомнились делегатам конференций 1930–1934 гг. приводимыми примерами бесхозяйственности, указанием на масштабы брака, на ошибочность отдельных шагов экономической политики. Для тоталитарного государства такие управленцы становились помехой. У многих уральских партийно-государственных работников период 1933–1934 гг. стал временем движения вниз по кадровой лестнице, как правило, за пределами региона.

XII Уральская областная конференция ВКП (б) (18–22 января 1934 г.) была самым коротким из всех аналогичных областных партийных форумов за время существования Уральской области в 1923–1934 гг. Можно выделить три причины, обусловившие такую «краткость».

Во-первых, конференция должна была обсудить итоги первой пятилетки в Уральской области. Однако подводить неутешительные итоги пятилетия в большевистской традиции было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций, при максимальной краткости информации. *Во-вторых*, открытие конференции 18 января 1934 г. «случайно» совпало с опубликованием Постановления ЦИК СССР о разделении Уральской области на три региона: Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую. Сам факт такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки (как, впрочем, и иных регионов). *В-третьих*, (формально – в силу разделения Уральской области), делегаты не обсуждали перспективы развития Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.): уже во вступительном слове первый секретарь Уральского обкома ВКП (б) И. Д. Кабаков предложил снять вопрос «О контрольных цифрах народного хозяйства Урала на вторую пятилетку». [Двенадцатая Уральская…, 1934, с. 6].

Определенная конфузность ситуации подтолкнула И. Д. Кабакова и его соратников к повышенной эмоциональности выступлений. В речи при открытии конференции годы первой пятилетки в Уральской области региональный лидер назвал периодом «величайших исторических побед генеральной линии партии» во всех сферах жизни страны. Таким же былинным языком Кабаков охарактеризовал «организатора и вдохновителя» исторических побед – Сталина: генеральный секретарь ЦК ВКП (б) был провозглашен «вождем и учителем нашей партии, любимым другом трудящегося человечества», который «неуклонно ведет партию от одной победы к другой». Решение о разделении Уральской области на три области Кабаков представил как «акт величайшей большевистской мудрости» [Там же, с. 3–4].

Цветистость слога никогда не покидала большевистских функционеров 1920–1930-х гг., но в данном случае интересна перемена формы речевого обращения к Сталину за два года (январь 1932 г. – январь 1934 г.). Открывая 23 января 1932 г. XI Уральскую областную конференцию ВКП (б), Кабаков назвал Сталина «только» «организатором и вождем развернутого социалистического наступления по всему фронту» [Одиннадцатая Уральская…, 1932, Бюллетень № 1, с. 4, 27]. Спустя два года, 18 января 1934 г., в речи Кабакова все достижения Первой пятилетки были напрямую связаны с именем Сталина, «вождя партии и мирового пролетариата»: наши победы «являются триумфом генеральной линии, триумфом тов. Сталина» [Двенадцатая Уральская…, 1934, с. 12].

Внешне отчетный доклад первого секретаря Уральского обкома ВКП (б) по своей структуре мало чем отличался от предшествующих докладов на конференциях в 1930 г. и 1932 г. Обличение мирового кризиса в экономике капиталистических стран характеризовалось как свидетельство «загнивания капитализма», стремительно «катящегося к новому туру войн и революций». Создание на Урале «мировых промышленных центров металла, химии, машин» и превращение Урала в один из «мощных передовых промышленных центров Советского Союза» и раньше подавалось как «успехи социализма, достигнутые партией и пролетариатом за эти годы на Урале» [Там же, с. 12–13, 16].

Новым моментом стало весьма далекое от научного, подчеркнуто карикатурное представление дореволюционного Урала как края с «отсталой, кустарной промышленностью» [Там же, с. 12]: так легче было микшировать провал произвольно завышенных планов первой пятилетки, проще манипулировать цифровыми показателями.

Даже в тех редких случаях, когда докладчик сообщал делегатам конференции какие-то обобщающие сведения, например, о построении и запуске в Уральской области двухсот новых крупных предпри-

ятий, многое оставалось неясным: степень выполнения пятилетнего плана, соотношение плановых и реальных расходов на строительство, качественные показатели строительства и работы промышленных предприятий, процент использования производственных мощностей. При этом типичная черта советской статистики – *выборочное, фрагментарное предоставление статистических показателей* – выгляделo секретом Полишинеля, поскольку публикация пятилетних планов и их многочисленных корректировок давала специалистам возможность сравнить замысел и результат.

Отчетный доклад Уральского обкома ВКП (б) оперировал только данными за 1932 г. Выполнение плановых заданий в 1932 г. в ведущем секторе уральской экономики – тяжелой промышленности – всего на 83 % Кабаков самокритично расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий» [Там же, с. 24–25]. Однако в чем заключалась «неумелость», делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела вполне определенные границы.

Еще одна большевистская традиция – поиск субъекта-вредителя – также не обошла стороной доклад Кабакова: в бесхозяйственности на предприятиях края обвинялись профсоюзы (!), виновные в «существовании на предприятиях гнилого парламентского способа разрешать производственные вопросы» [Там же, с. 26]. Но при этом Кабаков только «усилил» сталинскую цитату 1931 г., напрочь отрицающую возможность производственной демократии, в частности, участия профсоюзов в управлении производством, оговоренную Кодексом о труде.

Анализ отчетных докладов Кабакова на партийных конференциях 1930, 1932 и 1934 гг. позволяет выделить их характерную особенность: полное отсутствие каких-либо социологических примеров положения трудящихся и оперирование примером жизни *отдельно взятого рабочего*, «внезапно» изменившего свое отношение к «социалистическому строительству». На XII партийной конференции Кабаков продемонстрировал незнание и непонимание качественных показателей развития экономики, приравняв, например, понятие «хозрасчет» к тарифной сетке. Обладателю начального образования, полученного в церковно-приходской школе, Кабакову действительно было трудно разбираться в сложных экономических вопросах, также, как и 71 % делегатов, имеющих аналогичную общеобразовательную подготовку [Там же, с. 29, 35, 241].

Сталинский трафарет поведения руководителя копировался и в провинции. По числу восхвалений в свой адрес первый секретарь обкома ВКП (б) на конференции в январе 1934 г. превзошел самого генерального секретаря. Если в начале конференции Кабаков фигуриро-

вал просто как «руководитель уральских большевиков», то вскоре он превратился в «лучшего ленинца и лучшего большевика», «талантливого ученика т. Сталина», «вождя уральских большевиков»; «руководителя социалистического Урала и главного нашего инженера-строителя», чья работа представляла собой «подлинно большевистский образец, как надо бороться за правильное проведение в жизнь директив ЦК и указания Сталина» [Там же, с. 90, 92, 103].

Оставалось малое – и оно прозвучало – секретарь Надеждинского ГК ВКП (б) И. А. Спиров, заявивший, что «Уралобком во главе с талантливым учеником тов. Сталина Кабаковым превратил старый демидовский, полукустарный Урал в крупнейший индустриальный социалистический Урал», внес предложение «от имени слета ударников района» «переименовать город Надеждинск – в Кабаковск, а Надеждинский район – в Кабаковский». Делегаты партийной конференции встретили это предложение «бурными аплодисментами» [Там же, с. 94].

Резолюция XII Уральской областной конференции о работе Уралобкома по докладу т. Кабакова от 22 января 1934 г. содержала самые лестные слова в адрес «талантливого ученика т. Сталина». Судя по резолюциям конференции, верность сталинской генеральной линии рассматривалась как важнейшая жизненная позиция коммунистов. Однако среди 35 человек, избранных делегатами на XVII съезд (с правом решающего голоса), 11 имели дореволюционный стаж [Там же, с. 234, 235, 238]. Это предполагало знание подлинной истории большевистской партии и Российского государства и представляло потенциальную угрозу тоталитаризму.

Кроме того, представители директорского корпуса из числа делегатов конференции наглядно показали, что процесс осмысления итогов первой пятилетки включает в себя нелицеприятные оценки экономической действительности. Конфликт первого секретаря Уральского обкома ВКП (б) со своим окружением, директорами предприятий был перманентным, но был ограничен рамками обязательного выполнения задач пятилетнего плана. В силу этого до 1937 г., в период строительства и освоения новых предприятий, реконструкции старых заводов и фабрик конфликт носил вялотекущий характер и разрешался в форме приспособления к реальной обстановке, перевода уральских функционеров в другие регионы. Не подлежит сомнению причастность руководителей Уральской области к модернизации промышленного потенциала края, что выражалось, прежде всего, в смягчении постоянных кризисных ситуаций; к процессу осмысления итогов первой пятилетки, событий 1933–1936 гг.

Такое осмысление носило непоследовательный и фрагментарный характер; тем не менее, в рамках страны оно способствовало отказу

экономических ведомств от леворадикальных безумств 1930–1931 гг. [Хлевнюк, 2010, с. 94–95]. Принятый в том же 1934 г. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР стал определенной вехой на этом пути.

Годы стабилизации советской экономики (1934–1936), казалось бы, должны были снизить уровень напряжения между Центром и регионами, Сталиным и представителями управленческого эшелона. Однако официальный отказ от «чрезвычайщины» в экономической жизни означал и отказ от волюнтаристских планов и ажиотажных темпов развития промышленности; попытку использования хозрасчетных основ в отношениях между предприятиями, т. е. де-факто существенное ограничение вседозволенности партийных комитетов.

Характерен пример стахановского движения, появление которого осенью 1935 г. вызвало у генерального секретаря ЦК абсолютно беспочвенные утверждения о возможности в кратчайший срок удвоить или утроить выпуск промышленной продукции [Дэвис, 2006, с. 450]. По мысли Сталина, стахановское движение должно было произвести революцию в промышленности. Но на первый план Сталин выдвигал борьбу с «врагами стахановского движения». Попытки работников промышленных наркоматов ввести *рациональные основы в организацию труда на предприятиях* вызывали ожесточение и ярость вождя, уже в 1936 г. нашедшие выход в репрессиях. В такой обстановке оказался управленческий социум СССР в 1936–1937 гг.

Логика действий лучших представителей директорского корпуса в советской промышленности привела к скрытому в оболочке «идеологически правильных» выражений конфликту со сталинской практикой управления на заседании Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25–29 июня 1936 г. [Совет при народном комиссаре…, 1936]. Поскольку этот Совет представлял собой собрание элиты хозяйственных руководителей (заместителей наркома, руководителей главков, директоров 112 крупнейших предприятий тяжелой промышленности), «освященное» присутствием члена Политбюро ЦК ВКП (б) С. Г. Орджоникидзе, это событие заведомо претендовало на то, чтобы стать одним из наиболее значимых в 1936 г.

Заседания 25–29 июня 1936 г. вывели развитие советской экономической мысли и практики первых двух пятилеток на признание *приоритета качественных показателей и определенной свободы действий предприятий*. Ряд предложений на Совете в июне 1936 г. предвосхищал положения экономической реформы 1965 г. (например, планирование выполнения производственной программы не по валовой, а по товарной продукции) [Фельдман, 2011, 410].

Это был вызов догматическому пониманию марксизма – и на январском (1937 г.) пленуме ЦК Сталин обозначил круг тех, кому предстоит лишиться своих постов: 3–4 тыс. управленцев высшего звена, 30–40 тыс. среднего, 100–150 тыс. работников низового звена; определил срок – шесть месяцев; дав весьма расплывчатое определение *понятию* «враг» [Жуков, 2003, 358].

От репрессий Кабакова не спасали ни полученный в конце 1935 г. *за успехи в создании уральского промышленного комплекса* орден Ленина (И. Д. Кабаков, в 1929–1934 гг. руководивший обкомом ВКП (б) Уральской области, после ее разделения стал первым секретарем обкома ВКП (б) Свердловской области), ни место в президиуме XVII съезда партии, ни доверительные неформальные отношения со Сталиным.

Помимо абсолютно надуманных обвинений Кабакова и его подчиненных в организации контрреволюционной деятельности, верному сталинцу были предъявлены обвинения в «сибаритстве и ведении роскошной жизни». Без сомнения, не красили руководителей Свердловской области немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели, оплачиваемые за счет партийной кассы обеды, банкеты; строительство роскошных по меркам 1930-х гг. дач и многое другое [Сушков, 2013].

Однако, копируя стиль верхнего эшелона московских чиновников, нормы быта советской номенклатуры, выстраивая согласно *секретным постановлениям ЦК и СНК* сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир [Осокина, 1993], выполняя решения Политбюро о резком повышении заработной платы партийным работникам [Хлевнюк, 1992, с. 39], уральские управленцы «не отрывались от номенклатурного коллектива», выстроенного по сталинским лекалам.

Но как же быть с обвинениями в самовольной растрате государственных средств, в кумовстве, в привычке к привилегиям? В данном случае свою роль сыграла картина повседневной жизни большевистских региональных руководителей спустя двадцать лет после «социалистической» революции 1917 г. Заглянув в зеркало быта «сталинцев», в полукриминальную повседневность сталинщины, в подлинный лик созданной им же системы с доминированием неформальных криминальных норм над формальными, правовыми, вождя обуял «праведный гнев».

Обвинения Кабакову указывали на «грубую, высокомерную, не терпящую встречной критики манеру общения обкомовцев с подчиненными». Между тем, с самого начала в большевизме была выстроена особая система норм и правил поведения, а также карательных

санкций за их невыполнение; идеальным типом управленца выступала фигура «красного командира», который мог выполнять любые приказы без каких-либо моральных колебаний.

Патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области и являвшиеся основой благосостояния партийной номенклатуры, ее привилегированного положения в обществе являлись нормой жизни для общества этократического типа, где каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. Добиваясь абсолютной власти, Сталин мог на время разрушить патрон-клиентские связи в одном возрастном слое управленцев. Однако они неизбежно возникали вновь, в рамках ведомственных и территориальных барьеров, даже в условиях полного подчинения чиновников всех уровней Сталину.

Работники обкома действительно тянули за собой знакомых управленцев. Сложившиеся патрон-клиентские связи между членами Политбюро и региональными управленцами были определенным препятствием на пути к единоличной диктатуре Сталина. Но иной системы решения кадровой проблемы в недемократическом государстве ВКП (б) предложить не могла. Каждый местный «вождь» формировал свою команду, во многом исходя из субъективных факторов, в частности, принципа личной преданности [Хлевнюк, 2010, с. 26, 419].

Подлинная цена обвинений уральских руководителей становится понятной, если заглянуть в источник «компромата»: материалы пленума Свердловского обкома ВКП (б) от 22–23 мая 1937 г., на который сталинский посланец, секретарь ЦК А. А. Андреев прибыл уже с *готовым, внесудебным решением* Сталина о снятии с работы И. Д. Кабакова за принадлежность к «контрреволюционому центру правых». Хорошо известно, что подобные сведения фабриковались в НКВД и поступали Сталину. Страх от занесенного над головой свердловчан-участников пленума топора был столь велик, что «желающих выступить на пленуме обкома, *вылить свой ушат грязи* на Кабакова, перед которым еще недавно заискивали, и одновременно попытаться себя обелить оказалось немало» [Сушков, 2013, с. 47].

«Обоснованность» политических обвинений не вызывает вопросов: НКВД инсценировал грандиозный спектакль, сфабриковав мифический Уральский повстанческий штаб из «200 подразделений, 15 повстанческих организаций, 56 групп!» [Сушков, 2013, с. 88]. Показательно и другое: после проведения по сталинскому приказу карательной операции в июне 1938 г. был арестован и расстрелян ее исполнитель – Д. М. Дмитриев, начальник УНКВД по Свердловской области вместе с рядом других арестованных начальников областных

и краевых УНКВД, поразительно быстро давших показания, разоблачающие работу «ежовцев»: «удар был нанесен не по врагам» [Хаустов, Самуэльсон, 2010, с. 242, 247].

В чем же заключались подлинные причины невиданных по масштабу сталинских репрессий 1937 г.?

Гнев Сталина, безжалостность по отношению к своей же партии, большевистским кадрам, *к собственным назначенцам*; в данном случае – нежелание признать очевидное: неспособность, и более того, невозможность для самых верных «сталинцев» эффективно работать в сталинской системе социально-экономических отношений, не вступая в противоречие с системой, оторванных от реальной жизни нормативных актов.

Как абсолютно точно доказывают многочисленные документы, Сталин был инициатором всех ключевых решений по чисткам и массовым репрессиям. За 20 месяцев (январь 1937 – август 1938 гг.) Сталин только от Ежова получил около 15 тысяч так называемых спецсообщений с протоколами допросов, докладами об арестах, проведении карательных операций. Сталин не только санкционировал присланные документы, но и отдавал приказы об арестах и расстрелах сотен тысяч людей; с патологической тщательностью контролировал этот процесс. Всего, судя по секретной ведомственной статистике НКВД, в 1937–1938 гг. органами НКВД (без милиции) было арестовано 1 575 259 человек (из них 87 % – по политическим статьям). 1 344 923 человека в 1937–1938 гг. были осуждены, в том числе 681 692 – к расстрелу [Хлевнюк, 2010, с. 299].

Массовость и социальный состав репрессированных опровергает довод о сталинской «борьбе с бюрократами». Так в 1937 г. в СССР было осуждено 272 157 рабочих, 298 184 служащих, 306 548 колхозников [Коровин, 1996, с. 33].

Ни у кого не вызывает сомнений факт трагической гибели в 1937–1938 гг. трех составов Свердловского обкома ВКП (б) – партийных, советских, хозяйственных работников, внесших немалый вклад в создание индустриальной базы «опорного края державы».

В этой связи вызывает вопрос: с чем связано появлений публикаций, откровенно и целенаправленно очерняющих как непосредственно Кабакова, так и его современников? Критик Кабакова А. В. Сушков такой же черной краской рисует руководителей Ленинграда, выстоявших в годы блокады [Сушков, 2018], директора Танкограда [Сушков, 2016]. Прослеживается стремление автора указанных публикаций выставить Сталина в качестве мудрого правителя, карающего за малейшее нарушение регламентов и правил.

В реальности, как об этом свидетельствуют архивные источники – переписка руководителей предприятий, материалы судебных органов, мемуарная литература – широко применялись квазирыночные взаимосвязи, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения. Как в 1930-е, так и в годы войны большое значение имели неформальные связи. При этом руководители, не умевшие выполнять план, даже с помощью незаконных средств, устранялись. Практически все споры хозяйственников различных уровней обычно разрешались неформальными способами, хотя в их распоряжении имелись также административные и судебные средства. Аналогичное суждение можно вынести и при оценке характера связей горизонтального уровня по линии «партийные органы – предприятия»; формальные связи между хозяйственными наркоматами, местными органами власти и производственными организациями фактически отсутствовали [Хлевнюк, 2017].

А. В. Сушков никогда не занимался исследованиями экономической и социальной советской истории 1930–1940-х гг.: публикации этого автора (за исключением горстки «разоблачительных») по указанной проблеме отсутствуют. Незнание подлинной истории и исторической литературы описываемого периода, и как следствие, непонимание причинно-следственных связей, сыграло злую шутку с автором далеких от научности публикаций: стремясь обелить одного человека, он, используя его же собственное выражение, «вылил ушат грязи» на эпоху, в том числе на тех, кто выиграл Великую Отечественную войну. Кабакова и его соратников трудно назвать безгрешными, но это они руководили созданием того промышленного комплекса Урала, который сформировал его репутацию «опорного края державы».

Судьба Кабакова неотделима от судьбы целого поколения назначенцев – региональных лидеров времен первых пятилеток, ставших объектами репрессий в 1937–1938 гг. В подавляющем большинстве республик, областей и краев с конца 1936 до начала 1939 гг. сменились по 2–3 (первых) секретаря. В некоторых – по четыре [Хлевнюк, 2016, с. 47].

Точка зрения ряда историков о «конфликте центра и региональных лидеров» не подтверждается. Сталин не доверял старому поколению функционеров постольку, поскольку они помнили о времени относительной внутрипартийной демократии; решающей роли Политбюро и пленумов ЦК. Тем не менее, обвинения в злоупотреблениях и некомпетентности не объясняют курс на репрессии [Хлевнюк, 2016, с. 47]. Главная вина региональных лидеров, на наш взгляд, заключалась в том, что само стремление к эффективному выполнению социально-экономических задач, к реализации Индустриального проекта неизбежно вступало в противоречие с идеологическими догмами.

В сталинской интерпретации это означало сомнение в абсолютной преданности назначенца с последующим неизбежным наказанием.

Массовая ротация кадров во второй половине 1930-х гг., проведенная с помощью репрессий, затронула все слои руководящих работников как в центре, так и на местах. С чисто административной точки зрения метод репрессий как способ решения кадровых проблем имел разрушительные последствия и ослаблял потенциал системы.

Судьба назначенцев, партийных работников – секретарей республиканских, областных и краевых комитетов – далеко не однозначна. Для многих из них реализация Индустриального проекта стала главным делом в жизни. Оценка каждого конкретного человека должна быть обоснована и индивидуализирована; сопоставлена с ценой достижений и тяжестью проступков. *Но свой вклад в реализацию задач индустриализации они успели внести*. Необходимы масштабные исследования этой профессиональной группы без политических и идеологических пристрастий по принятой в современной науке шкале эффективности.

Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП (б) : стеногр. отчет. Свердловск : Партиздат, 1934.

Дэвис Р. Советская экономика и начало «большого террора» // Экономич. история : ежегодник. М. : РОССПЭН, 2006. С. 439–476.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М. : Вагриус, 2003.

Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932 гг. М. : Мысль. 1971.

История индустриализации Урала : док. и материалы / гл. ред. В. Н. Зуйков. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5 т. М. : МФД, 2000. Т. 4. Пленум ЦК ВКП (б) 16–23 апр. 1929; Т. 5. Пленум ЦК ВКП (б) 16–23 нояб. 1929.

Коржихина Т. П., Фигантер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление и механизм действия // Вопр. ист. 1993. № 7. С. 25–38.

Коровин Н. Р. Рабочий класс России в 30-е годы XX в. : автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1996.

Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП (б). 23–30 янв. 1932 (в 17 бюллетенях). Свердловск : Партиздат. Урал. обл. отд., 1932.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 2008.

Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М. : РОССПЭН, 1993.

Плотников И. Е. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отеч. ист. 1994. № 3. С. 83–86.

Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М. : Прогресс- Академия. 1994.

Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 171–187.

Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М. : Изд-во НКТП, 1936.

Сушков А. В. «Крах империи Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Екатеринбург, Свердловск, Екатеринбург. Веси. 2013. № 6 (92). Екатеринбург, 2013. С. 52–62.

Сушков А. В. Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции. Екатеринбург : Альфа ПРИНТ, 2018.

Сушков А. В. Дело танкового короля Исаака Зальцмана. Екатеринбург : Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 2016.

Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М. : Центрополиграф, 2013.

Таняев А. П. О современном лице промышленных кадров // Урал. коммунист. 1930. № 11–12. С. 24–31.

Фельдман М. А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Социол. иссл. 2020. № 6. С. 94–102.

Фельдман М. А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг. или пять дней из жизни Г. К. Орджоникидзе // Экономич. ист. Обозрение. Вып. 15. М. : Изд-во МГУ, 2011. С. 86–95.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М : РОССПЭН, 2010.

Хлевнюк О. В. Номенклатурная революция: региональный руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская ист. 2016. № 5. С. 36–52.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010.

Хлевнюк О. В. 1937 год: противостояние. М : Знание, 1992.

Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Урал. ист. вестн. 2017. № 3. С. 71–80.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М.–Л. : ГИЗ, 1930.

УДК 94(47).084.6/94(44).083

Е. В. Каменская

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ПАКТ 1935 г. В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЕРЕДИНЫ 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ)[1]

В статье рассматривается освещение советско-французских переговоров и заключения пакта о взаимопомощи весной 1935 г. в советской печати. Анализируется информационная кампания, в рамках которой советско-французский пакт рассматривался как попытка реализации идеи коллективной безопасности. Показывается, какими советские читатели

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Согласия к Пакту: франко-русские / франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

© Каменская Е. В., 2021

видели расстановку сил в Европе середины 1930-х гг. и основные перспективы формирования межгосударственных коалиций.

Ключевые слова: СССР, Франция, советско-французские отношения, советско-французский пакт, коллективная безопасность, советская пресса

Середина 1930-х гг. – время, когда новую мировую войну еще, казалось, можно было предотвратить. Странами Центральной и Восточной Европы обсуждалось создание системы коллективной безопасности. В итоге несколько вариантов союзов были реализованы, часть осталась только в качестве планов. Советский Союз активно участвовал в этом общеевропейском процессе.

В 1920-е – начале 1930-х гг. советская дипломатия решала первоочередные задачи – признание СССР ведущими странами мира, официальное включение в систему международных отношений. В первой половине 1930-х гг. эти задачи были решены: СССР, наконец, был признан США, а также Чехословакией, Румынией, Болгарией, вошел в Лигу Наций. Теперь можно было переходить к решению задач нового уровня, отвечающих повестке дня. Реализация системы коллективной безопасности, заключение межгосударственных соглашений, дающих определенные гарантии в случае военной угрозы, вхождение в многосторонние коалиции – все это стало основой деятельности НКИД и лично М. М. Литвинова.

Среди ведущих мировых держав ближе всех к СССР находилась Франция. Первая половина 1930-х гг. ознаменовалась целым рядом франко-советских соглашений. В 1932 г. был заключен пакт о ненападении, в 1934 г. – торговое соглашение. Следующим этапом должен был стать договор о взаимопомощи, а в широкой перспективе – многосторонние соглашения с включением СССР и Франции, в рамках которых можно было дать коллективный отпор возможному агрессору.

Предлагаемая статья посвящена анализу освещения советско-французских переговоров и заключения пакта о взаимопомощи 1935 г. в советской печати. Отражение советско-французских отношений в прессе можно рассматривать с разных позиций. С одной стороны, печать в СССР показывала официальный внешнеполитический курс руководства страны, что позволяет рассматривать ее как источник (конечно, имеющий свою специфику) по данному вопросу. С другой стороны (и именно это направление в нашей работе будет основным), советские граждане в рассматриваемое время в подавляющем большинстве потребляли внешнеполитическую информацию исключительно из официальных каналов, среди которых основную роль играли газеты. В этом ключе печатные издания позволяют по-

нять, какой образ тех или иных событий и отдельных государств формировался у основной массы населения, какие факты были доступны рядовым гражданам и какие выводы можно было сделать на их основе относительно состояния международных отношений в настоящем и будущем. Отдельным вопросом является механизм работы СМИ с аудиторией в постоянно меняющихся внешнеполитических условиях.

Хронологически основное внимание будет сконцентрировано на отрезке апрель-май 1935 г. – времени, когда были определены основы советско-французского пакта о взаимопомощи. В рамках этого процесса можно выделить несколько ключевых событий, сопровождавшихся кампаниями в советской печати. Это апрельские переговоры полпреда СССР во Франции В. П. Потемкина и министра иностранных дел Франции П. Лаваля и подписание ими 2 мая в Париже пакта о взаимопомощи, а также визит П. Лаваля в Москву 13–15 мая. Источниковую базу составили центральные издания («Правда», «Известия», «Огонек») и региональные газеты («Уральский рабочий»)[2].

Дадим краткую характеристику внешнеполитической информации в советской прессе. В середине 1930-х гг. существовало несколько вариантов ее подачи. Ключевую роль играли обзоры зарубежной печати, составляющие большинство среди публикаций по внешнеполитическим вопросам. Корреспондентская сеть советских изданий еще формировалась, сведения о событиях во многих странах они получали опосредованно, часто использовали данные иностранных газет. Зачастую даже безоценочная информация ТАСС шла со ссылкой на зарубежные информационные агентства или издания. В некоторых случаях использовалась абстрактная фраза «из авторитетных источников» [Известия, 1935, 29 апр., с. 1]. Освещение советско-французских отношений во многом проводилось через демонстрацию позиций различных зарубежных СМИ. Первое место, несомненно, занимали французские издания. Их ассортимент был очень широк: «Юманите», «Попюлер», «Пари суар», «Пти паризьен», «Матэн», «Тан», «Эко де Пари», «Франс милитер» и многие другие. Упоминались как правые издания, так и газеты французских коммунистов и социалистов.

Другим жанром, использовавшимся при подаче внешнеполитической информации, являлось интервью. Имея собственных корреспондентов в Париже, Лондоне, Берлине «Правда» и «Известия» могли публиковать их беседы (чаще в виде обзоров, пересказов) с зарубеж-

[2] Относительно использования в ходе анализа региональных изданий необходимо отметить, что внешнеполитическая информация в это время содержалась в каждом номере областных газет. Несомненно, источниками информации выступали ТАСС и центральные издания. При этом региональные издания имели большое значение как источники международных новостей, и в ходе внешнеполитических информационных кампаний им отводилась важная роль.

ными политиками по важнейшим вопросам. В частности, в рамках освещения советско-французских отношений весной 1935 г. «Правда» размещала интервью с лордом Сесилем о советско-французском пакте, с П. Лавалем во время его визита в Москву и т.д. [Правда, 1935, 4 мая, с. 7; 17 мая, с. 1]. В качестве расширенной информации также могли публиковаться речи политических деятелей, в основном глав государств и представителей дипломатических служб, тексты соглашений и договоров.

Фотографии по внешнеполитической тематике в газетах 1930-х гг. не были распространены. Подавляющее большинство фотоиллюстраций касалось внутрисоюзной информации. Изображения иностранных политических деятелей появлялись лишь в особенных случаях. Советско-французские переговоры весны 1935 г. были именно таким случаем. В апреле в «Огоньке» под заголовком «Франко-советские отношения» в преддверии предполагаемого визита французского министра была размещена большая фотография П. Лаваля. 8 мая 1935 г. в «Правде» появилась фотография подписания советско-французского договора П. Лавалем и В. П. Потемкиным, а 12 мая портрет П. Лаваля перед его приездом в Москву [Правда, 1935, 8 мая, с. 5; 12 мая, с. 1]. Освещение советско-французских переговоров в Москве 13–15 мая сопровождалось несколькими фотографиями (портреты П. Лаваля, встречи французской делегации с советским руководством, посещение членами французской делегации знаковых мест Москвы) [Известия, 1935, 14 мая, с. 1, 2; 16 мая, с. 1; Правда, 1935, 13 мая, с. 1; 14 мая, с. 1, 5; 15 мая, с. 1; 16 мая, с. 1]. В выпуске «Огонька» от 25 мая франко-советские переговоры подавались через три крупные фотоиллюстрации – портрет П. Лаваля и уже публиковавшиеся в «Правде» фото приема П. Лаваля В. М. Молотовым и подписания договора 2 мая в Париже [Огонек, 1935, № 15, с. 2]. Таким образом, важность франко-советских переговоров передавалась и через насыщенность изданий визуальными образами.

Проанализируем, какой представлялась в советской печати расстановка сил в Европе середины 1930-х гг., как формировались образы отдельных стран и как освещался процесс разработки межгосударственных соглашений. Среди стран, чей образ в рассматриваемое время можно охарактеризовать как положительный, несомненно, находилась Франция. В условиях активизации советско-французского политического взаимодействия и подписания пакта пресса благожелательно относилась к Третьей республике. При этом применялись разные способы работы с аудиторией.

Во-первых, в советской печати существовал устойчивый набор тем, через которые создавался негативный образ той или иной капита-

листической страны. Однако при необходимости эти темы приглушались, что позволяло смягчить образ. Подобный подход в этот период был применен к Франции. Традиционно пресса фиксировала внимание читателей на экономических проблемах Запада. Франция, как и другие капиталистические страны, показывалась как государство, испытывающее постоянные финансовые трудности, раздираемое трудовыми спорами и т. д. Сейчас же тема кризисного состояния французской экономики отошла на второй план. Косвенным продолжением этой темы можно считать публикации о многотысячных митингах и забастовках в честь 1 Мая, локальных забастовках швейных предприятий Парижа и т. д. [Известия, 1935, 4 мая, с. 2; Правда, 1935, 27 мая, с. 5; Уральский рабочий, 1935, 4 мая, с. 2, др.]. Об экономических проблемах вспомнили в конце мая, когда кампания, связанная с заключением советско-французского пакта и визитом П. Лаваля в Москву, уже закончилась. Сначала тема подавалась относительно спокойно, без резких выпадов в сторону Франции. Эту тенденцию хорошо отражали нейтральные заголовки – «Финансовые проекты французского кабинета», «Финансовое положение Франции». С нарастанием политического кризиса материал приобрел пессимистичный характер, но стиль изложения оставался спокойным. Несмотря на то, что события во французском правительстве развивались стремительно[3], публикации советской печати не были обличительными.

Привычным сюжетом для критики стран Запада являлось притеснение коммунистов. С одной стороны, весной 1935 г. в советской печати встречались сообщения о проблемах французских коммунистов. В частности, к ним можно отнести информацию о нападении на секретаря ФКП Ж. Дюкло [Правда, 1935, 30 апр., с. 5]. С другой стороны, печать в основном обращала внимание на успехи ФКП на выборах различного уровня, ее поддержку со стороны трудящихся, массовые митинги и пр. [Известия, 1935, 8 мая, с. 2; Правда, 1935, 30 апр., с. 5; 9 мая, с. 5; 28 мая, с. 5].

Во-вторых, для создания позитивного образа какой-либо страны в прессе показывались ее крепкие связи с Советским Союзом. В случае с Францией демонстрировалось развитие научных и культурных отношений двух стран. Амплитуда сюжетов была очень широка: от приглашения советских ученых Парижским университетом до выставки рисунков советских детей в педагогическом музее Парижа [Правда, 1935, 13 апр., с. 5; 19 апр., с. 5]. Показывалась деятельность во Франции ассоциации «Друзей Советского Союза», в частности, организация в июне 1935 г. Международных дней Советского Сою-

[3] Не сумев найти выход из создавшегося кризиса, правительство П.-Э. Фландена подало в отставку.

за, которые должны были превратиться «в широкую демонстрацию укрепления культурных связей между Францией и народами СССР» [Известия, 1935, 29 апр., с. 1; Правда, 1935, 24 мая, с. 5]. Советскому читателю представляли французских политиков, которые выступали за сотрудничество с СССР – Э. Эррио, П. Бонкур, Л. Барту. Последний рассматривался как большой друг Советского Союза и имел ореол мученика в связи с недавней трагической гибелью.

В-третьих, интересным способом формирования положительного образа другой страны была демонстрация ее большого интереса к СССР и восхищения советской действительностью. В условиях развития советско-французских связей было важно показать, как французские граждане знакомятся с СССР и какие впечатления у них остаются. В «Правде» публиковался разговор делегации французского общества друзей СССР с детьми работников подшипникового завода им. Кагановича, в ходе которого дети рассказывали зарубежным гостям о мирном настрое Красной Армии, о социальных гарантиях и отсутствии безработицы в СССР, отношении к фашизму [Правда, 1935, 6 мая, с. 6]. Успехи советских спортсменов и советской армии показывались через восхищенные отзывы французской стороны [Известия, 1935, 17 мая, с. 2; Правда, 1935, 10 мая, с. 5; 20 мая, с. 5]. После посещения СССР П. Лавалем газеты отмечали, какое большое впечатление оказал Советский Союз на французскую делегацию и французских журналистов. В «Известиях» были опубликованы ответы корреспондентов французских изданий на вопрос газеты «Что в Москве произвело на вас наибольшее впечатление?» [Известия, 1935, с. 2]. Среди ответов были авиация[4] и только что открывшийся метрополитен, но в основном абстрактные понятия – «энтузиазм», «созидательная атмосфера», «всеобщая собранная активность, индивидуальная и коллективная воля, направленная к единой творческой созидательной цели» [Там же].

Несмотря на очевидное снижение интенсивности критики Франции отдельные упоминаемые факты должны были насторожить читателей. В статье, посвященной успехам французских коммунистов на муниципальных выборах, указывалось, что «сенсацией парижских выборов является избрание бывшего префекта полиции Кьяппа, одного из вдохновителей фашистского движения. Вообще партии фашистской окраски провели в ряде мест своих кандидатов» [Правда, 1935, 7 мая, с. 5]. Публикация М. Кольцова «Грандиозная демонстрация в Париже», рассказывающая о 300-тысячной демонстрации коммунистов и социалистов, начиналась с упоминания торжественного марша реакционных и фашистских сил [Правда, 1935, 20 мая, с. 5]. С одной

[4] Французская делегация присутствовала на авиационном представлении.

стороны, на этих сюжетах в данный момент пресса не акцентировала внимание, и они шли как фоновые. С другой – читатели могли понять, что далеко не все французское общество настроено против Германии, которая в рассматриваемый период, несомненно, выступала в советской печати как главный агрессор в Европе.

Критика фашизма присутствовала во внешнеполитических разделах газет ежедневно. В публикациях весны 1935 г. показывалось, что Германия требовала вернуть ей колонии, утраченные после Первой мировой войны, претендовала на территории в Восточной Африке, готовилась к демилитаризации Рейнской зоны, что являлось нарушением не только Версальского договора, но и Локарнских соглашений [Уральский рабочий, 1935, 9 апр., с. 1].

Агрессивные высказывания и действия немецкого руководства вызывали серьезные опасения у ее соседей. По материалам советской печати можно было сделать вывод, что Франция более всех была встревожена политикой Германии и высказывалась за жесткие ответные меры. В частности, в ходе конференции в Стрезе именно Франция настаивала, чтобы на ближайшем Совете Лиги наций был внесен совместный франко-англо-итальянский проект, согласно которому в случае, если Германия предпримет новые действия, нарушающие Версальский договор, против нее будет создан финансово-экономический блок [Правда, 1935, 14 апр., с. 1].

Тема немецкой угрозы постоянно звучала в публикациях о Франции. Читатели узнавали об аресте германского шпиона в Париже, об участившихся случаях появления германских самолетов над французскими укреплениями на восточной границе [Известия, 1935, 12 апр., с. 2; Правда. 1935, 26 апр., с. 5; 30 апр., с. 1]. В прессе подчеркивались территориальные претензии Германии к Франции. Выражалось это в разных формах. К примеру, читатели узнавали, что в одном из немецких туристических бюро в Париже на карте Европы «франко-германская граница была … указана так, что получалось впечатление, что Страсбург, Мец, Мюлюз находятся на территории Германии» [Правда, 1935, 11 апр., с. 5].

По публикациям печати было ясно, что Германия представляет угрозу не только для Франции, но и для всего мира. Советский Союз в ситуации роста агрессивных планов Германии становился главной мишенью: «Гитлеризм угрожает всем европейским народам и особенно Советскому Союзу», «будущий удар Германии будет направлен на Советский Союз» и т. д. [Правда, 1935, 14 мая, с. 5, 20 мая, с. 5]. Публиковались обзоры речей Гитлера, в которых он говорил о принципиальной и непримиримой враждебности национал-социалистов Германии к Советскому Союзу [Известия, 1935, 23 мая, с. 1]. Враждебная поли-

тика со стороны Германии становилась «объединяющей темой» для Франции и СССР. В прессе подчеркивалось, что Германия пыталась «вбить клин между Востоком и Западом, в частности между СССР и Францией» [Правда, 1935, 23 мая, с. 3]. Следовательно, соединение усилий двух стран негативно воспринималось в Берлине.

Некоторые страны определялись как потенциальные союзники Германии. В апреле – мае 1935 г. пресса развивала тему польско-немецкого сотрудничества, в том числе в военной сфере. Подчеркивалось, что Польша симпатизирует Гитлеру и готова следовать в русле его политики. Положительных черт Польше не добавляли многочисленные публикации об отрицательном отношении Варшавы к советско-французскому сотрудничеству в целом и пакту в частности, холодной встрече П. Лаваля польскими властями во время его транзита в Москву [Известия, 1935, 11 мая, с. 2; Правда, 1935, 11 мая, с. 5; 14 мая, с. 5]. Во враждебном лагере оказывалась и Финляндия. Ссылаясь на французскую печать, советские газеты писали, что Финляндия примкнула к германо-польскому блоку и содействует его враждебной политике по отношению к СССР [Уральский рабочий, 1935, 9 апр., с. 1].

Промежуточное положение в европейской системе советская печать отводила Англии. С одной стороны, Англия и Франция часто шли в связке при показе европейской политики. Этот образ появился еще в годы Гражданской войны, когда две страны, тогда союзницы по Антанте, выступали против большевиков. С другой стороны, уже в начале 1920-х гг. образы двух стран стали различаться, их характеристика напрямую зависела от уровня отношений с Советской Россией. В рассматриваемое время Франция выглядела намного привлекательнее Англии. Образ последней и ранее нельзя было назвать положительным. Теперь он дополнялся сообщениями о переговорах Англии с Германией, о постоянных метаниях английских политиков, их симпатиях к Гитлеру, стремлении уйти от прямых ответов на острые вопросы вооружения Германии, нарушения ею принятых ранее обязательств, открыто агрессивной политике. Обвинения Англии в германофильстве, прямые и косвенные, регулярно присутствовали в советской печати [Известия, 1935, 29 апр., с. 1; Правда, 1935, 14 апр., с. 1]. Таким образом, судя по прессе, Франция не могла рассчитывать на жесткую позицию Англии (как, впрочем, и США) в отношении Германии. Оценка Англией советско-французских переговоров и заключенного пакта характеризовалась либо как сдержанная, либо как негативная. Из комментариев можно было сделать вывод, что франко-советское сближение не нравится Лондону.

Если Англия в некоторых публикациях рассматривалась по сути как пассивный союзник Германии, то Италия в это время на страни-

цах газет была ближе к Франции и юго-восточным странам Европы, чем к Германии. С одной стороны, режимы Б. Муссолини и А. Гитлера имели очевидные точки соприкосновения. Но с другой, у Италии и Германии имелись противоречия в отношении Австрии и Югославии; стремление Италии занять лидирующее положение среди дунайско-балканских стран наталкивалось на гегемонистские устремления Германии [Иванов, 2016, с. 93; Зубарева, 2008, с. 78–92]. В этих условиях Италия пыталась балансировать между Германией и другими европейскими державами. Советская печать, стремясь показать отсутствие у Германии серьезных союзников, подчеркивала антагонизм Италии и Германии. Со ссылкой на речь Б. Муссолини говорилось, что в итало-германских отношениях есть только одна проблема – австрийская, но она «имеет крупнейшее значение» [Известия, 1935, 27 мая, с. 1]. При освещении франко-итальянских отношений цитировалась статья в «Пари суар», в которой Б. Муссолини противопоставлял так называемый латинский тип германскому типу: «наличие расовой и исторической общности между латинскими народами облегчает франко-итальянское сближение» [Правда, 1935, 8 мая, с. 5]. Важно отметить, что в данном случае акценты были сделаны на то, что Италия ближе по духу к Франции, чем к Германии, то есть к «своим», чем к «чужим». Деление народов на типы, выделение среди них «правильных» и «неправильных» в прессе не критиковалось. Советско-итальянские отношения газетные публикации в целом позволяли охарактеризовать как позитивные.

Перейдем к обзору межгосударственных объединений, которые советская печать показывала в качестве возможных вариантов реализации идеи европейской коллективной безопасности. Необходимо напомнить, что к 1935 г. в Европе уже существовало несколько союзов разной степени стойкости и эффективности, которые часто появлялись в газетных публикациях – Малая Антанта, Балканская Антанта, Прибалтийская Антанта. На повестке дня было заключение Дунайского пакта, который должен был объединить весьма разношерстную компанию – Австрию, Германию. Чехословакию. Венгрию, Италию, Югославию, Францию, Польшу и Румынию. Однако его заключение наталкивалось на массу противоречий, особенно между Югославией и Италией, а гибель Л. Барту и югославского короля Александра дополнительно ослабила позиции сторонников пакта [Зубарева, 2008]. Ссылаясь на швейцарские издания, «Правда» писала, что Б. Муссолини стремился к созданию блока стран в составе Италии, Франции, Чехословакии и, возможно, Югославии [Правда, 1935, 10 апр., с. 1]. Новое объединение могло возникнуть и на северо-востоке Европы, где к прибалтийским государствам могли присоединиться Польша и Финляндия [Правда, 1935, 20 мая, с. 5].

Для СССР самой важной была идея заключения Восточного (восточноевропейского) пакта, которую обсуждали уже несколько лет [Бемм, 2014; Михеев, Палкин, 2019, Пеганов, 2015, с. 185–187; Системная история…, 2006 и др.]. Данное соглашение должно было объединить СССР, страны Восточной Европы и Германию с целью оказания взаимной помощи в случае нападения агрессора. В Восточном пакте была заинтересована и Франция, которая всячески стремилась ограничить активность Германии. Советская пресса рассматривала основные проблемы Восточного пакта. Во-первых, договориться и найти вариант, устраивающий всех, было крайне сложно. При этом реальную силу пакт приобретал только после включения в него всех игроков. В публикациях подчеркивалось, что Германия «вставляет палки в колеса» данному пакту, при этом делая постоянные оговорки о готовности к сотрудничеству. Под вопросом было участие в пакте Польши в связи с ее явной прогерманской ориентацией. При этом в отсутствие Польши и Германии Восточный пакт терял свою значимость. Во-вторых, важным вопросом был характер будущего соглашения. Германия говорила о пакте о ненападении, а не о взаимопомощи. Французская сторона видела в такой формулировке стремление немецкой стороны предотвратить складывание коллективной системы защиты от агрессора. Предлагаемый Германией вариант пакта о ненападении рассматривался как простое повторение пакта Бриана–Келлога 1928 г. Советской прессой приводились оценки французской печати, что «только соглашение о взаимной помощи имеет практическое значение» [Известия, 1935, 14 апр., с. 1]. В итоге Восточный пакт долго обсуждался, но реализован он не был.

В условиях, когда план Восточного пакта фактически провалился, двусторонний советско-французский пакт о взаимопомощи во многом стал попыткой реализовать идею коллективной безопасности хотя бы в усеченном виде. Важным элементом информационной кампании вокруг подписания пакта была демонстрация широкого внимания к этому событию в мире. В апреле 1935 г. «в центре внимания сегодняшних газет» был проект франко-советского соглашения. В прессе постоянно проводилась мысль, что только подписание подобного рода документов может повлиять на ситуацию в Европе. Делалось это традиционно со ссылкой на зарубежные, особенно французские, издания. В частности, отмечалось, что советско-французский договор является «первой осязательной и реальной мерой для укрепления мира, принятой после долгих месяцев, потерянных на бесполезные колебания и словесные выступления», «выходом из области неуверенности», а его эффективность выше, чем даже резолюций Лиги Наций [Правда, 1935, 12 апр., с. 1; 19 апр., с. 5].

Советско-французские переговоры проходили в непростых условиях, договориться сторонам было непросто. Сроки и место подписания договора переносились, также как и визит П. Лаваля в Москву, который привязывался к дате подписания договора. Читатели могли это понять несколькими путями. Во-первых, конкретной информации в газетах было мало. В основном излагались мнения, а не факты. Во-вторых, даже простые информационные сообщения, касающиеся советско-французских переговоров, часто подавались в условной форме, с расплывчатыми указаниями «если ничего непредвиденного не случится». Так, 27 апреля в «Правде» была опубликована информация о предстоящей встрече В. П. Потемкина с П. Лавалем. Информация в ней шла со ссылкой на агентство Гаваса и больше напоминала предположение нежели точные сведения: «Полпред СССР в Париже Потемкин, вероятно, встретится, может быть даже сегодня, с Лавалем, с которым будет беседовать о франко-советском договоре. Возможно, что парафирование договора состоится в начале будущей недели» [Правда, 1935, 27 апр., с. 1]. Примечательно, что в подписи к фотографии П. Лаваля в «Огоньке» 15 апреля было обозначено «К предполагаемому визиту в Москву» [Огонек, 1935, № 11, с. 4], а не к предстоящему, что было привычнее для читателей. В-третьих, публикуемые даты переговоров и визитов позднее переносились или отменялись. В сообщении 9 апреля указывалось, что Лаваль приедет в Москву 25 апреля, среди результатов апрельской встречи В.П. Потемкина и П. Лаваля было обозначено, что они «договорились в принципе о подписании до 1 мая соглашения о взаимной помощи» [Правда, 1935, 9 апр., с. 1; 11 апр., с. 1]. В итоге все эти события произошли в другое время. Иногда об изменениях в планах можно было узнать и постфактум. К примеру, в мае, уже после отъезда П. Лаваля из Москвы, «Правда» и «Известия» опубликовали небольшое интервью с ним, где он упоминал: «Вначале было условлено, что франко-советский пакт будет подписан в Москве, и раньше мое путешествие имело именно эту цель. Когда 2 мая пакт был подписал в Париже, я с большим удовольствием принял приглашение советского правительства и сегодня счастлив, что сделал этот визит в Москву» [Известия, 1935, 17 мая, с. 1; Правда, 1935, 17 мая, с. 1][5].

2 мая франко-советский пакт о взаимопомощи был подписан. В последующие две недели он стал главной внешнеполитической темой в советской центральной и региональной печати. Подавляющее большинство статей представляли собой обзоры зарубежной прессы. Публикации группировались в разделе «Отклики на советско-французский договор». Заголовки содержали основные характеристики

[5] Тексты интервью в обеих газетах были почти идентичными.

соглашения, подчеркивая, что пакт выгоден всем странам Европы: «Крупное политическое событие», «Укрепление равновесия в Европе», «Серьезное подкрепление всеобщему миру» и т. д.

Публикации давали понять читателям, что восторженную реакцию на пакт содержали в основном издания социал-демократического или коммунистического толка. В публикациях регулярно уточнялось, что зарубежная печать часто помещала информацию о заключении пакта без каких-либо комментариев. К примеру, в публикации «Благоприятный фактор для Прибалтики» говорилось, что латвийская печать пока не высказала своего мнения по поводу франко-советского пакта [Правда, 1935, 8 мая, с. 5]. При этом фраза, вынесенная в заголовок и являвшаяся оценочной, была взята из английской печати.

Авторы подчеркивали, что все межгосударственные объединения Европы (Балканская Антанта, Прибалтийская Антанта и др.) в ближайшее время собираются определить свое отношение к советско-французскому пакту [Правда, 1935, 8 мая, с. 5; 9 мая, с. 5]. С одной стороны, этот факт должен был подчеркнуть важность советско-французского пакта для европейских отношений. С другой – демонстрировал отсутствие единства мнений как по вопросу франко-советского сближения, так и относительно создания системы коллективной безопасности в целом.

Постепенно стали появляться более оформленные отзывы, в которых показывались разные реакции на заключенный пакт. Весьма позитивной выглядела реакция Балканской Антанты: «Постоянный совет [Балканской Антанты. – *Е. К.*] с радостью приветствует заключение советско-французского договора о взаимной помощи, который он расценивает как основу будущей организации безопасности в Восточной Европе» [Правда, 1935, 15 мая, с. 5]. Реакцию Польши советская печать характеризовала как скорее отрицательную. В Германии к пакту закономерно отнеслись негативно. Для повышения значимости пакта пресса делала акцент на опасениях Берлина в связи с объединением усилий Москвы и Парижа в деле противостояния агрессии [Уральский рабочий, 1935, 5 мая, с. 5]. Пресса старалась парировать обвинения Германии и ее сторонников в адрес пакта. Германия заявляла о противоречии франко-советского пакта Локарнским соглашениям [Известия, 1935, 2 июня, с. 3]. Советский Союз в свою очередь подчеркивал, что непосредственной целью франко-советского пакта являлось восполнение пробелов и несовершенств системы безопасности Лиги наций и что пакт «не только ни в малейшей степени не противоречит целям и духу устава Лиги, а, наоборот, создает новые, вполне реальные, эффективные средства для наиболее полного осуществления этих целей» [Правда, 1935, 13 мая, с. 1]. Необходимо от-

метить, что ратификация советско-французского пакта в 1936 г. будет использована Германией в качестве одного из предлогов для милитаризации Рейнской зоны.

Франко-советское соглашение представлялось краеугольным камнем европейской безопасности. Именно это соглашение должно было стимулировать переговорный процесс по всей Европе и создание системы коллективной безопасности. Какие перспективы объединительного процесса можно было выделить, исходя из публикаций советских изданий? Заключение соглашения с Чехословакией, напрямую увязанное с франко-советским пактом, являлось уже решенным вопросом. 16 мая 1935 г. в Праге полпред СССР в Чехословакии С. С. Александровский и министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш подписали пакт о взаимопомощи.

Публикации прессы демонстрировали предположения, что объединение Франции и СССР подтолкнет к союзу с ними Англию и Италию, а в условиях создания такого мощного альянса великих держав к ним примкнут колеблющиеся страны – Испания и Польша [Правда, 1935, 19 апр., с. 5]. Последняя могла присоединиться к франко-советско-чехословацкому соглашению «в рамках договора о неоказании помощи агрессору, о ненападении и о консультации» [Правда, 1935, 11 мая, с. 5].

Фигурировали предположения о присоединении к франко-советскому соглашению всех стран Малой Антанты и прибалтийских государств [Правда, 1935, 14 апр., с. 1]. Заключение Дунайского пакта также увязывалось с франко-советским соглашением. Ссылаясь на итальянскую печать, «Правда» сообщала, что «представители Малой Антанты неоднократно заявляли, что соглашению о Центральной Европе должен предшествовать франко-советский пакт» [Правда, 1935, 29 апр., с. 1]. Данный пакт убедил бы Румынию и Югославию включиться в общую систему безопасности стран Центральной Европы. После заключения пакта «Известия», цитируя румынское издание, писали о принципиальной готовности Югославии «примкнуть к системе, построенной на основах советско-французского договора» [Известия, 1935, 16 мая, с. 2]. Заголовки статей создавались по формуле «Безопасность неделима», подчеркивая основную мысль публикаций: советско-французский договор – отправная точка более масштабных полигосударственных объединений.

Информационная кампания, посвященная заключению франко-советского пакта, плавно перешла в кампанию вокруг визита в Москву П. Лаваля. На это время приходится пик внимания советской печати к советско-французским отношениям. В день приезда П. Лаваля в Москву вся первая полоса «Правды» была отдана под внеш-

неполитическую информацию, значительная часть которой, включая редакционную статью, была посвящена взаимоотношениям СССР и Франции [Правда, 1935, 13 мая, с. 1]. Министр иностранных дел Франции встречался с ключевыми лицами советского руководства – И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, Н. А. Булганиным, М. И. Калининым и представителями НКИД СССР. С 12 по 17 мая эта тема была главной среди внешнеполитических сюжетов. После внимание несколько переключилось на подписание советско-чехословацкого договора, но советско-французское сотрудничество не пропадало из поля зрения прессы.

Освещение пребывания П. Лаваля в СССР отличалось разнообразием форм подачи материала. Кроме привычных обзоров зарубежной печати с откликами на визит и небольших информационных сообщений публиковались речи советских политических деятелей и П. Лаваля во время официальных мероприятий, выдержки из интервью, которые П. Лаваль давал корреспондентам «Правды» и «Известий», заметки об основных событиях визита. Тексты публикаций зачастую были не просто положительными, а восторженными. Авторы подробно описывали отдельные подробности визита, создавали эмоционально окрашенные образы. В качестве примера можно привести описание спецкором «Правды» Б. Михайловым отъезда П. Лаваля из СССР: «Принятый польскими пограничными властями поезд Лаваля прошел пограничную арку, и еще долго была видна в зеркальных окнах последнего вагона фигура французского министра, посылавшего нам с польской территории последние приветствия высоко поднятой рукой. И рядом – фигурка его дочери, размахивающей красным платочком» [Правда, 1935, 17 мая, с. 1].

Газеты фиксировали высокий интерес к советско-французским переговорам, в частности, активную работу в Москве зарубежных журналистов. «Правда» разместила сообщение о резко возросшем количестве переданных ими из Москвы сообщений. Особенно газету интересовали сотрудники французских изданий. Читатели получили подробный цифровой отчет о том, сколько информации было передано за день переговоров: «Корреспонденты французских газет и агентств послали вчера в Париж три радиограммы «Пресса», около 500 слов каждая, передали 30 тысяч слов по радиотелеграфу и около 270 тысяч слов по радиотелефону своим редакциям. Это не считая передач по проволочному телеграфу. По бильдаппарату в редакцию «Пти паризьен» передано 10 фотографических снимков размером 13х18 сантиметров каждый» [Правда, 1935, 15 мая, с. 6]. «Известия» опубликовали отчет о завтраке, который редактор газеты Н. И. Бухарин дал в честь французских журналистов [Известия, 1935, 14 мая,

с. 2]. Благодаря подробному перечислению присутствующих гостей заинтересованные читатели могли существенно расширить свои представления о периодических изданиях Франции.

Подведем итоги. В середине 1930-х гг. противоречия в Европе усиливались. Часть стран видела главную задачу в сохранении баланса сил, другая часть стремилась кардинально изменить соотношение сторон. Материалы печати показывали, что государства Европы стремились поддерживать отношения со всеми более или менее значимыми игроками, стараясь иметь пути к отступлению в случае, если какое-либо из направлений зайдет в тупик. СССР в данной дипломатической игре не являлся исключением. В большинстве публикаций середины 1930-х гг. Германия показывалась с негативной стороны. Однако отношения с ней сохранялись. В частности, 9 апреля 1935 г. было подписано советско-германское торговое соглашение. Пресса подчеркивала, что оно является доказательством мирной политики СССР, стремящегося к сотрудничеству со всеми странами Европы.

Предчувствуя близкий передел существующего порядка, страны Центральной и Восточной Европы пытались реализовать различные варианты объединений, подразумевая, что появление коллективной силы сможет охладить пыл будущего агрессора. Рост воинственных настроений в Германии и политика балансирования Англии вынуждали Францию, с одной стороны, действовать быстро, с другой – сужали круг ее возможных союзников. Из сильных вариантов на карте Европы ей оставались только Италия и СССР. Идея Восточного пакта, которую продвигали и Франция, и СССР, уже была неактуальна, о чем часто указывалось в обзорах зарубежной печати. Подразумевалось, что франко-советский пакт о взаимопомощи активизирует объединительный процесс в Европе, однако этого не произошло.

Даже в условиях проведения масштабной пропагандистской кампании советское население с сомнением относилось к союзу с Францией и заключенному пакту. Высказывались опасения, что Франция хочет лишь использовать Советский Союз; присутствовали неверие в эффективность военных союзов как таковых, убежденность, что страны Запада идут на соглашение с СССР только из-за наличия в стране мощной армии [Голубев, Поршнева, 2011, с. 228–229]. В научной литературе возможная продуктивность пакта оценивается с разной степенью скептицизма. П. П. Черкасов отмечал, что советско-французский договор о взаимопомощи мог бы стать важнейшим элементом системы европейской безопасности, но, к сожалению, по разным причинам он не был реализован и не смог предотвратить возникновение в самом центре Европы очага Второй мировой войны [Черкасов, 2010, с. 13]. А. Д. Богатуров подчеркивал, что «договор

символизировал скорее вынужденный компромисс, чем ясно выраженную волю сторон к сотрудничеству» [Системная история…, 2006]. По мнению же Ф. Гельтона, «когда в мае 1935 г. представители советского и французского правительств подписывали соглашение…, неудача была уже предопределена» [Бабенко, 2004, с. 97].

Восхищенные оценки пакта в печати затушевали на время противоречия, существовавшие между СССР и Францией, но уничтожить их они не могли. Сохранялось недоверие друг к другу, разные взгляды на существующую мировую систему и определение своего места в ней [Вершинин, 2020; Системная история…, 2006 и др.]. Все это ставило под вопрос возможность полноценного военно-политического союзничества. Советская печать давала пищу для размышления относительно будущего советско-французских отношений, но информация только частично отражала ситуацию. Так, несмотря на постоянное упоминание антигерманской позиции Франции, материалы советской прессы заставляли задуматься о расстановке сил в Третьей республике. В частности, регулярно показывалось усиление профашистских сил, что сыграло важную роль в событиях Второй мировой войны во Франции. При этом оптимистичные публикации, посвященные приезду П. Лаваля в Москву в мае 1935 г. и его переговорам с советским руководством, создавали позитивный настрой касательно советско-французских отношений и лично позиции П. Лаваля. Однако дела обстояли не столь безоблачно. Стоит вспомнить, что П. Лаваля, ставшего в июне 1935 г. главой кабинета министров, нельзя было назвать большим другом Советского Союза. Параллельно с развитием отношений с СССР он не сбрасывал со счетов и Германию, что проявится в дальнейшем. Однако в период подписания советско-французского пакта советская печать не фиксировала все хитросплетения межгосударственных отношений.

Бабенко В. Н. Рец. на: СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: сб. науч. ст. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Реферативный журнал. 2004. № 1. С. 96–99.

Бемм Г. В. Проект восточного пакта: разработка и причины провала // Теор. и практ. обществ. развития. 2014. № 12. С. 86–88.

Вершинин А. А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б. М. Симонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская ист. 2020. № 3. С. 52–66.

Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011.

Зубарева Е. Ю. Дунайский пакт и французская система союзов в 1933–1934 годах // Франция и Россия: культурные контакты: сб. ст. / под ред. Т. Ю. Загрязкиной. М. : Изд. дом «Городец», 2008. С. 75–112.

Иванов А. Г. Проблема европейской безопасности в 1933–1935 гг. // Голос минувшего. Кубан. ист. журн. 2016. № 1–2. С. 92–119.

Михеев В. Л., Палкин И. И. Развитие отношений СССР и Франции в 1930-е годы: подготовка восточного пакта // Россия и Франция: 125 лет дружбы и сотрудничества : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А. М. Сударикова. СПб : Рос. гос. гидрометеорол. ун-т, 2019.

Пеганов А. О. Советско-французские отношения в контексте проектов реорганизации Средней Европы. 1931–1934 // Российские и славянские иссл. Вып. 9. Минск : БГУ, 2015. С. 178–188.

Системная история международных отношений : в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Культурная революция, 2006. Т. 1 : События 1918–1945 годов.

Черкасов П. П. Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экон. стратегии. 2010. № 10 (84). С. 6–15.

УДК 94(470.54-25).084.6:615

К. Д. Бугров

ГОНКА ЗА СУЛЬФИДИНОМ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ И. Я. ПОСТОВСКОГО И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРА СУЛЬФАМИДНОЙ ТЕРАПИИ В СВЕРДЛОВСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х – 1940-е гг.[1]

Статья посвящена формированию в Свердловске центра сульфамидной терапии во 2-й половине 1930-х – начале 1940-х гг. Показано, что основой для складывания данного центра явилась новаторская исследовательская стратегия выдающегося химика И. Я. Постовского, в 1935 г. перешедшего от проблем угле- и нефтехимии к синтезу сульфамидных лекарственных препаратов. В 1936–1939 гг. И. Я. Постовский и его ученики, разрабатывавшие сульфамидную тему, столкнулись с чередой неудач: перспективные лекарственные соединения не удавалось ни провести через клинические испытания, ни тем более запустить в производство. Лидирующие позиции по сульфамидной тематике удерживал профильный московский институт ВНИХФИ. Однако в 1940 г. И. Я. Постовскому удалось заручиться поддержкой крупнейших свердловских медиков (Б. П. Кушелевского и Е. С. Кроль-Кливанской) и приступить к перестройке структуры Свердловского фармацевтического завода с целью промышленного выпуска сульфамидных лекарств. Данный процесс был форсирован с началом Великой Отечественной войны и в целом завершился к 1943 г. созданием в Свердловске крупного центра сульфамидной терапии, объединявшего химиков, медиков и фармацевтов-производственников.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и Правительства Свердловской области № 20-49-660015 «Екатеринбург–Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

© Бугров К. Д., 2021

Ключевые слова: сульфидин, фармацевтическая химия, И. Я. Постовский, Б. П. Кушелевский, история медицины, история химии

Одним из важнейших компонентов развития Екатеринбурга–Свердловска как крупного научного центра в XX столетии по праву считают выдающуюся школу органической химии, основанную И. Я. Постовским в 1930-х гг. В свою очередь, ключевым событием в истории этой школы следует считать крупные научные открытия, сделанные И. Я. Постовским и его учениками во 2-й половине 1930-х гг. в области синтеза сульфамидных препаратов. История этих открытий ранее была изучена в обобщающей работе по истории фармацевтической химии на Урале [Фармацевтическая химия…, 2016] и более конкретно в специальной работе, авторами которой являются В. В. Запарий и А. В. Дерябина [Запарий, Дерябина, 2017]. Настоящая статья имеет целью ввести в оборот новые исторические источники по указанному вопросу, а также продемонстрировать новаторский характер исследовательской стратегии И. Я. Постовского в «гонке за сульфидином».

Как известно, 1935 г. стал годом начала «эры химиотерапии бактериальных инфекций» благодаря работам руководителя лаборатории бактериологии и патологии германской корпорации «И. Г. Фарбениндустри» Г. Домагка о бактерицидных свойствах сульфамидного красителя пронтозила (в 1939 г. Г. Домагк станет лауреатом Нобелевской премии за эти исследования) [Падейская, 2010, с. 355]. Началась настоящая гонка за сульфамидами: химики синтезировали множество различных вариантов этих веществ в надежде получить более совершенные по своим лекарственным свойствам комбинации. СССР принимал в этой гонке активное участие: в 1936 г. московские ученые, сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института имени С. Орджоникидзе (ВНИХФИ) О. Ю. Магидсон и М. В. Рубцов синтезировали свой вариант пронтозила – «красный стрептоцид», ставший первым советским сульфаниламидным препаратом. Именно ВНИХФИ, как ему и было положено по статусу и профилю, стал ведущим центром по разработке сульфамидных препаратов: О. Ю. Магидсон возглавлял лабораторию синтеза гетероциклических соединений ВНИХФИ, а М. В. Рубцов, трудившийся во ВНИХФИ с 1930 г., в 1950–1966 гг. находился во главе этого института.

Однако поиском новых вариантов сульфамидных препаратов занимались не только в Москве, но и в Свердловске, где в том же 1935 г. сотрудникам Уральского индустриального института И. Я. Постовскому и его ученику Л. Н. Голдыреву удалось улучшить стрептоцид,

получив новый препарат – сульфидин. Позднее, в 1949 г., выдающийся советский медик И. А. Кассирский, обобщая историю сульфамидных препаратов, описал это открытие в ярких красках: «Как-то, сидя в маленькой лаборатории, сплошь заставленной лабораторными столами, склянками и посудой с реактивами, Постовский после напряженного рабочего дня беседовал со своим сотрудником Л. Н. Голдыревым о планах работ. Они мечтали открыть такое средство, которое было бы сильнее стрептоцида. Два десятка различных вариантов сульфаниламидов, которые они синтезировали, их не удовлетворяли. Взгляд Постовского привлекла стоящая на полке банка с только что синтезированным одним студентом органическим азотистым соединением – α-аминопиридином, обычно получаемым из продуктов каменного угля. И он предложил ввести в сульфаниламид гетероциклическое соединение, так как пиридин часто усиливает основной препарат» [Кассирсский, 1949, с. 207]. Красивая история показывает, каким образом развивались научные интересы И. Я. Постовского. Этот ученый, выпускник Высшей технической школы в Мюнхене, с 1926 г. работавший в Свердловске, специализировался в области химии угля и нефти – направление, актуальное в годы индустриализации для Урала. Он руководил кафедрой органической химии Уральского индустриального института и одновременно возглавлял лабораторию органической химии и пирогенных процессов в составе Уральского филиала АН СССР, кроме того, являлся одним из основателей научно-исследовательского Уральского углехимического института (позднее – Восточный углехимический институт, ВУХИН). Свердловские научные учреждения в основном были сосредоточены на проблемах металлургической и топливной промышленности, вопросами медицинских препаратов они не занимались. Среди свердловских ученых 1930-х гг. И. Я. Постовский по праву входил в число наиболее авторитетных и уважаемых специалистов [Бугров, 2020].

Теперь же великолепное знание гетероциклических соединений позволило Постовскому найти путь доработки формулы стрептоцида для создания улучшенного медпрепарата. В июле 1937 г. И. Я. Постовский и Л. Н. Голдырев передали в редакцию «Журнала прикладной химии» свою статью о новом лекарственном средстве, которое первоначально получило имя «сульфаниламинопиридин», однако в свет она вышла только в 1938 г. [Запарий, Дерябина, 2017, с. 44] Это был необычный шаг для свердловского исследователя: Постовский оставлял привычную, вписанную в уральское хозяйственное поле тематику, переключаясь на новое направление, с 1935 г. обретавшее все большую и большую актуальность, и одновременно не связанное с промышленным комплексом Среднего Урала. С негативными эффектами по-

добной оторванности от индустриальной базы свердловские химики столкнулись практически сразу. Сам И. Я. Постовский, описывая эту историю спустя несколько лет, в 1943 г., замечал: «Уральские авторы сульфидина в течение полутора лет тщетно пытались найти в Свердловске учреждение, которое взяло бы на себя экспериментальное испытание еще неизвестных по своему действию препаратов» [Постовский, Кушелевский, 1943, с. 13]. ВНИХФИ же располагал собственным испытательным центром, где этими работами руководила М. Н. Лебедева. Именно здесь сульфидин прошел клинические испытания, и к 1938 г. его начали выпускать советские фармацевтические предприятия. Таким образом, хотя сульфидиновый приоритет остался за свердловчанами, сработавшими в сугубо химическом плане быстрее, чем ученые профильного московского института, промышленное производство сульфидина было запущено на базе московских разработок.

Однако сульфидин имел тяжелые побочные эффекты. Нужно было улучшить препарат: «За это дело взялись одновременно Постовский в Свердловске и Травин в Москве. После упорной работы они изготовили новое тиазольное соединение сульфамида – сульфатиазол» [Кассирский, 1949, с. 211]. Идиллическая картина, нарисованная Кассирским, была, по-видимому, далека от реальности: московские и свердловские специалисты, насколько мы можем судить, не работали вместе. К середине 1939 г. И. Я. Постовскому удалось довести работу над сульфидином до стадии опытного производства малыми партиями, организованного на Свердловском фармацевтическом заводе, а также в лабораториях ВУХИНа и на Свердловском заводе химических реактивов; оба последних учреждения имели давние связи с химиками Уральского индустриального института. В начале 1940 г. на Свердловском фармацевтическом заводе вступила в строй научно-экспериментальная лаборатория, одновременно завод установил связи со Свердловским медицинским институтом, где начались испытания нового препарата, созданного коллективом И. Я. Постовского – сульфаметилтиазола, для краткости получившего имя «метизол». Это лекарство испытывалось на базе Свердловского кожно-венерологического института (С. Я. Голосовкер) и детской (Е. С. Кроль-Кливанская) и факультетской терапевтической клиники Свердловского медицинского института (Б. П. Кушелевский). Так 1940 г. стал годом создания союза свердловских химиков, медиков и фармацевтов. Однако в ходе испытания метизола «стало известно, что свердловский препарат тождествен с сульфазолом, препаратом, выпущенным к этому времени Московским институтом ВНИХФИ» [Постовский, Кушелевский, 1943, с. 14]; автором данного препарата и был А. И. Травин. Второй раунд гонки за сульфамидными лекарствами остался за москвичами!

Руководители ВНИХФИ словно бы не замечали уральцев, приписывая только своему коллективу честь создания новых сульфамидных лекарств. Так, в 1941 г., подводя итоги работы ВНИХФИ за двадцать лет, О. Ю. Магидсон с уверенностью называл среди главных достижений института освоение сульфамидных препаратов. Создание сульфидина в СССР в тексте О. Ю. Магидсона было связано только с именем сотрудницы ВНИХФИ В. Н. Соколовой: «При изучении пиридиновых сульфамидных соединений был получен в первую очередь препарат 2-аминобензолсульфамидопиридин, идентичный заграничному M & B 693, или сульфопиридину, и выпущенный у нас под названием “сульфидин” (В. Соколова). Препарат оказался превосходным средством для лечения пневмонии, менингита, гонореи и других кокковых заболеваний. Был разработан производственный метод и организовано производство сначала на опытной установке, а затем на заводе им. Семашко» [Магидсон, 1941, с. 40–41]. Создание метилсульфидина Магидсон также связывал с В. Н. Соколовой, а сульфазола – с А. И. Травиным. Свердловские химики в тексте ВНИХФИ не упоминались; вряд ли московский коллектив, специализировавшийся на создании лекарственных средств, был рад внезапному появлению свердловского конкурента, внезапно принявшегося изучать модную сульфамидную тематику. Об этом недвусмысленно говорит формулировка, которой О. Ю. Магидсон завершал свой краткий обзор достижений ВНИХФИ в области сульфамидных препаратов: «Все применяемые в нашей стране сульфамидные соединения вышли из института» [Там же, с. 42].

Для сравнения приведем краткий очерк истории получения сульфидина, составленный А. М. Халецким для журнала «Природа». Хотя этот очерк вышел в 1943 г., фактически он отражал состояние знаний о сульфидине на начало 1941 г. А. М. Халецкий указывал на серию статей английских ученых 1938 г. в “Lancet” и других авторитетных журналах как на первое описание лекарственных эффектов сульфидина. а затем замечал: «Значительно ранее Л. Голдырев и И. Постовский сообщили, что ими получен ρ-аминобензолсульфонамидо-α-пиридин, но они также не указали ни температуры плавления вещества, ни данных элементарного анализа. Для ацетильного производного они приводят температуру плавления 196, т. е. на 30 ниже действительной. <…> По данным Л. Голдырева и И. Постовского, ацетилсульфидин получается конденсацией аминопиридина с сульфохлоридом ацетанилида в хлороформном или ацетоновом растворе. Лучших результатов достигли проф. О. Ю. Магидсон и Соколова при конденсации 2 молей аминопиридина с 1 молем сульфохлорида ацетанилида. Последние сообщения И. М. Поляковой и А. В. Кирсанова показыва-

ют, что при ведении указанной выше реакции в пиридиновом растворе можно достигнуть еще больших выходов (около 82 %)» [Халецкий, с. 68] Как видим, очерк Халецкого упоминал не только московских, но и свердловских ученых. Однако лидерство ВНИХФИ оставалось незыблемым. В 1941 г. это лидерство было признано на самом высоком уровне: О. Ю. Магидсон был награжден Сталинской премией «за синтез химико-терапевтических препаратов и разработку технологии их изготовления».

Свердловские химики, теперь заключившие союз с местными врачами и фармацевтами-производственниками, продолжали бороться за собственный сульфамидный препарат. В 1940 г. началась перестройка Свердловского фармацевтического завода в химико-фармацевтический завод, одной из целей реконструкции был запуск промышленного производства сульфамидных лекарств. 2 февраля 1941 г. Постовский направил ректору УИИ Качко письмо, в котором, ссылаясь на устное указание народного комиссара здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова, просил освободить его от работы по кафедре для того, чтобы целиком включиться в промышленное освоение выпуска сульфамидных препаратов [Запарий, Дерябина, 2017, с. 48]. Это была рискованная ставка, означавшая для Постовского окончательный переход на новую для Свердловска тему синтеза медпрепаратов. Такая стратегия одновременно сулила выигрыш (соперников у Постовского и его учеников на Урале не было, поскольку почти никто больше и не занимался химико-фармацевтической проблематикой) и трудности (синтез медпрепаратов вовсе не являлся приоритетом в индустриальном секторе Урала, ориентированном на горную индустрию, химию, металлургию и тяжелое машиностроение). Для успешной реализации своей стратегии И. Я. Постовскому были нужны союзники, причем не только из производственной сферы, но и из сферы медицинской, поскольку перед началом промышленного выпуска требовалось проводить клинические испытания препарата. В отличие от ситуации 1935–1937 гг., когда теоретическое достижение не удалось закрепить на клиническом и производственном уровне, к 1941 г. Постовский обзавелся надежным союзником в лице руководителей Свердловского областного отдела здравоохранения и ведущих врачей Свердловска. Основой для подобной консолидации стали производственные задачи, поставленные перед Свердловским химико-фармацевтическим заводом, однако сами по себе они не позволили бы тягаться с могучим ВНИХФИ – с производственной точки зрения достаточным было бы приспособить разработки москвичей к местному промышленному процессу. Однако И. Я. Постовский стремился к созданию собственных разработок и в январе 1941 г. вместе со своим учеником Б. Н. Лун-

диным он предложил для испытаний новый сульфамидный препарат – сульфатиазол.

Весной 1941 г., в то самое время, когда О. Ю. Магидсон на страницах юбилейного сборника ВНИХФИ безапелляционно заявлял, что все сульфамидные лекарства СССР вышли из стен этого института, свердловский союз химиков и медиков энергично боролся за то, чтобы продемонстрировать ошибочность такого заявления. Это оказалось сложным делом: даже весной 1941 г. свердловский научный центр не мог привлечь должного внимания к сульфатиазолу, разработанному И. Я. Постовским. Об этом говорит отзыв о сульфатиазоле, составленный Б. П. Кушелевским[2], очевидно, летом 1941 г. и публикуемый в приложении к настоящей статье. По мнению Б. П. Кушелевского, сульфатиазол, клинические испытания которого шли на протяжении первого полугодия 1941 г., превосходил другие сульфамидные лекарства – сульфидин и сульфазол – благодаря меньшей токсичности, являясь «препаратом сульфамидного рода, которому принадлежит будущее» [ГАСО, ф. Р-2316, оп. 1, д. 30, л. 34]. Как мы видели, именно сульфидин и сульфазол являлись основной гордостью сульфамидной программы ВНИХФИ.

В мае 1941 г. приказом по Свердловскому областному отделу здравоохранения был сформирован комитет по сульфамидной терапии, объединивший работников медицинской и химической науки: И. Я. Постовского, З. В. Пушкареву, А. В Кирсанова[3] – от химиков, Б. П. Кушелевского, Е. С. Кроль-Кливанскую, Д. Г. Шефера и других специалистов – от медиков [Там же, л. 31]. В числе союзников Постовского оказались ведущие врачи Среднего Урала: Е. С. Кроль-Кливанская была специалистом в области педиатрии, Д. Г. Шефер – нейрохирургом, М, Б. Поташник – венерических болезней. Конечной целью работы этого комитета было не только содействие выпуску сульфамидных препаратов на Свердловском химико-фармацевтическом заводе, но и «организация в Свердловске научно-исследовательского

[2] В конце отзыва нет фамилии подписавшего, но из текста достаточно убедительно явствует авторство Б. П. Кушелевского, так как именно он руководил испытаниями препаратов в факультетской терапевтической клинике мединститута.

[3] Выдающийся химик-органик А. В. Кирсанов деятельно участвовал в работе над свердловским сульфидином. Выпускник Московского высшего технического училища, он с 1932 г. работал в Уральском институте механической обработки руд (Уралмеханобр), одновременно возглавляя кафедры органической химии в свердловских вузах – сначала в Свердловском государственном университете, позднее в Свердловском медицинском институте. Он также работал заместителем заведующего лаборатории органической химии и пирогенных процессов Уральского филиала АН СССР [Гусев, 2012]; главой лаборатории был И. Я. Постовский, с которым А. В. Кирсанов имел расхождения по некоторым научным вопросам [Колосова, с. 172]. В 1944 г. А. В. Кирсанов переехал на работу в Днепропетровск и сделал блистательную исследовательскую карьеру в Академии наук УССР.

центра по сульфамидной терапии». Если московский ВНИХФИ с самого начала был профильным фармацевтическим центром и обладал собственной экспериментальной лабораторией, то запланированный свердловский центр формировался на базе медицинских учреждений, но при активном участии Уральского индустриального института. При областной клинической больнице должна была быть создана «микробиологическая-биохимическая лаборатория по сульфамидной терапии», которой и предстояло играть роль экспериментальной площадки нового центра. Как видно из публикуемого в приложении к настоящей статье первого протокола заседания комитета (возможно, из-за разразившейся войны он остался единственным), программа создания центра намечалась обширной, она включала научную работу по изданию специализированного сборника, информирование медицинской общественности с помощью информационных листков, организацию клинических испытаний [Там же, л. 33].

Война внесла коррективы в планы по созданию центра сульфамидной терапии в Свердловске. Освоение выпуска сульфамидных препаратов на Урале пришлось форсировать; перестройка производственного процесса Свердловского химико-фармацевтического завода была чрезвычайно трудной и требует отдельного исследования. Осенью 1941 г., когда большая часть ВНИХФИ оказалась в Свердловске в эвакуации, был образован Уральский филиал ВНИХФИ. Его директором стала К. А. Чхиквадзе, а научным руководителем – И. Я. Постовский. Конкуренты превратились в союзников, совместно работавших над увеличением производственных показателей Свердловского химфармзавода и завершением затянувшегося процесса перестройки этого предприятия. Несмотря на весомый вклад московского коллектива в развитие производства сульфамидных лекарств в Свердловске, определяющую роль в этом производстве играл союз химической школы И. Я. Постовского, работавшей на базе Уральского индустриального института, с врачами Свердловского медицинского института. В 1943 г., когда выпуск сульфидина на Урале уже был налажен, И. Я. Постовский и Б. П. Кушелевский в совместной статье подчеркивали: «Если в работе химиков и медиков Урала имеются в области сульфамидной химии и химиотерапии некоторые достижения, зачастую не лишенные оригинальности, то немаловажную роль в этих успехаха сыграло содружество химиков и медиков» [Постовский, Кушелевский, 1943, с. 17]. Подчеркнутая скромность формулировок свердловских ученых контрастировала с теми выражениями, в которых ранее постулировали свое лидерство руководители ВНИХФИ, и маскировала радость разработчиков, достигших, несмотря на препятствия, своей цели по созданию собственного «сульфа-

мидного центра». В 1946 г. «не лишенные оригинальности» достижения И. Я. Постовского в развитие сульфамидной терапии наконец получили официальное признание: ученый был награжден Сталинской премией «за работы по синтезу сульфаниламидных препаратов». В 1949 г. уже упомянутая книга И. А. Кассирского однозначно фиксировала приоритет в создании сульфидина за И. Я. Постовским, представшим здесь в качестве ключевой фигуры в развитии советской сульфамидной химиотерапии.

Таким образом, стратегия научного развития, на которую И. Я. Постовский сделал решающую ставку в 1941 г., оказалась успешной. Этот успех предопределил дальнейшее развитие уральской школы органической химии по линии поиска новых медицинских препаратов, разработкой которых в тесном взаимодействии с профильными медицинскими институтами Свердловска и Москвы занимались как сам И. Я. Постовский, так и его ученики – З. В. Пушкарева, В. И. Хмелевский, Б. Н. Лундин, Н. П. Беднягина, О. Н. Чупахин и другие ученые.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Материалы о подготовке к производству сульфатиазола на Свердловском химико-фармацевтическом заводе (ГАСО. Ф. Р-2316. Оп. 1. Д. 30. Л. 31 – 34 об.)

Приложение 1.

Приказ по Свердловскому областному отделу здравоохранения г. Свердловск № 240. 9 мая 1941 г.

В целях развития в Свердловске производства сульфамидных препаратов и внедрения сульфамидной терапии в широкую врачебную практику, а также организации в Свердловске научно-исследовательского центра по сульфамидной терапии и координации работ в этом направлении

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать при Свердловском Облздравотделе комитет по сульфамидной терапии в составе:

1) Председат. комитета – зам. зав. Облздравом д-р Бриль С. М.
2) зам. пред. –"– – д-р химических наук проф. Постовский И. Я.
3) –"– –"– –"– – д-р медицинск. наук проф. Кушелевский Б. П.

Секретариат:
1) канд. химическ. наук доцент – Пушкарева З. В.
2) –"– медицинск. –"– – Зислин Д. М.

Члены комитета:
1) д-р медиц. наук проф. Каратыгин М. В.
2) –"– –"– –"– проф. Кливанская-Кроль Е. С.
3) –"– –"– –"– проф. Шефер Д. Г.
4) канд. медиц. наук доц. Поташник М. Б.
5) д-р химическ. наук проф. Кирсанов А. В.
6) канд. медиц. наук доц. Богданов И. Л.

2. Президиуму комитета разработать и представить мне на утверждение не позднее 15 мая с. г. положение о работе комитета.

3. Первое заседание комитета назначаю 12 числа с. м. (понедельник) – вечером в помещении Облздравотдела на котором обсудить положение о комитете и наметить план работ комитета.

4. Организовать экспериментальную микробиологическую-биохимическую лабораторию по сульфамидной терапии при областн. клиническ. больнице.

Примерный штат лаборатории следующий:
врач-бактериолог он же зав. лабораторией
врач или квалифицир. старш. лаборант-биохимик
консультант-патолог-анатом
и лаборанты: по микробиологии и –"– патолог. анатом.

Главврачу тов. Ходорову (ОКБ) одновременно составить денежные расчеты как на содержании лаборатории а также и организацию вивария и список по фамилиям желаемых работников.

Зав. Облздравотделом

9.V.41 г.

Приложение 2.

Протокол № 1 заседания Президиума комиссии по сульфамидной терапии при Свердловском облздравотделе

12 мая 1941 г.

Присутствуют:

доктор Бриль С. М., проф. Кушелевский Б. П., проф. Постовский И. Я., доц. Пушкарева З. В.

Слушали	Постановили
Проект положения о комиссии по сульфамидной терапии (проф. Кушелевский). Об издании сборника по сульфамидной терапии.	1. Представить проект положения на утверждение в Облздравотдел. 2. А) Представить на утверждение Облздравотдела редакционную коллегию в составе: докт. Бриль (председ.), проф. Кушелевский, докт. Поташник, докт. Зислин, доц. Пушкарева (секретарь). В) Запросить материалы докладчиков на конференции по сульфамидной терапии к 25.V.41 г. С) Предложить редколлегии на ближайшее пленарное заседание комиссии представить план содержания сборника.
Об издании информационных листков по отдельным сульфамидным препаратам (проф. И. Я. Постовский)	3. А) Подготовить к изданию инфор мационный листок по сульфатиазолу. В) представить материал для информационного листка к 29.V. Хим. часть проф. Постовский Пневмонии –"– Кушелевский –"– Кроль-Клеванская Гонорея докт. Поташник
О порядке испытания вновь приготовленного препарата – сульфгуандина (Постовский, Пушкарева)	4. Передать сульфгуандин испытать на токсичность в Кожно-венер. Ин-т, затем для испытания на 3-х больных гонореей. После этого передать препарат на испыт. А) докт. Шейнберг на дизентерию. В) в клинику Кушелевского на пневмонию С) в микробиологическую лабораторию для испытания на различные инфекции
5. Об организации микробиологической лаборатории	5. Поручить т. Бриль выполнить все вопросы организации к 25.V.41 г.
6. Разное	6. Просить т. Дунаева включить в состав Пленума сульфамидной комиссии директора Фармзавода № 8 т. Розенштейн.

Председатель (Бриль)

Секретарь (Пушкарева)

Приложение 3.

Отзыв о новом советском препарате – сульфатиазоле

В январе 1941 г. мною был получен от проф. И. Я. Постовского синтезированный им и его сотрудниками З. В. Пушкаревой и Б. Н. Лундиным сульфамидный препарат – сульфатиазол.

Испытав этот препарат впервые в СССР в факультетской терапевтической клинике Свердловского Мединститута, я пришел к заключению, что сульфатиазол является весьма ценным химиотерапевтическим препаратом, заслуживающим исключительного внимания. По своему терапевтическому эффекту при крупозном воспалении легких он не уступает сульфидину, выгодно отличаясь от него значительно меньшей токсичностью. Известно, что в 12–15 % случаев приходится отказываться от применения сульфидина вследствие его побочного действия (тошнота, рвота, поражение мочевых путей и кроветворного аппарата). За полугодовое применение сульфатиазола мы ни разу не имели повода к отказу от его применения.

Сравнительные наблюдения над действием сульфидина, сульфозола и сульфотиозола говорят в пользу последнего препарата, являющегося, по нашему мнению, препаратом сульфамидного рода, которому принадлежит будущее. Наши попытки обратить внимание Наркомздрава и советской медицинской общественности на этот препарат оказались тщетными. Так газета «Медицинский работник», куда нами еще в апреле с. г. была направлена статья под названием «Сульфатиазол при крупозной пневмонии», не напечатала этой статьи. Я не получаю сведений и из журнала «Советская медицина», куда направил 2 статьи о сульфатиозоле в мае с. г.

Отсутствие внимания к сульфатиазолу я объясняю тем, что редакции, видимому, не делают различия между ним и сульфазолом, как это видно из статей в «Клинической медицине» и «Центральном реферативном журнале».

Широкое применение сульфатиазола имеет и большое оборонное значение, и в лечении не только острых инфекций военного времени, но и рановой инфекции. В связи с этим вызывают удивление те препятствия, которые возникают к реализации инициативы проф. Постовского и его сотрудников в деле промышленного изготовления этого замечательного препарата, несомненно превосходящего другие сульфамидные препараты.

Главный терапевт УралВО
Военврач 1-го ранга
Профессор

Бугров К. Д. Представления об индустриальном Свердловске как научном центре: публичный дискурс 1930-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф., 16–17 нояб. 2020. Т. 2. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. С. 290–301.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2316. Свердловский химико-фармацевтический завод.

Гусев А. И. Начало. О первом этапе создания УФАНа (1932–1939 гг.) // Наука Урала. 2012. № 20. URL: http://www.uran.ru/node/2355 (дата обращения: 01.06.2021)

Запарий В. В., Дерябина А. В. Участие уральских ученых в разработке антибиотиков в 80–90-х годах // Антибиотики и химиотерапия. 2017. № 11–12. С. 43–49.

Кассирский И. А. Проблемы и ученые (деятели русской и советской медицины). М. : Медгиз, 1949.

Колосова Е. Н. История организации УФ АН СССР (1932–1937): человеческий фактор // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 157–176.

Магидсон О. Ю. Обзор синтетических работ // XX лет работы Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института (ВНИХФИ) им. С. Орджоникидзе. М. ; Л. : Медгиз, 1941. С. 24–50.

Падейская Е. Н. Некоторые аспекты истории антимикробной терапии // Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. 2010. № 4. С. 353–360.

Постовский И. Я., Кушелевский Б. П. Химия сульфамидных препаратов и химиотерапия на Урале // Санитарная служба в дни Отечественной войны. Т. 2. Свердловск: Гос. мед. изд-во, 1943. С. 11–17.

Фармацевтическая химия на Урале. Екатеринбург : ИОС УрО РАН, 2016.

Халецкий А. М. Сульфидин // Природа. 1943. № 4. С. 67–69.

УДК 94(47).084.9:338

М. А. Клинова

ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ ВЫРАБОТКИ И СДЕЛЬНЫХ РАСЦЕНОК ОПЛАТЫ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР (1946–1949 гг.)

В статье предпринят анализ изменения норм выработки и сдельных расценок оплаты труда на советских промышленных предприятиях в 1946–1949 гг. Проанализирована динамика данных показателей на предприятиях различных отраслей индустрии. Рассмотрены социально-экономические последствия этих мероприятий.

Ключевые слова: нормы выработки, сдельные расценки, оплата труда, рабочие, социально-экономическая политика, СССР, мобилизационная экономическая модель.

© Клинова М. А., 2021

Одной из объяснительных моделей, в рамках которых на современном историографическом этапе анализируется опыт советского социально-экономического строительства, является концепт «мобилизационная система». В русле мобилизационной модели процессы, протекавшие в СССР, исследуются в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как активизация и концентрация внутренних сил индивидов или социальных групп на выполнение определенного рода функций, как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и других задач [Гончаров и др., 2013; Фонотов, 2010; Ханин, 2008; Побережников, 2009]. Мобилизационная экономическая модель, действовавшая в СССР в военный период, сохраняется и в послевоенные годы.

Одной из приоритетных социально-экономических задач, зафиксированных в тексте плана четвертой пятилетки, являлась организация «мощного подъема производства и повышения производительности труда» в промышленных отраслях [Закон о пятилетнем плане…, 1946, с. 9]. В 1946–1949 гг. правительством были предприняты меры, направленные на повышение трудовой активности граждан. Использовались различные механизмы повышение производительности труда горожан (социалистические соревнования, стимулирующие выплаты и пр.). Критерием эффективности трудовой деятельности населения являлось выполнение (перевыполнение) трудящимися плановых заданий и норм выработки. С целью повышения производительности труда горожан в послевоенные годы была предпринята корректировка производственных норм. В постановлении о государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1947 г. Советом Министров было отмечено, что задача выполнения и перевыполнения пятилетнего плана требует улучшения дела руководства предприятиями и планирования производства: «Государственные планы, установленные для предприятий, должны организовывать рабочих и интеллигенцию и мобилизовать их на борьбу за план, за движение вперед по пути преодоления трудностей и обеспечения нового подъема народного хозяйства. Необходимо решительно разоблачить и покончить с практикой установления заниженных планов, которые никого не мобилизуют и заставляют людей волочиться за “узкими” местами и достигнутыми нормами в производстве. Государственные планы должны быть большевистскими. Они должны быть рассчитаны не на среднеарифметические нормы, достигнутые в производстве, а на среднепрогрессивные нормы, т. е. равняться в сторону передовых» [О государственном плане…, 1947, с. 1].

Уже начиная с 1946 г. происходило ежегодное изменение норм выработки рабочих, служащих и ИТР предприятий различных отраслей индустрии. В большинстве случаев данные изменения были связаны с повышением норм выработки и затронули преимущественно рабочих. Объемы единовременного повышения норм выработки по предприятиям различных отраслей составили от 4,3 до 35 % (табл. 1).

Таблица 1.

Повышение норм выработки, снижение сдельных расценок оплаты труда рабочих на промышленных предприятиях СССР различных отраслей в 1946–1949 гг.) (в %)[1]

Год	Предприятия или отрасли индустрии	Нормы выработки	Сдельные расценки
1946	Автомобильная промышленность	10	–
	Инструментальные заводы Министерства станкостроения	30	–
1947	Вспомогательные и подсобные цеха, механические заводы и предприятия легкой промышленности, вырабатывающие запасные детали и материалы	20	–
	Тяжелое машиностроение	20	16,7
	Электропромышленность	22,5	18,3
	Станкостроение	22	18
	Машиностроительные и механические заводы, подсобные предприятия, вспомогательные цеха предприятий резиновой промышленности	20	16,6
	Машиностроение и приборостроение, транспортное машиностроение, медицинская промышленность	25	20
	Промышленность средств связи	23	18,7

[1] Сост. по материалам постановлений Совета Министров СССР 1946–1949 гг. [ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 276, л. 296; д. 278, л. 299; д. 288, л. 301; д. 300, л. 221; д. 302, л. 473, 490; д. 303, л. 12–36; д. 307, л. 285; д. 310, л. 284; д. 311, л. 268; д. 312, л. 21; д. 313, л. 16, 56, 146; д. 317, л. 24; д. 327, л. 287, 289, 293, 304, 307, 321, 324, 326; д. 328, л. 302; д. 329, л. 6, 14, 18–19, 21, 24–39; д. 330, л. 64, 68, 73, 85, 94, 96, 99, 101, 103; д. 331, л. 58; д. 333, л. 74; д. 335, л. 275; д. 337; л. 240, 268; д. 341, л. 75, 79; д. 350, л. 46; д. 363, л. 6, 12, 14–15, 111, 123, 125, 129, 474–479; д. 364, л. 18; д. 365, л. 45, 48–53, 89, 112].

Год	Предприятия или отрасли индустрии		Нормы выработки	Сдельные расценки
1947	Строительное и дорожное машиностроение, авиационная промышленность		22	18
	Автомобильная промышленность		21	17,4
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха предприятий угольной промышленности восточных районов		21	–
	То же, нефтяной промышленности		20	–
	Промышленные и подсобно-производственные предприятия министерства торговли	Главторгмаш	25	20
		«Ювелирторг»	30	23,1
		Другие подсобно-производственные предприятия	15	13
	Машиностроительные завод Главкислорода при СМ СССР (Первый Московский автогенный завод, Свердловский автогенный завод № 2, Барнаульский аппаратурно-механический завод)		35	25,8
	Киномеханическая и кинопленочная промышленность Министерства кинематографии СССР и республик		28	21,8
	Машиностроительные и механические завод Министерства строительства топливных предприятий		21,3	–
	Предприятия Главного управления промышленного санитарно-технического оборудования Министерства промышленности строительных материалов		20	16,7
	Предприятия Всесоюзного треста по производству вспомогательного оборудования и запчастей Министерства промышленных стройматериалов		15	13
	Ремонтные и механические заводы и заводы сельэлектро Министерства сельского хозяйства СССР		20–25	17

Год	Предприятия или отрасли индустрии	Нормы выработки	Сдельные расценки
1948	Автомобильная и тракторная промышленность, ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха угольной промышленности западных районов	21,2	17,5
	Машиностроение и приборостроение, электропромышленность	25	20
	Станкостроение	22	18
	Промышленность средств связи; строительное и дорожное машиностроение	23	18,7
	Тяжелое машиностроение; ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха Министерства угольной промышленности восточных районов	21	17,4
	Заводы Министерства вооружения	17	14,6
	Подсобные предприятия и вспомогательные цеха заводов министерств: сельскохозяйственного машиностроения, текстильной промышленности, электростанций, черной металлургии, нефтяной промышленности восточных, южных и западных районов, судостроительной промышленности	20	16,7
	Авиационная промышленность	23,8	19
	Лесная промышленность	15	13
	Вспомогательные предприятия и цеха рыбной промышленности восточных районов; пищевой промышленности	10	9,1
	Вспомогательные предприятия и цеха рыбной промышленности западных районов	10,1	9,2
	Вспомогательные цеха и работы на предприятиях целлюлозной и бумажной промышленности	14	12,4

Год	Предприятия или отрасли индустрии		Нормы выработки	Сдельные расценки
1948	Легкая промышленность; заводы Главного управления гидролизной и сульфитно-спиртовой промышленности при СМ СССР		12	10,7
	Предприятия Главкислорода при СМ СССР		20	16,8
	Основные цеха предприятий цветной металлургии		4,3	4,1
	Вспомогательные цеха Министерства цветной металлургии		14,8	12,9
	Предприятия Министерства химической промышленности		13	11,5
	Мясная и молочная промышленность		12,6	11,2
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха промышленности строительных материалов, предприятия Главгазтоппрома при СМ СССР		20	16,7
	Машиностроительные завод Главнефтеснаба Госснаба СССР		35	25,9
	Предприятия Главсевморпути при СМ СССР		13,6	12
	Предприятия министерства геологии		30	22,9
	Киностудии и предприятия киномеханической промышленности Министерства кинематографии СССР и республик		32,8	24,7
	Промышленные предприятия Комитета по делам искусств при СМ СССР		20	17
	Предприятия Министерства торговли	Заводы Главторгмаша	33	24,8
		Фабрики Главювелирторга и подсобно-производств. предприятия Мосглавресторана	30	23,1

Год	Предприятия или отрасли индустрии	Нормы выработки	Сдельные расценки
1949	Мясная и молочная промышленность	12,2	10,9
	Вспомогательные цеха и работы на предприятиях пищевой промышленности	10	9,1
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха угольной промышленности	19,4	16,2
	Предприятия Министерства здравоохранения СССР; вооружения; строительных организаций Министерства нефтяной промышленности	15	13
	Строительное и дорожное машиностроение; промышленность средств связи; электропромышленность; станкостроение; автомобильная и тракторная промышленность; тяжелое машиностроение; машиностроение и приборостроение	20	16,7
	Подсобно-производственные предприятия министерства торговли (кроме Главторгмаша, Главювелирторга и Мосгавресторана)	7,2	6,7
	Предприятия Министерства кинематографии СССР и республик	20,3	16,9
	Предприятия Министерства морского флота; сельскохозяйственного машиностроения	15	13,1
	Предприятия Министерства вооруженных сил СССР	9,4	8,6
	Предприятия Министерства речного флота	13	11,6
	Строительство предприятий тяжелой индустрии	10,5	9,5
	Машиностроительные и ремонтные заводы, подсобные предприятия и вспомогательные цеха министерства строительных материалов СССР, металлургической промышленности, нефтяной промышленности	20	16,7

Год	Предприятия или отрасли индустрии	Нормы выработки	Сдельные расценки
1949	Предприятия министерства строительства предприятий машиностроения	10,2	9,3
	Лесная и бумажная промышленность (за исключением лесозаготовок)	11	10

По некоторым отраслям производства повышение норм за период с 1946 г. по 1949 г. было неоднократным. Наиболее значительное и неоднократное увеличение норм выработки фиксировалось на предприятиях Министерства торговли и Министерства кинематографии (более чем на 30 %). На предприятиях авиационной промышленности, строительного и дорожного машиностроения, электропромышленности, промышленных предприятиях Комитета по делам искусств и др. также были приняты значительные повышения норм выработки (более чем на 20 %). Увеличение норм выработки рабочих на предприятиях пищевой, мясомолочной, легкой, целлюлозно-бумажной промышленности и т. п. составило от 10 до 15 %. На предприятиях добывающих отраслей промышленности и металлургии повышение норм выработки было дифференцированным. На ремонтных заводах, подсобных предприятиях и вспомогательных цехах повышение норм составляло около 20 %, в то время как в основных цехах предприятий оно было значительно ниже. Так, например, согласно постановлению СМ СССР № 1027 от 30 марта 1948 г. «О пересмотре норм выработки на предприятиях министерства цветной металлургии», во вспомогательных цехах предприятий нормы выработки рабочих повышались на 14,8 %, а в основных цехах всего на 4,3 % [ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 330, л. 46].

В текстах постановлений Совета Министров СССР, касающихся проблематики повышения норм выработки (№ 906 от 20 апреля 1946 г.; № 762 от 15 марта 1948 г.; № 837 от 20 марта 1948 г.; № 4078 от 1 ноября 1948 г. и др.) отмечалось, что нормы являются «устаревшими и заниженными», и их применение «при имеющемся значительном улучшении организационно-технических условий труда на предприятиях… и возросшей квалификации рабочих, становится серьезным тормозом дальнейшего роста производительности труда» [Там же, д. 329, л. 6]. Обоснование принимаемого решения по повышению норм выработки звучало следующим образом: «В целях повышения производительности труда и обеспечения выполнения планового задания по снижению себестоимости продукции» [Там же, д. 327, л. 300; д. 350,

л. 51]. Связь повышения производительности труда с увеличением норм выработки работников подчеркивалась императивным требованием, обращенным к директорам предприятий: «разработать и осуществить организационно-технические мероприятия, обеспечивающие скорейшее освоение норм выработки и повышение производительности труда» [Там же, д. 276, л. 296].

В отдельных случаях лексическая форма «повышение производительности труда» фигурировала в постановлениях, направленных не на повышение, а на снижение норм выработки, хотя такие постановления были единичными. В качестве примера можно привести постановление Совета Министров СССР № 2620 от 5 декабря 1946 г. «О мероприятиях по повышению производительности труда подземных рабочих на угольных шахтах и по упорядочению норм выработки». В его тексте отмечены факты неудовлетворительного выполнения норм подземными рабочими: «большинство подземных рабочих основных профессий на угольных шахтах в течение длительного времени не выполняют норм выработки и имеют низкую производительность труда… Особенно неудовлетворительно выполняются нормы выработки навалоотбойщиками, крепильщиками и бурильщиками на шахтах Караганды и Подмосковного бассейна, забойщиками на шахтах комбината Кемеровуголь… Это привело к тому, что для значительной части рабочих действующая система прогрессивной оплаты за выполнение и перевыполнение норм выработки перестала стимулировать рост производительности труда» [Там же, д. 288, л. 274]. В качестве меры, направленной на решение означенной проблемы, постановление рекомендовало «разрешить Министерствам угольной промышленности западных и восточных районов СССР и строительства топливных предприятий по согласованию с ВЦСПС пересмотреть в сторону снижения в среднем на 15–20 % действующие нормы выработки для подземных рабочих, занятых в очистных работах, при прохождении и восстановлении горных выработок и на шахтном транспорте» [Там же]. Важно подчеркнуть, что цель принимаемых в постановлении решений обозначалась как: «обеспечение роста производительности труда подземных рабочих основных профессий» [Там же]. Предпринятое для данной категории рабочих снижение норм выработки, по всей видимости, было связано с низким уровнем механизации их труда. Согласно официальным данным, в 1940 г. навалка угля была механизирована на 0,1 %, а погрузка угля и породы при прохождении горизонтальных выработок выполнялась полностью вручную [Народное хозяйство СССР в 1956 году, с. 68]. В тексте постановления ГКО № 9907с от 25 августа 1945 г. «Об обеспечении угольной промышленности горно-шахтным, транспортным

и обогатительным оборудованием, а также строительными механизмами в 1945–1946 гг.» отмечалось, что: «Несмотря на рост производства за годы войны горно-шахтного оборудования на заводах Наркомугля, количество механизмом по выемке угля, транспортировке, обогащению, погрузочно-разгрузочным работам в угольной промышленности уменьшилось по сравнению с довоенным, в результате чего на угольных шахтах возросло применение ручного труда» [Послевоенная конверсия…, 1998, с. 103]. Исходя из этого можно предположить, что в послевоенный период труд в угольных шахтах был преимущественно ручным и рост норм выработки без повышения уровня механизации производства не мог привести к повышению производительности труда, а скорее усугубил проблему текучести кадров, которая и так достаточно остро стояла на предприятиях отрасли.

Нормы выработки на промышленных предприятиях корректировались и в начале 1950-х гг., как правило, в сторону их увеличения. Но данное повышение норм носило избирательный характер [Козлов, 2010, с. 129].

В 1947 г. вместе с повышением норм выработки были снижены сдельные расценки оплаты труда рабочих промышленных предприятий, объем которых по различным отраслям составил от 13 до 25,8 % (см. табл. 1). Наименьшее снижение расценок фиксировалось на предприятиях министерств промышленности строительных материалов и тяжелого машиностроения, а наибольший объем снижения сдельных расценок оплаты труда рабочих наблюдался на предприятиях медицинской промышленности, киномеханической и кинопленочной промышленности, «Ювелирторга» и машиностроительных заводах «Главкислорода». Повышение норм выработки и снижение сдельных расценок было продолжено в 1948 и 1949 гг. На предприятиях ряда министерств и главков снижения сдельных расценок проводились два («Главювелирторг» и пр.), и даже три раза в год (предприятия министерств кинематографии, автомобильной промышленности и пр.) (см. табл. 1). В 1948–1949 гг. наибольшим было снижение сдельных расценок для работников вспомогательных цехов и вспомогательных производств промышленных предприятий различных отраслей. Так, например, на предприятиях Министерства цветной металлургии для работников вспомогательных цехов сдельные расценки снижались на 12,9 %, а для рабочих основных цехов только на 4,1% [ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 330, л. 47]. В меньшей степени снижение сдельных расценок коснулось работников основных цехов предприятий приоритетных отраслей индустрии: нефтяной, угольной, строительства предприятий тяжелой промышленности и пр.

Следствием предпринятого увеличения норм выработки и снижения сдельных расценок оплаты труда рабочих стало повышение производительности труда на предприятиях отечественной индустрии. По расчетам Н. В. Кузнецовой, на Сталинградском тракторном заводе после повышения норм выработки на 20 % производительность труда за год (в 1948 г.) увеличилась на 32 %, но данное повышение норм, отвечая задачам государства, негативно отразилось на доходах населения – 20 % рабочих-сдельщиков не выполнили плановых заданий, что отразилось на их зарплате [Кузнецова, 2012, с. 62]. На Сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь» количество сдельщиков, не выполнявших план, в 1948 г. возросло с 3 до 527 человек (11,6 % от их общей численности), а экономия фонда заработной платы достигла 8 млн руб. [Там же].

Повышение норм выработки и снижение сдельных расценок оплаты труда работников промышленных предприятий было направлено на достижение государственных задач интенсификации производства за счет повышения производительности труда населения. Такая форма «стимулирования» труда вполне соответствовала задаче, решаемой в рамках мобилизационной экономической модели, а также методам ее достижения – организации трудового подъема населения и «экономии» ресурсов. Мотивацией повышения производительности труда работников в данном случае являлось не наличие положительных материальных стимулов, а скорее наоборот – угроза снижения оплаты труда в случае невыполнения растущих плановых заданий.

Дифференцированный подход к решению проблемы корректировки норм выработки и сдельных расценок оплаты труда рабочих (в разрезе отдельных отраслей, основных и второстепенных предприятий в рамках отрасли, отдельных категорий работников и пр.) иллюстрируют действие принципа главного звена, присущего мобилизационной модели экономики [Седов, 2003, с. 20–21]. Данный принцип предполагает концентрацию ресурсов в том звене экономической системы, от которой зависит успех решения мобилизационных задач. При этом возможно перераспределение ресурсов за счет изъятия из других, менее важных с точки зрения достижения поставленной цели звеньев экономики. Приведенные данные свидетельствуют о том, что такие меры негативного материального стимулирования производительности труда, как повышение норм выработки и снижение сдельных расценок были менее выраженными (в процентной динамике) на предприятиях приоритетных отраслей индустрии (тяжелой промышленности). В угольной отрасли нормы выработки даже были снижены. Нельзя не отметить, что во второй половине 1940-х гг. льготы и денежные выплаты, предоставляемые рабочим, также были диф-

ференцированы в отраслевом, профессиональном и территориальном разрезе. Именно на предприятиях приоритетных отраслей индустрии (угольная промышленность, металлургия и пр.), а также стратегически важных или «трудных» регионов (Урал, Сибирь, Дальний Восток) фиксировались наибольшие выплаты и льготы, предоставляемые работникам [Клинова, 2018, с. 28]. На основании вышеизложенного можно заключить, что рабочие и ИТР данных отраслей находились в более выгодных материальных условиях, нежели работники предприятий легкой, пищевой, медицинской промышленности и т. п. В то же время не следует забывать, что в соответствии с принципом главного звена в «сталинский» период были дифференцированы не только льготы, но и санкции, применяемые в отношении работников. В частности, нарушение рабочими трудовой дисциплины на предприятиях оборонной промышленности, составляющей главное звено советской индустрии, влекло за собой более суровое наказание, чем самовольный уход работников с предприятий, не входящих в эту категорию [Там же].

Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск : Энциклопедия, 2013.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Совет министров СССР.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1946.

Клинова М. А. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2018. № 2. (74). С. 24–30.

Козлов И. В. К вопросу о роли нормирования труда и заработной платы в повышении производительности труда на авиазаводе № 1 (г. Куйбышев) в конце 1940-х начале 1950-х годов // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. № 6 (1). С. 129–135.

Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. 2012. № 1 (21). С. 59–66.

Народное хозяйство СССР в 1956 году / отв. ред. С.Я. Генин. М. : Статистика, 1956.

О государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1947 год // Известия. 1947. 1 мар. С. 1–2.

Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. науч. ст. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 95–100.

Послевоенная конверсия: к истории «холодной войны» : сб. док. / отв. ред. В. С. Лельчук ; сост. М. А. Молодцыгин. М. : РАН. Ин-т Рос. истории, 1998.

Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск : ЧелГУ, 2003.

Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2010.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год.

УДК 94(470.55).084.9:323.22

Р. Ш. Хакимов

ДЕЛО № 1335. ЗЛАТОУСТ, 1957 ГОД

На основе архивно-следственного дела № 1335 исследуются настроения молодых рабочих и учащихся ремесленного училища города Златоуст Челябинской области, создавших в 1957 г. подпольную молодежную группу, занимавшуюся изготовлением и распространением самодельных листовок антисоветской направленности. Раскрыты мотивы, конкретные действия и характеристики участников группы.

Показано, что объективными причинами для выступления молодых рабочих была неудовлетворенность своим положением. Идеологию их выступления автор определяет как «наивный коммунизм» и «народный сталинизм».

Ключевые слова: металлургический завод, протестные настроения, подпольная группа, радио «Голос Америки», молодые рабочие, Златоуст, КГБ, репрессивные практики.

В течение многих десятилетий на советских граждан наводила страх 58-я статья Уголовного кодекса, которая устанавливала ответственность за контрреволюционные преступления. Она появилась в советском уголовном законодательстве еще в 1922 г. Сложилось мнение, что по 58-й статье осуждали только при Сталине, а после его смерти в 1953 г. и осуждения культа личности данная практика прекратилась. На самом деле это не так. Сохранение и правоприменительная практика 58-й статьи являются характерным примером незавершенности и половинчатости хрущевской политики «оттепели».

Лишь с 1 января 1961 г. в стране начал действовать новый Уголовный кодекс РСФСР, где исчезла ст. 58 «Контрреволюционные преступления». Но появилась глава «Государственные преступления», которая содержала статьи с 64-й по 88-ю и делилась на две части.

«Златоустовское дело» стало одним из последних групповых дел в СССР по 58-й статье. Во многом оно является типичным для характеристики и подобных дел, и внутреннего гражданского сопротивления советской системе, прежде всего, со стороны рабочих.

© Хакимов Р. Ш., 2021

В истории советской системы были разные периоды по уровню внутренней свободы: этап прямого вооруженного подавления (Гражданская война), жестокие политические репрессии 1930-х гг., периоды ослабления давления со стороны власти. Одним из таких достаточно кратких периодов ослабления была известная «оттепель», когда руководителем партии и государства был Н. С. Хрущев.

Однако проводимая новым лидером политика демократизации общественной и политической жизни была непоследовательной и незавершенной. Суть хрущевской позиции сводилась к тому, что при И. В. Сталине были нарушения, однако советская социалистическая система вполне жизнеспособна и нуждается только в исправлении допущенных в результате культа личности ее искажений и нарушений. Даже осуждение культа личности Сталина было непоследовательным.

В Златоусте сохранялись названия, связанные с прежним культом вождя: металлургический завод имени Сталина, Сталинский район, газета метзавода до 1 января 1957 г. называлась «Сталинец», улица Сталина, около Дворца культуры «Победа» возвышался памятник Сталину. Такой половинчатый подход не мог не вызвать реакции со стороны общества, и, прежде всего, со стороны рабочих, ставших к тому времени основной социальной группой в советском обществе.

Отличительной чертой хрущевской «оттепели» было первое в советской истории появление подпольных групп среди рабочих. Это произошло впервые после свержения царизма. Антисоветчиками при Н. С. Хрущеве, как отмечают исследователи [см. например Паповян], по большей части были студенты и рабочие, но не интеллигенция.

Одной из главных причин появления протестных настроений являлся разрыв ожиданий рабочих с советской действительностью, где основными благами пользовались не они, а партийная номенклатура и часть интеллигенции (творческой и научной). К тому же интеллигенция реально ощутила расширение пространства интеллектуальной свободы. Большая часть интеллигенции, позже получившая наименование «шестидесятники», поддерживала новые веяния и курс на либерализацию общественной жизни.

Даже крестьяне-колхозники, самая бесправная и угнетаемая социальная группа в Советском государстве, после жестокого подавления в сталинский период получила значительные послабления. Для них были снижены налоги, сняты ограничения с личных подсобных хозяйств, значительно повысились оптовые заготовительные цены для колхозов.

Следует отметить, что некоторые улучшения ощутили на себе и рабочие. Президиум Верховного Совета СССР указом от 25 апреля 1956 г. отменил судебную ответственность рабочих и служащих

за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины, Решением от 26 мая 1956 г. был установлен шестичасовой рабочий день для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет (с 1 июля 1956 г.)

Но рабочие в меньшей мере почувствовали положительные изменения. Большая их часть продолжала проживать в бараках, заработная плата удовлетворяла лишь минимальные потребности. Уровень потребления минимальных жизненных благ свидетельствовал об абсолютной бедности основной части населения. Бюджетные обследования семей рабочих, проведенные ЦСУ СССР в первом квартале 1954 и 1955 гг., показывали, что доля среднемесячных расходов на питание, одежду и оплату жилья составляла в совокупном доходе семьи рабочего 70 %, а среднемесячный остаток наличных денег равнялся нулю [см.: РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 128, л. 105–116].

Снижение расценок на труд, повышение цен, введение новых налогов на фоне деклараций о борьбе за повышение уровня жизни вызывали раздражение рабочих. Все более нарастало противоречие между социальными ожиданиями рабочих и реальными достижениями правящего режима.

Большинство недовольных властью, как рабочих, так и студентов, действовало под лозунгами возвращения к реальному социализму, к ленинским идеалам. Следует отметить, что очень часто инициаторами антисоветских неформальных групп выступали молодые рабочие. Этому есть объяснение: молодежь в силу своей природы настроена более максималистски, чем взрослые, но, по сравнению со старшими она более обделена материальными благами, поскольку неопытна, хуже профессионально подготовлена и находится на более низких ступенях социальной иерархии.

География выступлений рабочих в Советском Союзе была весьма широкой, они происходили практически в каждой крупной промышленной области. Необходимо оговориться, что эти выступления были стихийными, разного уровня организации и масштаба: чаще единичные, в форме писем, устных высказываний, надписей в общественных местах. Так, в период мая и июня 1962 г. имело место распространение нескольких анонимных антисоветских листовок в городах Магнитогорск и Троицк [см.: ОГАЧО, ф. П-288, оп. 42, д. 79, л. 29].

В г. Златоуст Челябинской области была организована рабочая группа, выступившая с антисоветскими лозунгами. Это произошло зимой 1957 г. Нами было исследовано следственное дело № 1335 с целью изучения политических настроений рабочих уральского города, и прежде всего молодых рабочих, в контексте проблематики «власть и общество» в рубежный период хрущевской «оттепели».

В группу входило шесть человек: трое молодых рабочих и трое учащихся системы трудовых резервов, как тогда называли профессиональное образование.

Все члены группы были хорошо знакомы между собой. Так, Дмитрий Синякин и Владимир Кульбиков вместе учились в школе, а затем в одной группе в ремесленном училище № 11, здесь же учился Исаев. Геннадий Зимнухов и Синякин работали в одном цехе металлургического завода и даже на одном станке, Юрий Танцырев и Кульбиков жили на одной улице – 4-й Литейной. Все жили в Чапаевском поселке. Небольшие деревянные дома, без всяких коммунальных удобств, облепили склон горы. Здесь была только колонка городского водопровода. В поселке жили дружно, все знали друг друга.

Ребята с окраины были обычными рабочими парнями: ходили в кино в клуб им. Чапаева, посещали каток, играли в шахматы, катались на лыжах, гуляли по улицам, некоторые дружили с девушками. Зимнухов очень хорошо играл на гармошке; по словам его сестры З. М. Зимнуховой, он был «прирожденный музыкант».

Новый 1957 год ребята встретили вместе. Они активно занимались спортом. Так, например, 13 февраля 1957 г. Танцырев, Кульбиков, Синякин и Исаев ходили в металлургический техникум им. Аносова, чтобы записаться в секцию бокса. Но ребятам не повезло – запись уже была закончена [см.: Там же, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 164].

Обратим внимание на дату – это происходит уже после того, как члены группы распространили первую листовку. Написание и распространение антисоветских листовок, направленных против существующего строя, во многом воспринималось молодыми людьми как некая игра с элементами риска.

20 января 1957 г. вечером в квартире Зимнухова, когда дома больше никого не было, Кульбиков и Синякин, вырвав листы из обычной ученической тетради, авторучкой написали текст следующего содержания:

> «Товарищи друзья! Отцы, братья, сестры, мамаши. К вам обращаются рабы коммунистического режима, с просьбой не верить Советской власти, не верьте советской пропаганде. Все идет *не так гладко как пишется в газетах, журналах и т. д.* Советская власть только на бумаге. А на деле все та же кабала. Читайте и рассказывайте про наши листовки (здесь и далее орфография сохранена, курсив автора. – *Р. Х.*)» [Там же, л. 49].

Затем было сделано еще четыре экземпляра этой листовки. После этого в общественных местах города (на трамвайной остановке, около магазина, водоколонки и т. п.) были распространены все пять экземпляров: четыре прибиты мелкими гвоздиками, а одна брошена

в почтовый ящик. При распространении листовок, как объяснил Д. Синякин, выбирались наиболее многолюдные места: «Это делалось для того, чтобы листовки прочитало как можно больше народа» [Там же, л. 81].

Листовки распространяли Кульбиков и Синякин, а Танцырев, Волков и Зимнухов при этом присутствовали [Там же, л. 209].

Дня через два Кульбиков с Танцыревым сходили и посмотрели, висят ли листовки у райсовета и на столбах в Закаменке, но их там уже не было [Там же, л. 22].

Прошло некоторое время. 3 февраля Кульбиков, Синякин, Танцырев, Исаев и Зимнухов с 21 часов в клубе им. Чапаева смотрели кинофильм «Пролог».

Из показаний В. Кульбикова: «По окончании сеанса вышли из зрительного зала и остановились недалеко от выхода и вели разговоры на разные темы. Затем спросил, *не слышно ли что о наших листовках*. Они все ответили, что нет. Тогда я сказал, что давайте развернем еще *писанину*. Все четверо стали возражать, предлагали еще обождать. Я настойчиво предлагал. Тогда кто-то меня поддержал, но кто не припомню, а затем все согласились. Договорились, что писать будем тогда, когда у кого-нибудь не будет родственников дома. После этого все пошли домой» [Там же, л. 23].

Обращает на себя внимание слово «писанина», характеризующее достаточно легкое отношение к листовкам, а также ожидание, что после написания листовок что-то должно было произойти.

Ю. Танцырев сказал на допросе: «…рассуждали так: пусть мол почитают наши листовки жители города Златоуст, а мы посмотрим как на это будет реагировать народ, будут ли какие разговоры и какие мнения. Таким путем мы хотели проверить, что не является ли правдой все то, о чем говорится в радиопередачах “Голоса Америки”» [Там же, л. 133].

15 февраля 1957 года на квартире Кульбикова было изготовлено еще 10 листовок. На допросе 24 февраля Синякин показал: «Когда я пришел к Кульбикову около 9 часов вечера, то застал там уже Танцырева и Исаева, которые уже писали листовки и *баловались* … предложили мне переписать одну листовку, что мной и было сделано» [Там же, л. 69 об.].

Как видно из этих слов, для участников группы листовки во многом была игрой. Листовка была следующего содержания:

> «Ко всем гражданам Советского Союза обращаемся “мы” не верте пропаганде, что пишут в газетах и сообщают по радио, что Советские люди живут хорошо, но если рассмотреть с другой стороны, то получа-

ется иначе они не живут, а существуют. В Венгрии прошли народные восстания, а не контрреволюционный заговор народ не хотел мириться с положением создавшим внутри страны и поднялся на защиту своих прав: Довольно такому произволу: Да здравствует свободная Анархия» [Там же, л. 49д].

Ввиду того, что авторами листовок были разные авторы, они написаны по-разному, каждый вносил в листовки свое содержание. Так, был и другой вариант:

«Ко всем гражданам Советского Союза обращаемся мы, рабочие, сыны рабочего народа. Мы обращаемся к вам с просьбой помочь нам в нашем деле, читайте наши листовки, рассказывайте про них другим людям. В Венгрии произошло народное восстание. Виновато в этом наше правительство. Никита Хрущев пьет гуляет и разъезжает по странам, гуляют с ним все наши правители, а мы влачим нищенское существование. До 1917 г министрами были капиталисты, в наше время министры не хуже капиталистов. Придет время и Хрущев с Булганиным пропьют Советский Союз. Но будет и на нашей улице праздник, будут времена и справедливость восторжествует» [Там же, л. 49и].

Члены группы определяли себя как представителей рабочего класса, задумывались о справедливости вокруг себя, исходя из уровня собственного развития, высказывали свое видение положения в стране и в мире и пытались найти ответы на волнующие их вопросы. В чем-то их понимание событий было примитивным и наивным, в чем-то очень близким к истине, и было направлено на поиски социальной справедливости.

Выделим ряд моментов из содержания листовки:

– *«мы рабочие, дети рабочих»*;
– обращение к людям и призыв к гласности;
– сравнение своего положения с положением до 1917 г.;
– ожидание перемен в будущем.

Листовки ребята сочиняли вместе, писали Кульбиков и Исаев. Как объясняют сами участники, «у Кульбикова был более красивый почерк, чем у остальных». А распространяли уже все: Кульбиков с Танцыревым с листовками пошли в одну сторону, а Синякин с Исаевым в другую. Как показал Кульбиков, гвозди забивали камнем. Это свидетельствует об элементе спонтанности в действиях подростков.

Если первую листовку прикрепляли тем, что под рукой, то вторую – уже заранее купленными кнопками к забору, к стенам домов, магазинов, у пожарного депо (ул. 2-я Закаменская, д. 1), у 2-го отделения милиции, на витрину на городской площади, на заборе метрах в пятидесяти от главной проходной завода [см.: Там же, л. 26, 210].

Конечно, такое событие сразу стало известным в небольшом рабочем городе (население Златоуста в 1956 г. насчитывало 143 тыс. чел.), и в первую очередь для органов госбезопасности. Тем более, что во время второй расклейки, когда одну из пяти листовок члены группы прикрепляли к витрине кинотеатра имени Чапаева, их могли видеть парень с двумя девушками.

Из допроса В. Кульбикова: «…так как когда мы прикрепили листовку… то вскоре к ней подошли парень и две девушки и мы видели, как они ее сорвали. Поэтому мы пятую и не стали расклеивать. Они видимо про нас и рассказали. Но кто они мы их с Танцыревым не знали» [Там же, л. 26].

Так, видимо, и произошло, потому что первыми были арестованы Кульбиков и Танцырев.

Часть листовок была сразу обнаружена и изъята с мест, куда они были вывешены. 16 февраля в 7 часов утра листовку около магазина № 24 горторга обнаружил майор милиции Пимашин, другую листовку снял заместитель начальника отряда пожарной части Величутин, третью сняла милиционер Лазарева, четвертую – постовой милиционер Ларионов, еще одна листовка была обнаружена рабочим Новоженовым [см.: Там же, д. 5241, л. 2 об., 3–6].

Одно письмо из почтового ящика на углу улиц Карла Маркса и 2-я Айская попало на сортировку Златоустовской конторы связи и было там обнаружено сортировщицей Гильмутдиновой и также передано работникам отдела КГБ [см.: Там же, л. 8, 9].

Работники Управления КГБ стремились, во-первых, обнаружить и изъять все листовки, распространенные в городе, и, во-вторых, выявить круг прочитавших листовки. Все это делалось в целях недопущения распространения информации как о листовках, так и об их содержании.

На допросах всем, обнаружившим листовку, задавался обязательный вопрос: «Кто читал эту листовку, кроме вас?» [Там же, л. 11].

Нет достоверных сведений о том, что органам КГБ и милиции удалось собрать все антисоветские листовки. Какая-то часть листовок, примерно половина из 15 распространенных в городе, так и не была найдена. И даже за то короткое время, пока эти листовки висели в общественных местах, какие-то люди вполне определенно могли прочитать эти листовки. Пусть и до малого числа жителей города, но эти листовки дошли.

Работники городского отдела УКГБ совместно с милицией стали вести поиск распространителей и авторов листовок. Поскольку содержание свидетельствовало о том, что текст написан молодыми людьми, и ввиду того, что листовки были написаны от руки, в учебных заведениях (школах, ремесленных училищах, техникумах), на предприяти-

ях города были изъяты образцы текстов, написанных подозреваемыми. В деле имеются тесты, написанные под диктовку обвиняемыми.

24 февраля 1957 г. была сделана графологическая экспертиза. Были обнаружены совпадения в почерке у подозреваемых. Следует отметить, что у органов госбезопасности уже имелся многолетний опыт работы по распознаванию авторства анонимных текстов. Еще в 1930-е гг. органы НКВД начали составлять целые почерковые альбомы, используя заявления граждан в органы коммунального хозяйства, в паспортные столы.

Так, в Ленинграде в конце 1940-х – начале 1950-х гг. имелось большое количество поулочных почерковых альбомов, охватывавших значительную часть жителей города [Иванов, 2011, с. 27–44].

24 февраля 1957 г. задержали Танцырева, а 26 февраля – Синякина и Кульбикова, но Синякин был затем отпущен, и снова арестован 14 марта. На свободе по подписке о невыезде были оставлены Волков, Исаев и Зимнухов. Задержание было весьма характерным. Из показаний Синякина: «Будучи около кинотеатра имени Чапаева я, Кульбиков и Зимнухов взяли билеты на вечерний сеанс с 8 часов, но посмотреть кино не удалось, так как я был задержан и доставлен в следственные органы» [Там же, д. 5240, л. 83].

12 марта 1957 г. следователь следственного отдела УКГБ СССР по Челябинской области подписал постановление о предъявлении обвинения, в котором говорилось:

> «Кульбиков, Синякин по обоюдной договоренности в январе 1957 года в городе Златоуст создали антисоветскую группу, члены которой систематически вели между собой антисоветские разговоры, а также неоднократно изготавливали и распространяли в многолюдных местах города рукописные листовки антисоветского характера» [Там же, л. 38].

Изучение дел подследственных показывает, что никаких противоправных действий они ранее не совершали. Никто из них не был судимым. Зимнухов, Исаев и Синякин были комсомольцами. Все обвиняемые были неженатыми, происходили из рабочих семей.

Так, отец Г. Зимнухова, Митрофан Сергеевич работал на метзаводе, мать, Матрена Степановна – на заводе им. Ленина. З. М. Зимнухова пишет:

> «Родители из бедных крестьян, приехали в Златоуст в начале 1930-х годов. Мои родители начали свой трудовой стаж с 13 лет. Отец работал подручным кузнеца. На тяжелой работе подорвал здоровье и довольно рано ушел из жизни. Его младшие брат и сестра – фронтовики. Сестра, заведующая отделом ЦЗЛ, была еще членом партбюро завода и избиралась в депутаты». Отец В. Волкова работал бригадиром электрослесарей

в чугунно-литейном цехе метзавода. Образование у всех обвиняемых было семь классов. Все они после получения специальности начали работать. У некоторых необходимость зарабатывать приводила к тому, что им приходилось оставлять учебу. Синякин после учебы в ремесленном училище поступил в 8-й класс вечерней школы, но, как он объясняет, «нужно было осенью копать картошку, я бросил учиться в школе».

В характеристиках отмечалось:

Кульбиков: «имеет взыскание за нарушение внутреннего распорядка, в общественной жизни цеха участия не принимал».

Синякин: «к работе относится плохо – производственные задания не выполняет. Трудовая и производственная дисциплина неудовлетворительная. Со стороны администрации имеет взыскания 8.10.56 г. за опоздание на работу, 11.01.57 г. прогул, 30.12.56 г. самовольный уход с работы. Морально неустойчив. В общественной жизни цеха не участвует».

Танцырев: «за период обучения проявил себя как дисциплинированный уч-ся. К овладению специальности имеет способности и желание. По изученным предметам имеет хорошие отметки… После окончания школы он может быть хорошим специалистом своего дела».

Исаев: «в течение срока обучения проявил средние способности, учится по большинству предметов на «3» и «4», мог бы учиться лучше, на уроках любит поговорить, не всегда выполняет домашние задания. В общественной жизни училища никакого участия не принимает, грубых нарушений дисциплины не имеется… Много читает художественной литературы».

Зимнухов: «к работе относится удовлетворительно, но имеет случаи невыполнения норм выработки, имеет в своей работе браки, трудовая и производственная дисциплина удовлетворительная. Морально неустойчив, находится под влиянием (вписано сверху. – *Р. Х.*) *неблагонадежных* товарищей. В общественной жизни цеха участия не принимает».

Волков: «проявил средние умственные способности, по большинству предметов учился на «3», дисциплинирован, безынициативный, в общественной жизни училища участия не принимал. Художественную литературу читает мало» [см.: Там же, д. 5241, л. 135, 136, 137, 138, 139, 140].

Можно отметить, что, кроме Синякина, остальные участники группы особо не выделялись в отрицательную сторону. Об этом даже можно судить по вписанному после написания характеристики слову «неблагонадежных». Как и все молодые люди своего возраста, они имели свои интересы и свои недостатки. Если молодой токарь Зимнухов, работающий полгода, не выполнял норму и допускал брак, то это вполне объяснимо ввиду малого опыта. Также заметим, что все эти характеристики были представлены уже после свершившегося ареста, что не могло не сказаться на их содержании.

По возрасту самым старшим был Волков, он родился 26 мая 1939 г. На момент суда ему было 17 лет и одиннадцать месяцев, самым младшим был Исаев – родился 3 июля 1940 г., на момент суда ему было 16 лет и десять месяцев. Синякин родился 23 января 1940 г., Зимнухов – 4 августа 1939 г., Кульбиков – 7 октября 1939 г., Танцырев – 22 июля 1939 г., то есть всем во время вынесения приговора не было еще 18 лет, т. е. они были несовершеннолетними.

Если рассматривать вопрос о том, что привело молодых рабочих к созданию группы сопротивления существовавшей власти, к написанию и распространению антисоветских листовок, то можно выделить целый комплекс причин. Это, прежде всего, значительное изменение общественной атмосферы в стране, связанное с осуждением культа личности Сталина, с началом открытого обсуждения волнующих людей вопросов, с развитием некоторых начал гласности и демократизации.

Следующей причиной явилась неудовлетворенность молодых людей своим положением, обостренное чувство справедливости.

На допросе 25 февраля 1957 г. В. М. Кульбиков сказал:

> «Я слушал радиопередачи радиостанции “Освобождение” и “Голос Америки”, где распространялась клевета на Советский Союз, я поверил, что они говорят правду. Кое-что я сравнивал с жизнью в настоящее время и находил в этом подтверждение. Например, моей матери не устанавливали пенсию, в магазине все дорого, полно в городе Златоуст нищих-попрошаек и еще некоторые факты. В газетах и по радио сообщали, что <происходит> в капиталистических странах. В эти сообщения советской печати и радио я не верил. После каждой прослушанной радиопередачи я делился мнением со своими друзьями вначале с Синякиным Дмитрием и Танцыревым Юрием» [Там же, д. 5240, л. 18 об.].

Можно отметить, что В. Кульбиков жил в небольшом доме с матерью и женатым старшим братом.

Ю. Танцырев 24 февраля на допросе заявил:

> «В конце января м-ца 1957 года проанализировав свою жизнь я пришел к выводу, что в нашей семье имеются большие недостатки в одежде, не хватает обуви. Я обозлился на такое положение и решил написать антисоветские листовки» [Там же, л. 117].

О трудной жизни людей в Златоусте и имевшемся недовольстве людей говорят и другие факты. Так, 2 июля 1957 г. помощник машиниста станции Златоуст К. Д. Калганов, 1924 г. р., русский, образование среднее, открыто критиковал отсутствие продуктов в магазинах, низкие темпы строительства жилья. Это попало в поле зрения органов госбезопасности и Калганов был осужден по ст. 58, п. 10, ч. 1 [см.: ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 31, д. 81552].

Это доказывает, что златоустовское выступление молодых рабочих не было единичным, оно отражало общую ситуацию в городе. Так, например, газета «Златоустовский рабочий» порой публиковала критические заметки о положении в городе. Так, 30 января 1957 г. появляется заметка под названием «О хлебной булке»: «Хлеб до сих пор продается кислым, подожженным, недопеченным, до сих пор в него попадают посторонние предметы (кусок мочала)». Рядом заметка под названием «Почему нет молока»: «Население города растет, потребность в молоке увеличилась, но далеко не в каждом продуктовом магазине города и не всегда можно купить молоко». В заметке «Не те пуговицы» критикуется продукция местных швейной и обувной фабрики: «Из 985 пар обуви 109 пар вынуждены перевести в пониженные сорта» [Златоустовский рабочий, 1957, 30 янв.].

В значительной мере на рост антисоветских настроений в обществе повлияла и общая обстановка в стране после разоблачения культа личности Сталина, когда стала вскрываться правда о нарушениях законности и люди открыто стали выражать свое мнение. У молодых рабочих вступление во взрослую жизнь, которое само по себе является психологической ломкой, совпало с бурным периодом в истории страны, когда рушился до сего времени незыблемый авторитет «вождя всех времен и всех народов», а вместе с ним подвергались сомнению вся официальная идеология и вера в советские идеалы. Также толчком к активизации антисоветских выступлений в стране явились события в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. Неслучайно большинство антисоветских выступлений приходится на 1957 г. – время своего рода «поственгерского синдрома».

Нельзя отрицать, что у Владимира Кульбикова мог быть и личный мотив. Ведь его отец был осужден не за уголовное преступление, а, как тогда говорили, «по политической статье». М. А. Кульбикова судили по той же статье, по которой через 16 лет осудят его сына и тем же областным судом, через который позже пройдет и его сын. Отец из мест заключения не вернулся. По словам Владимира, он не знал, за что именно был арестован отец, «кажется, умер то ли в 1942, то ли в 1943 году» [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 47 об.].

Еще 10 августа 1956 г. жена М. Кульбикова написала заявление в прокуратуру области с просьбой «сообщить мне законно ли он был осужден и *подлежит ли амнистии*» [Там же, д. 3447, л. 76].

Об уровне существовавшего тогда правосознания можно судить по словам «подлежит ли амнистии», которыми фактически признаются факт преступления и законность решения суда. Заявление рассматривается и, по иронии судьбы, отец Владимира, Макар Кульбиков, осужденный в 1941 г. по ст. 58, решением Президиума Верховного

Суда РСФСР 3 сентября 1957 г. был реабилитирован через четыре месяца после того, как был осужден его сын. Мать Кульбикова, Наталья Андреевна, работала уборщицей на метзаводе, в том же цехе, что и сын. Кроме младшего Владимира, у нее еще были два сына и старшая дочь.

Необходимо указать и на наличие у молодых людей юношеского стремления к романтике, к атрибутам тайны и подпольного сопротивления. Неслучайным было совпадение по времени просмотра художественного фильма «Пролог» о рабочих-подпольщиках в 1905 г. и формирования подпольной группы. Из показаний Г. Зимнухова 25 февраля 1957 г.:

> «В начале января в один из дней мы: Синякин, Кульбиков, Танцырев и я шли из клуба имени Чапаева, где смотрели кинокартину, какую я не помню, в ней было что-то о подпольной борьбе и распространении литературы. Под *воздействием этого фильма* кто-то из нас предложил писать и распространять антисоветские листовки» [Там же, д. 5240, л. 204 об.].

Под влиянием того же фильма члены группы договорились никого не выдавать, если кого-то возьмут, то всю вину брать на себя, на все вопросы отвечать «нет», «не знаю» [Там же, л. 211].

Поэтому в начале допроса В. Кульбиков заявил: «Никогда, нигде и ни с кем я не изготовлял и не распространял никаких антисоветских листовок». Д. Синякин вначале также заявил: «Нет таких разговоров между нами никогда не велось… Я лично такие радиопередачи никогда не слушал» [Там же, л. 82].

Но следователям УКГБ, профессионалам в своем деле, не составило большого труда добиться от неопытных подозреваемых признания. Для этого использовались психологическое давление, очные ставки, выезды на место, грамотно выстроенная тактика допроса. По словам З. М. Зимнуховой, следователь предлагал ребятам подписать уже готовый протокол. По существу, еще подростки, самим фактом ареста и предъявленным обвинением члены группы были просто смяты и раздавлены. Это хорошо видно по их фотографиям, сделанным во внутренней тюрьме УКГБ: растерянность и видимый испуг во взгляде. Через некоторое время Кульбиков стал давать признательные показания:

> «Да, я подумал и решил рассказывать правду. Примерно в конце ноября 1956 года мой брат Василий, с которым я проживаю вместе, купил радиоприемник “Балтика”. Недели через полторы в первом часу ночи как-то случайно настроил приемник на передачу радиостанции “Освобождение”, в передаче говорилось, что в Венгрии произошло восстание,

а не контрреволюционный заговор и отрицательно говорилось о жизни в Советском Союзе и о коммунистах. Далее эти передачи я слушал каждый день или через день. Слушая эти передачи, я пришел к выводу, что у нас в СССР на деле все обманывают. Например, я думал, что по закону о пенсиях женщинам выдают пенсию с 55 лет, а моей матери 58 лет, а ей пенсию не дают, дорого стоит *модельная* обувь. Поэтому я решил расклеивать антисоветские листовки, чтобы убедить в этом людей. Писал и распространял антисоветские листовки я один» [Там же, л. 16 об.].

В. Кульбиков вначале утверждал, что первую листовку писали у него дома, объясняя, что «я решил взять все на себя» [Там же, л. 31]. Он заявил, что первый раз он написал семь листовок, второй раз тринадцать. Фактически Кульбиков попытался полностью взять вину на себя. Однако под давлением улик он был вынужден рассказать о своих друзьях. Юрий Танцырев также изначально заявлял, что все листовки он писал дома в разное время [Там же, л. 119].

Были моменты, когда на следствии обвиняемые давали показания, от которых затем отказывались. Так, Танцырев заявил на очной ставке с Исаевым:

«Синякин предлагал всем участникам нашей группы изготовить самодельные однозарядные пистолеты и, если придется распространять листовки в следующий раз, то в случае попытки задержать нас чтоб можно было отбиваться при помощи оружия. Ни о какой другой цели Синякин не говорил тогда, а я вчера выдумал, что будто мы собирались весной ездить по окрестностям Златоуста и грабить людей. Эти мои показания были неправильными» [Там же, д. 5241 л. 243].

Арест, допросы, предъявленные обвинения очень серьезно повлияли на поведение молодых людей. Синякин вынужден был признать: «…с листовками большую глупость допустили… Только на допросе я понял, какую громадную ошибку и преступление перед государством я совершил по своей глупости и несознательности» [Там же, д. 5240, л. 82].

Не исключено, что эти признания были вынужденными в надежде на смягчение меры наказания за совершенное.

В. Кульбиков заявил на допросе:

«Правдивость передач этих радиостанций, приводили примеры из нашей жизни. Примерно через полмесяца они стали верить моим рассказам. Синякин сам стал слушать передачи этих радиостанций и при беседах подтверждал, что он слушал эти передачи. У Зимнухова Геннадия и Танцырева Юрия радиоприемников нет и они слушать эти радиопередачи не могли» [Там же, л. 19].

Зарубежные радиостанции и их вещание на СССР и другие социалистические страны были важным атрибутом «холодной войны».

По признанию Д. Синякина, радиопередачи «слушал утром, в 6–8 часов, когда меньше было помех в эфире» [Там же, л. 207].

Подследственные во многом вели себя как не имеющие достаточного жизненного опыта, порой руководствуясь импульсивностью. Из материалов дела и объяснений: «возвращаясь с катка “Металлург”», «говорили наперебой»; «вначале колебались»; «я им сказал, что выдумаем чего-нибудь, сказав что антисоветское»; «вначале мы занимались гимнастикой и другими видами спорта. Затем я сказал, что скоро получать зарплату, но что получать нечего. Мне причитается получать рублей триста. Далее разговорились о жизни, о ценах и пришли к выводу, что мы плохо живем»; «встретили все втроем на катке “Металлург” Исаева Николая и ему рассказали о намерениях писать антисоветские листовки» [Там же, л. 19, 20].

Хорошо проявляется свойственное юношескому возрасту стремление к созданию таинственности, к приключениям: «Зимнухов предложил в целях конспирации писать листовки в перчатках, чтобы не оставлять отпечатков пальцев на бумаге» [Там же, л. 182].

Но все это можно назвать в большей степени игрой, чем настоящей конспирацией.

Из показаний Кульбикова:

> «В воскресенье, по-моему, 20 января 1957 года, мы с Синякиным пришли домой к Зимнухову, разбудили его (он перед этим спал). Вскоре пришел Танцырев. Посидели, поиграли на гармошке. Я без всякой цели спросил у Зимнухова авторучку, чтобы посмотреть, в чем ее неисправность (раньше еще Зимнухов говорил, что у ручки неисправен зажим) В этот момент Синякин вспомнил, что мы собирались писать листовки и предложил тут же и начать выполнение задуманного. Я, Зимнухов и Танцырев поддержали его…» [Там же, л. 34].

Номинально руководителя группы не было, это признавали сами участники: «писали и распространяли листовки мы все сообща», но можно выделить В. Кульбикова, проявлявшего наибольшую активность.

Сестра Г. Зимнухова, З. М. Зимнухова, 1948 года рождения, написала:

> «И я, и моя двоюродная сестра-журналистка считаем, что состоять в антисоветской организации нужен повод – быть обиженным властью. У ребят такого повода не было – все они из простых рабочих семей. Вспомните себя – вас в 17 лет политика интересовала? Их интересы ограничивались учебой, улицей, девочками. Все они были комсомольцами (комсомольцами были трое. – *Р. Х.*). Как можно совместить антисоветскую работу и преданность советским идеалам, комсомолу» [Придуманная история].

Если анализировать содержание листовок, то можно выделить ряд моментов. Авторы выступают за Советскую власть *не на бумаге, а на деле*, то есть они не выступают против власти Советов как таковой. Они выступают за возвращение к истокам революции, что было достаточно характерным для времени после разоблачения культа личности Сталина. Проявляется прямое неприятие официальной пропаганды (газеты, журналы, радио), приукрашивавшей реальную жизнь советских людей: трижды в листовке приводится призыв «не верьте». Проявляется предельно критическое отношение к условиям жизни в СССР: «не живут, а существуют», «рабы коммунистического режима». На следствии Синякин сказал, что «эту фразу я взял из прослушанной радиопередачи “Голос Америки”» [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 98 об.].

Авторы листовок приводят пример венгров и называют их выступление «народным восстанием». Свойственные молодежи категоричность и бунтарство прослеживаются через призыв «Да здравствует свободная Анархия!».

Г. Зимнухов на допросе заявил:

> «…мы вели антисоветские разговоры, увязывая их с положением в стране и международной жизнью… мы говорили, что когда был Сталин у власти, то все его хвалили, а умер, говорят другое. Коммунисты знали о его плохих сторонах, но сами боялись говорить… Говорили о том, <что> Маленкова сняли с поста Председателя Совета Министров только потому, что он хотел сделать жизнь народа лучше… Синякин заявил, что Берия убрали только потому, что он хотел сделать жизнь для народа лучше. В связи с этим Синякин предложил создать свой отряд.
>
> *Следователь: Для чего?* – Для того, чтобы в случае новой возможности переворота выступить с оружием в руках против Советской власти. Убивать коммунистов и партийных работников.
>
> *Следователь: Кого конкретно убивать?* – Конкретно о лицах у нас разговора не было, кроме бывшего начальника милиции Гигипанова, которого особенно ненавидел Сидякин… Речь шла об убийстве только руководящего состава города, но фамилий мы не называли и я, например, не знал ни фамилии, ни других данных о руководителях города.
>
> *Оружие у вас было?* – Нет, оружия у нас не было.
>
> *Где вы думали добыть оружие?* – Синякин предлагал добывать оружие у работников милиции. Отрезать у них кобуры с пистолетами или убивать их. С этим все соглашались» [Там же, л. 208, 209].

Зимнухов также говорил о том, что у Синякина видел сплющенный пистолет, который тот добыл на свалке в копровом цехе, а у Кульбикова самодельный кинжал.

В ходе следствия выяснилось, что Кульбиков и Синякин на своем станке выточили цилиндрический патрон диаметром в 45 миллиме-

тров и длиной в сто миллиметров, затем сделали для нее крышку и наполнили патрон бездымным порохом. Затем этот патрон 10 февраля взорвали в лесу, на горе, недалеко за Чапаевским поселком. Следователем был задан вопрос: *«Вы для чего это изготовили?* – Ответ: Для развлечения» [Там же, л. 32].

Также надо привести слова Синякина, сказанные Кульбикову перед испытанием: «Посмотрим как она взорвется, то такая “штука” может Сереге пригодится. (Имеется в виду Коротенко Сергей – мастер цеха, где работает Синякин. – *Р. Х.*). Синякин на него злой по работе и вероятно хотел использовать такую бомбу против него» [Там же, л. 37].

Однако сам Синякин на вопрос следователя «Для чего вы изготовили и начиняли порохом так называемый цилиндр?», ответил: «Этот цилиндр я делал, чтобы *развлечься, мне было интересно*, что произойдет с этим цилиндром» [Там же, л. 93].

Этот ответ достаточно близок к правде, учитывая возраст ребят и соответствующую специфику интересов.

Более того, Синякин с детства увлекался изготовлением самопалов, у него был неисправный «наган» [Там же, л. 36 об.]. Кульбиков с Синякиным в феврале 1957 года на токарном станке выточили два ствола [Там же].

На допросе 27 февраля на вопрос следователя: *«Для какой цели вами изготавливалось оружие?»*, Кульбиков путано ответил:

> «Пистолеты мы хотели сделать для самообороны, т. к. я, Танцырев, Зимнухов, Синякин, Волков в случае войны хотели пойти на Запад и перейти на сторону противника, т. к. мы не хотели оставаться жить в Советском Союзе. Но вести какую-либо враждебную деятельность Советскому Союзу на территории противника мы не собирались» [Там же, л. 37].

После задержания Танцырева участники группы выбросили стволы в колодец. То, что они объясняли свое поведение так путано и противоречиво – вполне объяснимо, учитывая их возраст.

Весьма серьезные заявления о подготовке к совершению вооруженных действий не нашли подтверждения в ходе следствия. Следствие, а затем и суд учли данное обстоятельство, и нигде в деле не фигурировало обвинение в подготовке вооруженных выступлений против существующего государственного строя. Хотя достаточно громкие признания юношей об угрозе убийства коммунистов и милиционеров могли бы очень серьезно изменить суть обвинительного заключения.

Конечно, все следственные действия происходили уже не как в 1937–1938 гг. Физические меры воздействия к подследственным не

применялись, ночные допросы уже были исключены из практики работы КГБ.

Так, допрос Кульбикова 25 февраля шел с 11.30 до 19.35 в присутствии прокурора города Костюка. Но, по словам З. М. Зимнуховой, ребят кормили пересоленной пищей и не давали пить, пока не подпишут протокол [Придуманная история].

Арестованные Кульбиков, Синякин, Танцырев до суда содержались во внутренней тюрьме УКГБ по Челябинской области, остальные находились на свободе по подписке о невыезде.

Дело рассматривала судебная коллегия по уголовным делам областного суда 8 и 9 мая 1957 г. Заседание проходило в Челябинске в закрытом режиме. В процессе участвовали два народных заседателя, два адвоката, пять свидетелей из числа граждан, обнаруживших листовки.

Пять обвиняемых проходили по статье 58-10 и 58-11, а Волков по статье 58-12 УК РСФСР.

Кульбиков и Синякин были приговорены к 5 годам лишения свободы в ИТЛ, Танцырев, Исаев и Зимнухов – к 3 годам лишения свободы. В отношении Волкова суд на основании статьи 53 УК РСФСР счел возможным считать срок условным с испытательным сроком на два года [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 259–261].

Как было отмечено в обвинительном заключении о Волкове, «…он *не донес* органам Советской власти о ставших известными ему фактах изготовления и распространения в городе Златоуст рукописных листовок антисоветского содержания» [Там же, л. 213].

Если сравнивать приговор 1957 г. с приговорами 1920–1930-х гг., то следует отметить, что здесь отсутствовало такое наказание, как лишение политических прав.

Вместе с тем надо признать, что приговор участникам «златоустовского дела» был излишне суровым, исходя из возраста подсудимых, тяжести совершенных деяний и действительной их вины. Как и в 1930-е гг., наказанию подлежали не только поступки, но и образ мысли (*«вели антисоветские разговоры»*). По прошествии времени З. М. Зимнухова назвала это дело «придуманной историей» [Придуманная история]. Во многом это соответствует действительности.

Хотя, если бы все происходило в конце 1930-х гг., приговор был бы несравненно более суровым. Можно найти объяснение этому обстоятельству. Как отмечают исследователи, предшествующие годы (1955–1956) характеризовались необычайным либерализмом органов госбезопасности.

Так, в 1956 г. по ст. 58 вообще не было возбуждено дел в 22 областях и автономных республиках РСФСР [ГАРФ, ф. 8131, оп. 32с, д. 5386, л. 27].

Однако, осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС, события в Венгрии, ряд выступлений внутри страны (Тбилиси), подъем оппозиционных настроений, повышение общественной активности людей привели к тому, что 19 декабря 1956 г. вышло письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Это привело к ужесточению карательной политики судебных органов. Если в 1956 г. по ст. 58 по стране было осуждено 136 чел., то в 1957 г. – уже 934 чел., а по ст. 58 п. 10 – соответственно 79 и 768 [см.: ГАРФ, ф. 9474, оп. 16с, д. 648, л. 4, 5].

И если в 1952 г. за антисоветскую агитацию на срок до 5 лет в 1952 г. было приговорено 0,4 % всех осужденных, то в 1957 г. – 51,8 % [см.: ГАРФ, ф. 9474, оп. 16с, д. 648, л. 11].

Все участники дела, работавшие на заводе, были уволены по ст. 47 п. «д» КЗОТ РСФСР. Данная статья применялась ко всем видам нарушения трудовой дисциплины: прогулы, систематические опоздания на работу, регулярное невыполнение указаний руководителей. Это был своего рода «волчий билет», с которым работнику затем было очень трудно устроиться на работу. Г. Зимнухов отбывал наказание в Иркутской области, был освобожден 10 июля 1958 г. на основании Указа Президиума ВС СССР от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» после отбытия трети срока заключения [см.: ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 298].

По этому же указу до срока были освобождены и другие осужденные.

«Златоустовское дело» было быстро и успешно раскрыто работниками УКГБ по Челябинской области. Будучи достаточно типичным и успешно завершенным, оно в ноябре 1958 г. было даже запрошено Высшей школой КГБ для использования в учебном процессе [см.: Там же, л. 280].

Это обстоятельство могло свидетельствовать и о типичности подобных дел в то время.

Дело № 1335 коренным образом повлияло на дальнейшие судьбы его участников, во многом поломало их, тем более что все произошло в самом начале их взрослого становления. Судьбы членов группы сложились по-разному. Они отбывали наказание в разных местах, но после отбытия срока вернулись в Златоуст. Как вспоминает младшая сестра Зимнухова Зоя, «Геннадий пилил лес под Читой, вернулся с сильным нервным расстройством, очень переживал годы заключения. Он рассказывал, что вместе с ним были бывшие полицаи, были и бывшие фронтовики, солдаты, попавшие в немецкий плен, именно

они его поддерживали» [Придуманная история]. После отбытия заключения все участники дела осознанно или вынужденно должны были *вживаться* в существующую общественную систему, иначе бы система их снова смяла.

С 1959 по 1962 гг. Г. Зимнухов служил в Советской Армии, затем работал на метзаводе. После принятия Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» Зимнухов первым в ноябре 1991 г. подал заявление о реабилитации, и Челябинской областной прокуратурой ему был дан ответ, что постановлением прокуратуры от 4 декабря 1991 г. все шесть участников «златоустовского дела» реабилитированы [см.: ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5240, л. 299].

Однако такие справки получили только трое: Зимнухов, Исаев и Танцырев. Вполне вероятно, что остальных троих участников дела № 1335 к этому времени уже не было в живых. Г. Зимнухов умер 8 января 2005 г.

Н. Исаев умер 30 ноября 1997 г. Д. Синякин был освобожден из заключения в конце декабря 1958 г., 16 января 1959 г. поступил на работу токарем в ЭСПЦ № 2 ЗМЗ, также отслужил в армии, женился. В 1969 г. заочно окончил металлургический техникум, 2 июля получил диплом и буквально через два месяца, 12 сентября 1969 г. в возрасте 29 лет скоропостижно скончался, что, конечно же, вызывает вопросы [см.: архив Златоустовского городского округа (далее АЗГО), ф. Р-266, оп. 30, личная карточка 2491].

По словам З. М. Зимнуховой, двое участников группы, получивших большие сроки, покончили с собой, но этому нет документальных подтверждений. В. Кульбиков вернулся из заключения в июне 1959 г. и был принят на работу в ЗМЗ, в прокатный цех № 2 посадчиком металла, затем 26 августа был уволен в связи с призывом в Советскую Армию [см.: Там же, оп. 20, личная карточка 631]. Других данных о нем обнаружить не удалось. Заметим, что заключение в ИТЛ никак не отразилось на перспективах воинской службы, все ребята проходили службу в Советской армии.

На примере «златоустовского дела» можно видеть, что ст. 58 продолжала работать и в период «оттепели». Если сравнивать документы о политических репрессиях 1930–1940-х гг. с материалами дела № 1335, невольно приходишь к выводу, что существующая власть – «победившая революция», по известному выражению, «пожирала» не только своих детей, но уже и детей этих детей. Объективными причинами для выступления рабочих была неудовлетворенность своим положением. Молодежь изменилась, у нее появились собственные духовные запросы (неприятие лжи – *«не так гладко, как пишется в газетах»*) и иные материальные потребности («дорого стоит *модельная*

обувь»). Отметим также и влияние появившегося «окошка» в другой мир в виде «радиоголоса».

Идеологией выступления молодых рабочих являлись «наивный коммунизм» и «народный сталинизм». После выступления на XX съезде партии многие увидели в Хрущеве предателя дела социализма, а плачевные результаты его реформ и превращение партноменклатуры в прослойку, оторванную от народа утвердили их в убеждении, что Хрущев и высшие чиновники – «буржуазные перерожденцы». И именно рабочие составили костяк людей, которые участвовали в массовых волнениях, прокатившихся в Советском Союзе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Эти выступления были во многом стихийными, локальными, не связанными между собой. Пиком этого движения стали массовые выступления рабочих в Новочеркасске 1–2 июня 1962 г., завершившиеся расстрелом. Власть реагировала на выступления рабочих репрессивными мерами.

Коренные противоречия советского общества невидимо и глубоко подтачивали и разъедали его. Однако власть пыталась решать проблемы методом устрашения недовольных или путем замалчивания. Но этим она только загоняла противоречия вглубь. Так, например, в документах бюро Златоустовского горкома КПСС и пленума горкома ВЛКСМ не удалось обнаружить свидетельств о реакции на создание в городе молодежной группы, выступившей с антисоветскими листовками. В центре внимания коммунистов были вопросы жилищного строительства в городе, постановление пленума ЦК партии «Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и Флоте». Даже на пленуме горкома КПСС от 12 июня 1957 г., где рассматривали вопрос «О состоянии массово-политической работы в городе в связи с подготовкой к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» был обойден факт деятельности молодежной группы [см.: ОГАЧО, ф. 225, оп. 18, д. 5, 8, 60].

Все более и более накапливаясь, неразрешенные противоречия привели к нарастанию системного и всеобъемлющего кризиса, а в 1991 г. – к полному крушению Советского государства.

Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р. 266. ОАО «Златоустовский металлургический завод».

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-8131. Прокуратура СССР. 1924–1991.

Ф. 9474. Верховный суд СССР. 1922–1991.

Златоустовский рабочий. 1957.

Иванов В. А. Анонимщики и власть в СССР в 1930-е – 1960-е годы // Новейшая ист. России.2011. № 1. С. 27–44.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

Ф. П-225. Златоустовский городской комитет КПСС

Ф. П-288. Челябинский областной комитет КПСС.

Ф. Р-467. Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Челябинской области.

Паповян Е. Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг. По материалам Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР в ГАРФ // Мемориал. Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество. URL: http://old.memo.ru/library/books/korni/chapter9.htm (дата обращения: 30.09.2019).

Придуманная история. Запись информатора Зои Митрофановны Зимнуховой, 1948 г. р., проживает в городе Златоуст // Личный архив автора.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949–1991).

УДК 94(470.54-25).081/.084.9

Л. Н. Мазур

ОТ УЕЗДНОГО ГОРОДА К СТОЛИЦЕ УРАЛА: ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА ЕКАТЕРИНБУРГА–СВЕРДЛОВСКА[1]

В статье рассматривается эволюция городской среды Екатеринбурга–Свердловска в сравнении с траекторией социально-демографического развития города. Городская среда выступает важнейшим условием формирования человеческого капитала и включает экономическую, жизнеобеспечивающую и социально-культурную подсистемы. Развитие социально-культурной среды города на протяжении всего изучаемого периода было подчинено интересам экономики города, фактически выполняя обеспечивающие функции. Только во второй половине XIX в. оно приобретает самостоятельное значение, перейдя из системы отраслевого управления в ведение городской думы. Именно этот период, связанный с развитием местного самоуправления, был наиболее успешным в плане достижений культуры, образования, здравоохранения. Следующий этап догоняющей модернизации приходится на советский период, когда город превращается в центр оборонного машиностроения, переживает демографический взрыв и выходит на новый уровень развития социально-культурной инфраструктуры.

Ключевые слова: Екатеринбург, Свердловск, урбанизационный переход, демографическое развитие, городская среда, социально-культурная инфраструктура.

[1] Тема поддержана грантом РФФИ № 19-29-07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга–Свердловска)».

© Мазур Л. Н., 2021

История Екатеринбурга–Свердловска неоднократно привлекала внимание историков, пытавшихся ответить на вопрос: в чем секрет успеха города, стартовавшего в начале XVIII в. в статусе крепости-завода на окраине Российской империи в числе десятков аналогичных поселений и достигшего положения региональной столицы – одного из крупнейших мегаполисов России. Были опубликованы десятки книг и статей по истории города [см.: Алексеев, 2002; Екатеринбург, 1998; Екатеринбург, 2008; Корепанов, 2001; Корепанов, Блинов, 2005; Миненко и др., 2006; Поршнева, Казакова-Апкаримова, 2015 и др.]. В 2002 г. вышло энциклопедическое издание, посвященное Екатеринбургу [Екатеринбург, 2002], но город, расположенный на границе Европы и Азии, по-прежнему привлекает внимание исследователей. Целью данной статьи является попытка проследить, как меняется городская среда и как она влияет на качественные характеристики населения города, его человеческий капитал.

В течение прошедших 300 лет Екатеринбург–Свердловск несколько раз менял свой образ, вписываясь в существующую иерархию географических мест страны. В разное время он приобретал статус горного города Российской империи; советского индустриального регионального центра, столицы Урала, современного мегаполиса. Каждый этап имел собственные отличительные черты, выраженные в структуре населения и особенностях организации городской среды.

Городская среда является важнейшим условием и предпосылкой формирования человеческого капитала. Это сложное понятие, включающее разные смыслы, в том числе архитектурно-планировочные. Мы остановимся на понимании городской среды как системы, организующей жизнь населения города и представляющей собой совокупность трех основных подсистем [см. подробнее: Мазур, 2020]:

– *экономической подсистемы*, связанной со сферой приложения труда жителей города. Екатеринбург изначально создавался как крепость-завод, поэтому промышленные предприятия на всех этапах его развития (возможно, за исключением современного этапа) составляли основу экономики города, определяли его специализацию и место в экономико-географическом разделении труда в масштабе страны;

– *жизнеобеспечивающей* (управление, благоустройство, экология, торговля, коммунальное хозяйство, транспорт, жилье и проч.). Данная подсистема включает базовые элементы, поддерживающие функционирование города;

– *социально-культурной* (образование, здравоохранение, культура, социальное обеспечение, бытовое обслуживание и проч.), т. е. тех элементов городской среды, которые определяют качество жизни.

Формирование городской среды начинается с создания экономической и жизнеобеспечивающей инфраструктуры, которая с течением времени дополняется социально-культурной. Наличие последней является важнейшим индикатором урбанизационного перехода [см. подробнее: Мазур, 2011].

Екатеринбург в этом отношении был детищем своего времени – начальной эпохи модернизации, в рамках которой сочетались черты социального проекта со средневековыми методами его реализации и сословными механизмами организации общественной жизни. Особенностью развития города было то, что по субъективным причинам (благодаря взглядам и деятельности В. Татищева и В. де Геннина) все три подсистемы развивались параллельно, но с различной скоростью: в первую очередь и наиболее быстрыми темпами наращивалась экономическая структура города – строились промышленные предприятия с подсобными производствами, вслед за ней формировалась жизнеобеспечивающая инфраструктура (жилье, транспорт, торговля), медленнее с заметным отставанием развивалась социально-культурная среда.

Приоритет развития промышленной подсистемы негативно влиял на экологию, благоустройство города, формирование комфортной среды для всех его жителей. И эта стратегия сохранялась не только на начальном этапе истории Екатеринбурга, но и позднее – в XIX и XX в. Промышленное производство – это и источник развития города, и его проклятие, причина многочисленных проблем городской жизни.

Начало. Екатеринбург – горная столица

Особенностью эволюции Екатеринбурга–Свердловска была многофункциональность, присущая ему изначально. Родившись как крепость-завод, Екатеринбург очень быстро осваивает административные функции, становясь центром управления горнозаводской промышленности России. В 1725 г. в Екатеринбурге был сооружен Монетный двор, в течение 150 лет чеканивший медную монету. В 1726 г. построен Анненский железоделательный завод, впоследствии получивший название Верх-Исетского. В 1763 г. через поселение прошел Сибирский тракт. Одновременно в Екатеринбурге появились гранильная, бумажная, фаянсово-посудная, кирпичная, экипажная, кожевенная, мыловаренная и другие фабрики. К концу XVIII в. на предприятиях Екатеринбурга изготовлялись практически все виды товаров и оборудования, необходимые для горной и заводской промышленности.

Таким образом, наращивание административного и промышленного капитала происходило в тесном взаимодействии, придавая завод-

скому поселку особую специфику. 29 ноября 1745 г. был подписан указ Сената об учреждении Екатеринбургского посада. Тем самым Екатеринбург фактически был признан городом, хотя и без официального городского статуса.

Новое время диктовало иные требования к формированию городской среды, но все они были подчинены задачам развития заводов и горного производства. Одним из первых социальных проектов В. Н. Татищева, реализованным в 1721–1735 гг., стало создание горных школ при заводах – начальных учебных заведений, доступных для широких слоев населения [Сафронова, 2020]. 1 июня 1725 г. в Екатеринбурге открыла двери словесная школа, среди ее учеников были изобретатель паровой машины И. И. Ползунов, выдающийся гидротехник К. Д. Фролов, член-корреспондент Российской академии наук А. М. Карамышев, картограф А. И. Кичигин и др. [Мартюшов, Суворов, 2017, с. 22].

Не только организация школьного образования стала заслугой В. Н. Татищева; благодаря ему в Екатеринбурге появилась первая библиотека, насчитывавшая более шестисот томов, была открыта аптека, при заводах появилась сеть приютов для сирот и больниц [Там же, с. 21].

Обязательным элементом городской среды были религиозные здания, которые служили украшением городского ландшафта и были центрами общественной жизни местных общин. В XVIII в. в Екатеринбурге были построены несколько храмов – Богоявленский кафедральный собор (1771 г.), Церковь сошествия святого Духа (1754 г.), Соборная церковь во имя св. великомученицы Екатерины (1738) и две единоверческие часовни: Спасская и Свято-Троицкая. Спустя семьдесят с лишним лет, в 1869 г., на территории Екатеринбурга насчитывалось уже 13 религиозно-культовых сооружений, в том числе 10 православных церквей, одна лютеранская и две раскольнических часовни [Списки населенных мест…, 1875, с. 2].

Неожиданный поворот в истории города был связан с Указом от 7 ноября 1775 г., в соответствии с которым Екатеринбург получил статус уездного города, уступив Перми право стать столицей губернии. Все уездные города имели определенный набор учреждений, обеспечивающих выполнение ими функций центра территории – уездное правление, церковь, 2-х-классное училище, почтовую станцию, а также промышленные предприятия, кузницы, мельницы, ориентированные преимущественно на местный потребительский рынок и связанные с кожевенным, мыловаренным, водочным, кирпичным, саловаренным и прочими производствами. Обязательным элементом инфраструктуры уездного города были еженедельные ярмарки и базары.

Однако установленные для уездных городов нормы благоустройства были тесными для Екатеринбурга и не соответствовали его возможностям и потребностям, тормозя развитие городской среды. По данным Х. И. Мозеля, Екатеринбург намного превосходил среднестатистический уездный город и по числу жителей, и по имеющейся инфраструктуре: в 1793 г. здесь размещались, помимо обычного набора уездных присутственных мест, пять церквей, канцелярия Горного правления, монетный двор, шлифовальная и гранильная фабрика, цейхгауз, магазины (винный, соляной, правиантский), два госпиталя, аптека, смирительный дом, гостиный двор с небольшим числом каменных лавок, горное училище и 1 692 обывательских дома [Мозель, 1864, с. 727].

Преодолеть ограничения, наложенные статусом уездного города, помогло звание горного города, полученное в 1807 г. и выводившее Екатеринбург из-под контроля губернских властей. С тех пор город находился в прямом управлении Екатеринбургского Горного начальника, министра финансов и лично императора.

Статус горного города – фактически столицы горнозаводского Урала – привлекал сюда промышленников, купцов, золотодобытчиков, которые были готовы вкладывать средства в развитие его инфраструктуры. Улицы города украсили дома, построенные по проектам М. П. Малахова (усадьба Расторгуевых-Харитоновых, дом Севастьянова, дома купцов Коробковых и др.). В 1803 г. в Екатеринбурге начала работать типография, в 1825 г. было организовано горное научное общество, в 1832 г. открылась публичная библиотека, а двумя годами позднее – горный музей. В 1846 г. в Екатеринбурге было построено каменное здание театра. В 1858 г. открылось екатеринбургское училище 2-го разряда для девочек. Город приобрел вполне европейский вид, удивляя путешественников.

В очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка находим описание Екатеринбурга, составленное Э. Реклю:

> «Екатеринбург, который величается тем, что он еще европейский город, есть один из красивейших городов России. Он расположен наклонно, на отлогой покатости, спускающейся к берегу р. Исети, которая в этом месте расширяется и образует судоходное озеро, окруженное деревьями. Высокие каменные белые дома с зелеными крышами из листового железа, похожего на плиты малахита, поднимаются над живописными деревянными домами, и над всей массой строений господствуют колокольни и позолоченные куполы церквей; вдали на горизонте виднеются волнообразные очертания Уральских гор» [Мамин-Сибиряк, 2007].

Правда, здесь же отмечаются отсутствие тротуаров и грязь на улицах, что так характерно для промышленного города, где местная власть слаба и находится в зависимости от вышестоящих инстанций – ведомственных или губернских.

Екатеринбург и Великие реформы

Наиболее успешный этап развития городской среды Екатеринбурга приходится на пореформенный период. Реформы 1860-х гг. открыли новые возможности для развития не только экономики города, но и его социально-культурной инфраструктуры.

В 1863 г. статус «горного города» для Екатеринбурга был отменен. В 1872 г. была избрана Городская дума, приложившая немало усилий для развития экономики и культуры Екатеринбурга [Поршнева, Казакова-Апкаримова, 2015]. В начале XX в. число промышленных предприятий в сравнении с 1869 г. выросло почти в два раза и их число достигло 45. Развитию промышленности города способствовало железнодорожное строительство, благодаря которому Екатеринбург превратился в крупный железнодорожный узел (в 1875 г. построена ветка Екатеринбург–Пермь, в 1885 г. – Екатеринбург–Тюмень, в 1896 г. – Екатеринбург–Челябинск).

Рис. 1. Екатеринбург, Главный проспект [Голубенко].

Меняется и сам город, приобретая признаки благоустройства. В 1885 г. на улицах появляются мостовые [Апкаримова и др., 2003, с. 67]. В конце XIX в. для освещения улиц начали использовать электричество [Поршнева, Казакова-Апкаримова, 2015, с. 185]. Появляется городской автомобильный транспорт [Миненко и др., 2006]. Культурная жизнь города расширяется за счет формирования научной среды: в 1870 г. в Екатеринбурге было основано Уральское общество любителей естествознания – одно из крупнейших в Российской империи. В 1887 г. в городе прошла Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка, добавив образу Екатеринбурга новые черты [Корепанова, 2007].

К началу XX в. Екатеринбург превращается в крупный культурный центр. В 1914 г. в городе насчитывалось 40 учебных заведений, где обучалось 2,5 тыс. человек, работали три театра, четыре кинематографа, выпускались две ежедневные газеты, 13 журналов, работали 13 библиотек. Население Екатеринбурга составило 79 тыс. человек [Свердловск, 1929, с. 10–11]. В 1916 г. в городе открылось первое высшее учебное заведение – Горный институт.

Таким образом, несмотря на статус уездного города, Екатеринбург имел развитую экономическую, жизнеобеспечивающую и социально-культурную инфраструктуру и большой потенциал дальнейшего развития.

Новые времена. Уральская столица

Революция 1917 г. привела к упадку экономики Екатеринбурга и дестабилизации его жизнеобеспечивающей среды, но вывела город на новую административную траекторию. Промышленный центр с богатыми революционными традициями и «правильной» социальной структурой населения в глазах большевистского правительства выглядел оплотом новой власти, что способствовало повышению его административного статуса сначала до губернского уровня, а с 1923 г. – до столицы огромной Уралобласти.

Положение Свердловска в качестве областного центра придало ему административный лоск, город стал быстро застраиваться, меняя свой уездно-заводской облик на индустриально-конструктивистский. Накануне индустриализации в городе (вместе с Верх-Исетским заводом) насчитывалось 8 640 домов и 12 780 жилых строений с 17 884 квартирами и 34 108 комнатами (на 1 человека приходилось 4,5 кв. м), работали свыше 1 100 торговых предприятий, 48 фабрик и заводов, где трудились более 10 тыс. рабочих [Список населенных мест…, 1926, с. V].

В годы первых пятилеток здесь были возведены такие гиганты машиностроения как Уралмаш, Уралэлектротяжмаш, Уральский турбинный завод. А всего накануне войны, в 1940 г., в Свердловске насчитывалось 140 фабрик и заводов. Война способствовала развитию оборонной специализации города, Урал становится «кузницей Победы», во многом благодаря эвакуации сюда крупнейших предприятий по производству военной техники и вооружения. Оборонная промышленность стала визитной карточкой города, что имело противоречивые последствия: с одной стороны, она способствовала наращиванию не только экономического, но и научного потенциала, а с другой – получению статуса закрытого города.

Интенсивное промышленное строительство заметно опережало развитие не только социально-культурной, но и жизнеобеспечивающей сферы города, что нередко служило причиной недовольства горожан. Благоустройство не поспевало за темпами роста экономики: рабочим не хватало жилья, постоянной проблемой был дефицит товаров в магазинах, не соответствовало потребностям большого города развитие общественного транспорта, отставали телефонизация и обеспеченность школами.

Рис. 2. Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского, открыт в 1934 г.

Хотя статистика выглядит вполне позитивно. В 1926 г. в Свердловске работали 32 школы I-й ступени, 4 школы II-й ступени, 7 школ-семилеток и одна школа 9-летка. В городе издавались 10 газет и 24 журнала, более 40 непериодических изданий. Система здравоохранения была представлена тремя больницами и 19 амбулаториями [Список населенных мест…, 1926, с. V]. Через полвека, в 1983 г., в городе насчитывалось уже 200 школ с 30 тыс. учащихся. Число больниц выросло до 62, амбулаторий и поликлиник – до 107 [Свердловск, 1983, с. 89]. В дополнении к ним в Свердловске были открыты медицинские научно-исследовательские институты – физических методов лечения, институт восстановительной хирургии, институт туберкулеза и другие [Там же, с. 155–156]. Для отдыха и удовлетворения культурных потребностей жителей города были построены новые дворцы и дома культуры, клубы, парки и сады, кинотеатры. В городе работали пять театров, четыре музея, картинная галерея (1936 г.), зоологический парк, дендрологический парк-выставка и две больших постоянных выставки – промышленно-техническая и строительная. Торговая сеть включала свыше 600 промтоварных и продовольственных магазинов. Сфера общепита насчитывала более 1 100 столовых, кафе и ресторанов. Для гостей города предоставляли свои услуги 20 гостиниц [Свердловск, 1983, с. 170–173].

Эти цифры будут звучать не так победно, если вспомнить, что население города к этому моменту перевалило за миллион и социальная инфраструктура работала с большой перегрузкой. Но таковы недостатки плановой экономики, ориентированной на приоритетное развитие промышленности и только потом – социально-культурной среды. Нужно отдать должное крупным предприятиям города, они вкладывали средства в развитие социально-культурной сферы – строили жилье для своих работников, детские сады и заводские клубы, поликлиники и дома отдыха.

Среди проблем развития городской среды особо остро стояли вопросы телефонизации и организации работы общественного транспорта. Первая телефонная станция на 800 номеров была введена в эксплуатацию в 1924 г., в 1935 г. была построена первая автоматическая телефонная станция на 10 тыс. номеров. В городе появились телефоны-автоматы общественного пользования [Свердловск, 1983, с. 168–170]. Но вплоть до 1990-х гг. уровень телефонизации оставался недостаточным для удовлетворения потребностей большого города.

Аналогично решались проблемы с общественным транспортом: город развивался слишком быстро, и имеющийся парк автобусов, трамваев, такси, троллейбусов едва справлялся с растущими объемами пассажироперевозок. Автобусное движение было открыто

в Свердловске в 1924 г., первый трамвай проехал по городу от вокзала до ул. Щорса в 1929 г. В 1935 г. Свердловск получил первые четыре таксомотора. История свердловского троллейбуса началась в годы Великой Отечественной войны. В октябре 1943 г. был открыт первый маршрут от Уктуса до улицы Фрунзе. В 1980 г. началось строительство метрополитена, но за 40 лет в эксплуатацию было введено всего девять станций [Свердловск, 1983, с. 173].

И это не единственные проблемы развития городской среды, которые достались в наследство от советского времени. Отдельного обсуждения заслуживают вопросы экологии, водоснабжения, архитектурные решения, связанные со строительством жилых микрорайонов.

Наиболее значительным достижением Свердловска в советский период стало превращение его в университетский город и крупный научный центр, хотя и этот процесс был подчинен задачам развития промышленности региона. В 1920 г. открыл двери и принял первых студентов Уральской государственный университет (с 1926 г. – Уральский политехнический институт). Кроме него, в середине 1920-х гг. в Свердловске располагались Урало-Сибирский Коммунистический Университет, а также семь техникумов. 1930-е гг. были ознаменованы созданием сети высших учебных заведений, призванных обеспечить регион квалифицированными кадрами. В феврале 1932 г. по постановлению ЦИК в Свердловске был образован Уральский филиал Академии наук СССР в составе трех научно-исследовательских институтов (Горно-геологический институт, Институт химии и металлургии, Институт физики металлов), а также двух отделов, двух станций и Ильменского минералогического заповедника. В 1938 г. в 12 вузах Свердловска обучалось 11,6 тыс. студентов. Кроме того, в городе действовало 20 средних специальных учебных заведений [Екатеринбург, 2008, с. 105].

Если накануне войны в городе насчитывалось 42 вуза и техникума с общим количеством учащихся 21,5 тыс., то в 1966/67 г. в 41 учебном заведении профессиональную подготовку проходили 124,9 тыс. чел. (табл. 1). Только в 1960–1965 гг. высшие учебные заведения Свердловска выпустили 34 582 специалиста, в том числе 18 477 для работы в промышленности и строительстве, 1 315 чел. – на транспорте, 1 502 – для работы в сельском хозяйстве, 2 442 – в здравоохранении, 7 524 – для сферы просвещения [Народное хозяйство…, 1967, с. 138]. На 1 января 1967 г. в Свердловской области числилось 11 488 научных работников (из них 4 807 женщин), в том числе докторов наук – 202, кандидатов – 2 114 [Там же, с. 114].

Таблица 1.

Учебные заведения Екатеринбурга–Свердловска

Показатели	1914/15	1927/28	1940/41	1950/51	1960/61	1965/66
Число школ	53	56	100	125	151	168
Число учащихся в школах, тыс.чел.	5,9	15,1	63,4	62,4	113,2	140,1
Число техникумов и других средне-спец. заведений	3	11	30	35	29	31
Число учащихся в ССУЗ (включая заочных), тыс. чел.	0,3	2,2	8,6	14,5	24,9	42,5
Число вузов	–	2	12	12	11	10
Число студентов (включая заочников), тыс. чел.	–	1,4	12,9	24,0	48,7	78,2

[Народное хозяйство…, 1967, с. 137].

НТР, возросшие потребности экономики в квалифицированных кадрах повлияли на развитие системы высших и средне-специальных учебных заведений в городе и качественные параметры населения города, усиливая его потенциал.

Население Екатеринбурга–Свердловска в конце XIX – первой половине XX в.

Остановимся подробнее на характеристике человеческого потенциала населения Екатеринбурга–Свердловска, особенностях социальной структуры и тенденциях ее развития. Нужно отметить, что количественные характеристики населения города изменялись по экспоненте, стремительный взлет которой относится к XX в. В 1926 г. в сравнении с 1897 г. население города увеличилось в 3,2 раза, в 1939 г. – в 9,8 раз, в 1959 г. – в 18 раз (табл. 2).

Таблица 2.

Население Екатеринбурга–Свердловска во второй половине XIX – XX в.

Год	Всего, чел.	Мужчины (абс. / %)		Женщины (абс. / %)	
1869	25 035	12 919	51,6	12 116	48,4
1897	43 239	20 193	46,7	23 046	53,3
1926	136 420	65 082	47,7	71 338	52,3
1939	425 533	195 657	46,0	298 766	54,0
1959	778 602	345 932	44,4	432 670	55,6
1970	1 025 045	447 757	43,7	577 288	56,3
1979	1 210 090	546 186	45,1	663 904	54,9
1989	1 363 057	620 828	45,5	742 229	54,5
2002	1 293 537	584573	45,2	708 964	54,8

Сост. по: [Список населенных мест…, 1875, с. 2; Первая Всеобщая…, 1904, с. 2; Всесоюзная перепись… 1926 года, отд. 1, 1928, т. 4, с. 204–207; Всесоюзная перепись… 1939 г., 2002, с. 340–367; Население Свердловской…, 1962. С. 10, 13, 21, 31, 36, 41; Екатеринбург от переписи к переписи, 2007, с. 28.

Население города росло не только количественно, но и качественно – менялись его национальный и социальный состав, уровень грамотности и образования, а также профессиональная структура.

Анализируя национальную структуру населения г. Екатеринбурга–Свердловска, нужно отметить, что изначально он формировался как русский мононациональный город с вкраплением представителей европейских народов, которые приезжали в XVIII в. на Урал в качестве специалистов, а в XIX – начале XX в. как ссыльные (поляки) или пленные (австрийцы, чехи, немцы). Каждое из национальных сообществ Екатеринбурга того времени имело свою историю, связанную с различными аспектами политики царской власти. Так, например, в строительстве и налаживании производства на заводе Екатеринбурга в 1723–1734 гг. участвовало 62 иностранца (не считая членов их семей) – чиновники, офицеры, медики и дипломированные специалисты металлургического и горнорудного профиля, преимущественно немцы и шведы лютеранского вероисповедания [Редин, 2020]. Большинство из них временно проживали в городе, работая «по контракту», но часть оставалась здесь навсегда.

По переписи 1897 г. в Екатеринбурге числилось 316 немцев, 270 поляков, 21 француз, 33 англичанина [Первая Всеобщая…, 1904, с. 94–95]. Помимо европейцев, в структуре населения города заметное место занимали татары (584 чел.), евреи (212), башкиры (58). Если та-

тары, башкиры, марийцы, а также отмеченные переписью коми были представителями местных народов, то латыши, литовцы, украинцы, белорусы, евреи прибыли сюда из других губерний, привлеченные возможностями крупного промышленного города.

Русское население по численности преобладало, доминируя на протяжении всего изучаемого периода, хотя и с незначительным сокращением удельного веса: в 1897 г. доля русских составляла 96,2 %, в 1939 г. – 90,8 %; в 1959 г. – 88,9 %, в дальнейшем сохраняясь практически на том же уровне (например, в 2010 г. она была 89,0 %) [подсч. по: Первая Всеобщая…, 1904, с. 94–97; Всесоюзная перепись … 1926 г., 1928, с. 129–130; Всесоюзная перепись … 1939, 2002, с. 347; Свердловск. Перепись 1959 г.].

В пределах этих 10 % на протяжении XX в. шло постепенное замещение одних национальных групп другими. В раннесоветский период в условиях Гражданской войны и индустриализации усиливается приток сельского населения из прилегающих регионов Урала и Поволжья, а также переселенцев из Украины и Белоруссии, что отразилось на национальном составе жителей Свердловска: в 1926 г. второе место по численности занимали евреи (3 989 чел. / 2,9 %), далее шли татары (2 972 / 2,2 %), поляки (632 / 0,5 %), украинцы (493 / 0,4 %) и белорусы (176 / 0,13 %), латыши (168 / 0,12 %), немцы (297 / 0,2 %), поволжские народы (удмурты, чуваши, коми, марийцы, мордва – 125 чел. или 0,09 %) [Всесоюзная перепись … 1926 г., 1928, с. 129–130].

К 1939 г. в 16 раз выросла численность украинцев, достигнув 7 952 чел., их удельный вес составил 1,9 %; в 12 раз – белорусов (2 152 чел., 0,5 %). В несколько раз в структуре населения Свердловска увеличилась численность народов Поволжья, их удельный вес вырос с 0,02–0,04 % до 0,1–0,6 %. Напротив, в сравнении с 1926 г. заметно снизилась доля немцев (с 0,2 до 0,1 %), поляков (с 0,5 до 0,2 %), евреев (с 2,9 до 1,9 %) [Всесоюзная перепись… 1939 г., 2002, с 341]. Численность татар в абсолютных показателях в советский период стабильно росла, но удельный вес сохранялся примерно на одном уровне: в 1926 г. – 2,2 %, в 1939 г. – 2,7 %; в 1959 г. – 2,0 %, к 2010 г. достигнув 3,7 % [подсч. по: Всесоюзная пропись 1926 г., т. 4, с. 129–130; Всесоюзная перепись ... 1939 г., с. 341; Свердловск. Перепись 1959 г.].

По переписи 1959 г., помимо русских, наибольший удельный вес в структуре населения Свердловска имели евреи (3,9 %), татары (2,0 %), украинцы (2,4 %). Удельный вес немцев сократился до 0,06 %, поляков до 0,04 %. Доля мордвы, удмуртов, марийцев, чувашей, коми осталась примерно на уровне 1939 г. и составила от 0,1 до 0,5 % [Свердловск. Перепись 1959 г.].

В 1960–1980-е гг. наряду с миграцией из села растет приток мигрантов в Свердловск из южных регионов и республик. В 2000-е гг., когда иссякли демографические ресурсы сельской местности, подпитывающие город, миграция из бывших советских республик, расположенных в Закавказье и Средней Азии, а также Украины, стала основным источником роста населения Екатеринбурга, заметно изменив его этно-религиозный ландшафт.

По данным переписи 2002 г., в структуре населения Свердловска, помимо традиционно представленных национальных групп (русские – 87,3 %, татары – 3,8 %, украинцы – 1,5 %, евреи – 0,4 %, башкиры – 1,1 %, марийцы – 0,5 %), формируются сообщества азербайджанцев (0,5 %), армян (0,4 %), таджиков (0,5 %), узбеков (0,3 %), усиливая исламскую общину [Екатеринбург от переписи к переписи, 2007, с. 39].

Национальное разнообразие, свойственное Екатеринбургу конца XIX в., непосредственно отразилось на религиозном составе населения города, где помимо православных и старообрядцев действовали общины католиков, лютеран, мусульман, евреев. Причем на протяжении второй половины XIX в. наблюдается их численный рост при одновременном сокращении удельного веса старообрядцев (табл. 3).

Таблица 3.

Структура населения Екатеринбурга по религиозной принадлежности во второй половине XIX в.

Вероисповедание	1860 г.		1870 г.		1897 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	17 842	89,5	24 267	96,6	39 750	91,9
Старообрядцы	1 819	9,1	626	2,5	1 790	4,2
Католики	47	0,2	45	0,2	323	0,7
Протестанты	193	1,0	113	0,5	393	0,9
Евреи	–	0,0	5	0,0	303	0,7
Мусульмане	36	0,2	77	0,3	678	1,6
Язычники	–	0,0	–	0,0	3	0,0
Всего	19 937	100,0	25 133	100,0	43 239	100,0

Сост. по: [Списки населенных мест, 1875. с. CCLXIV; Первая Всеобщая…, 1904, с. 92–93. Мозель, 1864, с. 727].

В советский период вероисповедание в переписях населения не учитывалось, более того, в рамках проведения антирелигиозных кам-

паний в Уралобласти в конце 1920-х гг. были закрыты большинство храмов и религиозных общин, которые, однако, продолжали существовать почти нелегально, подвергаясь гонениям вплоть до конца 1980-х гг. Поэтому оценить уровень религиозности населения и динамику его изменений можно только по косвенным свидетельствам, в частности, по характеристике религиозного ландшафта города.

Изучая эту проблему, Е. М. Главацкая приводит следующие данные: накануне Революции 1917 г. в Екатеринбурге насчитывалось 30 богослужебных зданий Российской Православной Церкви, в том числе пять приходских церквей, три собора и храмовый комплекс женского монастыря I-го класса, включавший пять церквей и собор. В конце 1920-х гг. значительная часть храмов была уничтожена (Екатерининский горный собор, Богоявленский кафедральный собор и Александро-Невская (Лузинская) церковь, Всехсвятский и Николаевский Храмы), другие (Александро-Невский собор Ново-Тихвинского монастыря и собор Успения Богородицы) были закрыты и переданы под дома культуры и кинотеатры. К началу Великой Отечественной войны в городе оставалась лишь Иоанно-Предтеченская церковь и вплоть до 1988 г. она была единственным храмом в городе, за исключением непродолжительного периода 1944–1961 гг., когда на Михайловском кладбище действовала Всехсвятская церковь.

Еще более пострадали католическая и лютеранская общины. Лютеранская церковь св. Петра и Павла прекратила существование еще до весны 1930 г. Католический костел был закрыт в октябре 1929 г., в марте 1930 г. Уралоблисполком принял решение и о закрытии костела св. Анны, после чего католическая община распалась. Городские мектебе и медресе были закрыты в течение 1920-х гг. Мечеть действовала до марта 1930 г., здание было передано под детский сад. К 1929 г. у еврейской общины, которая насчитывали около 400 человек, оставался лишь один молельный дом. В 1961 г. синагогу было решено закрыть, а общину лишить регистрации [Главацкая и др., 2017].

В конце 1980-х гг. на фоне либерализации политики в отношении церкви происходит реставрация религиозной инфраструктуры: восстанавливаются храмы и строятся новые, наблюдается очевидный рост числа верующих, но данные статистического учета отсутствуют, в том числе на уровне переписей населения. По сведениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области, по состоянию на 15 июля 2021 г. на территории Свердловской области зарегистрировано 808 религиозных организации 20 конфессий [Религиозные организации…].

Не менее сложной была социальная динамика города. Население раннего Екатеринбурга рекрутировалось преимущественно из числа

крестьян – выходцев из окружавших крепость слобод, а также центральных губерний. Жители были приписаны к заводам и составили основу формирования социальной группы мастеровых и работных людей. Их дополняли солдаты, ремесленники, иностранные специалисты, создавая неповторимую атмосферу строящегося города-завода.

Социальный облик раннего Екатеринбурга определяли не только мастеровые и работные люди, но и группы населения, непосредственно связанные с реализацией «государева» проекта – строительством Екатеринбургского завода – чиновники и представители класса предпринимателей – заводчики, купцы, золотопромышленники.

В середине XIX в. Екатеринбург представлял собой крупный для того времени город, большинство населения которого принадлежали к крестьянскому сословию (табл. 4). По данным Х. И. Мозеля, в 1860 г. крестьяне составляли 46,6 %, далее с большим отрывом шли мещане и солдаты, доли других социальных групп находились в пределах 1,4 – 4,5 % [Мозель, 1864, с. 728].

Таблица 4.

Сословная структура Екатеринбурга в 1860–1897 гг.

Сословие	1860 г.		1897 г.	
	абс.	%	абс.	%
Дворяне	281	1,4	914	2,1
Чиновники (личные дворяне)	892	4,5	2 435	5,6
Духовные лица	328	1,6	820	1,9
Почетные граждане и члены семей	69	0,3	681	1,6
Купцы	528	2,7	1 019	2,4
Мещане	3 938	19,8	18 366	42,5
Крестьяне	9 234	46,6	18 202	42,1
Военные	3 258	16,4	23	0,0
Инородцы	2	0,01	1	0,0
Иностранные подданные	107	0,5	189	0,4
Не указано	1 195	6,0	589	1,4
Всего	19 832	100,0	43 239	100,0

Сост. по: [Мозель, 1864, с. 728; Первая Всеобщая…, 1904, с. 58–59].

Реформы 1860-х гг. заметно изменили социальную структуру городского населения. По переписи 1897 г. среди жителей Екатеринбурга доминировали два сословия – мещане и крестьяне (см. табл. 4). Вырос удельный вес дворян, личных дворян – чиновников, почетных граждан, в свою очередь снизилась доля купцов и военных. Шел постепенный процесс социальной трансформации городского населения под влиянием объективных факторов – промышленной революции, индустриализации, а также урбанизации.

Возросшая социальная мобильность – один из наиболее важных показателей модернизации – свидетельствовала о приближении социальной революции, которая совпала с революцией политической. Сословное деление было упразднено в ноябре 1917 г. [Об уничтожении сословий…]. На смену ему пришла новая социальная структура общества, но не сразу. Ликвидировать сословия оказалось гораздо легче, чем сконструировать новые классы, соответствующие социалистической идее. Упрощенное деление советского общества на рабочих и крестьян, а также выделение категории «служащих», вобравшей все социальное разнообразие, не отражало реальной картины, но было официально закреплено в Конституции 1936 г. и использовалось для социальной маркировки в программе переписи 1939 г. и последующих переписей населения. В результате имеет место разрыв динамического ряда, усложняющий анализ социальной трансформации городского населения.

В 1920-е гг. под влиянием войны и революции социальный профиль города как административного и промышленного центра определяли рабочие и служащие – наиболее массовые социальные группы[2]. Фиксируются также представители мелкого и среднего капитала, нетрудящиеся элементы (табл. 5). В дальнейшем они исчезают, а структура населения Свердловска принимает каноническую форму.

Перепись 1939 г. подвела итог социалистическому переустройству общества, сведя все многообразие социальных групп к трехчленной структуре (рабочие, служащие, крестьяне). За ее пределы были выведены некооперированные ремесленники-кустари и крестьяне-единоличники. Благодаря бурному промышленному строительству доля рабочих превысила половину населения (54,9 %), далее следовали служащие (41,1 %). Но уже через 20 лет служащие вышли по численности на первое место (57,1 %) и стали определять социальный портрет свердловчанина, довершая социальную трансформацию Свердловска из промышленно-административного города в индустриальный и культурный центр региона [подсч. по: Всесоюзная перепись … 1939 г.,

[2] По переписи 1926 г. рабочие в структуре населения Свердловска составили 19,4 %, служащие – 20, 1 % (табл. 7).

2002, с. 353; Свердловск. Перепись 1959 г.]. В целом демографический переход и социокультурные трансформации города разворачивались вполне синхронно, подпитывая друг друга.

Таблица 5.

Структура населения г. Екатеринбурга–Свердловска по сферам занятости, чел.

Социальный состав	1897	1925
Рабочие	2 618	19 407
Чиновники / Служащие	1 154	19 639
Домашняя прислуга	5 909	2 120
Ремесленники и кустари	4 828	1 511
Учителя, врачи, лица свободных профессий	761	950
Крестьяне	481	1 403
Хозяева промышленных и торговых предприятий	2 934	2 081
Иждивенцы / Несамодеятельные	20 336	66 214
За счет доходов от недвижимости и средств от казны	2 542	614
Служители религиозного культа	722	Нет св.
Занятия неопределенные, проституция, не указаны	954	203
Всего	43 239	114 142

Сост. по: [Первая Всеобщая…, 1904, с. 58–59.; Список населенных мест…, 1926, с. 244].

Характеристика профессионального состава населения города позволяет уточнить представление о социальной стратификации Екатеринбурга–Свердловска, но также сталкивается с определенными трудностями. В 1897 г. учет населения велся по 65 позициям, которые обозначали не столько профессию, сколько сферу занятости, что вносит погрешность в процедуру укрупнения профессиональных категорий. Номенклатуру занятий по переписи 1897 г. удалось сравнить с группировкой 1925 г. (по данным однодневного учета на 1 февраля 1925 г.), поскольку статистиками использовались общие принципы выделения категорий населения с учетом источников их дохода (см. табл. 5). В переписи 1939 г. данные о занятиях уже несопоставимы

с более ранними сведениями, поскольку сгруппированы по другим принципам – отраслевому и профессиональному.

Обратимся к переписи 1897 г.: из 43 239 жителей Екатеринбурга 53,0 % относились к категории самодеятельного населения (т. е. имели доход), остальные – это члены семей (см. табл. 5). Из наиболее массовых профессиональных групп в структуре населения Екатеринбурга в конце XIX в. выделяются прислуга (25,8 %), ремесленники, кустари, извозчики (21,1 %), торговцы и предприниматели (12,8 %), т. е. те категории населения, которые обслуживали горожан и обеспечивали повседневную жизнь города. В частности, судя по опубликованным материалам переписи, 1 676 чел. занимались изготовлением одежды, 1 004 – ремонтом жилья и строительными работами, 757 – извозом, 1 870 – торговлей. Собственно, эти категории населения, преимущественно относящиеся к мещанскому сословию, и формировали профессиональный каркас населения.

Рабочие, занятые на сложных производствах, составили всего 11,4 %, крестьянское хозяйство вели 2,1 %, к служителям религиозных культов относилось 3,2 % населения; доля чиновников достигла 2,7 %. В Екатеринбурге сформировался вполне заметный слой рантье, которые жили за счет доходов от недвижимого имущества, на казенные средства и средства родителей, родственников, а также частных лиц, их доля составила 11,1 %. Представительство интеллигенции (врачи, учителя, юристы, представители науки и искусства) было незначительным, охватывая всего 3,3 % населения.

В годы нэпа структура занятости сохраняется по номенклатуре позиций, но происходят изменения по их значениям (см. табл. 5): удельный вес рабочих вырос до 17,0 %, служащих – до 17,2 %; доля домашней прислуги снизилась до 18,6 %, но оставалась весьма внушительной. Существенно сократилась доля кустарей-ремесленников – до 13,2 %; удельный вес интеллигенции снизился до 0,8 %; крестьян – до 1,2 %; торговцев и предпринимателей до 1,8 %. До 0,5 % упала доля живущих за счет доходов от сдачи недвижимости. Всего к самодеятельному населению в 1925 г. было отнесено 42 % свердловчан, не имели доходов и находились на иждивении 58 % жителей города. Отсутствуют данные по служителям культа.

В 1939 г. удельный вес рабочих (включая членов их семей) в составе населения достиг 54,9 %, второй по численности группой населения (41,1 %) стали служащие, объединившие не только управленцев, но и врачей, учителей, инженеров, представителей торговли и сферы услуг; крестьяне среди жителей города составили 1,75 %. Всего доля лиц, имеющих занятия, равнялась 48,6 % [Всесоюзная перепись … 1939 г., 2002, с. 354]. Этот показатель вырос в сравнении с 1926 г., но

был меньше, чем в 1897 г., возможно за счет сокращения категории лиц, живущих на нетрудовые доходы. Что касается сферы приложения труда, то 37,6 % занятых работали в промышленности; 11,3 % – в торговле и общественном питании; 9,2 % – в области просвещения, науки, искусства, СМИ; 9,7 % – на транспорте и связи; 8,8 % – в строительстве [Там же].

В послевоенный период научно-техническая революция способствовала дальнейшей социальной трансформации общества и привела к формированию постиндустриальной структуры, для которой характерно деление самодеятельного населения на два типа – занятых преимущественно умственным или физическим трудом.

По переписи 1959 г. из общего числа самодеятельного населения (417,6 тыс. чел.), физическим трудом были заняты 64,4 %, умственным – 35,6 % (в том числе инженерно-технические работники – 26,6 %; научные сотрудники и преподаватели – 11,8 %; медицинские работники – 8,6 %; руководители составляли 6,4 %). Из общего числа занятых 19,8 % имели высшее, неполное высшее и средне-специальное образование [Население Свердловской области, 1962, с. 58, 74–77].

По переписи 1989 г. из всего занятого населения (745 382 чел.) 43,5 % были заняты умственным трудом (в том числе 39,1 % инженерно-технических работников; 16,0 % – научных работников и преподавателей; 8,2 % – медицинских работников; 6,0 % – руководителей) и 46,5 % – физическим трудом. 49,2 % занятого населения имели высшее, незаконченное высшее и среднеспециальное образование [Население Екатеринбурга, 1993, с. 29–30]. Такая динамика свидетельствует о формировании человеческого потенциала, соответствующего критериям постиндустриального общества.

Оценивая культурный потенциал населения Екатеринбурга–Свердловска, следует отметить сравнительно высокий уровень грамотности и образования (табл. 6–9). По переписи 1897 г. удельный вес грамотных в структуре населения города составил 50,4 % (всего по губернии – 19,4 %) [Первая Всеобщая… 1904, с. 1–2]. Показатель грамотности зависел от возраста. Так, в возрастной группе от 10 до 19 лет удельный вес грамотных составил 78,0 %, от 20 до 29 лет – 63,5 %, а всего в возрасте от 10 до 39 лет около 2/3 были грамотными (68,7 %). Другие поколения имели показатель грамотности менее 50 % (табл. 6). В целом такое распределение свидетельствует об эффективности городской системы образования, которая обеспечивала близкий к столичному уровень грамотности: в Санкт-Петербурге он составлял 52,6 %, Москве – 56,3 %.

Таблица 6.

Структура населения Екатеринбурга по возрасту и грамотности по переписи 1897 г.

Возраст	Количество, чел.	Грамотные			Удельный вес грамотных, %
		мужчины	женщины	всего	
До 1 года	1 073	–	–	–	0,0
1–9	6 898	527	543	1 070	15,5
10–19В	9 591	3 786	3 699	7 485	78,0
20–29	7 830	2 742	2 231	4 973	63,5
30–39	6 690	2 241	1 507	3 748	56,0
40–49	4 887	1 415	865	2 280	46,6
50–59	3 050	720	507	1 227	40,2
60–69	2 149	402	313	715	33,3
70–79	821	131	122	253	30,8
80 и более	225	23	25	48	21,3
Не указано	25	4	1	5	20,0
Итого:	43 239	11 990	9 810	21 800	50,4

Сост. по: [Первая Всеобщая…, 1904, с. 18–19].

Таблица 7.

Грамотность населения г. Свердловска в 1926 и 1939 гг., %

Возраст, лет	По переписи 1926 г.			По переписи 1939 г.		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
9–19	90,2	84,8	87,2	99,2	99,1	99,2
20–49	92,9	75,5	84,2	97,8	89,5	93,3
9–49	92,2	78,4	85,1	98,2	92,2	95,0
50 и старше	71,4	39,5	51,7	82,9	51,0	62,0
9 и старше	90,0	72,6	82,0	96,8	86,2	90,9

[Всесоюзная перепись … 1939 г., 2002, с. 343].

В результате реформы общеобразовательной школы, проведенной в 1918–1920-е гг. и дополненной кампаниями по ликвидации безграмотности, охватившей тысячи сельских и городских жителей, уже к середине 1920-х гг. были достигнуты определенные результаты.

Данные переписи 1926 г. по Свердловску приводят показатель грамотности населения в возрасте от 9 лет и более равный 82,0 %. Для сравнения: аналогичный показатель по переписи 1897 г. составлял 58,8 %, так что прогресс несомненный. К 1939 г. этот показатель поднялся до 90,9 % (см. табл. 7). Грамотность мужчин была выше, чем женщин вплоть до середины XX в. В дальнейшем ситуация выравнивается, а если судить по уровню образования, то среди женщин росла доля лиц с высшим и средне-специальным образованием.

Таблица 8.

Структура населения Екатеринбурга по образованию (по данным переписи 1897 г.), чел.

Образование	Всего	Сословия			
		дворяне, чиновники	духовенство	купцы, мещане и проч.	крестьяне
Высшее, в том числе:	287	226	16	43	2
университетское	201	155	16	29	1
техническое	83	68	0	14	1
военное	3	3	0	0	0
Среднее, в том числе:	3 781	1 370	523	1 612	276
средне-специальное	231	96	3	97	35
среднее	3 514	1 238	520	1 515	241
военное	43	36	0	7	0
Неграмотные	21 439	550	78	9 927	10 884
Начальное (грамотные)	17 732	1203	203	9 286	7 040
Всего	43 239	3 349	820	20 868	18 202

Подсч. по [Первая Всеобщая…, 1904, с. 66–71].

Грамотность населения выступала значимым показателем вплоть до 1930-х гг., пока не были решены проблемы всеобщего начального образования. Так, например, в переписи 1926 г. учитывалась только грамотность, сведения об образовании отсутствуют. Перепись 1939 г.

фиксирует два состояния – грамотность и образование, а перепись 1959 г. –только образование.

Таблица 9.

Структура населения в возрасте от 15 лет по образованию (по данным переписей 1959, 1989, 2002 гг.), тыс. чел.

Уровень образования	1959 г.	1989 г.	2002 г.
Высшее	35,3	178,8	258,8
Неполное высшее	19,0	31,8	49,3
Средне-специальное, начальное проф.	52,8	379,7	419,8
Среднее	71,8	205,9	199,6
Начальное	315,4	240,8	165,2
Малограмотные	70,8	37,8	4,5
Неграмотные	29,4	–	–
Не указано		0,1	13,3
Всего	594,5	1074,9	1 110,5

Сост. по: [Население Свердловской области, 1962, с. 58; Екатеринбург от переписи к переписи, 2007, с. 47].

Если судить по данным переписи 1897 г., только 0,7 % екатеринбуржцев имели высшее образование (преимущественно дворяне и чиновники – 78,7 %), 8,7 % были со средним и средне-специальным образованием (самый высокий процент лиц со средним образованием отмечен у духовенства – 63,8 %), крестьянство в основном имело начальное образование. Таким образом, уровень образованности непосредственно зависел от сословной принадлежности (см. табл. 8).

Накануне войны, по переписи 1939 г., 2,1 % населения города в возрасте от 9 лет имели высшее образование, 18,9 % – среднее, 13,4 % – начальное [подсч. по: Всесоюзная перепись … 1939 г., 2002, с. 343].

В послевоенный период отмечается заметный рост численности населения с высшим, средне-специальным и средним образованием. По переписи 1959 г. 5,9 % населения в возрасте от 15 лет имели высшее образование; неполное высшее – 3,2 %, средне-специальное образование – 8,9 %. К 1989 г. доля населения с высшим и незаконченным высшим образованием увеличилась до 19,6 %, со средне-специальным – до 35,3 %. Положительная динамика сохраняется в начале XXI в.: по переписи 2002 г.. удельный вес населения с высшим и незаконченным высшим образованием составил 27,7 % – почти треть населения города в возрасте от 15 лет. Доля лиц со средне-специальным образованием достигла 37,8 % (см. табл. 9).

Таким образом, профессиональная структура населения города и уровень его образования зависят от возрастной структуры и состояния городской среды. Ее качественные показатели – обеспеченность рабочими местами и наукоемкими производствами, школами, больницами, учреждениями культуры и досуговой инфраструктурой – характеризуют качество жизни и готовность территории к инновационному развитию.

Выводы

За 300 лет завод-крепость превратился в многофункциональный мегаполис. Такая трансформация стала результатом действия совокупности факторов, среди которых немаловажную роль играла политика государства по формированию и развитию городской экономики, а также социальной инфраструктуры. Она во все времена была ориентирована на достижение приоритетных государственных задач в сжатые сроки и, как правило, игнорировала внутригородские проблемы. Вертикальная модель взаимодействия, выраженная в формуле «регион – центру», формировала определенный тренд эволюции города, отводя ему строго определенное место в производственной специализации и тем самым ограничивая возможности комплексного развития, а в ряде случаев деформируя его.

Вместе с тем, в рамках каждого этапа истории города выделяются периоды «свободного» развития территории (петровская эпоха, пореформенный период, нэп, 1990-е гг.), когда давление центра снижается и появляются альтернативные возможности, усиливая внутренний потенциал системы.

Это положение непосредственно касается развития социально-культурной среды города, которая на протяжении всего изучаемого периода была подчинена интересам заводского производства, фактически выполняя обеспечивающие функции. И только во второй половине XIX в., в пореформенный период, социально-культурная среда приобретает самостоятельное значение, перейдя из системы отраслевого управления в ведение городской думы. Именно этот период, связанный с развитием местного самоуправления, был наиболее успешным в плане достижений культуры, образования, здравоохранения и благоустройства города.

Советский период двояко сказался на развитии городской социокультурной среды: плановый характер развития, с одной стороны, формировал положительный тренд динамики инфраструктуры (росло число школ, вузов, больниц), обеспечивая минимально необходимый уровень удовлетворения потребностей населения города. С другой стороны, социально-культурная среда развивалась по остаточному принципу, реагируя на проблемы, но не снимая их.

В целом для Свердловска характерен достаточно высокий уровень благоустройства городской среды, который обеспечивался имеющимся административным ресурсом и многоотраслевой структурой экономики города.

Алексеев В. В. От завода-крепости к евразийской столице: вехи истории Екатеринбурга // От завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002. Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 8–12.

Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. М. : Изд-во «Наука», 2003.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область : [табл.]. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. 4. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область : [табл.]. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. Т. 38. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1930.

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ин-та, 2002.

Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Заболотных Е. А., Торвальдсен Г. Религия в ландшафте раннесоветского города: идеи, мифы, смыслы (на примере Екатеринбурга–Свердловска) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. ст. / под ред. О. В. Горбачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 340–353.

Голубенко С. Старые фотографии Екатеринбурга // Уралнаш. URL: https://ural-n.ru/p/starye-fotografii-ekaterinburga.html [дата обращения: 23.08.2021].

Екатеринбург. Листая страницы столетий (1723–2008). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008.

Екатеринбург от переписи к переписи. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : ст. сб. Екатеринбург : Террит. орган Федер. службы гос. стат. по Свердл. обл., 2007.

Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург: Изд-во Академкнига, 1998.

Екатеринбург: энциклопедия / гл. ред. В. В. Маслаков. Екатеринбург : Академкнига, 2002.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001.

Корепанов Н. С., Блинов В. А. Город посредине России: Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург. Екатеринбург : Сократ, 2005.

Корепанова С. А. У истоков традиции. К 120-летию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки // Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2007. № 3 (21). С. 3–9.

Мазур Л. Н. На пути к городскому обществу: предпосылки и особенности урбанизации в России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы истории России. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к новому времени. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2011. С. 286–305.

Мазур Л. Н. Моделирование как метод аналитической истории: Опыт разработки исторических моделей человеческого потенциала // Философия. Журн. Высш. шк. экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 133–164.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века) / сост. Е. П. Пирогова. Екатеринбург, 2007. С. 269–270.

Мартюшов Л. Н., Суворов М. В. История образования в России и на Урале : учеб. пособие. Екатеринбург : [б. и.], 2017. URL: http://elar.uspu.ru/handle/uspu/6423 (дата обращения: 12.02.2021).

Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. М. : Изд-во «Наука», 2006.

Мозель Х. И. Пермская губерния. Ч. 1 / сост. Ген. Штаба подполк. Х. Мозель. СПб., : типогр. Ф. Персона, 1864.

Народное хозяйство Свердловской области : стат. сб. к 50-летию Великой Окт. соц. революции. Свердловск : Свердл. отд. Изд-ва «Статистика», 1967.

Население Екатеринбурга: от переписи до переписи. Екатеринбург : Свердл. обл. упр. стат., 1993.

Население Свердловской области (под данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.) : стат. сб. Свердловск : Стат. упр. Свердл. обл., 1962.

Об уничтожении сословий и гражданских чинов : декрет ЦИК от 11 (24) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 72.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Погубернские итоги в 89 т. Т. 31.: Пермская губерния. СПб.: Изд. Центр. стат. комитета МВД, 1904.

Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII – начале XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 178–191.

Редин Д. А. Иностранные выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 5. С. 1695–1717.

Религиозные организации Свердловской области // Правительство Свердловской области : офиц. сайт. URL: http://midural.ru/community/100326/ (дата обращения: 20.08.2021).

Сафронова А. М. Школы при казенных заводах Пермского края в 1735–1746 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 151–165.

Свердловск. Перепись 1959 г. : база данных / сост. сотрудниками Международного центра демографических исследований (МЦДИ) Уральского федерального университета по материалам Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 12. Д. 23–24.

Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929–1930 г. Свердловск : Изд. Свердл. горсовета, 1929.

Свердловск. Справочник-путеводитель. 1983. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1983.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. 31 : Пермская губерния : ... по сведениям 1869 года / обраб. Н. Штиглицом. 1875.

Список населенных мест Свердловского округа с приложением списка пром. предприятий, крупных и мелких электростанций, железнодорожных, почтово-телегр. и телефон. станций, адресов и телефонов адм.-хоз. учрежден. г. Свердловска, таблиц о населении г. Свердловска и схематической карты округа с обозначением границ районов и сельсоветов : [табл.] / под ред. окрстатбюро ; [предисл. В. Н. Смирнова]. Свердловск : Изд. окрисполкома, 1926.

Раздел 3
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.9:338.48

М. В. Бекленищева

ОПЫТ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В СССР В 1955–1991 гг. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В исследовании предпринята попытка проанализировать направления исторических исследований постсоветского периода, касающиеся темы международного туризма в СССР в 1950–1980-е гг. Выделены три этапа, каждый из которых хронологически охватывает примерно одно десятилетие.

Установлено, что на первом этапе вопросы международного туризма рассматривались преимущественно в контексте международного и внешнеэкономического сотрудничества. Характерной чертой исследований становится их «регионализация».

Отличительной чертой второго этапа является появление интереса к истории советского международного туризма как самостоятельного направления исследований.

Определено, что в период с 1991 до конца 2000-х гг. была заложена основа для «исследовательского бума» по вопросам истории международного туризма в СССР. Третий этап характеризуется существенным ростом числа исследований и расширением проблематики изучения международного туризма. Выделены семь тематических блоков в вопросах изучения въездного туризма и три тематических блока, касающихся выездного туризма.

Ключевые слова: СССР, въездной туризм, выездной туризм, международный туризм, историография истории туризма.

© Бекленищева М. В., 2021

Актуальность заявленной темы определяется, с одной стороны, положением международного туризма как ведущей отрасли мировой экономики, с другой – необходимостью выхода из кризиса, вызванного коронавирусной пандемией. Как отмечают исследователи, специализирующиеся на изучении туризма, кризисы не только неизбежны, но и в определенном смысле необходимы, поскольку почти всегда открывают дополнительные возможности для дальнейшего роста и развития [Логунцова, 2020, с. 53].

Опираясь на действующие нормы российского законодательства, под международным туризмом мы будем понимать выездной или въездной туризм, под выездным туризмом – туризм лиц, постоянно проживающих на территории одной страны, в другую страну, под въездным туризмом – туризм в пределах территории одной страны лиц, не проживающих постоянно в этой стране.

Опыт организации въездного и выездного туризма в СССР востребован в современных условиях с точки зрения организации программы тура при приеме зарубежных путешественников и направлении за границу российских туристов. Речь может идти как об индивидуальных, так и о групповых турах. При тщательной проработке выигрышными направлениями въездного и выездного туризма могли бы стать тематические туры с посещением промышленных и сельскохозяйственных предприятий, встречи с местным населением без идеологической подоплеки, что позволило бы ближе познакомиться с традициями и особенностями страны, понять ее культуру.

Методологическую основу работы составили проблемно-хронологический метод и метод периодизации. В значительном массиве исследований, посвященных развитию туризма в СССР, выделяется несколько проблемных блоков. Анализ работ позволяет проследить три этапа в развитии исторической мысли по вопросам советского международного туризма.

Работы по заявленной проблематике представлены диссертационными и монографическими исследованиями, а также научными статьями и тезисами конференций, где авторы обращаются к деятельности организаций, занимающихся международным туризмом (ВАО «Интурист», БММТ «Спутник», профсоюзов, обществ дружбы) с середины 1950-х гг. до распада СССР.

Первый этап истории изучения вопросов советского международного туризма охватывает 1991–2000 гг. и связан с глобальной трансформацией, произошедшей во всех сферах жизни российского государства и общества.

Отметим следующие особенности исторических исследований, относящихся к международному туризму в СССР на данном этапе:

1. Обращение к ранее засекреченным документам. Характерным для работ 1990-х гг. является акцент на деполитизированности и деидеологизированности исследований.

2. Изучение вопросов развития международного туризма в контексте международного сотрудничества. Учитывая социально-экономическую обстановку периода 1990-х гг., вопросы туризма объективно не входили в число приоритетных направлений развития российского государства. Вместе с тем, открывшиеся новые возможности для выстраивания международного диалога и внешнеэкономического сотрудничества на различных уровнях власти, общественных структур, частных организаций и предприятий определили актуальность вопросов изучения международных связей СССР.

Отметим работы Н. В. Кононковой, С. А. Кокотова и В. В. Литвинова, посвященные международным и внешнеэкономическим связям регионов РСФСР. Важно подчеркнуть, что туризм в указанных исследованиях рассматривается в качестве одного из направлений сотрудничества с зарубежными странами. Кроме того, анализ региональных аспектов международного сотрудничества был не характерен для работ советского времени и, по сути, стал принципиально новым направлением для постсоветской исследовательской практики.

При изучении международных и внешнеэкономических связей российских регионов обращалось внимание на существенное увеличение объемов международного туризма в 1970-е гг. К примеру, С. А. Кокотов, рассматривая его динамику на примере Брянской, Смоленской, Орловской и Калужской областей, выявил, что с 1966 по 1974 гг. международный туризм в среднем по региону вырос более, чем в 21 раз [Кокотов, 1993, с. 22], а В. В. Литвинов отмечает, что взаимодействие в сфере туризма Дона, Кубани и Ставрополья со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в 1970-е гг. стало достаточно массовым и приобрело определенную систему [Литвинов, 1995, с. 19]. Изучая международные связи, Н. В. Кононкова видит прямую зависимость между интенсификацией сотрудничества Амурской области с государствами Северо-Восточной Азии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и притоком иностранных туристов в регион [Кононкова, 1997, с. 21].

3. Тенденция к регионализации затронула не только РСФСР. Общественно-политические процессы конца 1980-х – начала 1990-х гг. стали катализатором создания работ, подчеркивающих вклад республик Союза ССР в развитие международного и внешнеэконо-

мического сотрудничества, включающего туристское направление. Отметим работы о связях Азербайджана, Узбекистана и Белоруссии в 1970–1980-е гг. с зарубежными странами. Исследователи выявили существенное увеличение объемов въездного и выездного туризма в 1980-е гг. [Бабаходжаева, 1991, с. 11; Ксензов, 1992, с. 20], обращая особое внимание на туристские связи с капиталистическими странами [Гаджиев, 1991, с. 62].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что вопросы международного туризма СССР не являлись предметом специального интереса исследователей в 1990-е гг. Вместе с тем, туризм стал рассматриваться в контексте международного сотрудничества. Выделяется региональная составляющая связей СССР с зарубежными странами.

Второй этап развития историографии, касающейся вопросов международного туризма СССР в рассматриваемый период, приходится на первое десятилетие XXI в. Для молодого российского государства это время отлаживания социально-экономических процессов, перехода к размеренной жизни и появления (или возобновления) ощущения стабильности и уверенности в завтрашнем дне после сложного переходного десятилетия. В этом контексте понятно возвращение в информационную повестку вопросов, связанных с развитием туризма, в том числе, международного.

Развивается законодательная база, появляются советы по развитию туризма на федеральном, региональном и местном уровнях власти, планируемые мероприятия начинают обеспечиваться финансированием, появляется потребность туристической отрасли в специалистах. В государственных и частных учебных заведениях открываются специальности по направлению «Туризм» и смежным с ним отраслям. Возникает необходимость в разработке учебных пособий. Таким образом, важным историографическим направлением становится включение информации о туристско-экскурсионном деле в СССР в учебную литературу. Одним из первых вышло учебное пособие М. В. Соколовой «История туризма», содержащее раздел «Туристско-экскурсионное дело в СССР» и выдержавшее семь переизданий [Соколова, 2002].

В 2007 г. была издана созданная на основе архивных материалов коллективная монография в формате учебного пособия «Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е годы». Как отмечают авторы, феномен иностранного туризма в СССР впервые стал объектом специального комплексного изучения историков [Багдасарян и др., 2007]. Большую часть исследования составляет период с середины 1950-х гг. до распада СССР.

Новым направлением исторической мысли становятся отдельные работы по истории международного туризма. Появляются исследования, касающиеся методов идеологической работы при организации въездного и выездного туризма [Силина, 2010], отдельные статьи посвящаются выезду жителей Советского Союза на отдых в капиталистические страны. К примеру, Е. П. Архипова приходит к выводу о заинтересованности СССР и капиталистических стран в развитии стабильного и долгосрочного сотрудничества в сфере туризма, отмечая, что в 1984 г. туристический обмен СССР с капиталистическими государствами составил примерно половину общего объема туризма Советского Союза с зарубежными странами [Архипова, 2008].

В специальных исследованиях, посвященных истории советского туризма, появляется региональная составляющая. Е. А. Кондратенко и В. С. Бовтун рассматривают вопросы выездного туризма на примере Омской области [Кондратенко, Бовтун, 2007, с. 76–78].

Значительное развитие в первое десятилетие XXI века получила тенденция изучения вопросов въездного и выездного туризма в контексте международного сотрудничества СССР с выделением региональных особенностей [Вавулинская, 2008; Жданова, 2005; Таипов, 2007; Фролов, 2007; Чижикова, 2009; Широков, 2007; Якупов, 2009]. Исследователи отмечают большой вклад обществ дружбы и механизма побратимских связей в развитие международного туризма. В ряде работ по результатам проведенного анализа сделан вывод о резком сокращении объемов выездного туризма во второй половине 1980-х гг. [Таипов, 2007; Якупов, 2009], а также о неоднозначности итогов международного сотрудничества в сфере туристического взаимодействия. Так, А. Я. Якупов подчеркивает, что вопреки общему положительному воздействию туристического обмена, именно в туристических поездках происходили различные чрезвычайные происшествия и тем самым формировался значительный негативный опыт. При изучении отчетов руководителей туристических групп автор выявил, что они изобилуют завистью и негативными оценками «загнивающего Запада» [Якупов, 2009].

Таким образом, начало XXI века характеризуется появлением интереса к вопросам международного туризма в СССР, заложена база для дальнейшего изучения данной темы.

Третий этап изучения вопросов международного туризма в 1955–1991 гг., совпадающий с началом второго десятилетия XXI в., характеризуется всплеском интереса к теме. Актуальность таких исследований определяется социально-экономическим и обще-

ственно-политическим развитием России: туризм начинает рассматриваться в качестве одной из приоритетных отраслей экономики, завершается формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность туротрасли.

Предпринимаются первые после распада Советского Союза попытки осмысления литературы, касающейся истории советского въездного туризма. В то же время такие исследования посвящены преимущественно работам, подготовленным в советский период [Путрик, 2016, с. 96–101].

В 2010-е гг. появляются монографические исследования, проводятся тематические научно-практические конференции, публикуются научные статьи, читаются открытые лекции, посвященные как международному туризму в целом, так и отдельно въездному или выездному туризму в СССР в 1955–1991 гг.

При изучении *въездного туризма в СССР* исследователи уделяли внимание следующим аспектам.

1. *Принимающая организация.*

Ряд работ посвящен деятельности ВАО «Интурист» [Багдасарян, 2016; Клетнова, 2016; Попов, 2011], БММТ «Спутник» [Машкова, 2011] и Обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами [Дитковская, 2015] по приему туристов из-за рубежа.

2. *Программа пребывания и объекты посещения.*

Особенностью советского экскурсионного обслуживания являлось то, что помимо посещения объектов культуры предусматривался осмотр строек, промышленных предприятий, колхозов, учебных заведений, инфраструктурных объектов. Столь насыщенная программа не всем была по душе. Исследователи отмечают, что, к примеру, туристы из ГДР, посещавшие Советский Союз в 1950–1960-е гг., выражали недовольство интенсивностью программы, а румыны, наоборот, стремились увидеть как можно больше [Машкова, 2010].

При организации приема интуристов в регионах СССР руководство регионов утверждало список объектов показа – населенных пунктов, промышленных предприятий, колхозов, совхозов, научных и культурно-бытовых учреждений, учебных заведений, «спонтанных» остановок, как, например, в Алтайском крае [Дитковская, 2015; Пашкова, 2016].

Туристские маршруты для иностранцев разрабатывались с учетом региональной специфики. К примеру, Иркутское отделение ВАО «Интурист», занимавшееся приемом иностранных туристов в При-

байкалье, включало в программу посещение озера Байкал [Клетнова, 2016]. Создавались оригинальные экскурсионные программы, например, «Быт старой Сибири», «Мы – советский народ» с посещением семей жителей Хакасии, «Настольный теннис», «Хоккей с мячом», разработанные отделением ВАО «Интурист» в Хакасии [Моруденко, 2016].

3. *Формы работы с интуристами.*

Для работы с иностранными туристами внедрялись новые формы туристско-экскурсионной работы. Так, БММТ «Спутник» организовывало встречи с советской молодежью [Машкова, 2010]. Обществами дружбы проводились встречи иностранных туристов с советскими работниками науки и культуры, промышленности и сельского хозяйства, торжественные собрания, вечера дружбы, концерты, митинги, беседы по специальности [Дитковская, 2015]. В Хакасии, в частности, работники предприятий встречались с зарубежными гостями «за круглым столом», а вечера дружбы проходили с членами клуба интернациональной дружбы Абаканского педагогического института, давались концерты самодеятельных творческих коллективов [Моруденко, 2016].

4. *Туристская инфраструктура, коллективные средства размещения, качество бытового, экскурсионного и транспортного обслуживания.*

В исторической литературе содержатся подчас противоположные оценки качества обслуживания туристов. Различным было и состояние материально-технической базы в регионах, куда приезжали на отдых иностранцы, а одной из самых сложных задач была необходимость в основательных вложениях в инфраструктуру – дороги, гостиницы, рестораны и другие предприятия, связанные с обслуживанием гостей.

К примеру, на Дальнем Востоке в 1960–1980-х гг. одной из наиболее существенных проблем было низкое качество обслуживания иностранных туристов на посещаемых объектах, в гостиницах, аэропортах и на вокзалах. Уровень приема иностранных граждан в целом не соответствовал международным требованиям [Корчевский, 2015]. В ходе пребывания в СССР иностранцы высказывали недовольство дефицитом туалетных комнат, отсутствием в них туалетной бумаги, неразвитостью услуги предоставления автомобиля в прокат [Багдасарян, 2016]. В Карелии, например, в 1960-е гг. иностранцы жаловались на отсутствие горячей воды в гостинице. Кроме того, в номерах было холодно, не спасали и заклеенные ватой и бумагой окна, а с эстетиче-

ской точки зрения это было еще и непривлекательно. Еще одним экзотическим впечатлением от посещения петрозаводской гостиницы было то, что крыша протекала несколько лет, соответственно в номерах и коридорах после дождя оставались лужи [Шорохова, 2019а, с. 55].

Напротив, в Прибайкалье уровень обслуживания иностранных туристов в 1980-е гг. оценивался как высокий, что обеспечивалось в том числе за счет высокого уровня комфорта коллективных средств размещения, которые соответствовали международным стандартам качества [Клетнова, 2016]. Посещение Хакасии иностранными туристами в 1960-х гг. было однодневным, но уже в середине 1970-х гг. в одной из гостиниц произведен ремонт для размещения в ней зарубежных гостей [Моруденко, 2016].

5. *Кадровое обеспечение.*

Вопросы подготовки кадров для работы с иностранными туристами – гидов-переводчиков, экскурсоводов, официантов ресторанов рассматривались как на союзном уровне, так и на примере отдельных регионов. Несмотря на проводимую работу по обучению специалистов, в конце 1950-х – 1960-е гг. существовала проблема дефицита гидов-переводчиков как на региональном, так и на союзном уровнях. К примеру, в 1960 г. их штат на всей территории СССР составлял всего 600 человек при потребности в 2 тыс. При этом в 1957 г. Ленинград посетило 20 тыс. иностранных туристов, в 1960 г. – более 85 тыс., в 1965 г. – 114 тыс., а в 1969 г. – около 300 тыс. человек [Хрипун, 2011а].

При подготовке гидов-переводчиков ВАО «Интурист» особое внимание уделял разбору «методов идеологических диверсий». Давались ситуационные методические рекомендации ведения полемики и пресечения попыток антисоветской пропаганды со стороны туристов-провокаторов [Багдасарян, 2016, с. 68]. Несмотря на отсутствие финансовых возможностей перенять опыт «Интуриста», кадровая база БММТ «Спутник» в СССР в целом была сформирована к концу 1960-х гг. [Машкова, 2011, с. 100]. Отмечается, что на региональном уровне подготовка кадров в сфере иностранного туризма, в том числе гидов-переводчиков, также отличалась большой политизированностью. Окончательно она сложилась к концу 1960-х гг. [Кирсанова, 2013].

В планах регионов (например, Куйбышевской области, Прибайкалья) по повышению квалификации гидов-переводчиков в конце 1970–1980-х гг. постоянно происходили изменения, которые были обусловлены как реакцией на внешнеполитические события, так и попытками найти наиболее эффективные формы подготовки специалистов [Кирсанова, 2013; Клетнова, 2016].

6. *География и объемы въездного туризма.*

Историография включает исследования, освещающие как объемы въездного туризма в Советский Союз в целом [Орлов, Попов, 2018], так и в республиках и регионах.

В отдельную группу можно выделить исследования, посвященные географии и объемам туризма в приграничных регионах. Так, к примеру, в работе о развитии въездного туризма на Дальнем Востоке акцент сделан на иностранных туристах из Японии. Специфической формой организации туристических поездок японских граждан в СССР стали «корабли дружбы», представлявшие собой «групповой тур, "отягощенный" идеологической составляющей». [Корчевский, 2015]. Ряд работ посвящен приему в Ленинграде и Карелии финских туристов [Хрипун, 2011б; Шорохова, 2019а, 2019б]. Отмечалось, что ключевым отличием интуризма середины 1950–1960-х годов от интуризма 1920–1930-х годов являлась его массовость. Исследователи называют Ленинград своеобразной европейской витриной советской России, наиболее удачно подходящей для межкультурного обмена, а контакты горожан с иностранцами способствовали все большему распространению среди населения западной культуры, моды, норм поведения [Хрипун, 2011б].

Существенное внимание исследователи уделяют изучению въездного туризма в Крыму, включая объемы и географию сотрудничества, поистине впечатляющие. Только по линии «Интуриста» в Крыму в 1968 г. было обслужено 30 689 иностранцев, а в 1985 г. – уже 123 501 чел. Отдельные исследования посвящены объемам въездного туризма из конкретных стран, к примеру, ФРГ и ГДР [Попов, 2011].

Отдельные исследования посвящены вопросам развития въездного туризма в советских республиках, к примеру, Украины, где 16 % всех иностранных туристов обслуживало Украинское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами (УОДКС). Из этого числа 86 % туристов прибывали из социалистических, 11 % – капиталистических и 3% – из развивающихся стран [Дитковская, 2015].

Другая группа – это регионы, не имеющие границ с иностранными государствами. К примеру, туристские связи Хакасии, которую зарубежные туристы из Чехословакии, ГДР и Польши начали посещать в 1970-х гг. Так, в 1970 г. Абаканское отделение «Интуриста» обслужило восемь иностранных групп туристов, а к 1983 г. количество групп увеличилось в девять раз. Всего в 1970–1980-е гг. Хакасию посетило около 16 тыс. иностранных туристов из 24 стран мира. Другой пример непограничного региона – Новгородская область, динамика въездного туризма которой весьма внушительна – от менее 2 тыс. в 1959 г. до

60 тыс. в 1974 г. [Савельев, 2015, с. 289–297]. Таких результатов удалось достичь в том числе благодаря сотрудничеству Великого Новгорода и финского города Уусикаупунки, с которым в 1965 г. был заключен договор об установлении побратимских связей [Савельев, 2017, с. 71]. До начала 1970-х гг. область посещали путешественники преимущественно из Финляндии, США, Франции, ГДР, ФРГ, реже – Голландии, Бельгии, Дании, Великобритании, Швеции, Чехословакии, Болгарии. В конце 1960-х – 1970-е гг. в городских гостиницах и кемпингах останавливались туристы и из Новой Зеландии, Мексики, Уругвая, Гаити, Ямайки, Аргентины, Перу, ОАР и др. [Савельев, 2017, с. 107–108].

7. *Вопросы взаимного влияния.*

Исследователи сходятся во мнении, что важнейшим направлением при подготовке специалистов для работы с иностранцами была идеологическая работа. Вместе с тем, «идеологическая обработка» в рамках туристических контактов носила двусторонний характер. Подобно тому, как иностранцы подвергались пропагандистскому воздействию со стороны советских гидов, они, осознанно или нет, оказывали аналогичное воздействие на советских граждан, в контакт с которыми вступали. Даже ограниченное общение с представителями иной культуры существенно расширяло представления жителей СССР не только об альтернативных вариантах социально-политического и экономического устройства собственного государства, но и об образцах поведения, распространенных в других странах. Контролировать такие контакты становилось все сложнее по мере того, как росло число иностранных туристов в СССР. В результате изначально жесткие границы между социалистическим и капиталистическим обществом стирались [Иванов, 2016].

Некоторые иностранные туристы, посещавшие Советский Союз в 1950–1960-е гг., занимались торговлей привезенными с собой вещами, что было запрещено. Фарцовка нередко приводила к задержанию иностранцев правоохранительными органами. Попытки выйти за рамки туристической программы исследователи расценивают как некую форму протеста против бюрократизации отдыха [Машкова, 2010].

При изучении советского *выездного туризма* исследователями был сделан акцент на следующие его аспекты.

1. *Направляющая организация.*

Предметом рассмотрения в исследованиях становилась деятельность ВАО «Интурист» [Горсач, 2010], БММТ «Спутник» [Бекленищева, 2016], Центрального совета по туризму и экскурсиям Всесоюз-

ного центрального совета профессиональных союзов (ЦСТЭ ВЦСПС) и отделов иностранного туризма республиканских и областных советов профсоюзов [Орлов, Попов, 2016] по организации выездов советских туристов за рубеж.

2. *Объемы и география выездного туризма.*

Предметом исследования становились объемы и географическая направленность поездок как по СССР в целом, с выделением ключевых особенностей советского выездного туризма, так и в разрезе отдельных регионов. Кроме того, изучались вопросы выездного туризма в конкретную страну.

В исторических исследованиях отмечается, что начало советскому выездному туризму положила хрущевская «оттепель», приоритетным направлением являлись страны соцлагеря, а турпоток был относительно небольшим. Согласно данным А. Д. Попова и И. Б. Орлова, за 1960–1980-е гг. за рубеж выезжало от 0,4 до 0,9 % советских граждан. Вместе с тем, очевидна общая положительная динамика выезда советских граждан за рубеж: в 1956 г. их было 561 тыс., в 1960 – 730 тыс., в 1965 – 1,2 млн, в 1970 – 1,8 млн, в 1975 – 2,5 млн, в 1980 – 4 млн и в 1985 – почти 4,5 млн [Орлов, Попов, 2016, с. 109].

По аналогичному сценарию ситуация развивалась и в регионах. К примеру, в Башкирской АССР в 1960-х гг. распределялось около 800 путевок, а в 1980-е – уже около 5 тысяч [Котова, Хисамутдинова, 2016].

Поездки в капиталистические страны составляли меньшую часть от всех выездов за рубеж, но, тем не менее, также имели место [Горсач, 2010]. Появились отдельные исследования, классифицирующие пространственную мобильность советских туристов: путешествия по Советскому Союзу, турпоездки в социалистические страны и турпоездки в капиталистические страны [Лысикова, 2011, с. 95–100].

3. *Нарушение установленных правил поведения.*

Одним из направлений исследований стало изучение вопроса о нарушениях правил, установленных для советских туристов за рубежом. Правила обычно нарушались с единственной целью – получить от поездки больше, чем предлагалось легально. Это, в частности, были попытки (более или менее успешные):

– продажи каких-либо вещей, ценившихся за рубежом, как правило, водки, фотоаппаратов и транзисторных приемников;

– провоза и обмена советских рублей сверх установленной нормы;

– приобретения не предусмотренных регламентом поездки товаров и услуг – поход на стриптиз, приобретение порножурналов [Шевырин].

4. *Комплектование туристских групп.*

Несмотря на рост объемов выездного туризма, поехать за рубеж мог далеко не каждый. Ряд исследований посвящен вопросу комплектования туристских групп.

Так, на примере Новгорода и Ленинграда А. Н. Чистиков приходит к выводу, что в 1950–1960-х гг. при провозглашенном равенстве в действительности оказывалось, что СССР за рубежом представляли в основном служащие и интеллигенция, и большей частью – женщины. Колхозники и рабочие составляли незначительную часть от общего числа туристов [Чистиков, 2012, с. 185]. При формировании туристских групп сложности отмечались в 1950-х гг. в Калининградской области: слабая работа по популяризации путешествий, несогласованность действий между «Интуристом» и региональными советами профсоюзов, высокая стоимость путевок. В связи с этим с 1958 г. для рабочих предприятий были введены льготные условия, началась организация туристских поездок на основе безвалютного обмена [Костюк, 2017, с. 92–99]. Так постепенно устанавливался социальный баланс среди выезжавших.

Направлением исследований становится изучение популярной формы организации туристов в 1970–1980-х гг. – специализированных туристических групп, состоявших из артистов, ученых, медиков и представителей других профессиональных сообществ. Формирование группы по профессиональному признаку было удобно с точки зрения планирования программы тура и позволяло предусмотреть тематические экскурсии [Филатов, 2018].

Отметим, что существовал четкий порядок формирования туристских групп. Исследователи отмечают, что кандидаты на совершение поездки проходили многоступенчатую проверку и на любой ступени кандидатура могла быть «отсеяна». Основанием для отказа в выезде за рубеж мог стать компромат, полученный по линии КГБ или МВД, повторная поездка через короткий период или нарушение процедуры оформления выездных документов. Путь за рубеж мог быть закрыт для тех, например, кто ранее был уличен в нарушении советских законов или норм морали [Орлов, Попов, 2016, с. 46].

Подводя итоги, стоит отметить, что на первом этапе, охватывающем период с 1991 г. до начала XXI в. и характеризующемся пониженным вниманием к истории международного туризма в СССР, заложены основы для изучения данного вопроса в дальнейшем. На втором этапе, соответствующем первому десятилетию XXI в., возрождается интерес к международному туризму и его истории. И, наконец, сло-

жившиеся в 1990–2000-е гг. политические и общественно-экономические предпосылки определили дальнейший всплеск интереса к истории въездного и выездного туризма в Советском Союзе.

Архипова Е. П. Некоторые аспекты развития советского выездного туризма в 1980–1991 гг. (на примере туристического обмена с капиталистическими странами) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 1. С. 36–43.

Бабаходжаева Р. М. Участие Узбекистана в международном культурном сотрудничестве СССР (конец 70-х – начало 90-х годов) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1991.

Багдасарян В. Э. «Интурист» как идеологический актор холодной войны // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 63–70.

Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Мазин К. А., Федулин А. А., Шнайдген Й. Й. Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е годы : учеб. пособие. М. : ФОРУМ, 2007.

Бекленищева М. В. Из истории развития международного молодежного туризма в Свердловской области (1966–1971) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 3–12.

Вавулинская Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2008. С. 65–76.

Гаджиев Г. А. Участие Советского Азербайджана в международном экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве СССР (1966–1980 гг.) : автореф. дис. … докт. ист. наук. Баку, 1991.

Горсач Э. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе // Антропол. форум. 2010. № 13. С 359–388.

Дитковская С. А. Деятельность Украинского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами по приему иностранных туристов в период 1959–1991 гг. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-ukrainskogo-obschestva-druzhby-i-kulturnoy-svyazi-s-zarubezhnymi-stranami-po-priemu-inostrannyh-turistov-v-period-1959-1991-gg/viewer (дата обращения: 02.01.2020).

Жданова Н. Н. Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества Забайкалья с провинциями КНР в 1950–1980-е гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2005.

Иванов А. А. Политизация въездного туризма в СССР в период холодной войны: причины и последствия // Современные. проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 71–79.

Кирсанова И. А. Обучение экскурсоводов и гидов-переводчиков в 1960–1980-е годы (на примере Куйбышевской области) // Вестн. Ассоц. вузов туризма и сервиса. 2013. № 4. С. 86–93.

Клетнова Л. С. Развитие въездного туризма в Байкальском регионе в 1980–2000 гг. (на примере деятельности региональных отделений «Интуриста») // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 133–142.

Кокотов С. А. Международные региональные связи западных областей Российской Федерации в 1965–1975 годах (на материалах Брянской, Калужской, Орловской и Смоленской областей) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 1993.

Кондратенко Е. А., Бовтун В. С. Управление туризмом в Западной Сибири в 1970-е гг. // Изв. АлтГУ. 2007. № 4 (2). С. 76–78.

Кононкова Н. В. Развитие международных связей Амурской области с государствами Северо-Восточной Азии в конце 80-х – начале 90-х годов XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Благовещенск, 1997.

Корчевский А. В. Основные формы и проблемы организации въездного туризма японских граждан на Дальнем Востоке СССР в середине 1960-х – середине 1980-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 2. С. 125–131.

Костюк А. П. Региональные аспекты иностранного туризма (1960–1980-е годы) // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и обществ. науки. 2017. № 2. С. 92–99.

Котова Т. П., Хисамутдинова А. Ф. О международном туризме в Башкортостане (1960–1980-е гг.) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 122–127.

Ксензов С. В. Сотрудничество Белорусской ССР и Восточноевропейских стран (на материалах общественно-политических организаций Белоруссии, 80-е годы) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1992.

Литвинов В. В. Международные связи Дона, Кубани, Ставрополья со странами Центральной и Юго-Восточной Европы (1970–1990) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 1995.

Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Гос. управление. Электрон. вестн. 2020. № 80. С. 50–67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-turizma-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-vyzovy-i-perspektivy (дата обращения: 01.02.2021).

Лысикова О. В. Туризм как освоение пространства-времени: мобильность коллективной памяти // Теория и практика обществ. развития. 2011. № 7. С. 95–100.

Машкова А. М. БММТ «Спутник» в 1958–1968 гг.: становление и развитие иностранного туризма в СССР : дис. … канд. ист. наук. М., 2011.

Машкова А. М. Зарубежные поездки как форма молодежного досуга (опыт БММТ «Спутник») // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4. С. 28–33.

Моруденко Ю. И. Исторический аспект деятельности Абаканского агентства «Интуриста» на территории Хакасии и юга Красноярского края (1970–1990-е гг .) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 115–121.

Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М., 2018.

Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм. 1955–1991. М., 2016.

Пашкова Е. Ю. Организация международного туризма в СССР на примере Алтайского края (1960–1980-е гг.) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 128–132.

Попов А. Д. Туристские связи Крыма и разделенной Германии в 1950–1980-е гг.: организация, масштабы, специфика [Электронный ресурс] // Таврійські студії. 2011. № 1. URL: http://kukiit.ru/docs/ts/no1/19.pdf (дата обращения: 14.01.2020).

Путрик Ю. С. Иностранный туризм в СССР: отражение в научной и учебной литературе // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4 (10). С. 96–101.

Савельев Н. С. Международный туризм и народная дипломатия в середине 1950-х – конце 1970-х годов (на примере Новгородской области) : дис. … канд. ист. наук. Великий Новгород, 2017.

Савельев Н. С. Финские туристы в Новгородской области в 1960–1970-е гг. в зеркале народной дипломатии // Новгород. ист. сб. 2015. № 15 (25). С. 289–297.

Силина Л. В. Иностранный туризм и выезд советских граждан за рубеж в 1960-е гг. (по материалам отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС) // Наука и школа. 2010. № 4. С. 136–140.

Соколова М. В. История туризма : учеб. пособие. М. : Мастерство, 2002.

Таипов Р. Р. Региональный уровень сотрудничества СССР и ГДР на примере Башкирской АССР и округа Галле (ГДР). 1964–1989 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2007.

Филатов Г. А. Поездки советских специализированных туристических групп в Испанию в 1980-х гг. // Латиноамер. ист. альм. 2018. № 20. С. 358–376.

Фролов А. В. Развитие советско-китайских приграничных отношений на Дальнем Востоке СССР (1949–1969 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007.

Хрипун В. А. Иностранцы в Советской России в 1950-е – 1960-е гг. (на материалах Ленинграда) : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2011. (а)

Хрипун В. А. Некоторые проблемы организации иностранного туризма в Ленинграде в 1950-е – 1960-е годы // Вестн. СПбГУ. 2011. № 1. Сер. 2. С. 149–155. (б)

Чижикова О. В. Деятельность советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии в 60–80-е гг. XX века (на материалах Приангарья) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2009.

Чистиков А. Н. Советский выездной туризм 1950–1960-х годов: социальный аспект // Тр. Ист. фак-та Санкт-Петерб. ун-та. 2012. № 9. С. 184–190.

Шевырин С. А. За границу! (из истории зарубежного туризма в СССР) // Перм. гос. архив соц.-полит. истории : офиц. сайт. URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/za-granitsu-iz-istorii-zarubezhnogo-turizma-v-sssr.html (дата обращения: 21.04.2020).

Широков О. Н. Внешнеэкономические связи республик Волго-Вятского экономического района со странами Совета экономической взаимопомощи в 1949–1991 годах : автореф. дис. … докт. ист. наук. Чебоксары, 2007.

Шорохова И. В. Организация иностранного туризма в Карелии в 1960-е гг. [Электронный ресурс] // Манускрипт. 2019. № 8 (12). С. 53–59. URL: https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.10 (дата обращения: 02.01.2020). (а)

Шорохова И. В. Туристическая отрасль Карелии в 1960-е годы (на примере организованного иностранного туризма в крае) // Вестн. науки и образования Сев.-Запада России. 2019. № 2. С. 71–84. (б)

Якупов А. Я. Сотрудничество регионов Советского Союза и стран-членов СЭВ в 1959–1990 гг. (на материалах Башкирской АССР) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2009.

УДК 94(470.54).084.3(093):329

В. А. Бондарь

ЛИЧНЫЕ АНКЕТЫ И ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ ЧЛЕНОВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) (1921–1924 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди сохранившихся, но относительно мало освещенных в исследованиях по истории Екатеринбургской губернской партийной организации РКП(б) материалов особое место занимают частично формализованные личные анкеты нескольких типов и формуляры анкетного типа, к которым относятся «опросные листы», личный листок, дополнение к личному листу и личная регистрационная карточка. Эти комплексы документов содержат большое количество персональных данных о членах коммунистической партии, нередко уникальных, что позволяет уточнить и дополнить информацию, полученную из других источников. Разнообразие данных комплекса документов позволяет использовать их в исследованиях различной направленности, в том числе историко-партийных, просопографических, историко-демографических, генеалогических.

Ключевые слова: источник, личная анкета, поле, данные, характеристика, учетный документ, личный учет, РКП(б)

Учетные документы Екатеринбургской губернской организации РКП(б) составляют значительную часть сохранившихся фондов раннесоветского периода в хранилище Центра документации общественных организаций Свердловской области, но во многом недооценены и используются в локальных исторических исследованиях достаточно редко. Среди них особое место занимают документы анкетного типа, поскольку они максимально охватывают личный состав членов РКП(б) и служат основным источником персональных данных о коммунистах рассматриваемого периода.

Формуляры этих документов без изменений использовались в 1921–1924 гг. на территории Екатеринбургской губернии, они входили в состав личных дел и могли быть приложены к первичным материалам переписей членов РКП(б) 1922 и 1924 гг. Поля, отвечавшие программам переписей, дублировались в переписных анкетах. Анкета переписи членов РКП(б) 1922 г. уже становилась объектом специальных источниковедческих исследований [см.: Наумов, Шепелев; Мазур, 1990; Воробьев, 2004], хотя мнение о недостаточной разработанности материалов переписей [Варшавчик, с. 199–200] до сих пор сохраняет актуальность. Первичные материалы переписей использовались при изучении социального портрета коммунистов Урала [Воробьев, 2004],

© Бондарь В. А., 2021

для иллюстрации опыта опыта составления баз данных [Мазур, 1993; Пашкова], а также в качестве источника по истории семьи [Мазур, Горбачев; Mazur, Gorbachev].

Переписная анкета, при всей своей информативности, не включает в себя некоторые сведения, имеющиеся в других учетных документах с анкетной формой представления. Это обусловлено программой переписи, которая имела целью не столько уточнить имеющуюся информацию о партийных кадрах, сколько дополнить ее и систематизировать.

В отличие от анкет партийных переписей, другие сохранившиеся личные анкеты и схожие по формуляру документы членов РКП(б) практически не востребованы исследователями. Отчасти такая ситуация обусловлена совпадением ряда вопросов в учетных документах и переписных бланках.

Личные анкеты способны дополнить информацию других источников, поскольку в них есть сведения, которые не встречаются в других документах. К рассматриваемому комплексу анкетных документов применимы те же методы исследования, что и к другим массовым источникам.

В зависимости от целей создания представляется возможным выделить документы учета вступающих в партию (например, личный листок для кандидатов в члены РКП(б) [см., например: ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 558, л. 30–31 об.]), документы специального учета (например, анкета члена или кандидата в члены РКП(б) Красной Армии и флота [Там же, д. 561, л. 165–166 об.]), а также составленные по форме анкеты личный листок [см., например: Там же, д. 562, л. 13–14 об.], дополнение к личному листу [Там же, д. 609, Л. 66–66а об.] и личная регистрационная карточка [см., например: Там же, л. 140–140а об.].

К частично формализованным источникам анкетного типа также можно отнести формуляры, предназначенные для сбора персональной информации и последующего ее использования в системе учета партийных кадров. Некоторые из них были названы опросными листами, и это название можно принять в качестве условного для всех формуляров, имеющих структуру типа «вопрос – ответ» и представленную в виде связного текста. Существуют разновидности опросного листа, предназначенные для составления характеристики на партийного работника, в том числе работника политотдела [Там же, д. 582, л. 192–192 об.], для сбора сведений о вступающем в партию кандидате или сочувствующем и о выходящем из партии коммунисте.

Личный листок кандидата в члены РКП(б), личный листок и анкета члена РКП(б) [см., например: Там же, д. 558, л. 247–247 об.] выступали в роли основных учетных документов, имеющий сходный состав

заполняемых полей с той разницей, что личный листок менее формализован в вопросах занятости (в нем имеются специальные поля для написания в свободной форме дополнительных сведений о занятости помимо указанной в соответствующих таблицах по партийной и советской работе). Кроме того, состав полей рассматриваемых форм во многом совпадает с формуляром бланка «А» партийной переписи 1922 г., однако в личном листке вопросов почти в два раза меньше, и они менее формализованы, чем в бланке переписи [см. подробнее: Воробьев, 2004, с. 317–318].

Также необходимо учитывать, что набор приводимых данных для разных типов формуляров существенно различается. В бланке переписи отсутствуют сведения о национальности, о знании определенных местностей РСФСР, о социальном положении, данные о самообразовании и знакомстве с партийной литературой, об общем состоянии здоровья, пребывании за границей, данные качественного характера о революционной работе до 1917 г, нахождении под судом и следствием в РСФСР, а также персональная характеристика.

Поскольку эти документы заполнялись работниками партийных органов, достоверность и полнота приводимых сведений зависела, во-первых, от качества собираемой информации, частично подтвержденной другими документами (например, проверялись данные о времени вступления в партию и партийном стаже, о демобилизации, болезнях, образовании). Во-вторых, многое зависело от уровня квалификации заполняющих формуляры работников.

Личный листок кандидата в члены РКП(б) также имел дополнительные поля, которые не встречаются в других источниках данного типа [см., например: Там же, д. 587, л. 187–188 об.]. Это данные о рекомендующих (фамилия имя и отчество, партийный стаж, номер партийного билета, иногда краткая характеристика рекомендуемого), сведения о решениях первичной организации (или райкома) и губкома, касающихся получения статуса члена РКП(б). В личном листке, помимо сведений, которые дублировались в анкетах (образование, род занятий до революции, партийная и советская работа, военная служба), присутствуют данные о самообразовании, которые, в отличие от факта прохождения обучения в учебном заведении, сложно подтвердить иначе, чем опросом. Кроме того, достойны упоминания блок данных об участии в партийной работе до 1917 г. и репрессиях за эту деятельность, а также вопрос о судимости в РСФСР. Эти поля могут дополнить информацию переписной анкеты [ср.: Там же, д. 588, л. 20–21 об.; л. 22–22 об.] и других видов анкет.

Отдельного разговора заслуживает раздел «Характеристика», где в свободной форме дается характеристика члена партии. Характери-

стики имеют разный уровень полноты и достоверности в зависимости от опыта и квалификации составляющего и степени его знакомства с характеризуемым. Иногда характеристика прикладывалась на отдельном листе, а соответствующее поле не заполнялось [см., например: Там же, д. 624, л. 294–294 об., 296–296 об; д. 626, л. 28–29 об.]; при этом она была составлена по тем же принципам и с теми же особенностями, что и характеристика в поле личного листка [см., например: Там же, д. 624, л. 295–295 об.; д. 626, л. 137–137 об.].

В рассматриваемую группу представляется логичным включить документ, который, судя по содержанию, служил вкладышем или дополнением к личному листу. Тип документа на нем не обозначался, просто ставилась пометка «К личному листу № ___» [см., например: Там же, д. 624, л. 160–160а об.]. Этот документ, условно называемый «дополнением к личному листу», содержит отметки вспомогательного характера, касающиеся изменения рода деятельности, выполнения специальных заданий, партийных мобилизаций, наложенных взысканий (в том числе, перевод из членов в кандидаты и исключение из РКП(б) с указанием причин и ссылкой на соответствующий протокол). Здесь же имеются отметки о выбытии и прибытии, перерыве в работе с указанием причин. Предусмотрено место для разных отметок и даже есть графа, предназначенная для характеристики (во многих документах оставлена незаполненной). Эта информация расширяет и дополняет сведения личного листка и других документов личного учета, а иногда может выступать в качестве самостоятельного источника.

Личная регистрационная карточка содержит собой значительно сокращенный по сравнению с личным листком набор полей (год рождения, социальное положение, языки, хорошо известные местности России [см., например: Там же, д. 590, л. 316–316а об.]). Три страницы формуляра из четырех отведены для фиксации командировок, передвижений, учета деятельности (включая исполнение партийных обязанностей и уплату членских взносов по месяцам). В конце формы предусмотрено место для записи налагаемых взысканий. Такой набор сведений был ориентирован на текущую деятельность и отличается относительно высокой степенью достоверности текущих данных, поскольку на их использовании была основана административная и финансовая деятельность местных партийных организаций (как правило, ячеек и волостных комитетов РКП(б)).

К документам специального учета можно отнести личные карточки и анкеты, предназначенные для партийных организаций Красной армии и флота [см., например: Там же, д. 592, л. 6–7 об.], а также некоторые другие документы в составе личных дел, например, карточка военнослужащего частей особого назначения [Там же, д. 613,

л. 215–215 об.] или личная карточка коммуниста Западного военного округа [Там же, д. 561, л. 218–218 об.]. Военная специфика документов состоит в наличии подробной информации о прохождении военной службы, причем не только в Красной, но и в царской армии. Не обойдены вниманием работа в партийных, советских и профсоюзных учреждениях и организациях, состояние здоровья, нахождение под судом и следствием после революции. Отдельно следовало дать сведения о партийной и политической работе в составе других партий (по периодам до февраля 1917 г. и за февраль – октябрь 1917 г.), участие в Октябрьском перевороте, о партийных взысканиях (при наличии). Партийная работа и взаимоотношения с судебными органами описываются более подробно, чем в личных листках и анкетах других типов, что позволяет в некоторых случаях расширить и дополнить сведения об этих аспектах биографии коммуниста. Набор данных в описываемых типах документов позволяет использовать их как вместе, так и вместо личного листка и личной регистрационной карточки в делах красноармейцев и краснофлотцев –членов РКП(б).

Документы с условным названием «опросные листы» выделяются среди остальных анкетных форм структурой и содержанием, обусловленными целями их создания. Опросные листы первой группы были предназначены для сбора данных о выходящих из партии, с особенным вниманием к сведениям о том, что побудило их вступить в партию и из нее выйти. Эти данные не отражены в других источниках анкетного типа и позволяют дополнить картину социальных процессов в партии.

Вопрос о причинах вступления в РКП(б) предполагал отметки, о том, собственное ли это было решение опрашиваемого или результат постороннего влияния, знал ли опрашиваемый до вступления в РКП(б) Программу и Устав партии, предшествовали ли вступлению размышления о задачах партии. Сведения о партийной деятельности также включали характеристику работы в комиссиях, информацию о посещении собраний, митингов, бесед, субботников, о наложенных дисциплинарных взысканиях. Поле «Что побудило выйти из партии» может быть предметом отдельного анализа, поскольку обычно здесь развернуто описаны одна или несколько причин выхода из партии в весьма широком спектре, от болезни, семейных и материальных условий до конкретных, например, «перемена тактики партии после X-го съезда» или «продовольственный кризис и связанное с ним положение, настроения в массах» [Там же, д. 567, л. 277–277 об.].

Опросные листы второй группы использовались для составления развернутой характеристики по заданному шаблону с ответами на 16 приводимых в анкете вопросов и заключением, в котором ха-

рактеризовались общая пригодность к работе определенного вида и направленности, масштаб (уездный, губернский, волостной) и категория работника [см., например: Там же, д. 571, л. 280–281 об.]. Помимо встречающихся и в личном листке вопросов об образовании, марксисткой подготовке и стаже практической работы, требовалось дать оценку «способности применения марксистской теории к явлениям жизни». Такой вопрос явно сформулирован только в документах описываемой группы и несколько расширяет представления о марксистской подготовленности конкретного члена РКП(б). Кроме того, в «опросном листе» отражены такие черты характеризуемого, как авторитетность среди рабочих, крестьян и членов партии, дисциплинированность, инициативность, настойчивость в проведении принятых решений, постановка целей, организованность и способность поддерживать рабочие контакты. Этот набор характеристик, дополняющий информацию других источников, позволяет составить портрет не только руководителя и ответственного работника, но и исполнителя с возможностью будущего карьерного повышения, что было немаловажно для кадровой политики. Не менее интересны вопросы о склонности к склокам и созданию группировок, умении владеть собой и признавать свои ошибки. В целом, с помощью ответов на предложенные в «опросном листе» вопросы формируется более структурированная и развернутая характеристика члена партии, чем даваемая в свободной форме, поэтому влияние квалификации составителя текста на его информативность несколько снижается. Тем не менее, характеристике в форме опроса присущи те же особенности, что и характеристике в свободной форме: использование клише, возможная неполнота и противоречия в оценках, зависимость информативности и достоверности от уровня подготовки составителя.

Анкетам и опросникам присущи все особенности структурированных и частично структурированных массовых источников, поэтому для их обработки целесообразно применять специально разработанные методы. Общими для этих документов являются ориентированность на персональную информацию, внимание к социальной и, зачастую, национальной идентичности члена РКП(б), идеологическая окрашенность.

Данные источники могут быть использованы в исследованиях широкого спектра по истории Екатеринбургской губернии 1921–1924 гг. Это может быть формирование портрета различных социальных групп и слоев на основе предоставляемой выборки, исследования истории повседневности, генеалогические исследования, широчайший спектр историко-демографических исследований (например, история семьи и особенности брачного поведения, миграции,

социально-профессиональная структура, карьерные стратегии); просопографические исследования, касающиеся как партийной организации в целом, так и отдельных партийных органов и их должностных лиц; изучение представлений об идеальном образе члена партии и их соответствия характеристикам реально существующих партийных работников. Кроме того, информация рассматриваемых видов источников может быть использована в историко-партийных исследованиях, особенно в части политики формирования партийных организаций и процессов формирования личного состава партии, мотивов и причин выхода из партии (добровольного и в качестве взыскания). Имеющиеся сведения также могут быть полезны при оценке степени влияния социалистических идей на демографические процессы, социальную мобильность, формирование социального облика коммуниста и его убеждений. Личные анкеты и опросные листы остаются важным источником данных, необходимых для исследования состава и структуры партийных организаций, характеристики социальных группировок коммунистов, в том числе, с помощью количественных методов.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Екатеринбургский губернский комитет РКП(б).

Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика. Киев : Изд-во при Киев. гос. ун-те «Изд. об-ние “Вища школа”», 1984.

Воробьев С. В. Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х годов: сравнительный анализ массовых источников // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 314–323.

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х годов: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг. как источник по истории семьи // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 8–9 окт. 2015 г.). Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. С. 285–288.

Мазур О. А. База данных «Социальный облик коммунистов 20-х годов на Урале» // Региональный банк данных: Урал в XX веке: тез. рабочего совещ. (Екатеринбург, нояб. 1993 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. С. 32–34.

Мазур О. А. Всероссийская партийная перепись 1922 г. // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (Свердловск, 23–25 октября 1990 г.). Вып. 2. Источниковедение. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 78–81.

Наумов О. В., Шепелев В. Н. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Вопр. ист. КПСС. 1986. № 4. С. 48–62.

Пашкова И. А. Социальный портрет партийной номенклатуры 20-х годов (опыт создания базы данных) // Региональный банк данных: Урал в XX веке : тез. рабочего совещ. (Екатеринбург, ноябрь 1993 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. С. 34–35.

Mazur L., Gorbachev O. Primary sources on the history of the Soviet family in the twentieth century: an analytical review // The History of the Family. 2016. Vol. 21. № 1. P. 101–120.

УДК 930.2

Н. В. Веселкова

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ХРУПКИЕ АКТАНТЫ[1]

Представленные размышления вращаются вокруг концепции документальной памяти В. П. Козлова, соотношения понятий документальной памяти и документального наследия. На примере крушения Кельнского исторического архива в 2009 г. и пожара в ИНИОНе в 2015 г. посредством аналитических ресурсов акторно-сетевого и мультискалярного подходов рассматриваются значимость и уязвимость взаимосвязанных актантов.

Ключевые слова: документальная память, документальное наследие, Кельнский архив, ИНИОН, ЮНЕСКО, масштаб, мультискалярность, акторно-сетевая теория.

3 марта 2009 г. при строительстве ветки метро в Кельне обрушился и ушел под землю городской исторический архив со всеми своими фондами. 30 января 2015 г. сильный пожар в московском Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) поглотил часть его богатой фундаментальной библиотеки. Это лишь два примера из, кажется, бесконечной череды подобных происшествий; они вполне красноречивы в напоминании о хрупкости и уязвимости документальной памяти, но действительно ли память или что-то другое находится под угрозой в случае стихийных бедствий и антропогенных катастроф, макулатурных кампаний и библиоцида? Поиск ответа на этот вопрос начнем с определения базовых понятий, затем перейдем к анализу происходящего в критической стадии (так специалист по экосоциологии и социальной рискологии Олег Николаевич Яницкий называет ситуацию после инцидента). Методологическими ориентирами служат мультискалярный подход и акторно-сетевая теория, в свете которой документы, здания и люди предстают как актанты, связанные в подвижные единства – сети.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)». Благодарю О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур, Н. Ю. Соколову за содействие в доступе к публикациям.

© Веселкова Н. В., 2021

Документальная память и документальное наследие

Заслуга концептуализации и введения в современный научный оборот понятия документальной памяти в ее соотношении с документальным наследием принадлежит Владимиру Петровичу Козлову, член-корреспонденту РАН, в девяностые и нулевые руководившему Росархивом. Документальная память – это особый тип исторической памяти, «обобщающее обозначение всего информационного массива, закрепленного в процессе бытования документов как оперативных регуляторов человеческой деятельности», в этом смысле она не имеет границ, ибо каждый возникающий документ сам по себе есть «запоминание о мгновении действительности». Удостоенные сохранения материалы образуют уже не просто документальную, а документальную историческую память, одновременно образуя документальное наследие [Козлов, 2017, с. 5, 144; ср.: Мазур, 2018].

Выражения «документальное наследие» и «документальная память» оказываются востребованы на рубеже 1980–1990-х гг., хотя появляются, конечно, много раньше. Понятие «документальное наследие», которым с 1992 г. оперирует программа ЮНЕСКО «Память Мира», в российских источниках встречаем уже в январе 1927 г., когда заместитель заведующего Истпартом Ф. Н. Самойлов призывал использовать 10-летний юбилей Октябрьской революции, «чтобы продвинуть в массы сознание необходимости спасения документального наследия», дабы историки будущего имели «достаточный материал для работы» [2-я Конференция …, 1927, с. 54]. Наследие «царизма» могло сопровождаться самыми нелестными эпитетами, но тогда это был едва ли не единственно возможный способ позитивно говорить о прошлом. Архивисты признавались хранителями «документального наследия прошлого государственной жизни страны» [После конференции, 1927, с. 4].

Приведенные формулировки 1927 г. (более ранних найти пока не удалось) принадлежат журналу Центрархива РСФСР «Архивное дело» и очень хорошо демонстрируют свойства дискурса, выражением которого сами являются – профессиональность и государственность. И в дальнейшем на протяжении XX в. понятие документального наследия соотносится, как правило, с масштабом нации-государства. Профессиональность и государственность прослеживаются не только по текстам, но и по статусу издания и автора. Так, первая диссертация, в названии которой фигурирует «документальное наследие», была защищена в 1968 г. С. И. Кузьминым, в будущем главным редактором журнала «Советские архивы», а тогда начальником отдела научно-технической информации недавно созданного Всесоюзного НИИ

документоведения и архивного дела, затем зам. директора по научной работе ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ) [Кузьмин, 1968], после защиты перешедшим в аппарат ЦК КПСС [Историки-архивисты, 2001].

Не менее показательно и то, что в 1971 г. немецкое выражение «Überlieferungsbildung», переведенное на английский как «формирование документального наследия» или просто «документальное наследие»[2], прозвучало в выступлении не кого иного, как руководителя федерального архива ФРГ Ганса Бумса. В качестве источника вдохновения он называет статью 1969 г. восточногерманского архивиста Ганса-Иоахима Шрекенбаха об экспертизе ценности информации [Booms et al., 1984, p. 72–73]. Не углубляясь далее в генеалогию идеи, отметим рубеж 1960–1970-х как время, когда профессиональное сообщество по обе стороны «занавеса» находилось на подступах к концептуализации понятия документального наследия.

В наши дни В. П. Козлов рассматривает документальное наследие, отталкиваясь от более общего понятия историко-культурного достояния. Под таковым он несколько идеалистически понимает «все то, что остается нам от прошлого, сохранившись без изменения от воздействий» не только небрежения и различных катаклизмов, но и «наслоений повседневности», – «ландшафты, здания и сооружения, фольклор, традиции и обычаи, предметы труда, быта, отдыха, транспорта, вооружения и т. д.» [Козлов, 2017, с. 145]. Если в государственно-профессиональной оптике основными институциями сохранения оказываются архивы (специализируются на сохранении документов), библиотеки (книги) и музеи (предметы), то ЮНЕСКО выделяет и институции иного рода: общественные помещения, залы для собраний, храмы, церкви, мечети и т. п. [Память мира, 2002]. Козлов полагает, что именно архивный документ является основным носителем исторической памяти, ибо, в терминологии автора, отражает жизнь наиболее полно и приближенно, в сравнении с музейным предметом и книгой [Козлов, 2017, с. 146–148]. ЮНЕСКО, напротив, отталкивается в первую очередь от библиотечных собраний.

Хрупкость и что она обнажает и активирует

Концепция В. П. Козлова содержит набор свойств документальной исторической памяти, из которых по крайней мере два – неизмен-

[2] Переработанный и расширенный вариант речи Г. Бумса на открытии Германской архивной конференции 1971 г. был опубликован на немецком языке в 1972 г. и спустя 15 лет – на английском под названием «Общество и документальное наследие» в канадском журнале «Archivaria». Германа Йолдерсма и Ричард Клюмпенхауэр, переводчики и авторы предисловия и примечаний, обстоятельно объясняют выбор выражения «документальное наследие» для Überlieferungsbildung [Booms et al., 1984, p. 69].

ности и вечного хранения – словно намеренно дразнят противостоящие им риски и реалии повреждений вплоть до полного уничтожения. О. Н. Яницкий после пожара в ИНИОН напоминал, что «в обществе всеобщего риска … нет абсолютно безопасных мест» [Яницкий, 2016, с. 238]. Озаботившись уязвимостью хранящихся документов, ЮНЕСКО в начале 1990-х гг. выделила их в отдельный вид наследия – документальное, тогда же был составлен список разрушенных в XX в. библиотек и архивов и выпущен доклад об «утраченной памяти» [Memory of the world, 1996; Память мира, 2002; Усачева, 2017, с. 79].

Программа ЮНЕСКО «Память мира» с ее фокусом на наследии международного, макрорегионального и национального значения, а также периодически вспыхивающие обсуждения очередных катастроф высвечивают производство смыслов через размещение происходящего на пространственных и временных шкалах (предмет мультискалярного анализа [см., напр., Веселкова и др., 2017]), когда оцениваются значимость, «ранг»:

а) фондов,
б) институции как учреждения и как здания,
в) самой катастрофы и совладания с ней.

Обратимся к приведенным в начале статьи примерам. Кельнский исторический архив имеет статус городского, при этом крупнейшего из муниципальных в Германии и в целом к северу от Альп, библиотеку ИНИОН описывают как федеральную, по объемам фондов четвертую в России. Временной масштаб устанавливается через глубину документальной памяти: ИНИОН располагает документами с начала XVI в. [Общая информация…]; в Кельнском архиве самый древний датируется 922 г., но бесценны и недавние материалы, скажем, времен бургомистерства в Кельне К. Аденауэра, архив Г. Белля и т. п. [Schmidt-Czaia, p. 23, цит. по: Osborne, 2014, p. 4]. На временной шкале размещают и сами институции: Кельнский архив начал формироваться в средние века [Рахманова, 2009], библиотека ИНИОН ведет свою историю с 1918 г. – времени создания Социалистической академии общественных наук, вобравшей в свою библиотеку несколько богатых дореволюционных собраний [Общая информация…; Соколова, 2020а].

Оба наших фигуранта, и библиотека, и архив, в начале 1970-х въехали в новые, с иголочки, здания – воплощение не иссякшей тогда еще веры в технический прогресс. Построенный в конце 1960-х и введенный в строй в 1974 г. ИНИОН на Нахимовском проспекте сегодня обсуждают как жемчужину поздне-советского модернизма, пожар помог привлечь внимание к этому слою архитектурного наследия. На этапе проектирования ИНИОН входил в число девяти сооруже-

ний, задуманных как «научный городок», продолжение легендарных Новых Черемушек. И хотя не все удалось реализовать, специалисты говорят о сложившемся здесь модернистском градостроительном ансамбле – общем пространстве разных наук [Казакова, 2020; Башева, 2018 с. 104]. На особый статус науки эффективно работали и архитектурные, и инженерные решения ИНИОНа: проход по эспланаде над водой, создающий «образ парящего в воздухе здания» снаружи и много воздуха, простора внутри благодаря стеклянным перегородкам, огромным окнам и зенитным фонарям в потолке [Броновицкая, Малинин, 2016; Кривошеина, Классен, 2018; Казакова, 2020]. В отношении построенного в 1971 г. здания архива на Северинштрассе подчеркивают искусную систему естественного кондиционирования воздуха, получившую название «кельнской модели», настолько сильно она выделялась на фоне повального увлечения искусственным кондиционированием [Sagstetter, 2004, s. 330; Osborne, 2014, p. 4].

Здания оценивают и с точки зрения преемственности: идею «кельнской модели» естественного кондиционирования подсказала ратушная башня XV в., где изначально хранился городской архив [Sagstetter, 2004, s. 331–332]. Для ИНИОНа отмечают творчески заимствованные достижения прославленных архитекторов ле Корбюзье, А. Аалто, О. Нимейера. Значимо и прежнее пристанище библиотеки на Знаменке – по выражению Н. Ю. Соколовой, оно было органичной частью живого библиотечного организма, его «коллективного разума»; в новое здание перекочевало культовое название «Белый зал», но не былой «колорит» [Соколова, 2020б, с. 162]. Впрочем, ИНИОНу удалось создать собственную атмосферу свободы, многообразия и творчества [Глебова, 2018, с. 11; Ядова, 2018, с. 36]. Не только о богатстве и доступности фондов, но и об этой атмосфере горевали причастные к институции люди в момент катастрофы.

Именно так, как гуманитарную и культурную катастрофу, квалифицируют случившееся и в том, и в другом случае. Директор Кельнского архива Беттина Шмидт-Чайя делилась первыми ощущениями, когда казалось, что потеряна вся память города, Дора Осборн использует термин «архивный скандал», у сотрудников ИНИОНа находим сравнение с войной [Schmidt-Czaia; Osborne, 2014; Глебова, 2016, с. 4].

Помимо спасательных работ важнейшей частью совладания с ситуацией становится ее осмысление, от установления аналогов и до культурной проработки. Поиск аналогов выполняет важную работу по «нормализации» чрезвычайного происшествия, по определению взрывающего нормальность. На одной чаше весов оказывается каждый раз свой собственный, ни на что не похожий характер бедствия, на другой – широчайшая палитра подобных происшествий.

В качестве товарища по несчастью обычно выбирают ближайший по времени инцидент в своей стране: для Кельнского архива им стал пожар в библиотеке Анны Амалии в Веймаре 2004 г. [Bowen, 2009; Fuchs, 2014], для ИНИОНа – пожар в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде в 1988 г. [Яницкий, 2016, с. 248; Башева, 2018, с. 99]. Связь может быть установлена и через фигуры экспертов: как показывает В. П. Леонов, участие мирового эксперта по спасению книжных фондов Питера Уотерса объединяет ситуацию ленинградской библиотеки 1988 г. с затоплением Национальной центральной библиотеки Флоренции в 1966 г. [Леонов, 2017]. Можно видеть, как постепенно, но неуклонно удлиняется временная шкала: событие из наших дней соединяется с инцидентами, отстоящими сначала на несколько лет, перешагивает границу XX в., затем устремляется к его середине…

Масштаб бедствия в ИНИОНе оценивают как национальный и мировой [Шевяков, 2015; Яницкий, 2015], для Кельнского архива чаще говорят о национальном и региональном масштабе. Происшествия выявили общие моменты – от плохого состояния зданий до институциональных проблем и особенностей мобилизации гражданского общества. Пострадавшие институции стали по-новому видимы для широкой публики [Osborne, 2014]; среди волонтеров ИНИОНа встречались даже те, кто ранее вообще не знали о его существовании, хотя действительно чрезвычайным событием постигшая его беда стала лишь для отдельных групп населения [Башева, 2018, с. 100, 110–111].

Расширить рамки призвана культурная проработка произошедшего посредством выставок, пьес, публикаций. Д. Осборн показывает, как это происходит в Кельне. Фотограф Райнхард Матц в контексте деятельности независимой местной группы ArchivKomplex к третьей годовщине инцидента создал выставку «24 предложения о 8 минутах» (2012–2015 гг.): по одному предложению на серии плакатов, закрепленных на металлическом ограждении места катастрофы, которые складывались в рассказ об архиве и его крушении [24 Sätze …; ср. Osborne, 2014, p. 8–9], видеоперформансы художницы Тани Ури и пьеса Эльфриды Елинек “Das Werk / Im Bus / Ein Sturz” демонстрируют возможности художественной проработки в спектре от очень личных до публичных прочтений [Cologne…, 2009; Osborne, 2014, p. 12–30].

Работой памяти и своеобразным ответом на бедствия являются специальные публикации, посвященные истории институций. Яницкий в 2015 г. сетовал на малое количество текстов по истории ИНИОНа, связывая это с общей неразвитостью науковедения в области гуманитарных наук [Яницкий, 2015, с. 6]. Этот пробел начал заполняться: появились два сборника воспоминаний, исследователь-

ские публикации [Соколова 2020б]. Через год после крушения Кельнского архива также была выпущена посвященная ему книга [Schmidt-Czaia, Soénius, 2010].

Заключение. Новая жизнестойкость?

Цифровые оптимисты видят спасение в тотальной оцифровке, скептики охлаждают их пыл: «Современные технические средства просто не могут обеспечить полную стабильность электронных документов во времени», поэтому для них понятие неизменности переосмысляется [Прозорова, 2017, с. 19]. Авторитетное суждение Лайоша Кёрменди о том, что «электронные документы не могут быть сохранены в своем первоначальном состоянии в течение сотен или даже десятков лет», становясь нечитаемыми гораздо раньше, обобщает ситуацию, уже хорошо знакомую практикующим специалистам. Решение видится в гибридных системах, когда создание и циркуляция документов происходят с использованием электронного носителя, а завершенные документы хранятся на бумаге [Kecskeméti, Körmendy, 2014, p. 163–164, 173–174, цит. по: Прозорова, 2017, с. 25]. Электронные документы и оцифрованные копии, таким образом, обладают своей собственной хрупкостью.

Помимо гибридного сочетания разных типов носителей, компромиссные решения задействуют «силу слабых связей». После обрушения Кельнского архива возникла идея сбора репрографических изображений архивных документов, которые могли находиться у частных лиц и учреждений, и уже через несколько дней был основан Цифровой исторический архив города Кельн [Carl, Rutz, 2012; Das Digitale…]. С подобным призывом совсем недавно, после пожара 18 апреля 2021 г., обратилась и университетская библиотека Кейптауна: исследователей со всего мира просят загружать в специально созданную интернет-форму имеющиеся у них копии документов из фондов библиотеки, вплоть до снимков на мобильные телефоны [Требуется помощь…]. У каждого хранилища есть распределенный между множеством участников «пользовательский архив», тем более полный, чем интенсивнее и свободнее происходит копирование.

Вместе с тем, цифровые хранилища имеют свою материальность и также подвержены бедствиям – из-за крупного пожара во внешнем центре обработки данных в марте 2021 г. некоторое время был недоступен теперь уже не «бумажный», а Цифровой исторический архив города Кельн [Digitales…]. Ряд специалистов считает «цифровую память» более хрупкой, чем аналоговая [Сафронова, 2020, с. 389]. Все это побуждает задуматься об относительности или даже ограничен-

ности свойств вечного хранения и неизменчивости, а также о роли не только государственно-централизованной и статусно-профессиональной, но и распределенной, частичной, «непрофессиональной» документальной памяти.

Башева О. А. Специфика городской катастрофы на примере пожара в ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология : реф. журн. 2018. № 2. С. 99–116.

Броновицкая А., Малинин Н. ИНИОН: идеальная библиотека и цитадель «лириков»-гуманитариев // ARCHI.ru. 2016. 9 авг. URL: https://archi.ru/russia/69999/inion-idealnaya-biblioteka-i-citadel-lirikov-gumanitariev (дата обращения: 29.04.21).

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологич. обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

2-я Конференция архивных работников РСФСР 11–15 января 1927 г. (краткий отчет) // Архивное дело. 1927. Вып. 11–12. С. 3–82.

Глебова И. И. «Труды...»-6: о текстах и контекстах (от редактора) // Труды по россиеведению. 2016. № 6. С. 5–16.

Глебова И. И. «Труды»-2018: о текстах и контекстах (от редактора) // Труды по россиеведению. 2018. № 7. С. 10–19.

Историки-архивисты // Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000). Путеводитель. Т. 5. 2001. URL: https://guides.rusarchives.ru/node/2133 (дата обращения: 29.04.21).

Казакова О. ИНИОН РАН: восставший из пепла // Проект Россия. 2020. 28 нояб. URL: https://prorus.ru/interviews/inion-ran (дата обращения: 29.04.21).

Козлов В. П. Документальная память в археографическом знании. М.: Древлехранилище, 2017.

Кривошеина А. А., Классен К. А. Словарь модерниста. Архитектура XX века // Избр. докл. 64-й унив. науч.-техн. конф. студентов и молодых ученых, Томск, 24 апреля 2018 г. Томск, 2018. С. 508–512.

Кузьмин С. И. Документальное наследие В. И. Ленина: Проблемы розыска и науч. описания ленинских документов (по материалам гос. архивов СССР) : автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 1968.

Леонов В. П. Питер Уотерс и библиотека Академии наук: вспоминая февральский пожар 1988 г // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 3. С. 50–64.

Мазур Л. Н. Документальная память: свойства, структура, проблемы актуализации // Архив в социуме – социум в архиве: материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 13–17.

Общая информация о Фундаментальной библиотеке // ИНИОН РАН. URL: http://inion.ru/ru/library/obshchaia-informatciia-o-fundamental-noi-biblioteke/ (дата обращения: 29.04.21).

Память мира: Общие руководящие принципы сохранения документального наследия (изд. 2002 г., пересм.) / ред. Р. Эдмондсон. Париж, 2002.

После конференции // Архивное дело. 1927. Вып. XIII. С. 3–10.

Прозорова В. Б. Полемика по книге Ш. Кечкемети, Л. Кёрменди «Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов» // Информ. общество. 2017. №. 1. С. 18–27.

Рахманова А. Цена трагедии в Кельне: две жизни и тысячелетия истории // Deutsche Welle. 2009. 10 мар. https://www.dw.com/ru/a-4086917 (дата обращения: 29.04.21).

Сафронова Ю. А. Институты медиа памяти. Вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.С. 376–390.

Соколова Н. Ю. Дореволюционные книжные собрания как основа фонда библиотеки Соцакадемии // Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук: сб. материалов науч. семинара, Москва, 30 мая 2019 г. / науч. ред. А. А. Джиго, Л. Н. Тихонова. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН, 2020а. С. 129–137. (а)

Соколова Н. Ю. Здание как источник информации о научной библиотеке – центре научных и культурных коммуникаций. Исторический аспект // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. Курган, 20–21 марта 2020 г. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. М., 2020. С. 156–163. (б)

Требуется помощь в восстановлении библиотеки после пожара в Кейптауне // East East. URL: https://easteast.world/posts/341 (дата обращения: 29.04.21).

Усачева О. А. Разрушение библиотек как один из важнейших факторов утери культурного наследия человечества // Науч. вестн. Волгоград. филиала РАНХиГС. Сер.: Политология и социология. 2017. №. 1. С. 79–82.

Шевяков Т. ИНИОН – что мы потеряли? // Лента.ру. 2015. 1 февр. URL: https://lenta.ru/articles/2015/02/01/inion/ (дата обращения: 29.04.21).

Ядова М. А. Пожар в ИНИОН РАН глазами волонтеров (опыт социологического исследования) // Россия и современный мир. 2018. №. 2 (99). С. 32–46.

Яницкий О. Н. ИНИОН: Первые размышления о гуманитарной катастрофе // Ин-т социологии РАН : офиц. сайт. 2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky_INION.pdf (дата обращения: 26.04.2021).

Яницкий О. Н. Критический социально-экологический метаболизм города // Социологический ежегодник, 2015–2016: сб. науч. тр. М., 2016. С. 237–252.

Booms H., Joldersma H, Klumpenhouwer R. Society and the Formation of a Documentary Heritage: Issues in the Appraisal of Archival Sources // Archivaria. 1984. № 24. P. 69–107.

Bowen K. Collapsed Cologne Archives Show Challenge of Preserving History // Deutsche Welle. 2009. 4 March. URL: https://p.dw.com/p/H5Tz (дата обращения: 29.04.21).

Carl J., Rutz A. Bits and Bytes instead of parchment and paper? The digital historical archive of Cologne and the future of the Cologne city archive in Web 2.0 // Archivist. Zeitschrift für Archivwesen. 2012. №. 65. S. 143–153.

Cologne, Historical Archives, October 3, 2009. Performed by Tanya Ury // MisplacedWomen? 2009. 27 Nov. URL: https://wp.me/sGTxV-fury_09 (дата обращения: 29.04.21).

Das Digitale Historische Archiv Köln. URL: http://historischesarchivkoeln.de:8080/actaproweb/welcome.xhtml (дата обращения: 13.05.21).

Digitales Historisches Archiv wieder erreichbar // Stadt Köln. URL: https://www.stadt-koeln.de/artikel/70936/index.html (дата обращения: 13.05.21).

Fuchs R. The collapse of the Cologne Historical Archive – the role of restorers and emergency plan // Care and conservation of manuscripts 14 : proceedings of the 14th international seminar held at the University of Copenhagen. Copenhagen, 2014. P. 123–148.

Kecskeméti Ch., Körmendy L. Les écrits s'envolent: la problématique de la conservation des archives papier et numériques. Favre, 2014.

Memory of the World: Lost Memory – Libraries and Archives destroyed in the Twentieth Century / prepared. for UNESCO on behalf of IFLA by Hans van der Hoeven and on behalf of ICA by Joan van Albada. Paris, 1996.

Osborne D. "Alas, alas. House, oh house!": the collapse of the Cologne City Archive // Journal of urban cultural studies. 2014. № 1. P. 395–416.

Sagstetter M. R. Klimatisierungskonzepte in jüngeren Archivgebäuden in Deutschland // Archivalische Zeitschrift, 2004. 86 (1). S. 323–355.

Schmidt-Czaia B. A Story of Rescue, Courage and Community // IQ: The RIM Quarterly. Records Management Association of Australasia. URL: https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.577380861991864 (дата обращения: 29.04.21).

Schmidt-Czaia B., Soénius U. S. (Eds.). Gedächtnisort: das Historische Archiv der Stadt Köln. Köln, 2010.

24 Sätze zu 8 Minuten von Reinhard Matz // ArchivKomplex. URL: https://www.archivkomplex.de/index.php/projekte/24-saetze (дата обращения: 29.04.21).

УДК 94(470.54-25).084.9(093)

С. В. Соколов

ДОКУМЕНТЫ СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК КАК ИСТОЧНИК ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СВЕРДЛОВСКА В 1960–1980-е гг.[1]

В статье рассматривается информационный потенциал архивных документов Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (СОО ВООПИК) относительно изучения интеллектуальной жизни Свердловска в 1960–1980-е гг. В деятельности СОО ВООПИК принимали участие многие представители интеллигенции города Свердловска. По документам ВООПИК можно проследить персональный состав и профессиональный статус руководящего звена и наиболее активных членов общества. Документы позволяют выявить проблемы, которые интеллигенция Свердловска поднимала в связи

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, проект № 20-49-660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX в.)»

© Соколов С. В., 2021

с тематикой сохранения историко-культурного наследия, а также оценить аргументацию и позиции в дискуссиях и переписке с представителями государственных и партийных органов. Документы фонда, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области, показывают, какая значительная интеллектуальная деятельность стояла за выработкой представлений о ценности определенных категорий и конкретных памятников истории и культуры.

Ключевые слова: охрана памятников, Свердловск, ВООПИК, позднесоветское общество, интеллектуальная история.

Сохранение историко-культурного наследия является одной из сфер внимания современной интеллигенции в крупных городах России. Эта деятельность, чаще всего неблагодарная, требует значительного интеллектуального и организационного ресурса. Что такое историко-культурное наследие, в чем его ценность для городского сообщества, для региона, для страны, какими способами нужно сохранять это наследие и как пропагандировать его ценность – эти и другие вопросы требуют ответа, который чаще всего формулирует достаточно узкая прослойка публичных интеллектуалов-гуманитариев, вовлеченных в деятельность по охране памятников истории и культуры. Можно утверждать, что эта деятельность достаточно давно находится в сфере внимания различных общественных деятелей, от аристократов и священнослужителей до университетских профессоров [см.: Кулемзин, 2001, с. 95–100], однако современные подходы к историко-культурному наследию тесно связаны с позднесоветским опытом. Активизация движения за сохранение памятников истории и культуры начинается в Москве в 1950-е – первой половине 1960-х гг. [Ливцов, 2011, с. 319–322]. В этот период были приложены значительные интеллектуальные и организационные усилия, выработаны основные идеи, легшие впоследствии в основу законодательных актов, защищающих историко-культурное наследие. Давление общественности в конце концов привело к созданию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1965 г.

Проблематика культурного наследия, охраны памятников, деятельности общественных организаций и государственных органов в этой области в позднесоветский период неоднократно становилась предметом научных исследований. Вместе с тем следует отметить, что обобщающих работ не так уж и много. В значительной мере имеющиеся публикации и диссертационные исследования посвящены либо деятельности государственных органов, либо работе региональных отделений ВООПИК [см., напр.: Переслегин, 2015; Союрова,

2015]. Интеллектуальная сторона деятельности по охране памятников наиболее системно раскрывается в диссертационных исследованиях А. М. Кулемзина и И. К. Бариновой [см.: Баринова, 2006; Кулемзин, 2001]. В исследовании Кулемзина показана эволюция представлений о памятниках, их историко-культурном значении, а также прослеживается, как представления о памятниках транслируются в государственную политику. Интеллектуальная работа членов ВООПИК в ней затрагивается незначительно ввиду огромного хронологического охвата работы. Исследование Бариновой в большей степени анализирует деятельность ВООПИК, однако автор главным образом сосредоточивается на ее политических аспектах.

Весьма информативный обзор деятельности ВООПИК содержится в пространной статье заместителя председателя Центрального совета организации В. А. Ливцова [см.: Ливцов, 2011]. В статье проанализирована предыстория создания организации, а также ключевые вехи в деятельности ВООПИК в советский и постсоветский период. Важно отметить, что автор много говорит о вкладе публичных интеллектуалов в формирование повестки в области защиты памятников, о персональной роли деятелей ВООПИК при организации научных и пропагандистских мероприятий, касающихся вопросов сохранения историко-культурного наследия. Конкретно по деятельности Свердловского общества исследований совсем немного. Следует отметить публикации Е. С. Лахтиновой, которая в последнее время исследует роль ВООПИК в сохранении индустриального наследия [Лахтионова, 2020].

Свердловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры было учреждено распоряжением Свердловского облисполкома 31 августа 1965 г. [см.: ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 8, л. 1] спустя пять недель после того, как Совет Министров РСФСР принял постановление о создании ВООПИК на центральном уровне [Ливцов, 2011, с. 322]. СОО ВООПИК было классическим советским «добровольным» обществом: организация имела планы по увеличению количества членов общества, выполнение которых обеспечивалось с помощью партийных, комсомольских органов, профсоюзов, то есть на «добровольно-принудительной» основе (при этом, безусловно, были и вступившие абсолютно добровольно). Членство в обществе, которое могло быть коллективным или индивидуальным, влекло за собой уплату взносов, которые обеспечивали функционирование общества – работу его аппарата, но, прежде всего, позволяли финансировать затратные реставрационные работы. На членов обще-

ства была в первую очередь нацелена пропаганда историко-культурного наследия: проводились лекции, распространялись просветительские материалы.

Реальную постоянную работу в СОО ВООПИК выполнял его немногочисленный аппарат (председатель, заместитель и члены Совета общества), руководители ячеек в городах области, а также представители свердловской интеллигенции (как правило, преподаватели вузов Свердловска, сотрудники музеев, журналисты, писатели, краеведы). Среди них были довольно известные личности, такие как профессор УрГУ А. Г. Козлов или писатель Б. А. Рябинин.

Документы СОО ВООПИК, отложившиеся в фонде 250 Центра документации общественных организаций Свердловской области, состоят из нормативно-правовых документов, разнообразной документации аппарата общества (протоколы съездов и пленумов центральных органов общества, руководящих органов СОО ВООПИК, документов по штатному расписанию, финансовых документов и т. д.), а также из переписки СОО ВООПИК, различных списков памятников (выявленных, поставленных на учет, утраченных), документов городских и районных отделений общества, документов секций (памятников истории, памятников архитектуры, изобразительного и народного искусства, памятников советского общества, памятников науки и техники), газетных и журнальных публикаций о деятельности общества, справок и т. д. Фонд охватывает период с 1945 по 1998 гг. Наиболее полно представлены документы за 1965–1991 гг.

Основная тема, которую можно изучать по имеющимся документам – это практическая деятельность СОО ВООПИК по выявлению, учету и реставрации памятников истории и культуры. Эта деятельность была постоянно сопряжена с серьезной подготовительной работой и научными изысканиями в области истории конкретных памятников. Привлекавшиеся к этой работе историки, краеведы, музейные работники, как правило, должны были сформулировать, в чем состоит историко-культурная ценность памятника. Значительный интерес в этом плане представляют документы городских и районных отделений, а также секций, где шла основная интеллектуальная работа. Например, в 1981 г. в соответствии с решением Президиума Центрального совета ВООПИК создаются секции истории памятников науки и техники. Вопрос сохранения памятников этого типа был достаточно новым для общества и требовал теоретической проработки. Нужно было ответить на вопрос, что понимается под памятниками истории науки и техники и почему их требуется сохранять. Эти вопросы ста-

ралась разрешить секция истории памятников науки и техники СОО ВООПИК [см.: ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 185], после чего составлялся список памятников и проводилось их обследование [см., напр.: ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 233].

Значительная часть деятельности общества была связана с пропагандой историко-культурного наследия. В пропаганде участвовали члены совета общества, активисты, имеющие соответствующую квалификацию, а также лекторы общества «Знание». Их координацию осуществляла секция пропаганды. В документах общества отразилась тематика пропагандистских мероприятий (главным образом, лекций) [см., напр.: ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 228], по которым можно сделать вывод о том, что именно считали основным и наиболее важным члены СОО ВООПИК в своей коммуникации с общественностью. Секция пропаганды, а также другие секции вели активную работу по обоснованию значимости историко-культурного наследия.

Очень важно отметить, что документы ВООПИК позволяют установить персональный состав наиболее активных членов общества, выделить темы, которыми они занимались. Как правило, Совет общества, давая поручения активистам по разработке той или иной темы, учитывал их профессиональные познания и области интересов. Изучая документы ВООПИК, можно выделить наиболее активных членов общества, выявить проблематику, которой они занимались, оценить их интеллектуальный и организационный вклад в дело защиты памятников истории и культуры в Свердловской области.

Весьма интересным свидетельством интеллектуальной жизни Свердловска являются материалы дискуссии по общественному обсуждению конкурсных проектов по застройке центрального микрорайона, состоявшейся в 1986 г. [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 283, л. 17–30]. Обсуждение было связано с обязательством государственных органов согласовывать перспективные планы застройки с представителями ВООПИК. Бесконечные и очень жаркие дебаты по поводу планов застройки происходили, например, в Москве между активистами и ГлавАПУ [Ливцов, 2011, с. 324–325]. В Свердловске отношения между активистами и городским управлением архитектуры также были довольно напряженными. В переписке с управлением архитектуры СОО ВООПИК формулировало основные критерии ценности памятников, приводило доводы в пользу значимости конкретных объектов и ансамблей [см., напр.: ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 166, 272, 273]. В дискуссии, состоявшейся в 1986 г., общественные деятели Свердловска старались обосновать идею о том, почему исторический

центр Свердловска нуждается в охране, какие потери влечет за собой уничтожение памятников.

Еще одним весьма интересным примером организационной работы, сопровождавшейся активными поисками аргументации, являлась кампания в защиту дома Н. Н. Ипатьева. Свердловская интеллигенция с 1975 г. знала о планах по сносу Ипатьевского дома. По инициативе СОО ВООПИК дом еще в 1974 г. был поставлен на охрану как объект культурного наследия республиканского значения [Слукин, 1998, с. 108]. Однако все это не помешало принять решение о сносе. В кампанию по защите дома активно включилось СОО ВООПИК. В документах общества отразилась напряженная работа: записки, переписка, требования о сохранении дома. Главным аргументом, сформулированным ВООПИК в пользу сохранения дома, была его ценность как историко-революционного памятника [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 123, л. 89, 93]. Категория памятников Революции и Гражданской войны постоянно присутствует в документах, готовившихся обществом во второй половине 1960–1970-е гг. В отличие от раннесоветского периода аргументация по сохранению дома Ипатьева строилась не на гордости по поводу самого факта расстрела бывшего императора, его семьи и слуг, но на историко-революционном значении сооружения.

В совокупности с другими документами, научными публикациями и материалами СМИ документы ВООПИК позволяют проследить интеллектуальную жизнь свердловской интеллигенции, проблематику в сфере сохранения историко-культурного наследия, занимавшую умы ее лучших представителей, проблемы, вставшие на их пути, аргументацию в дискуссиях и непосредственную практическую деятельность по охране памятников.

Баринова И. К. Охрана памятников истории и искусства в культурной политике Российской Федерации: 1917–1999 гг. : дис. … докт. ист. наук. М., 2006.

Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление : дис. … докт. культурологии. Томск, 2001.

Лахтионова Е. С. Деятельность Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1960–1980-е гг. в сфере сохранения индустриального наследия // Индустриальное наследие как ресурс развития. Варианты стратегий. 300+ : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Нижний Тагил : Н.-Тагил. музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2020. С. 128–133.

Ливцов В. А. Участие Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской

Федерации // 75 лет Пакту Рериха : материалы междунар. конф. М. : Мастер-Банк, 2011. С. 317–336.

Переслегин Н. В. История становления и развития органов охраны архитектурного наследия Москвы в контексте их взаимодействия с обществом в советский период (1917–1991) : дис. … канд. архитектуры. М., 2015.

Слукин В. М. Вознесенская горка // Изв. Урал. гос. ун-та. 1998. № 9. С. 101–113.

Союрова А. В. Охрана памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1917–1991 гг. (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) : дис. … канд. историч. наук. Екатеринбург, 2015.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 250. Свердловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

УДК 94(470.5).05/.065(093):33

К. А. Уланов

ЖУРНАЛЫ УПРАВИТЕЛЕЙ КАЗЕННЫХ КАРАВАНОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.[1]

Рассматриваются путевые журналы караванных управителей казенных караванов с продукцией уральских заводов, следующих в Москву и Санкт-Петербург в первой половине XVIII века. Журналы могут выступать основой для реконструкции пути следования караванов, порядка найма работников, служить источником информации для сравнения основных характеристик караванов.

Ключевые слова: Урал, караван, Чусовая, коломенка, пристань, караванный управитель

Важнейшими источниками, позволившими реконструировать весь путь движения казенных караванов, выступили путевые журналы караванных управителей, включающие поденную запись о плавании судов, сведения о приказах команде, взаимодействии с региональными властями. В статье ставится цель показать информационный потенциал путевых журналов, продемонстрировать, насколько сведения, зафиксированные в них, пригодны для реконструкции пути следования судов в Москву и Санкт-Петербург.

Путевые журналы караванных управителей уральских казенных караванов хранятся в Государственном архиве Свердловской обла-

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

© Уланов К. А., 2021

сти (ГАСО) в фонде 24 «Уральское горное управление». Большинство журналов сформированы в отдельные дела [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 330; оп. 2, д. 1826; 1829; 1833; 1834; 1835], однако часть журналов включены в состав дел, заголовки которых никак не указывает на их наличие [Там же, оп. 1, д. 779, л. 143 об. – 209; д. 348, л. 377–415 об.], что затрудняет поиск журналов среди множества иных документов. Журналы караванных управителей представляют собой поденную запись в виде таблицы из двух граф, в первой из которых указывалась дата, во второй – краткий перечень событий, произошедших за день.

Рис. 1. Фрагмент путевого журнала караванного управителя Никифора Клеопина (ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 330, л. 1).

Журналами (юрналами, диурналами) в России с конца XVII в. называли разные по своему целевому назначению источники. В составленном по распоряжению Петра I словаре иностранных слов, входивших в русскую речь, «юрнал» определялся как «поденная записка всяких случаев» [см.: Лексикон, 1948, с. 65]. Это название стали носить и военные «юрналы», которые нередко сам Петр I и его современники называли «диариушем» («диарушем»), «денными записками», «повседневными записками», которые были не личными дневниками, а официальными отчетными документами, составленными в походных канцеляриях [Майкова, 1969, с. 370]. Обязательное ведение корабельных журналов было установлено в 1702 г. Записки в них велись в хронологическом порядке с указанием даты, а иногда и точного времени [Чекунова, 2011, с. 318].

В казенных караванах с продукцией уральских заводов путевой журнал начинал вестись с момента отбытия караванного управителя из Екатеринбурга на пристань. Впервые составление путевого журнала было поручено Н. Г. Клеопину в караване 1730–1731 гг. В задачу

Н. Г. Клеопина входило подробное описание всех этапов пути для составления отчета в Берг-коллегию о мерах к улучшению караванного отправления. Результатом стало составление наиболее полного описания пути казенного каравана, прочие журналы не содержат настолько развернутых характеристик местности и условий плавания. Сведения в журнал вносил подьячий, определенный в караван. Все записи составлены в третьем лице – «караванный управитель приказал», «Н. Г. Клеопину учинил великую обиду», «караванный управитель велел записать».

Последующие путевые журналы менее подробны и содержат поденные записи о местах остановки каравана и кратко передают распоряжения, отданные караванным управителем. Записи велись ежедневно и обязательно включали место ночевки каравана, в случае отсутствия населенного пункта указывалось – «пустое место». Проблемы случались не ежедневно, поэтому журналы содержат множество повторяющихся записей отражающих состояние погоды – «ясная», «великий дождь», «с утра до вечера погода была солнечная», «в ночи погода была тихая со студеным воздухом» и т. п. и однотипных фраз, отражающих порядок и здоровье работников на караване – «все благополучно», «при коломенках[2] больных, беглых и умерших нет» и т. п. Главной задачей журналов была контрольная функция, они предоставлялись в Сибирский обер-бергамт и фактически служили основным источником по оценки действий караванного управителя.

Поэтому журналы не содержат критики деятельности караванного управителя. В них подробно отражены наказания провинившихся членов команды с указанием их проступков, например, солдат за пьянство. Однако журналы все же передают основные проблемы, с которыми сталкивался караван. Караванные управители подробно записывали сведения о своих конфликтах с региональными администрациями, указывали на причины своих действий и оправдывали решения, приведшие к остановке судов. Информацию в журналах возможно верифицировать, используя сведения иных источников. Серьезные ошибки управителя – погромы в местах остановок или полное затопление судна без возможности ремонта – приводили к длительным разбирательствам. Подобные случаи подвергались тщательной проверке со стороны Берг-коллегии и Сибирского обер-бергамта, многократно уточнялись и упоминались в рапортах, доноше-

[2] Коломенка – речная несамоходная беспалубная барка. Коломенки широко использовались с XVI по XIX вв. на реках Каме и Чусовой для перевозки хлеба и металлопродукции.

ниях и указах, что позволяет достаточно полно восстановить картину событий и выявить возможные искажения информации в журналах.

Ведение путевого журнала было закреплено за караванным управителем. Поэтому, когда он по какой-либо причине покидал караван, то записи обрывались, что не позволяет полностью реконструировать движение некоторых караванов. Так случилось в караване 1744–1745 гг., когда В. Глазов убыл в Москву с требованием доставки судов подрядом и сложил с себя обязанности управителя. В караване 1748–1749 гг. управитель С. Клепиков был взят под стражу и доставлен в Москву. На его место был отправлен берг-пробирер А. Дунилов, который стал вести свой журнал. Примечательно, что после возвращения в караван С. Клепикова в Касимове записи в его журнале возобновились.

Не все журналы, которые велись караванными управителями, описывали путь судов. Так, караванный управитель В. Глазов, вернувшись из отпуска «в дом свой», прибыл в Петербург 27 февраля 1746 г. к своей команде, которая продолжала передавать иностранным купцам железо из каравана 1744–1745 гг. Он был направлен на помощь гитен-фервальтеру Алексею Калачеву, который руководил одной из частей каравана 1746–1747 гг. караванного управителя С. Саполовского. Прибыв, В. Глазов принял у Калачева расчетные книги и приступил к передаче железа английским купцам. Записи, которые он вел, получили название «Журнал о обстоятельстве отправления казенного с сибирским железом и протчими припасы каравана 1746 году», но фактически они не содержат информации о движении каравана и посвящены организации передачи припасов и охране судов в Петербурге [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 1831].

Приведем даты прибытия и отбытия из основных мест остановок судов указанных в неполных журналах В. Глазова 1744–1745 гг. и С. Клепикова 1748–1749 гг. (табл. 1). Обрывочность сведений после достижения Нижнего Новгорода, где происходило разделение судов на следующие в Петербург и Москву, не позволяет использовать эти журналы для полного сравнения пути с прочими караванами. Однако содержащаяся в них информация все же может представлять интерес для реконструкции обстоятельств плавания судов по Чусовой, Каме, участке Волги от впадения в нее Оки и до Лаишева.

Таблица 1.

Даты прибытия и убытия казенных караванов 1744–1745 гг. и 1748–1749 гг.

Место остановки	Река	Караван 1744–1745 гг.		Караван 1748–1749 гг.	
		прибыл	отбыл	прибыл	отбыл
Уткинская пристань	Чусовая	–	09.04.1744	–	24.04.1748
Ягошиха	Кама	22.04.1744	29.04.1744	01.05.1748	08.05.1748
Лаишево	Кама	07.05.1744	22.05.1744	22.05.1748	02.06.1748
Нижний Новгород	Волга	16.06.1744	16.07.1744	20.07.1748	08.06.1749
Рыбная слобода	Волга	24.08.1744	12.09.1744	–	–

Сост. по: [Там же, д. 1829; 1833].

Помимо путевых журналов, инструкциями караванным управителям вменялось в обязанность заполнять расходные книги и журнал входящих и исходящих документов [Там же, д. 1832]. Ведение расходных книг перекладывалось на помощников, так в караване 1731–1732 гг. расходные книги находились у лейб-гвардии сержанта И. Сикорского, осуществлявшего управление военной командой. В 1750-х гг. регистрацию входящих и исходящих документов стали вести в путевых журналах, включая сведения о документах в поденную запись.

Анализ дат и мест остановок судов, указанных в журналах караванных управителей, позволяет реконструировать путь каравана, выявить наиболее важные места стоянок, время, проведенное в плавании и простой. От Уткинской пристани до Санкт-Петербурга казенный караван проходил расстояние, равное примерно 3 545 верстам[3] из которых 38 % пути караван двигался против течения рек Волги и Тверцы4. На основе анализа путевых журналов караванных управителей Н. Клеопина [Там же, оп. 1, д. 330], И. Бухвалова [Там же, д. 348, л. 377–415 об.], А. Баженова [Там же, оп. 2, д. 1826], С. Клепикова [Там же, д. 1833] удалось установить среднее время в пути каравана от чусовских пристаней до Санкт-Петербурга – 404 дня, из которых 214 дней караван зимовал в Твери. Движение каравана на участках пути против течения рек со всеми остановками занимало в среднем 116 дней. Преодоление самого протяженного участка пути по течению

[3] 1 верста = 1,067 километра.

[4] Измерение расстояния по рекам произведено при помощи онлайн сервиса построения маршрутов BRouter web client URL: https://brouter.de/brouter-web/#map=6/54.387/10.371/1021&profile=river (дата обращения: 26.01.2020).

рек от чусовских пристаней до Лаишева и от Вышнего Волочка до Санкт-Петербурга, составляющего 62 % общей протяженности маршрута, занимало 74 дня, в частности, путь по Чусовой занимал не более двух недель. Сводная таблица с датами прибытия и отбытия в ключевые места на пути следования караванов 1731, 1732, 1742, 1749, 1751 годов представлена в Прилож. 1. Таблица с расчетом времени, затраченным на путь и стоянки, представлена в Прилож. 2.

Анализируя сведения о движении караванов, необходимо учитывать, что плавание караванов происходило только в дневное время суток, ежедневно суда останавливались на ночевку. Поэтому при подсчете времени стоянки учтены только дни, когда коломенки останавливались на целый день и более. Наиболее частой причиной для остановок служил наем работников в местах, обозначенных в инструкциях караванным управителям. Во время плавания караван делился на несколько частей; в результате различных обстоятельств единичные коломенки могли отставать от основной группы судов, что не приводило к остановке всего каравана. По этой причине время простоя отдельных судов в результате чрезвычайных ситуаций также не учитывалось. Наибольшее время стоянки приходилось на зимовку в Твери или Вышнем Волочке, не менее месяца уходило на наем работников в Лаишеве, Нижнем Новгороде, Рыбной слободе.

Таким образом, журналы караванных управителей являются уникальным источником, с помощью которого можно реконструировать весь путь каравана с момента прибытия караванного управителя на Уткинскую пристань и до передачи продукции английским купцам в Петербурге. Совместив сведения о местах и продолжительности остановок различных караванов, можно судить о скорости прохождения коломенками отрезков пути. В результате сопоставления полученных сведений возможно дать оценку правильности решений, принятых караванными управителями, охарактеризовать причины остановок и неудач в караване, выявить наиболее успешные и провальные караваны.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Лексикон вокабулам новым по алфавиту // Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка: в 2 ч. Ч. 2. Вып. 2. М. : Учпедгиз, 1948.

Майкова Т. С. Военные «юрналы» петровского времени // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М. : Наука, 1969.

Чекунова А. Е. Журнал секретной Нерчинской экспедиции (1754–1758 гг.) // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М. : РГГУ, 2011.

Приложение 1.

Место остановки	Река	Караван 1731–1732 гг.		Караван 1732–1733 гг.	
		прибыл	отбыл	прибыл	отбыл
Уткинская пристань	Чусовая	–	15.04.1731	–	16.04.1732
Ягошиха	Кама	26.04.1731	30.04.1731	02.05.1732	06.05.1732
Лаишево	Кама	14.05.1731	02.06.1731	21.05.1732	30.05.1732
Нижний Новгород	Волга	06.07.1731	24.07.1731	27.06.1732	07.07.1732
Рыбная слобода	Волга	14.08.1731	30.08.1731	26.07.1732	27.07.1732
Тверь	Волга, Тверца	22.09.1731	27.04.1732	01.09.1732	8.10.1732
Вышний Волочек	Тверца, Цна	30.04.1732	03.05.1732	21.10.1732	18.05.1733
Великий Новгород	Волхов	26.05.1732	29.05.1732	27.05.1733	30.05.1733
Новая Ладога	Волхов	05.06.1732	09.06.1732	02.06.1733	06.06.1733
Шлиссельбург	Ладожский канал	14.06.1732	15.06.1732	09.06.1733	10.06.1733
Санкт-Петербург	Нева	17.06.1732	–	13.06.1733	–

Сост. по: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 330; д. 384, л. 377 – 415 об.; оп. 2, д. 1826; д. 1834; д. 1835.

Даты прибытия и убытия казенных караванов 1730–1750 гг.

Караван 1742–1743 гг.		Караван 1749–1750 гг.		Караван 1751–1752 гг.	
прибыл	отбыл	прибыл	отбыл	прибыл	отбыл
–	19.04.1742	–	21.04.1749	–	09.04.1751
30.04.1742	07.05.1742	26.04.1749	02.05.1749	17.04.1751	29.04.1751
15.05.1742	05.06.1742	17.05.1749	23.06.1749	09.05.1751	20.05.1751
10.07.1742	23.07.1742	04.07.1749	20.07.1749	21.06.1751	10.07.1751
17.08.1742	28.09.1742	21.08.1749	10.09.1749	30.07.1751	20.08.1751
24.10.1742	07.04.1743	02.10.1749	01.04.1750	21.09.1751	06.04.1752
23.04.1743	24.04.1743	08.04.1750	11.04.1750	27.04.1752	29.04.1752
05.05.1743	13.05.1743	27.04.1750	02.05.1750	14.05.1752	23.05.1752
14.05.1743	15.05.1743	07.05.1750	08.05.1750	27.05.1752	29.05.1752
19.05.1743	21.05.1743	13.05.1750	14.05.1750	02.06.1752	03.06.1752
21.05.1743	–	15.05.1750	–	05.06.1752	–

Приложение 2. Время, затраченное на путь и стоянки казенными караванами (дней)

Место остановки	Река	Даты караванов									
		1731–1732		1732–1733.		1742–1743		1749–1750		1751–1752	
		путь	стоянка	путь	стоянка	путь	стоянка	путь	стоянка	путь	стоянка
Уткинская пристань	Чусовая	11	0	16	0	11	0	5	0	8	0
Ягошиха	Кама	14	4	15	4	8	7	15	6	10	12
Лаишево	Кама	34	19	28	9	35	21	11	37	32	11
Нижний Новгород	Волга	21	18	19	10	25	13	32	16	20	19
Рыбная слобода	Волга	23	16	36	1	26	42	22	20	32	21
Тверь	Волга, Тверца	3	218	13	37	16	165	7	181	21	198
Вышний Волочек	Тверца, Цна	23	3	9	209	11	1	16	3	15	2
Великий Новгород	Волхов	7	3	3	3	1	8	5	5	4	9
Новая Ладога	Волхов	5	4	3	4	4	1	5	1	4	2
Шлиссельбург	Ладожский канал	2	1	3	1	0	2	1	1	2	1
Санкт-Петербург	Нева	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Время плавания/стоянки		143	286	145	278	137	260	119	270	148	275
Время в пути		429		423		397		389		423	

Сост. автором на основе таблицы Приложения 1.

УДК 069

О. Н. Шихова

МУЗЕЙ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ БЫ ПОСЕТИТЬ СОВРЕМЕННЫЙ ШКОЛЬНИК[1]

Музей как социальный институт представляет собой механизм меморизации социокультурного наследия общества. Статья посвящена описанию привлекательных для школьников музейных практик, обозначается проблема зыбкости традиционного подхода к восприятию «статичного» прошлого. Методом вторичного анализа приводятся количественные данные социологического исследования, характеризующие образ музея «глазами школьников». На основе социокультурного подхода осуществляется попытка объяснения интерактивности музейного пространства.

Ключевые слова: музейные практики, смысловая социализация, интерактивность музейного пространства, стратегии меморизации, «мозаичное» мышление, диалог, виртуализация экспозиций.

С музеем мы все знакомы с детства. Такое социокультурное пространство воплощает в себе вневременную связь, встречу молодого поколения с прошлым, с культурным наследием общества. Сохраняя традиции институциональной преемственности поколений, осуществляя научно-исследовательскую деятельность, музей решает не только просветительские задачи, но и работает на формирование локальной идентичности, устойчивого гражданского сознания, системы духовных ценностей личности. Особого внимания заслуживают музейные практики в контексте развития способности школьников к «раскодированию» смыслов вещей и предметов, несущих в себе символы и образы определенной эпохи. В музейном пространстве протекает уникальный латентный процесс конструирования особого меморативного диалога поколений, где представления о настоящем неизбежно наталкиваются на исторические и социокультурные факты прошлого, в ходе чего в сознании личности «прорисовывается» картина мира, появляются представления о связях и закономерностях социальной реальности.

К постановке проблемы

Восприятие музейного пространства может быть разным. Для одних это место собрания и экспонирования различных предметов – памятников естественной истории, материальной и духовной культуры.

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ).

© Шихова О. Н., 2021

Место, где можно прикоснуться к истории страны, народа или этноса; почувствовать, осознать свою принадлежность к определенной культурной, национальной, профессиональной группе. Для других музей становится «кладбищем отживших вещей», чем-то скучным и несовременным. Третьи видят в музеях окно в мир нового – актуальные дискурсы и технологии, современный взгляд на мир и его возможности. Важной стороной музейной работы, отличающей ее от простого складирования и хранения предметов истории, является обеспечение коммуникации между историей и современностью, между выставочными экспонатами и современным зрителем, посетителем музея. Вне зависимости от восприятия участие в музейном пространстве требует от посетителя «вдумчивости, сформированных образно-ассоциативных связей, способности воспринимать статичные музейные объекты» [Столяров, 2015]. В данном контексте имеет место глубокое противоречие, выраженное в том, что с одной стороны музей является уникальным пространством собирания различных культур памяти (исторической, культурной, документальной; социальной, поколенческой и т. д.), а с другой – традиционный монологичный характер меморативной трансляции становится невостребованным подрастающим поколением в силу социокультурного разрыва с особой глубиной осмысления статичных экспозиций. Это вопрос не только привлекательности музея, но и формирования культуры восприятия картины мира прошлого.

Социализация современных школьников протекает в двух мирах – реальном и виртуальном, предпочтение отдается второму. Следуя индивидуальным потребностям в непрерывной коммуникации и освоении необходимых предметных знаний, представители подрастающего поколения под воздействием Интернет-технологий склонны к восприятию визуального характера информации. В этом смысле музей сохраняет свою вневременную актуальность. Однако современная картина мира, транслируемая через информационно-коммуникативные каналы, имеет динамичную «мозаичную» конфигурацию в сознании индивида. По словам А. Моля, подобное восприятие вырабатывается в результате погружения индивидуума в поток разрозненных, неупорядоченных сообщений – он знает понемногу обо всем на свете, но структурность мышления крайне ограничена [Моль, 1973]. Неизбежность данного процесса влияет на оскудение культурного опыта школьников, на обострение проблемы формирования духовных ценностей. Как справедливо отмечают исследователи, поиск духовного основания затруднен в силу того, что молодежь столкнулась с доминированием массовой культуры, утилитарностью потребностей [Гутова и др., 2020]. Обращаясь к об-

щественному мнению о роли школьного образования, отметим, что среди приоритетов, помимо предметных знаний, подчеркивается необходимость формирования у детей широты кругозора (48 %), развития аналитического мышления и умения рассуждать (41 %), развития индивидуальных способностей и талантов (39 %) [Школьное образование…].

В силу данных процессов потенциал музейной педагогики не выразить простыми словами «актуален», «востребован», «уникален». Это практики, которые в условиях современной социокультурной динамики, еще сохраняют *смысловую социализацию* не только детей, но и взрослых. На наш взгляд, именно меру осмысленности культуры «мест памяти» (термин П. Нора), обусловленную вектором изменчивости коммеморативных практик, спецификой музейной коммуникации можно включить в число индикаторов изучения локальной идентичности. А в условиях современной открытости, изменчивости, поликультурности общества подходы к осмыслению опыта прошлого переходят в дифференцированную плоскость.

Еще в 70-е гг. XX века канадским музеологом Д. Камероном был запущен дискурс о роли музеев в обществе с точки зрения поиска культурной модели практик меморизации. Поддерживать ли традиции хранения, трансляции, интерпретации прошлого, имеющие многовековую историю в «музее-храме», либо превратиться в «музей идей» с организацией дебатов по актуальным социальным, политическим, экономическим проблемам. При этом сам автор призывал с осторожностью относиться ко второй модели, поскольку именно «храм» – это предназначение музея, которое нельзя отбирать, потому что без таких музеев не может существовать цивилизованное общество [Cameron, 1971]. В книге Нины Саймон «Партиципаторный музей» мы находим рассуждения о том, что современный музей становится инструментом, обеспечивающим желаемый опыт участия посетителей в создающемся контенте [Саймон, 2010]. Это означает, что музейное пространство перестает быть «статичным», отдавая свои ресурсы «процессуальным» практикам на принципах доверия к способностям разных посетителей создавать свое пространство встречи с прошлым. Акцент делается на разнообразии практик, активизирующих культурные потребности разных посетителей.

Таким образом, процессы глобализации и информатизации становятся факторами «институциональной рефлексивности» музея, его активного приближения к «упорядоченному использованию знаний об условиях социальной жизни в качестве составного элемента ее организации и преобразования» [Гидденс, 2003]. Новая роль музея набирает силу, он становится «системой хранения, обработки и переда-

чи интерактивных сообщений в определенном социальном контексте и направлен на определенный социальный контекст».

При этом как в зарубежной, так и в отечественной полемике обозначаются позиции в защиту традиционной роли музея. Так, Энн Чиннери в статье о новой музеологии в эпоху социальных перемен настаивает на сохранении практик «созерцания» предметов искусства и культуры [Chinnery, 2012]. Автор призывает рассматривать образовательную функцию музея с точки зрения визуального опыта рассматривания вещей и предметов прошлого в качестве основы воспитания скромности, смирения и уважения к историческим фактам и событиям. Это практика «живой» индивидуальной встречи экспоната и зрителя, эмоционального реагирования на визуальный объект. Это право на собственное толкование созерцаемых объектов.

Б. А. Столяров выражает озабоченность проблемой атрофии у молодого поколения восприятия неподвижного объекта: «Быстрое привыкание к навязанным информационными технологиями стереотипам негативно влияет на восприятие зрителем объекта культуры» [Столяров, 2015]. На сегодняшний день, как пишет автор, приходиться учить детей «смотреть и видеть» образы прошлого.

В публикациях последнего времени (Воронцова, 2017; Дриккер, Маковецкий, 2016; Мастеница, 2015; Мотина, 2013 и др.) подчеркивается важность сохранения традиционной культуры музейной коммуникации и вместе с тем понимается неизбежность включенности музея в процессы конструирования адаптивного меморативного диалога.

Сюжеты эмпирического исследования

Мы обратились к материалам проведенного в 2012–2013 гг. социологического исследования[2] на предмет вычленения образа музея, привлекательного для школьников. Интерес к этим данным продиктован пониманием необходимости активной перестройки музейного пространства под запросы аудитории, что в современном музейном дискурсе находится в фокусе обсуждения. Данный анализ можно считать своеобразной «точкой отсчета», в которой видны устойчивые традиции включения школьников в музейное пространство по модели

[2] Оценка эффективности патриотической работы, проводимой учреждениями культуры г. Екатеринбурга и Свердловской области : социол.. иссл.; по заказу Мин-ва культуры Свердловской области; 2013–2014 гг. Исследовательская группа факультета социологии Уральского государственного педагогического университета: Е. В. Лобова, О. Н. Шихова (Крутикова). Исследование было осуществлено методом анкетного опроса, в котором приняли участие 516 школьников 8–11 классов общеобразовательных школ Екатеринбурга и Свердловской области.

«музей-храм» и в то же время зачатки представлений об изменчивости культурных практик музея, которые за последние годы набирают силу. С практической стороны результаты исследования могут служить основой для моделирования методики изучения школьных музеев малых городов и описания меморативных практик.

Поскольку аудитория формирует запрос на соответствующие практики, нам стало интересно, как сами школьники видят музей, его значимость. Во-первых, в силу возраста их система ценностей и интересов находится в стадии формирования, и роль различных учреждений культуры в этом процессе трудно переоценить. Во-вторых, повседневность современной молодежи весьма технологизирована, в силу чего традиционные формы получения информации, например, посредством монологичного рассказа экскурсовода о музейной экспозиции, не вызывают особого интереса. Какие символы, образы эпохи выбирают школьники и как их запоминают?

Очевидно, что школьники чаще всего знакомятся с музеем не потому, что он им интересен, а потому что их вынуждают туда идти учителя или родители, зачастую даже «тащат насильно». Поэтому знание музеев вовсе не подразумевает личного интереса к ним. Однако память устроена так, что объект нашего интереса, то, что привлекает внимание, запоминается надолго. Поэтому школьникам был задан вопрос, какие из посещенных за последнее время выставок, экскурсий, мастер-классов им запомнились. Наибольший интерес у школьников вызывают тематические, *предметные выставки*: например, выставки фотографий, в частности выставка лучших фотографий России; школьная выставка работ учащихся (фотографии, рисунки, поделки); выставка бабочек; выставка кукол и кукольных нарядов; автомобилей и т. д.

Второе по популярности место заняли *событийные экспозиции* и мероприятия: экспозиция, посвященная Афганской войне в музее «Шурави» (УрГПУ, Екатеринбург); выставки, посвященные различным историческим периодам и революциям (музей изобразительных искусств); блокаде Ленинграда; выставка в одном из автосалонов Екатеринбурга, посвященная Формуле-1. Многим школьникам запомнились Ночь музеев и ЭКСПО-2012.

Наконец, еще одну группу составляют *персонализированные выставки и концерты*: экспозиция, посвященная разведчику Н. И. Кузнецову; выставка работ И. И. Шишкина; концерт из произведений И. Баха в филармонии.

Помимо тематики выставок интерес к музею может вызвать и увлекательная экскурсия – это отмечает каждый третий школьник

(34 %); также важны возможность прикоснуться к мировому наследию и мировая известность музея (33 %), использование новых информационных технологий (14 %).

Большую роль в формировании отношения к музеям играют экскурсоводы. От того, как они выстраивают коммуникацию с молодежью, что именно и как они рассказывают, влияет на то, придет ли школьник снова в музей. По мнению учащихся, экскурсоводы успешно справляются со своей задачей. Это свидетельствует о том, что работники музея ориентируются на потребности аудитории, умеют «говорить на языке клиентов» и могут заинтересовать современную весьма требовательную молодежь.

Большой интерес у учащихся вызывает история России, отдельные ее периоды и события. Школьники предложили посвятить музеи великим победам России и ее революциям; истории Древней Руси; истории своего города и родного края; а также истории казачества. Еще одна тематическая направленность музейной работы, интересная школьникам – фотографии. Эта тематика популярна в основном у девушек. Были предложены выставки современной фотографии, фотографий современной молодежи, фотографии улыбок и фотографии семьи. Интерес школьников к фотографической тематике подтверждается и тем, что различные фотографические выставки вошли в число наиболее запомнившихся мероприятий, посещавшихся школьниками.

Не менее интересны музеи военной тематики, прежде всего юношам. Ими были предложены такие темы экспозиций, как оружие разных эпох, вооружение рыцарей и военная одежда; выставки, посвященные гражданской войне и войне 1812 года; Великой Отечественной и русско-турецким войнам (Рис. 1).

Еще одно направление, интересное школьникам – современные технологии. Учащиеся предложили открыть музеи информационных технологий и нанотехнологий, музеи интернета и истории компьютеров, истории телефона и телевидения. Как и военная тематика, это направление интересно в основном юношам.

Планируя «свой» музей, школьники рассуждали также о том, как будут знакомиться с ним посетители. Большинство учащихся (70 %) отдали предпочтение традиционной работе экскурсовода. Помимо привычной экскурсии, школьники хотели бы видеть в своем музее и современные технологии. Почти каждый пятый хотел бы использовать мобильные приложения для самостоятельного знакомства с музеем (17 %), а также аудиогид (15 %) или организовать виртуальную экскурсию посредством интернета (14 %). Отметим, что в период проведения исследования таких практик не существовало. Примерно

Рис. 1. Предпочтения по тематике выставок (в % к числу опрошенных).

с 2015 г. начинает активно развиваться виртуализация музейного пространства. Так, на сегодняшний день 30 музеев Свердловской области имеют виртуальный тур по выставочным экспозициям (Музейное дело). В этой связи актуальны слова музееведа А. М. Разгона о том, что «только изучение и описание музейных предметов создает подлинно научную базу для использования памятников материальной и духовной культуры в исследовательской и экспозиционной работе». Упрощение музейного дела до техники подбора экспонатов лишает музей научно-исследовательской функции [Разгон, 1954].

В своем музее школьники хотели бы выйти за рамки традиционного знакомства с предметами и событиями прошлого, привнести в него существенную долю интерактивности: мастер-классы (34 %), творческие вечера (23 %), проведение национальных, культурных, профессиональных праздников и тематических мероприятий (12 %).

Полученные данные заставили обратить наше внимание на явление интерактивности современного музея. Так, например, в социальной сети «Вконтакте» можно найти страничку того или иного музея, на которой разворачивается информационно-коммуникативная жизнь, формируется самопрезентация музейного пространства [см. напр.: Ракитянский краеведческий музей]. Небольшой обзор социальных медиа (30 новостных источников) на тему воплощения активного взаимодействия музея с посетителями, позволил зафиксировать ряд качественных данных (Табл. 1).

Таблица 1.

Интерактивные практики музея

Вариации практик	Эпизоды новостных сообщений
Экскурсия *как игра*	*«…посетителям музея будут предлагать в одном пакете экскурсию и игровой урок, причем гости сами будут выбирать темы»*
Экскурсия *как сюжетный мастер-класс*	*«Прилегающая к музею территория оформлена в стиле довоенного времени, на чердаке разместился тимуровский штаб, здесь же на мастер-классе гости могут сделать пионерский значок. Звучит патефон, тянет дымом из самовара, дополняя атмосферу ретро, и без того царящую в этом уголке….»*
	«…в выставочном зале прошел мастер-класс по управлению театральной куклой. Школьники попробовали себя в роли кукловодов»
Экскурсия *как квест*	*«В музее прошел квест "В поиске юсуповских сокровищ". Ребята успешно справились с испытаниями и отыскали клад с драгоценностями»*
Экскурсия *как тактильные возможности*	*«Здесь нет суровых смотрителей и ограничительных стекол – вы буквально можете прикоснуться к истории! А еще у нас не только можно, но и нужно фотографировать»*
	«Первый этаж посвящен школьным годам со всей их атрибутикой. Любой предмет можно трогать руками – и полистать букварь, и открыть пенал с олимпийским мишкой, и покрутить глобус, и подудеть в пионерский горн, и сесть за старую парту. Второй этаж – ретроспектива жизни советского ребенка. Здесь собраны предметы, сопровождавшие каждого нового «гражданина СССР» от его рождения до ухода в армию или поступления в институт».
Экскурсия *как доступная реконструкция*	*«…важной частью программы стала реконструкция «Полевой госпиталь», которая развернулась у здания музея. Прогуливающиеся в парке, смогли прикоснуться к истории и ознакомиться с бытом солдат и медиков времен войны».*

Тенденции интерактивности обусловлены не только потребительскими запросами подрастающего поколения в организации встреч с прошлым. На этот процесс можно посмотреть со стороны измене-

ния музейных практик в контексте «работы со смыслами», подходов к освоению памяти, стратегий меморизации – что нужно помнить и как запоминать (конструкция Е. А. Воронковой). Э. Хупер-Гринхилл отмечает те же тенденции в связи с коммуникативным поворотом в современной музеологии, рассматривая процесс порождения смысла в музейной коммуникации как двунаправленный, не сводящийся к наделению вещей смыслом музейными работниками, но позволяющий каждому зрителю привносить свою собственную интерпретацию в соответствии с имеющимся у него личным опытом [Hooper-Greenhill, 1991].

Вопрос о том, что еще будет в музее, школьники раскрыли, конструируя своё музейное пространство, так называемое «*место, где будет много всего интересного, нового в свете старого*». Данная фраза означает, что музей как источник сведений о картине мира прошлого актуален с точки зрения современного способа подачи исторических сведений и возможности молодежи быть не сторонним наблюдателем, а поиска своего места в этом мире, почувствовать связь времен. Что хотят видеть школьники в таком пространстве? Во-первых, атмосферу: необычный дизайн, кафе, зоны отдыха, музыкальное сопровождение, виртуальные погружения в экспозиции, сопровождение выставок в виде исторического кино. Во-вторых, возможность проявления личной активности: участие в подготовке и организации экспозиций, создание и демонстрация фотогалереи, моделирование нарядов для кукол, подбор пластинок, привлечение начинающих талантов. Таким образом, музей становится пространством темпоральной коммуникации, возможностью знакомства и осмысления прошлого через современные способы познания настоящего. Одновременно меняются и зрительские ожидания. Мы видим, что посетители современного музея в большей степени ориентированы на получение эмоционального опыта, нежели на приобретение знаний из области истории.

Выражаем согласие с концепцией темпоральности А. Хюссен, в которой затрагивается проблема существования коллективной памяти в эпоху постмодерна, в частности, восприятия времени. Он отмечает парадоксальный характер памяти в современной ситуации, когда всплеск интереса к прошлому, выраженный, в частности, в повышенном внимании публики к музеям и монументам, символизирует кризис истории и исторического сознания [Huyssen, 1995]. Данный парадокс отчасти связан с тем, насколько современному поколению «некогда» осмысливать прошлое в виде исторической картины мира, поскольку на это требуется не то быстротечное время, в котором мы живем.

Осмысление текущих теоретических и прикладных аспектов проблематики образа музея «глазами школьников» повлияло на интерес к более глубокому изучению интерактивных стратегий меморизации, реализуемых музеями малых городов.

Воронцова Е. А. Литературные музеи в России: проблема памяти и забвения // Культура и искусство. 2017. С. 96–112.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М. : Академич. Проект., 2003.

Гутова С. Г., Целищева З. А., Бабкова О. М. Культура молодежи: в поиске духовных оснований // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 окт. 2020 г.). М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). С. 3403–3412.

XXI век наступил. Деятельность музеев Российской Федерации в 2001 году : аналит. обзор. М. : Гл. информ.-вычисл. центр, 2002.

Дриккер А. С., Маковецкий Е. А. Музейный храм // Междунар. журн. иссл. культуры и искусств, № 3 (24), 2016. С. 25–36.

Мастеница Е. Н. Музейный мир в XXI веке: векторы развития // Тр. СПГИК. 2015. Т. 212. С. 19–26.

Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973.

Мотина В. В. Культурно-образовательная деятельность музеев и музейная педагогика // Тр. СПГИК. 2013. Т. 195. С. 307–310.

Музейное дело // Мин-во культ. Свердл. обл. : офиц. сайт. URL: http://www.mkso.ru/muzej/virt-proekti (дата обращения: 01.07.2021).

Ракитянский краеведческий музей. Дворец Юсуповых // Вконтакте. URL: https://vk.com/mukrkm (дата обращения 15.05.2021).

Столяров Б. А. Развитие визуальной культуры у учащихся в условиях музея // Педагогика искусства, 2015. № 3. С. 46–59.

Разгон А. М. Научное описание музейных предметов : метод. указания. М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1954.

Саймон Н. Партиципаторный музей. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.

Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности // ВЦИОМ, 2019. 2 сент. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-zadachi-prioritety-potrebnosti (дата обращения: 01.07.2021)

Cameron F. D. The Museum, a Temple or The Forum // Curator: the Museum Journal. 1971. Vol.14 (1). P. 11–14.

Chinnery A. Temple or Forum? On New Museology and Education for Social Change // Philosophy of Education Archive. 2012. P. 269–276.

Hooper-Greenhill E. A. New Communication Model for Museums // Museum Languages: Objects & Texts / ed. G. Kavanagh. Leicester : Leicester Univ. Press, 1991. P. 47–63.

Huyssen A. Escape from Amnesia. The Museum as a Mass Medium // Huyssen A. Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia. NY : Routledge, 1995. P. 13–263.

УДК 93:0

Ю. Ю. Юмашева

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА, АРХИВЫ, БИБЛИОТЕКИ, МУЗЕИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Статья представляет собой краткий обзор практики применения методов и методик Data Science (искусственного интеллекта, машинного обучения, глубокого машинного обучения, компьютерного зрения и т. п.) в современных исторических исследованиях, а также в основных направлениях архивной, библиотечной и музейной деятельности.

Ключевые слова: науки о данных, наборы данных, искусственный интеллект, машинное обучение, компьютерное зрение, исторические исследования, архивы, библиотеки, музеи.

Современные технологии и методы науки о данных – и искусственный интеллект в их числе – на сегодняшний день являются одной из самых злободневных тем статей и дискуссий. Гуманитарии вообще, и историки в частности, ищут применение новым методам в рамках собственных исследований; архивисты, музейщики и библиотекари пытаются определить, какие из хранящихся в фондохранилищах документов и артефактов содержат «big data» или просто «data», и каким образом подготовить на их основе «datasets» (наборы данных) для анализа с помощью компьютерных методов и методик.

Однако, оперируя различными терминами, многие авторы не всегда понимают, о чем же идет речь; всегда ли возможно применение методов науки о данных к архивным документам и музейным предметам, и какой путь необходимо пройти для того, чтобы подготовить информацию разновидовых исторических источников для проведения аналитических процедур.

Прежде чем приступить к рассмотрению опыта применения методов науки о данных в исторических исследованиях и в архивно-библиотечно-музейной практике, стоит внести некоторую ясность в терминологию и, возможно, неожиданно для многих выяснить, что новое не так уж и но́во…

В настоящее время под термином «данные» (дословный перевод английского слова data) понимается представление информации (фактов и идей) в формализованном виде, пригодном для передачи, интерпретации или обработки человеком или компьютерами [ГОСТ 33707–2016, п. 4.259]. Из этого определения становятся очевидны два

© Юмашева Ю. Ю., 2021

качества «данных»: их формализованный вид и возможность обработки и анализа с помощью специализированных (в том числе компьютерных) методов.

В информатике «данные» – это результат фиксации, отображения информации на каком-либо материальном носителе. Сравнение этого определения с определением, например, архивного документа, зафиксированном в Федеральном законе от 22 октября 2004 г. № 125–ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» («архивный документ – материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства») [Об архивном деле…] позволяет сделать вывод о том, что любой архивный документ, равно как и книга или музейный предмет, содержат информацию, которая может быть представлена (извлечена, подготовлена определенным образом (формализована)) в виде «данных» с целью анализа (в том числе статистического) и интерпретации полученных результатов.

Одними из первых среди гуманитариев в середине XIX в. к этой мысли пришли языковеды (филологи и лингвисты), взглянувшие на текст литературных произведений как на информацию, которая может быть преобразована в «данные» и изучена не только как нарратив.

Затем эту идею стали на рубеже XIX–XX вв. активно стали использовать в своих трудах социологи и экономисты.

А что же в исторической науке? Традиционно начало применения количественных (статистических) методов историками связывают с именем выдающегося американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Роберта Фогеля, в работах которого, написанных во второй половине 1950-х гг. и позже оформленных в виде монографий [Fogel, 1964; Fogel, Engerman, 1974], в качестве информации использовались данные, извлеченные из статистических сводок и отчетов. Такое изучение сводных статистических данных позволило Фогелю (как отмечалось в решении Нобелевского комитета) «возродить исследования в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения» [Winners…].

В советской исторической науке начало применения количественных методов в исторических исследованиях относится к рубежу 1950–1960-х гг. и неразрывно связано с именем академика АН СССР И. Д. Ковальченко (одна из первых опубликованных работ И. Д. Ковальченко с применением количественных методов, увидела свет в 1959 г. [Ковальченко, 1959]). В 1968 г. Иван Дмитриевич основал и возглавил Комиссию по применению математических методов

и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР. Дальнейшее развитие направления квантитативной истории и его эволюционное видоизменение и формирование в его недрах исторической информатики хорошо описаны в отечественной историографии и не нуждаются в подробном рассмотрении [Ковальченко, Тишков, 1983; Бородкин, 1993; Гарскова, 2018].

Не углубляясь в историографию вопроса, необходимо особо подчеркнуть, что применение количественных (позже – информационных) методов в отечественной исторической науке имело и имеет собственную специфику, принципиально отличную от работ филологов и лингвистов, и первоначально было связано с использованием статистической информации и массовых источников структурированного вида, информация которых сравнительно легко переводилась в машиночитаемый вид и приобретала качества тех самых формализованных данных, обработка которых с помощью компьютерных алгоритмов позволяла изучать конкретно-историческую проблематику и получать новое историческое знание, которое невозможно было бы получить с помощью традиционных методов исследования.

Несколько позже, как отмечала И. М. Гарскова, «с развитием квантитативной истории круг используемых методов и технологий расширялся: помимо статистических методов более активно стали применяться информационные методы и подходы: методика восстановления истории семей, методы и технологии автоматизированного анализа текстов, методы математического моделирования. Но особое место в 1980-е гг. заняли методы и технологии создания коллекций и архивов машиночитаемых данных, а затем – баз и банков данных. Создание баз данных стало главной особенностью этого периода, периода, когда в рамках квантитативной истории в 1980-е гг. началось формирование нового междисциплинарного направления – исторической информатики» [Гарскова, 2018, с. 13].

Столь развернутое рассмотрение истории возникновения квантитативной истории / исторической информатики в контексте рассматриваемой темы вызвано необходимостью подчеркнуть, что даже самые ранние работы историков, в которых применялись количественные методы, базировались на сборе и анализе *данных*, извлеченных из источников и представленных в том формализованном виде, который максимально удовлетворял условиям решения специализированных задач, существующих в исторической науке. Это наблюдение свидетельствует о том, что применение количественных (математических, статистических) методов в дисциплинах гуманитарного профиля уже давно ввело эти дисциплины в круг так называемых «наук о данных», а приведенная цитата из монографии И. М. Гарсковой о проникновении и широком использовании технологии баз

данных в историческую науку является самой яркой иллюстрацией известного тезиса авторитетных специалистов в области наук о данных Дж. Келлера и Б. Тирни, которые писали, что появление в начале 1970-х гг. реляционной модели баз данных Эдгара Кодда [Codd, 1970] было отправной точкой в развитии этих самых наук, поскольку повлекло за собой «последующий взрывной рост генерации данных и их хранения, который в 1990-х гг. привел к развитию хранилищ, а позднее – к феномену «больших данных[1]» и развитию всех современных технологий: машинного обучения, искусственного интеллекта и т. п. [Kelleher, Tierney, 2018, p. 36].

Новый виток внимания к «данным» и «наукам о данных» возник в связи с переходом к глобальному информационному обществу, развитием цифровых технологий и лавинообразным увеличением цифровой (в том числе – «оцифрованной», т. е. переведенной в машиночитаемый вид) информации. (К примеру, согласно опубликованному в январе 2021 г. международной компанией Statista отчету, объем данных/информации, созданных, переведенных в цифровой вид, скопированных и потребленных во всем мире в 2020 г. оценивается примерно в 74 зеттабайта [Amount of information…]).

Термин «Data Science» (далее – DS) предложил профессор Мичиганского университета Джефф Ву, выступивший в 1997 г. с публичной лекцией с названием «Статистика = наука о данных?» [Wu]. Однако, традиционно считается, что в научный оборот этот термин вошел с «легкой руки» профессора У. Кливленда, одного из самых известных специалистов в области статистики, визуализации данных и машинного обучения, предложившего практические шаги по созданию специализированного факультета [Galit, 2010]. В то время он определил DS как дисциплину, объединяющую в себе различные направления статистики, «извлечение данных» (data mining[2]), машинное обучение (machine learning[3]) и применение баз данных для решения сложных задач, связанных с обработкой данных.

[1] Big Data (большие данные) – большие массивы данных, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. [Проект ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2019, 3.1.2.; Намиот, 2016 и др.]

[2] Data mining – процесс выявления скрытых, полезных фактов и взаимосвязей в крупных массивах данных.

[3] Machine learning (машинное обучение) – область знаний, которая изучает и разрабатывает алгоритмы автоматизированного извлечения знаний из «сырого» набора данных, обучения программных систем на основе полученных данных, генерации прогнозных и/или предписывающих рекомендаций, распознавания образов и т. п.

Машинное обучение – также класс методов искусственного интеллекта, характерной чертой которых является не прямое решение задачи, а обучение в процессе применения

Строго говоря, DS является своеобразным «зонтичным брендом», который подразумевает не одну, а целый набор дисциплин из разных областей знания, отвечающих за сбор (преобразование, извлечение), анализ данных и поиск на их основе оптимальных решений. С течением времени расширился круг задач и методов DS. Так, кроме собственно математической статистики и машинного обучения в рамках «наук о данных» в настоящее время развиваются «computer science»[4], «глубокое обучение[5]», «искусственный интеллект[6]» (включая нейросети[7]), компьютерное зрение[8] и т. п.

Внимание к DS возросло с начала 2010 г., когда определились три основных блока «науки о данных» и их содержательные компоненты, в каждой из которых в той или иной степени применяются уже перечисленные методы и технологии:

решений множества сходных задач. Для построения таких методов используются средства математической статистики, численных методов, методов оптимизации, теории вероятностей, теории графов, различные техники работы с данными в цифровой форме.

[4] Computer science – понятие, обобщающее несколько взаимосвязанных дисциплин: математику, информатику, кибернетику, когнитивные науки (в т. ч. когнитивный компьютинг), науки о коммуникациях и другие сферы. См. «Карту компьютерных наук», составленную в Университете Аризоны преподавателями факультета компьютерных наук Daniel Fried, Stephen Kobourov (Department of Computer Science, University of Arizona. URL: http://mocs.cs.arizona.edu/index.php).

[5] Deep learning (глубокое обучение) – совокупность методов машинного обучения (с учителем, с частичным привлечением учителя, без учителя, с подкреплением), основанных на обучении представлениям (feature/representation learning), а не специализированным алгоритмам под конкретные задачи.

[6] Artificial intelligence, AI (искусственный интеллект, ИИ) – свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, а также наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Термин был придуман Стэнфордским профессором Джоном Маккарти в 1956 г.

Согласно ГОСТ 33707–2016: искусственный интеллект, AI – способность функционального блока выполнять функции, обычно ассоциирующиеся с интеллектом человека такие, как, например, рассуждения и обучение. См. также: [Глоссарий…].

[7] Нейросети (нейронные сети) – математическая модель, а также ее программное или аппаратное воплощение, построенная по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей – сетей нервных клеток живого организма.

Нейросети также – одно из направлений искусственного интеллекта, цель которого – смоделировать аналитические механизмы, осуществляемые человеческим мозгом. Задачи, которые решает типичная нейросеть – классификация, прогнозирование и распознавание.

[8] Компьютерное зрение – теория и технология создания машин, которые могут производить обнаружение, отслеживание и классификацию объектов. Как научная дисциплина, компьютерное зрение относится к теории и технологии создания искусственных систем, которые получают информацию из изображений.

Data wrangling (data preparation) – обработка цифровых (born-digital), архивов, коллекций, а также «захват» (перевод в машиночитаемый вид, оцифровка) и обработка традиционных источников информации с целью извлечения данных и создания «наборов данных» (datasets):

– преобразование текстов;
– преобразование речи (аудио);
– преобразование изображений (статичных и динамических (видео)).

Analysis – аналитические процедуры, примененные к полученным наборам данных:

– построение моделей;
– сегментация;
– кластеризация;
– визуализация и т.д.

Archiving and Using – архивирование, хранение и дальнейшее использование созданных наборов данных и результатов их анализа.

Очевидно, что у каждого из этих направлений имеется собственная история, выраженная в различных проектах, реализация которых позволяла шаг за шагом развивать различные методы DS вообще и искусственного интеллекта в частности.

Так, в блоке Data wrangling одновременно разрабатывались и разрабатываются механизмы и приемы формирования наборов данных из традиционных источников, переведенных в цифровой вид (сканирование; распознавание текстов, изображений, аудио; экспертные системы и т.п.), и информации, изначально существующей в цифровом виде (born-digital).

1. Data wrangling (data preparation)

Преобразование текстов

Подготовка данных – самый трудоемкий процесс. Он значительным образом облегчается, когда речь идет о ресурсах, существующих изначально в цифровой форме и публиковавшихся когда-либо в сети Интернет.

В настоящее время сервисы подготовки данных и интеллектуального анализа текстов и данных на основе web-архивов активно развивают порталы Archives Unleashed, Archive-It и Internet Archive (в части WayBack Machine) [Archives Unleashed; Archive-It; Archive-It and Archives Unleashed Join Forces].

В марте 2021 г. Internet Archive выпустил серию наборов данных, сформированных на основе информации WayBack Machine – сервиса

web-архивирования, содержащего более 424 млрд веб-страниц, характеризующих новейшую историю цивилизации с первых дней существования Всемирной паутины [Early Web Datasets].

Собственный реестр доступных наборов данных ведет компания Amazon Web Services [Registry of Open Data on AWS], о начале аналогичного проекта для корпоративных пользователей заявила Викимедия [Introducing the Wikimedia Enterprise API].

За рубежом наборы данных, сформированные на основе born-digital документов правительственных организаций, как правило, представляются либо на специальных правительственных сайтах (например, в США datasets на основе документов последних пяти лет и программные инструменты для их анализа представляются на портале A repository of Federal Enterprise Data Resources (URL: https://resources.data.gov/about/about-this-repository/), либо на страницах архивов. Так, на сайте National Archives and Records Administration (NARA, США) существует каталог таких datasets [Data catalog…], куда включены более 250 тыс. наборов данных, созданных с 1970-х гг. различными организациями федерального уровня и правительствами штатов США.

Национальный архив Великобритании формирует собственную коллекцию наборов данных с 1997 г. под названием «Национальный цифровой архив наборов данных» (National Digital Archive of Datasets (NDAD), URL: https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C18822). В нее включаются в основном статистические born-digital отчеты различных министерств и ведомств Великобритании. Самый ранний набор датируется 1963 г.

Аналогичные наборы данных имеются во Франции (URL: https://www.data.gouv.fr/en/), Испании (URL: https://datos.gob.es/en), Австралии (URL: https://data.gov.au/data/), Канаде (URL: https://open.canada.ca/data/en/dataset?q=&organization=lac-bac&sort=title_string+asc), Индии (URL: http://microdata.gov.in/nada43/index.php/catalog/central) и в других странах.

При общем возрастании количества born-digital документации и объемов web-архивов основной интерес историков по-прежнему прикован к возможностям изучения архивных и библиотечных источников.

К сожалению, на сегодняшний день можно привести не так уж много примеров успешного преобразования традиционных архивно-библиотечных собраний в форму наборов данных. Процессы эти трудоемкие и капиталозатратные, к тому же, как справедливо отмечают в своих работах ученые разных стран [Padilla; Borenstein, Howard], не последнюю роль в отборе архивных и библиотечных коллекций

для осуществления их преобразования в datasets и, тем самым, для обеспечения широкого доступа к ним, играют социально-политические и этические аспекты.

Оставляя за рамками рассмотрения вопросы определения приоритетов создания таких наборов данных, отметим самые заметные работы, выполненные библиотеками и архивами в данном направлении.

Флагманами в вопросах создания datasets на основе библиотечных собраний являются библиотеки Люксембурга, Новой Зеландии и Великобритании. Среди их проектов следует упомянуть:

– подготовленные Национальной библиотекой Люксембурга коллекции datasets, созданные на основе отсканированных газет XIX в. (1841–1878 гг.) и монографий, изданных в Люксембурге с конца XVII в. до 1918 г. (т. е. полностью «очищенных» от проблем авторского права) [Historical Newspapers].

Все наборы чрезвычайно высокого качества, т. е. они прошли не только распознавание, но и вычитку. Каждый файл в наборе имеет описание, созданное по международным стандартам METS и ALGO, а сами наборы предоставлены в соответствии с открытыми лицензиями CC0[9].

– коллекция наборов данных Papers Past Национальной библиотеки Новой Зеландии, представляющая собой отсканированные и распознанные выпуски 1 710 наименований газет, выходивших в этой стране с 1839 по 1899 гг. Все наборы представлены в текстовом формате CSV и снабжены метаданными, описывающими каждый выпуск газеты [Dataset – Papers Past…].

Второй, опробованный библиотеками, вариант представления данных – предоставление API (url-адресов, названий и даты создания) всех реализованных ранее в цифровой форме ресурсов (например, 150 организаций Новой Зеландии), что дает пользователям возможность свободного доступа к ним и преобразования их информации в наборы данных, которые нужны для исследования.

Аналогичный подход реализован и Британской библиотекой, которая предоставляет наборы данных [Free dataset…], созданные на основе осуществленных ранее библиотекой тематических проектов и/или запросов пользователей и представляющие собой метаданные (библиографические записи, названия, имена, тематические термины или классификации и т. п.), подготовленные для анализа с помощью утилит или приложений, таких как Open Refine[10].

[9] Creative Commons Zero – универсальный, действующий во всем мире инструмент для отказа от своих авторских прав и передачи произведения в общественное достояние.

[10] Open Refine – бесплатное программное приложение с открытым исходным кодом для очистки и преобразования данных в другие форматы в рамках этапа *data wrangling*. Официальный сайт приложения: https://openrefine.org/

В Германии с целью ускорения оцифровки, распознавания газетной периодики и книжных памятников XVI–XVIII вв. и создания наборов данных с 2014 г. реализуется проект разработки специализированной платформы для распознавания шрифта Fraktur (или black letter). Созданное программное обеспечение проходит этап апробации на платформе Internet Archive [Kahle, 2020].

Одновременно с этой деятельностью крупнейшие архивы и исследовательские центры занимаются преобразованием архивной документации на традиционных носителях в datasets. Однако следует отметить, что на сегодняшний день таких наборов немного.

К примеру, все созданные наборы данных NARA представлены в открытом доступе (URL: https://www.archives.gov/open/available-datasets.html). Наибольший интерес среди них представляют наборы данных:

– переписка и труды шести главных создателей Соединенных Штатов: Джорджа Вашингтона, Бенджамина Франклина, Джона Адамса (и его семьи), Томаса Джефферсона, Александра Гамильтона и Джеймса Мэдисона;

– предлагаемые поправки в Конституцию США в период с 1787 по 2014 гг. (более 11 тыс. поправок);

– метаданные о встречах и телефонных переговорах, зафиксированных секретариатом Белого дома в период президентства Ричарда Никсона, 1971–1973 гг.

Работу по преобразованию собственно архивных документов на традиционных носителях в datasets Национальный архив Великобритании реализует сравнительно недавно в рамках исследовательских проектов, оперирующих метаданными каталога Discovery и изучающих средневековые рукописи, о чем пойдет речь в параграфе «Data wrangling+Analysis (Создание наборов данных + анализ)» .

В Канаде создание наборов данных библиотеками и архивами началось почти 10 лет назад. Первыми проектами в этой направлении были «Солдаты Первой мировой войны» и «Карты, планы и схемы Канады». Оба ресурса доступны на портале Открытых данных правительства Канады [Libraries and Archives of Canada].

В Германии одним из самых известных проектов является частный проект историка права Х. Хаманна, посвященный созданию datasets на основе бумажных архивов федеральных судов Германии 1950–2019 гг. [Hamann].

Крупнейшими проектами французских архивов являются наборы данных «Договоры и соглашения Франции (1368–2010)», хранящиеся в дипломатических архивах Министерства иностранных дел [Traités…]; наборы, посвященные истории наблюдений за климатом;

реестры региональных и городских архивов Франции (Лотарингии, Марселя и т. п.), а также перечни культурного наследия, хранящегося в музеях, описания фондов Национальной библиотеки Франции и т. п. [Culture, Communications].

В целях дальнейшего сближения (семантизации и визуализации) архивных и библиотечных метаданных, описывающих хранящиеся в этих организациях объекты, и формирования наборов данных во Франции в 2017 г. был начат исследовательский проект PIAAF (Pilote d'interopérabilité pour les autorités archivistiques françaises), в котором участвуют Национальные архивы, межведомственная служба архивов Франции и Национальная библиотека Франции. Результаты проведенной работы (в том числе результаты анализа уже созданных тематических наборов данных) представлены на специализированном портале [PIAAF], где можно ознакомиться не только с текстами статей, описывающих сделанные выводы, но и увидеть визуализацию результатов.

Особое внимание должно быть уделено общеевропейскому исследовательскому проекту «Машина времени» [The Time Machine], который был начат инициативной группой специалистов из нескольких университетов, архивов, музеев и библиотек Европы в 2016 г., а в 2020 г. получил целевое финансирование Евросоюза в размере 1 млрд евро. В настоящее время участниками проекта являются уже более 700 организаций из 45 стран, включая ведущие академические и исследовательские институты, учреждения культурного наследия и частные структуры.

Сущность проекта заключается в разработке информационной системы открытого доступа, отображающей европейскую экономическую, социальную, культурную и географическую эволюцию во времени. Первым этапом проекта являются работы по оцифровке архивных документов и библиотечных фондов с тем, чтобы затем на их основе создавать datasets и big data, проводить анализ созданных наборов, визуализировать полученные результаты с использованием дополненной/виртуальной реальности (AR/VR) и моделировать исторические объекты и процессы исторического прошлого Европы. Как отмечают сами участники проекта, «Time Machine – это, безусловно, самый амбициозный и далеко идущий проект, когда-либо реализованный с использованием больших данных. Он основан на информационной инфраструктуре, которая обрабатывает миллионы исторических документов, музейные коллекции, геоисторические наборы данных, а также растущее количество born-digital «наследия», возникающего в наше время. При этом он должен моделировать прошлые события и возможные будущие сценарии (с помощью прогнозных техник)

и создавать их интерактивные 3D-визуализации. Проект нацелен на начало новой эры открытого доступа к источникам, в которой прошлые и современные исследования будут представлены в рамках открытой науки. Time Machine – постоянный источник новых знаний, призван сыграть роль экономического двигателя, дающего начало новым профессиям, новым услугам и новым продуктам, влияющим на образование, культурное наследие, творческие индустрии, разработку политики, а также на экономическое, социальное и экологическое моделирование» [Introduction to The Time Machine].

К сожалению, в Российской Федерации исследовательских проектов и наборов данных, представленных онлайн, немного. К ним, в частности, относятся:

– «Государственный каталог Музейного фонда» (последняя на сегодняшний день версия датирована 1 марта 2021 г.). Набор данных представлен в формате CSV. Размер архива почти 4 Гб, и это при том, что Государственный каталог заполнен информацией менее чем на одну шестую часть от общего объема Музейного фонда РФ [Открытые данные…];

– «Реестр пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей» и более ранний вариант этой информации «Утраченные культурные ценности (живопись, скульптура, предметы быта и пр.) в период Второй мировой войны» [Там же].

У других органов государственной власти Российской Федерации имеются ресурсы, которые при определенных усилиях могут быть превращены в datasets, востребованные в исторических исследованиях. Среди них:

– база данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы», в которой представлены стенограммы выступлений депутатов всех созывов. Эти материалы относительно несложно превратить в набор данных и с их помощью (при небольшом машинном обучении и создании соответствующих алгоритмов искусственного интеллекта) изучать задачи языкознания (например, объем лексики депутатов), так и задачи, традиционно исследуемые в рамках исторической информатики методами контент-анализа [База данных…];

– «Исторический бюджет» – часть проекта «Исторические документы», осуществленного Министерством финансов Российской Федерации. Как указывается на сайте, раздел представляет «электронные версии бюджетных росписей и бюджетных справочников Российской Империи, РСФСР и СССР с 1866 года по 90-е годы XX века, бумажные издания которых представлены в научной библиотеке Минфина России». Минфин предполагал также представление этой информации в форме открытых наборов данных, но пока найти подобные файлы на сайте не удалось [Исторический бюджет].

Российские архивы и библиотеки только начинают свое движение в направлении создания наборов данных на основе хранящихся в их собраниях документов. Так, к примеру, на прошедшем 8 декабря 2020 г. в РГАНТД круглом столе «Цифровая трансформация в архивах и библиотеках: состояние и перспективы развития», директор ГПНТБ России А. С. Карауш в своем выступлении подробно рассмотрел проблемы подготовки крупнейшей научно-технической библиотеки страны к созданию наборов данных на основе метаданных, отраженных в каталоге ГПНТБ.

Преобразование аудио/видеодокументов и изображений

Сервис подготовки данных на основе преобразования аудио/видеодокументов развивается, в основном, в рамках устной истории – направления, которое чрезвычайно популярно за рубежом и в рамках которого создаются собственные программные средства и технологии, извлекающие данные из «первичного», разговорного контента.

К наиболее распространенным технологиям относятся: аналого-цифровое преобразование, автоматическое распознавание речи, которые применяются для автоматической расшифровки устной речи и создания текстового файла (транскрипции); программы оптического распознавания (OCR) и разметки текста; компьютерное зрение (для работы с видеоизображениями), аудио-видео-конверторы, используемые для конвертации записей из формата в формат; программы диаризации участников диалога и разметки аудиофайла с указанием времени реплик каждого участника дискуссии [Mao et al.], установления взаимосвязи с другими открытыми данными, создание метаданных и т. п.

Все перечисленные программные средства и технологии применяются в комбинации и с привлечением методов машинного обучения. Результатом использования этого специализированного программного обеспечения, как правило, являются базы данных, размещенные в сети Интернет. Не вдаваясь в рассмотрение выявленного комплекса подобных ресурсов [см. Юмашева, 2020, с. 118–160], отметим только несколько проектов, в которых широко применялись современные компьютерные технологии, в том числе технологии машинного обучения и искусственного интеллекта. Например:

– проект «Выжившие в нацистских концентрационных лагерях», созданный в библиотеке Шведского Университета в г. Лунд (URL: https://www.ub.lu.se/witnessing-genocide). В рамках этого проекта были транскрибированы интервью с бывшими заключенными немецко-фашистских концлагерей, эвакуированными после войны в Швецию. В период 1945–1946 гг. было проведено и записано в виде аудиодо-

кументов более 500 интервью, которые уже в наше время были обработаны с помощью компьютерных технологий, представлены в виде текстов и из которых были извлечены тематические данные: имена, географические названия и т. п.

– проект «Преодоление апартеида в Южной Африке. Построение демократического общества» (URL: https://overcomingapartheid.msu.edu/), реализованный несколькими структурами Мичиганского университета и объединенными Центром африканских исследований. Проект содержит интервью людей, переживших апартеид. Коллекция аудиодокументов должна восполнить отсутствие архивной документации, вызванное преднамеренным упущением из основного потока знаний Южной Африки истории и философии, технологий и знаний, имевшихся у коренного населения;

– проект «Голоса Манхэттенского проекта» (URL: https://www.manhattanprojectvoices.org/), осуществлен Фондом атомного наследия и Историческим обществом Лос-Аламоса. Цель проекта – создание публичного архива коллекций устной истории ветеранов Манхэттенского проекта и их семей. Онлайн-коллекция включает 600 аудиовизуальных интервью с сотрудниками, участвовавшими в Манхэттенском проекта и членами их семей, в том числе Дж. Робертом Оппенгеймером, генералом Лесли Р. Гроувзом, Гленом Сиборгом, Гансом Роузбете, Джорджем и Верой Кистяковски и др.

Отдельного упоминания заслуживает проект Европейского Союза Oral History & Technology (URL: https://oralhistory.eu/about), посвященный собственно технологиям проведения исследований в рамках направления «устная история» и имеющий собственный веб-сайт. На этом ресурсе представлен обзор методов устной истории, технологий и программного обеспечения, которые могут быть использованы при обработке аудиоданных в целом.

В рамках рассмотрения проблемы преобразования аудио/видеодокументов и создания наборов данных в самостоятельном изучении нуждается тема разработки специализированного программного обеспечения. Одним из самых удачных проектов в этом направлении является технический стартап, реализованный в 2019 г. английскими специалистами Энди Суртисом и Люком Стивенсоном, которые создали web-платформу Vlogbase, основное назначение которой «эффективно» слушать/смотреть, понимать, размечать медиафайлы и индексировать их информацию таким образом, чтобы было возможно осуществлять поисковые операции по их содержанию [Unlocking museum archives…; Archive innovator]. Пилотным проектом, который был осуществлен с помощью этой платформы, стала работа по раз-

метке и индексации 132 часов аудиоинтервью с горняками и сталелитейщиками, записанными в 1980-х гг. и хранящимися в Кливлендском музее добычи железной руды. Все оцифрованные файлы были загружены во Vlogbase и траскрибированы в течение 20 секунд. Web-платформа использует искусственный интеллект и в настоящее время уже распознает 120 языков [Vlogbase]. К сожалению, локдаун 2020 г., вызванный пандемией, привел к приостановке развития данного проекта.

Тема преобразования изображений в наборы данных – как статичных, так и динамических (кино) – имеет собственную специфику и тесно связана с развитием сканирующего оборудования и методов оцифровки, в частности, с увеличением разрешающей способности оптических систем, применяемых в сканерах, совершенствованием механизмов «захвата» и извлечения латентно присутствующей в источниках информации (мультиспектральные системы сканирования, обработка угасающих изображений, филиграней, набросков и эскизов; выявление содержания слоев живописи вплоть до основы – холста и грунта, «разделение изображений», написанных на обеих сторонах основы (например, иконных досок, створок диптихов и триптихов), определение состава цветовой палитры и т. п.).

В связи с этим особенностью data wrangling изображений (особенно музейных объектов: живописи, икон, картографии и т. п.) является высокоточная и высококачественная оцифровка конкретного объекта, при которой datasets формируются на основе информации только одного объекта, а не комплекса источников, как это принято применительно к текстам книг и архивных документов. Набор методов DS, используемых для анализа полученных datasets, также имеет собственную специфику, о чем будет сказано в дальнейшем.

И, наконец, стоит затронуть проблему использования компьютерных технологий для преобразования и исследования кинодокументов. В силу сложного характера кинодокументации для создания наборов данных применяются как методы работы с текстом (аннотации) и статичными изображениями (технологии, используемые для распознавания лиц и/или географических объектов), так и специфические программные продукты (компьютерное зрение). И тем не менее, предложенные еще в 1990-е гг. подходы к автоматизированному анализу видеоряда, реализованные в программном коде, все еще относительно редки [Kader et al., 2020].

Вместе с тем использование искусственного интеллекта в работе с кино/видеодокументами становится все более востребованным в связи с возможностями, которые искусственный интеллект предоставляет в реставрации видеодокументов. К примеру, к 45-летнему юбилею высадки американской миссии Apollo-16 на Луну специалисты по ре-

ставрации фотографий и фильмов из компании DutchSteamMachine отреставрировали с помощью искусственного интеллекта оригинальные видеофрагменты, снятые на Луне (12 кадров в секунду), представив их в варианте, где используются 60 кадров в секунду (FPS) (URL: https//www.youtube.com/channel/UCRGEIYuo_HbUR6GhFLeEkPA). Такой подход значительно улучшил изображение, добавив ему плавности. Программа, которую применили специалисты DutchSteamMachine, – Dain-App – бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом, которое использует технику интерполяции движения, предполагающую автоматическую генерацию промежуточных кадров анимации и их размещение между существующими кадрами (URL: https://grisk.itch.io/dain-app).

2. Data wrangling+analysis (Создание наборов данных + анализ)

В исследовательской практике распространен подход, сочетающий data wrangling (создание наборов данных) для конкретной изучаемой темы с последующим проведением аналитических процедур (analysis). Это наиболее очевидный и понятный для исследователей путь реализации проектов. Первоначально в нем для анализа использовалась любая информация, преобразованная в цифровую форму, и зачастую даже не представленная в виде данных.

В качестве примера подобных работ можно упомянуть хорошо известный историкам проект, выполненный *в жанре просопографии* – «Китайская биографическая база данных» – осуществляемый совместно Университетом Гарварда и Пекинским университетом. Проект представляет собой просопографическую реляционную базу данных с биографической информацией примерно о 471 тыс. персоналий чиновников Поднебесной, живших в Китае в период с VII по XIX вв. [China Biographical Database Project]. Работа начиналась более 10 лет назад с массового ручного перевода текстов в машиночитаемый вид, их распознавания и ручной разметки, а затем, на втором этапе, продолжилась с помощью методов *искусственного интеллекта для поиска, выявления, интеграции и автоматической разметки тематических текстов, опубликованных в сети Интернет, и получения на их основе данных*. Особенностью базы данных является то, что, во-первых, она пополняемая в режиме реального времени, во-вторых, в ней учтены все опубликованные в цифровом виде исторические источники с упоминанием исследуемых персон, и все разночтения, которые имеются в информации о них. База данных позволяет проводить аналитические процедуры, типичные для просопографических исследований (например, выяснять родственные взаимосвязи чиновников (в том числе в режиме онлайн) с тем, чтобы определять воздействие этого фактора на карьерный рост).

Подобные проекты, но не на основе текстов, а на основе метаданных и указателей к архивным делам, развиваются и в крупных архивах. Так, NARA в 2015 г. возглавила проект «Социальные сети и архивный контекст» (SNAC), начатый еще в 2010 г. Виргинским университетом, Институтом передовых гуманитарных технологий, Калифорнийским университетом, информационной школой Беркли и Калифорнийской цифровой библиотекой. Цель проекта – находить и связывать биографическую и историческую информацию о людях, семьях, организациях и их взаимосвязях, которые упомянуты в описаниях архивных документов и самих исторических источниках, хранящихся в различных историко-культурных учреждениях по всему миру и уже переведенных в цифровой (машиночитаемый) вид и представленных в сети Интернет в виде каталогов или распознанных текстов в полнотекстовых системах [Social Networks…], а затем предлагать исследователям возможности установления взаимосвязей, существующих между людьми.

В настоящее время к этому промежуточному подходу (data wrangling+analysis) могут быть отнесены *палеографические и собственно исторические исследования архивных рукописных документов*, для изучения которых на этапе формирования набора данных применяются методы оцифровки, оптического распознавания текста, создания баз знаний с помощью технологии машинного обучения (в том числе глубокого обучения), а затем – методики искусственного интеллекта, целью применения которых является «машинное чтение» текстов этих исторических источников [Philips, Tabrizi].

Подобные проекты активно развиваются в университетской среде. К примеру, стоит упомянуть работы исследовательской группы Research Group on Computer Vision and Artificial Intelligence Бернского университета, которая активно функционировала все 2000-е гг. и завершила свою деятельность в 2011 г. (URL: https://fki.tic.heia-fr.ch/), создав базы знаний для обучения и тестирования программ распознавания рукописного текста, написанного на английском или немецком языках.

В настоящее время наиболее известным в рамках этого направления является проект In Codice Ratio, осуществляемый группой исследователей из университетов Рима и посвященный машинному чтению документов Секретного архива Ватикана [In Codice Ratio]. Участники проекта разрабатывают полноценную систему автоматического распознавания и транскрипции содержания рукописей, основанную на выявлении и сегментации имен упомянутых в них персонажей. Используя искусственный интеллект, машинное обучение, компьютерное зрение, нейросети и статистические языковые модели, авто-

ры добились интересных результатов [Firmani et al.], позволивших им прочитать более 18 тыс. средневековых рукописных документов [Kean, 2018].

В Испании аналогичные проекты реализует The Pattern Recognition and Human Language Technology (PRHLT) – исследовательский центр Политехнического университета Валенсии (https://www.prhlt.upv.es/wp/es/) [Romero et al., 2011; Granell et al., 2018].

В Германии в рамках программы Sinergia SNF силами трех университетов Фрайбурга, Берна и Невшателя был осуществлен исследовательский проект «Historical Document Analysis, Recognition, and Retrieval» (сокращенно HisDoc), целью которого являлась разработка методов искусственного интеллекта и распознавания образов, позволяющих автоматически извлекать текстовое содержание из отсканированных рукописных документов и тем самым создавать электронное рукописное издание (и datasets), которое поддается поиску и просмотру в электронных библиотеках (URL: https://diuf.unifr.ch/main/hisdoc/project-summary).

К сожалению, в архивной сфере подобных проектов немного, и их результаты пока не слишком удачны. Тем не менее, на них также стоит обратить внимание.

Так, в рамках активной деятельности Национального архива Великобритании по освоению современных информационных технологий развивается проект машинного чтения рукописных копий завещаний из коллекции суда г. Кентербери. Коллекция насчитывает более 2 тыс. единиц хранения, датируется 1384–1858 гг. и содержит огромное количество данных (названия мест, сведения о бенефициарах, их семьях, отношениях, товарах, религии, земле и т. п.), которые могли быть «прочитаны» и «извлечены» для целей дальнейшего анализа. Проект реализуется на основе электронных копий документов, загруженных в бесплатную программу оптического распознавания рукописных текстов Transcribus, разработанную в рамках проекта EC READ и обладающую функцией машинного обучения [Transcribus].

Еще один неожиданный проект английских историков, о начале которого было объявлено в январе 2021 г. – Odeuropa («Запах Европы»). В результате реализации этого проекта предполагается идентифицировать и даже воссоздать ароматы, которые были распространены в Европе в период с XVI до начала XX вв. Реализовать эту идею призван искусственный интеллект, которому предстоит на первом этапе произвести тотальный скрининг (виртуальный просмотр) текстов исторических документов (на семи языках) для выявления описаний запахов, контекста их упоминания, а также для определения изображения ароматических элементов в произведениях живописи.

Таким образом, информация письменных и изобразительных источников, обработанная искусственным интеллектом, станет основой для создания искомого набора данных для последующих изысканий и публикации онлайн-энциклопедии европейских запахов [Davis].

В России также предпринимаются попытки использования технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для чтения рукописных текстов. В частности, летом 2020 г. Сбербанк объявил о начале проекта по прочтению рукописей Петра I с помощью искусственного интеллекта («Digital Петр»). В рамках проекта любой желающий мог принять участие в расшифровке документов и, тем самым, в создании палеографической базы знаний почерка Петра I, которая должна была стать основой для машинного обучения программы искусственного интеллекта [Digital Peter; Потанин и др.]. Как отмечали организаторы соревнования, в проекте использовались несколько технологий искусственного интеллекта – компьютерное зрение, обработка естественного языка и графы знаний. Первые итоги работы были подведены 23 декабря 2020 г. на круглом столе, который прошел в Российском историческом обществе [В Доме РИО…]. В ходе заседания первый зампред правления Сбербанка А. Ведяхин отметил, что «удалось получить очень высокую точность: более 98 процентов расшифровки…. Мы работали вместе с историками и не только применили впервые компьютерное зрение, которое умеет понимать этот сложный текст, но и подгружали знания контекста, о котором писал Петр, – сообщил он. – Получилось расшифровать материалы за 26 лет. Это большой шаг вперед не только с точки зрения исторических знаний, но и с точки зрения математической мысли в России. Можно сказать, мировой рекорд» [Новоселова].

Несколько ранее, 13 декабря 2020 г., в ходе зум-митапа, который проводился Центром гуманитарных исследований НИУ ВШЭ в рамках презентации проекта руководитель направления NLP в Sberbank Data Science Community Татьяна Шаврина отметила, что о высокой точности распознавания рукописных текстов Петра I говорить пока рано, поскольку созданная программа дает примерно две ошибки на строку…[DH Advent 2020: зум-митап].

Еще один проект, реализованный с применением высоких технологий – портал «Документы Победы» [Документы Победы]. Ресурс создан в рамках проекта по разработке Государственной информационной системы «Платформа Центра хранения электронных документов (ЦХЭД)», проводимых Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации с ФГБУ НИИ «Восход» и Федеральным архивным агентством (Росархив). На портале размещены материалы из фондов Российского Государственного

архива социально-политической истории и Государственного архива Российской Федерации, объединенные темой Великой Отечественной войны.

Технологической новацией портала (как заявляют его авторы) была цель предоставления «гражданам возможности поиска и изучения информации, содержащейся в документах органов государственной власти периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с применением самых современных технологий распознавания текстов и семантического (смыслового) анализа». К сожалению, пока результаты этой работы весьма скромны: поиск похожих по смыслу документов, содержащих заданный поисковый критерий (слово), как и распознавание текстов с электронных копий «на лету» работают неустойчиво и с большими погрешностями.

Наибольшее распространение совмещенный подход data wrangling+analysis нашел в работе с изобразительными источниками: фотографиями, живописью и даже работой с архивными документами – историческими источниками, в которых содержатся изображения, или которые компьютер воспринимает как изображение.

Одним из первых применений искусственного интеллекта и машинного обучения стала *технология распознавания лиц*. Изобретенный еще в 1963 г. метод стал пользоваться невероятной популярностью со времени распространения персональных компьютеров, видеокамер и информационных сетей [Shaun, 2020]. К помощи этой технологии все чаще стали прибегать и историки.

В рамках проекта Civil War Photo Sleuth, исполнителем которого является Центр фотографий Гражданской войны в США (The Center for Civil War Photography), создан бесплатный сервис, который определяет, кто изображен на безымянных фотографиях времен Гражданской войны в США (1861–1865 г. URL: https://www.civilwarphotosleuth.com). Проект состоит из оцифрованного архива военных фотографий (15 тыс. изображений), который постоянно пополняют пользователи, и системы распознавания лиц, разработанной студентами и преподавателями Политехнического университета штата Вирджиния.

Пользователь может загрузить снимок, после чего система проводит автоматическое «опознавание», сравнивая лицо на фотографии с уже атрибутированными фотографиями. Если пользователь загружает снимок, на котором изображен человек, информации о котором еще нет в базе данных, но есть вероятность, что его опознают позже, сервис пришлет уведомление владельцу фотографии после «опознания» [Eisen].

К сожалению, сворачивание по требованию общественности многими компаниями-разработчиками работ по совершенствованию

программного обеспечения распознавания лиц, о котором было объявлено в 2020 г. [Степанов, 2020], неминуемо придет к деградации этого направления в исторических исследованиях.

Еще одной областью, в которой применение искусственного интеллекта, компьютерного зрения и нейросетей представляется чрезвычайно перспективным, является *изучение музейных предметов.* В течение 2020 г. были опубликованы несколько работ, посвященных применению современных технологий DS к исследованию наиболее известных шедевров изобразительного искусства.

В мае 2020 г. в сети появилась статья специалистов Массачусетского университета и Метрополитен-музея, поставившая точку в споре об авторстве знаменитой картины «Спаситель мира» («Salvator Mundi»), приписываемой кисти Леонардо да Винчи и проданной на аукционе Christie's в 2017 г. за баснословную сумму в 450 млн долл. Стивен и Андреа Франк использовали сверточные нейронные сети (convolutional neural network, CNNs), один из инструментов искусственного интеллекта, для того, чтобы проанализировать данные, полученные в результате оцифровки изображения.

Метод и система, разработанная Франками, были впервые применены к произведениям Рембрандта и позволили уточнить авторство многих произведений, ранее приписываемых великому голландцу [Leibson, 2019; Frank, Frank, Salient Slices; Frank, Frank, Analysis…].

Идея, лежащая в основе разработанной С. Франком системы, проста: система делит крупное изображение (электронную копию, созданную с высоким разрешением) на небольшие мозаичные богатые информацией фрагменты (dataset), которые затем сравниваются сетью с фрагментами, созданными на основе других картин с однозначно установленным или спорным авторством. Например, в случае Леонардо к работе были привлечены наборы данных, созданные на основе 20 картин с подтвержденным авторством да Винчи и похожие полотна, созданные современниками и учениками мастера.

В результате проведенной работы с высокой долей вероятности было установлено, что голова, шея и плечи фигуры Христа, скорее всего, написаны самим Леонардо, но благословляющая правая рука и левая рука, держащая хрустальную сферу, выполнены точно не им [Frank, Frank, Neural Network…].

В конце августа 2020 г. была опубликована статья специалистов Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и Университета Дьюка, которые с помощью рентгеновских технологий и искусственного интеллекта изучали створки полиптиха братьев Ван Эйк, более известного, как Гентский алтарь.

В статье идет речь о разработке и использовании алгоритмов искусственного интеллекта для изучения смешанных рентгеновских изображений, содержащих элементы с передней и задней сторон двусторонних панелей алтаря, которые ученые смогли деконструировать на два четких изображения.

Комментируя использованный подход, руководитель проекта Мигель Родригес (Miguel Rodrigues) отмечал: что он «демонстрирует, что методы, ориентированные на искусственный интеллект, основанные на глубоком обучении, могут быть использованы для потенциального решения проблем, возникающих при исследовании искусства» [Sabetsarvestani et al.]

Результаты исследований, документация и изображения в высоком разрешении (100 млрд пикселей!) были интегрированы на тематическом веб-сайте, посвященном Гентскому алтарю (URL: http://closertovaneyck.kikirpa.be) и доступны широкой публике.

Описанные методы анализа изображений могут быть с успехом применены и к изучению изображений, содержащихся в архивных документах. В марте 2021 г. в рамках Британской недели науки – общенационального праздника науки, техники и математики (URL: https://www.britishscienceweek.org/) Национальный архив Великобритании презентовал начатую совместно с Ноттингемским университетом (URL: https://gtr.ukri.org/projects?ref=AH%2FT013184%2F1) работу по исследованию картографических материалов с помощью наисовременнейших методов и методик неинвазивного анализа (т. е. неразрушающего, не связанного с проникновением внутрь объекта), методов визуализации и точечного анализа: мультиспектральной визуализации, рентгеновской флуоресценции, волоконно-оптического отражения и рамановской спектроскопии.

Данные, полученные в результате применения этих технологий, станут основой (dataset) для применения искусственного интеллекта, который должен помочь ответить на вопросы о возможности сравнения материалов и методов, выявленных в разных картографических коллекциях, чтобы пролить свет на особенности, влияние и эволюцию картографии в тюдоровской Англии; определение авторства; установления преемственности и определенной стандартизации в работах картографов.

Исследование находится в самом начале, и для него предполагается обработать (data wrangling) максимально большое количество картографических материалов с целью создания «больших и сложных наборов данных». Как отмечают сами исследователи, планомерный анализ и создание наборов данных «типичны для науки о наследии – в архивах и библиотеках – которые имеют дело с сериями документов

в массовом масштабе (в терминологии отечественной исторической науки – «массовыми источниками». – *Ю. Ю.*). Поэтому автоматизация сбора и обработки данных становится особенно важной в условиях архива» [Pardo, 2021].

Рассматривая различные способы анализа исторических источников, основанные на методах DS, невозможно пройти мимо еще двух самостоятельных направлений научных исследований.

Первое направление изучает *возможности работы с угасающими текстами и/или документами, прочтение которых невозможно в силу особенностей их физического состояния*. Здесь, наряду с использованием уже упомянутых естественнонаучных методик (мультиспектральной фотосъемки, рентгенографии и т. п.), в результате применения которых создаются наборы данных, активно используются *методы машинного обучения, компьютерного моделирования и визуализации*, позволяющие создать в памяти компьютера модель изучаемого объекта и «прочитать», например, обгоревшую, свернутую или запечатанную рукопись. Такие исследования особенно развиты в научных учреждениях США, где с середины 2010 г. осуществляются успешные проекты «разворачивания и чтения» книг и свитков. Так были «прочитаны» свитки из Геркуланума [Wade], фрагменты свитков Мертвого моря[11] [Seales et al., 2016], коптского Кодекса IV–VI вв. н. э.) [Scanning an Ancient…, 2018], развернуты без утраты целостности печатей сложенные письма [Gershon, 2021]…

Второе направление специализируется на использовании *методов искусственного интеллекта для работы с изображениями музейных объектов и реализации «визуального поиска».* Эта технология обладает огромным потенциалом, а разработка платформ визуального поиска в коллекциях историко-культурного наследия ведется во всем мире [см., например: Art-UK; Google Arts & Culture; Japanese Woodblock Print Search; Visual Research. PHAROS].

Весной 2020 г. в Великобритании стартовал проект Deep Discoveries («Глубокие открытия») [Deep Discoveries]), цель которого – разработка «визуального поиска», основанного на применении одного из методов искусственного интеллекта: сопоставлении похожих изображений с учетом их визуальных характеристик (цвет, рисунок, форма). Проект направлен на создание поисковой платформы компьютерного зрения, которая может идентифицировать и сравнивать изображения в масштабах всех оцифрованных коллекций, хранящихся в Англии. В качестве пилотной тематики выбрана ботаника и ботанические иллюстрации, что позволит исследователям прове-

[11] В рамках реализации данного проекта было разработано специализированное программное обеспечение – Volume Cartography.

рить, насколько широко может применяться данный метод: сможет ли он распознать розу в текстильном узоре, на фарфоровой вазе, и тот же цветок в гербарном образце? Насколько этот метод будет чувствителен к специфике изобразительной техники и национальных художественных традиций (например, голландский натюрморт и китайская каллиграфия) и т. п.?

Deep Discoveries реализуется несколькими участниками: Национальным архивом Великобритании, университетом графства Суррей, Королевским Ботаническим садом Эдинбурга и Музеем Виктории и Альберта.

И, наконец, последний проект, который необходимо упомянуть в рамках данной темы, поскольку он отчасти отвечает на вопросы, сформулированные участниками проекта Deep Discoveries. 18 августа 2020 г. группа исследователей из Microsoft и Массачусетского технологического института (MIT) представила пилотный проекта системы MosAIc (презентация проекта: URL: https://microsoft.github.io/art/), предназначенной для поиска взаимосвязей между предметами искусства из различных культур и эпох [Microsoft и MIT…, 2020]. Идея создания этой системы появилась после известной выставки «Рембрандт и Веласкес», которая проходила в Рейксмузеуме (Амстердам). В рамках этой выставки картины художников, объединенные незаметными на первый взгляд общими чертами, выставлялись парами. Это распространенное явление в искусстве, когда в произведениях из разных периодов и частей света можно проследить схожие черты, ставшие результатом культурного обмена. Однако человеку было бы невозможно проанализировать миллионы картин за тысячи лет и найти в них параллели в темах, мотивах и визуальных стилях. Эту задачу и должна решить создаваемая система.

MosAIc использует глубокое обучение для анализа базы изображений предметов искусства, представленных в Музее Метрополитен (Нью-Йорк) и амстердамском Рейксмузеуме. Необходимо было создать алгоритм, который должен подбирать предметы искусства, похожие не только по цвету и стилю, но и по значению и теме.

В результате представленная система анализирует не только контуры и цвета на изображении, но и позволяет учитывать при поиске культуру, к которой принадлежит предмет, а также материал, из которого он изготовлен (URL: https://microsoft.github.io/art/app/%3Fid%3DMTk0MTEz). Таким образом, с ее помощью можно отследить процесс культурного обмена между различными эпохами и территориями.

Завершая краткий обзор проектов в рамках направления digital wrangling+analysis, необходимо отметить, что поставленные в них

исследовательские задачи и выбранные междисциплинарные методы отлично характеризуют современный этап развития и будущее архивной и музейной науки, источниковедения и всех вспомогательных исторических дисциплин, которые все больше приобретают полидисциплинарный характер, сочетая гуманитарные задачи, информационные походы и методы их решения.

3. Analysis (Анализ данных)

Рассмотрев исследовательские проекты, совмещающие в себе и создание наборов данных на основе традиционных источников, и их анализ, необходимо отметить, что, к сожалению, в данные исследования являются скорее исключением из общего количества работ, в которых применяются DS, поскольку методы анализа с использованием искусственного интеллекта развивались и развиваются прежде всего применительно к изучению массивов данных, изначально существующих в цифровой форме: born-digital документам, информационным ресурсам, web-архивам.

В этой связи особый интерес для историков представляет технология автоматической проверки фактов, разработанная в середине 2010-х гг. для нужд новостных агентств и журналистов. Инициатором разработки сервисов проверки фактов (fact-checking) на основе применения искусственного интеллекта была компания Google (Google Digital News Initiative, URL: https://newsinitiative.withgoogle.com/dnifund/report/battling-misinformation/scaling-fact-checking-with-artificial-intelligence/). В сентябре 2015 г. в интернет-пространстве появилась Международная сеть проверки фактов, созданная Институтом медиаисследований Пойнтер (International Fact-Checking Network, URL: https://www.poynter.org/about-the-international-fact-checking-network/), которая опубликовала даже собственный этический кодекс осуществления этой работы. В настоящее время в сети существует довольно большой набор средств для проверки фактов (см., например: URL: https://www.rand.org/research/projects/truth-decay/fighting-disinformation/search.html). Однако все они работают с данными, опубликованными в сети Интернет.

Среди осуществленных проектов проверки фактов заслуживает внимания широко известный европейский проект Contropedia (URL: http://contropedia.net/), целью которого была разработка алгоритма анализа противоречий, выявленных у разных авторов при редактуре текстов статей Википедии (проект завершился в 2017 г.). А в октябре 2020 г. популярный ресурс WayBack Machine сообщил, что использует сервисы проверки информации для анализа сведений, представлен-

ных на заархивированных им страницах различных сайтов, и предполагает в дальнейшем отмечать размещенную на них недостоверную информацию [Graham, 2020].

Вопрос о возможности применения fact checks продуктов к анализу информации архивных документов, существующих на традиционных носителях, уже изучался архивным сообществом. В сентябре 2018 г. под эгидой Международного Совета архивов на базе Национального архива Великобритании прошел первый симпозиум «Archives and AI», где было признано, что в настоящее время в силу отсутствия большого количества архивной информации, переведенной в цифровой вид, осуществление подобных работ невозможно или крайне затруднено [Symposium…].

Проблема применимости в исторических исследованиях другой популярной технологии, так называемого «картирования влияния» (изучения влияния и определения роли личных связей в политике и экономике) решается более успешно. Выше уже упоминались просопографические исследования, в которых данный метод нашел свое применение. Здесь лишь отметим, что в сети Интернет существуют профессиональные сообщества, активно развивающие данные методы анализа (например, Influence mapping group, URL: https://www.influencemapping.org/about/).

И, наконец, необходимо сказать о бурно развивающихся проектах сетевого анализа веб-архивов, которыми с успехом занимаются архивы и библиотеки, которым вменяется в обязанность формирование подобных хранилищ web-информации [Storrar, Talboom, 2019].

4. Archiving and Using (Архивирование и повторное использование наборов данных)

Третий блок науки о данных требует написания отдельного, самостоятельного обзора, поскольку объединяет в себе несколько ключевых проблем работы с цифровыми данными, среди которых как общие вопросы (хранение и обеспечение возможности повторного использования электронных документов и ресурсов независимо от целей их создания), так и частные проблемы применения методов Data Science при проектировании и внедрении систем хранения данных и программного обеспечения к ним, а также проблем вторичного использования созданных наборов данных.

В рамках настоящей статьи отметим, что история первых архивов машиночитаемых данных начинается с 1940-х гг., когда был создан Роуперовский центр хранения социологических данных (Roper Center for Public Opinion Research, URL: https://ropercenter.cornell.edu/).

В дальнейшем в разных странах мира стали активно создаваться аналогичные центры и архивы [A Guide to Historical Data…, 1989: Part I; A Guide to Historical Datasets…, 1993: Part XIII; Гарскова, с. 37–38].

В настоящее время существуют и активно функционируют специализированные архивы и консорциумы архивов, хранящие и обеспечивающие повторное использование наборов данных, но в основном в области социальных наук. Среди них стоит отметить:

– Консорциум европейских архивов данных по социальным наукам (Consortium of European Social Science Data Archives, URL: https://www.cessda.eu/);

– Международный консорциум политических и социальных исследований (ICPSR, URL: https://www.icpsr.umich.edu/);

а также многочисленные национальные институции, например:

– Австралийский архив данных (ADA, URL: https://ada.edu.au/);

– Архив данных Великобритании, основанный в 1967 г. и располагающийся при Университете Эссекса (ESDS Qualidata, URL: https://www.data-archive.ac.uk/);

– Немецкий архив данных социальных наук (DAS, URL: https://www.gesis.org/en/institute/departments/data-archive-for-the-social-sciences);

– Архив данных Нидерландов (Data Arching and Networked Services, URL: https://dans.knaw.nl/en);

– Финский архив данных социальных наук (The Finnish Social Science Data Archive (FSD), URL: https://www.fsd.tuni.fi/en/data-archive/).

Архивы данных, существующие при университетах:

– The World-Historical Dataverse – часть проекта The Collaborative for Historical Information and Analysis, осуществляемого с 2011 г. в Гарвардском университете (URL: https://dataverse.harvard.edu/dataverse/worldhistorical);

– Statistics & Data: Data Archives при Университете Южной Калифорнии (URL: https://libguides.usc.edu/c.php?g=234919&p=1559117);

– Historical primary sources online: Numerical data sources при Университете Штата Вирджиния (URL: https://guides.lib.vt.edu/c.php?g=895000&p=6436506) и др.

Проблема вторичного использования созданных наборов данных в исторических и шире – гуманитарных – исследованиях активно обсуждалась в профессиональной среде в 2000-х – начале 2010-х гг. [Corti, Thompson, 2004], но с развитием программного обеспечения с открытым кодом актуальность этой темы практически сошла на нет. Тем не менее, развитие методов DS, вероятно, вновь поставит эту проблему во главу угла и обозначит необходимость анализа возмож-

ностей использования различных методов и методик к уже сформированным наборам исторических данных.

* * *

Подводя итог краткому обзору применения методов DS в исторических исследованиях, а также в прикладной деятельности архивов, музеев и библиотек, следует отметить безусловную перспективность этих методов преобразования информации и ее анализа. Очевидно, что по мере преобразования информации, изначально существующей на традиционных носителях, в цифровую форму использование подобных методов исследования будет только расширяться.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на несколько существенных моментов, отличающих исследования, выполненные на основе информации традиционных исторических источников, преобразованной в наборы данных, от всего предыдущего опыта исследовательской и практической работы:

Подобные проекты требуют значительного времени на реализацию, и львиная доля этого времени затрачивается на преобразование и обработку данных;

Реализация исследовательских проектов осуществляется, как правило, творческими коллективами, а не исследователями-одиночками;

При этом творческие коллективы состоят:

а) как из представителей академической (университетской) науки, так и из профессиональных архивистов, музейщиков (искусствоведов), библиотекарей, т. е. специалистов, непосредственно работающих с изучаемыми источниками;

б) как из специалистов-«предметников», знающих источниковую базу и умеющих формулировать задачу исследования, так и из профессиональных информатиков, математиков и представителей иных естественнонаучных дисциплин, чье участие обусловлено поставленной исследовательской задачей;

Реализация таких проектов возможна только на базе фондодержателей: архивов, музеев, библиотек, либо при обеспечении непосредственного доступа к источникам в хранилищах и при непременном участии специалистов реставраторов;

Исследовательские задачи, решаемые в ходе проекта, обусловливают набор необходимого оборудования, поскольку многие исследования базируются на анализе наборов данных, полученных при помощи специализированной аппаратуры (сканеров мультиспектральной съемки, томографов, рентгеновских аппаратов и т. п.).

Учитывая все вышеперечисленное, становится очевидным, что осуществление подобных проектов – дело чрезвычайно затратное,

требующее существенного финансирования;

И, наконец, выполненное исследование требует решения проблемы долгосрочного хранения и последующего использования полученных результатов и наборов данных.

Таким образом, применение методов Data Science в отечественной исторической науке на сегодняшний момент является проблематичным. Однако времена меняются, и меняются быстро…

База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» // Государственная Дума Российской Федерации. URL: http://transcript.duma.gov.ru/ (дата обращения: 31.03.2021).

Бородкин Л. И. Историческая информатика в СССР/России: ретроспектива, состояние, перспективы // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St. Katharinen, 1993. С. 251–273.

В Доме РИО обсудили подготовку к 350-летию со дня рождения Петра I // Российское историческое общество : офиц. сайт. URL: https://historyrussia.org/sobytiya/v-dome-rio-obsudili-podgotovku-k-350-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-petra-i.html (дата обращения: 31.03.2021).

Гарскова И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб. : Алетейя, 2018.

Глоссарий по теме «Искусственный интеллект» // Курьер ЮНЕСКО. URL: https://ru.unesco.org/courier/2018-3/lexicon-artificial-intelligence [дата обращения: 04.05.2021].

ГОСТ 33707–2016. Информационные технологии. Словарь. (ISO/IEC 2382:2015) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200139532 (дата обращения: 05.05.2021).

Документы Победы. О проекте // Документы Победы. URL: https://www.документыпобеды.рф/about (дата обращения: 31.03.2021).

Исторический бюджет // Министерство финансов Российской Федерации : офиц. сайт. Раздел «Исторические документы». URL: https://minfin.gov.ru/ru/historylib/ (дата обращения: 31.03.2021).

Ковальченко И. Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 53–86.

Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. М. : Наука, 1983. С. 5–22.

Намиот Д. Е., Куприяновский В. П., Николаев Д. Е., Зубарева Е. В. Стандарты в области больших данных // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Vol. 4. No. 11. Pp. 12–17. URL: http://www.interface.ru/iarticle/files/38744_64850701.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

Новоселова Е. Digital Пётр. Искусственный интеллект расшифровал неразборчивый почерк императора // Российская газ. : федер. вып. 2020. № 291 (8345). URL: https://rg.ru/2020/12/23/iskusstvennyj-intellekt-rasshifroval-nerazborchivyj-pocherk-imperatora.html (дата обращения: 31.03.2021).

Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata (дата обращения: 05.05.2021).

Потанин М., Димитров Д., Шоненков А., Батаев В., Карачев Д., Новопольцев М. Digital Peter: Dataset, Competition and Handwriting Recognition Methods // Cornell University. ArXiv.org. URL: https://arxiv.org/abs/2103.09354; URL: https://github.com/sberbank-ai/digital_peter_aij2020/blob/master/README.ru.md?fbclid=IwAR0HgMDvPouWJ8iuyBWccOvG8-BCGkMszyDwKadfqjwfirB7x1MPC2K1Rk0 (дата обращения: 31.03.2021).

Информационные технологии. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2019, 3.1.2. Большие данные. Обзор и словарь : проект. М. : Стандартинформ, 2020. URL: https://api.bigdata-msu.ru/media/uploads/2020/05/06/1-025-20-20546-2019-end.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

Степанов Д. IBM объявила технологии распознавания лиц злом и не будет их развивать // CNews. 9 июн. 2020. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-06-09_ibm_obyavila_tehnologii_raspoznavaniya?fbclid=IwAR10s_ZNgLpakCCJeekDBjjofDDDJnWNGQh9Q2X9pE50LgICnc8y92-enmM (дата обращения: 31.03.2021).

Об архивном деле в Российской Федерации (с изм. и доп.) : федер. закон от 22 окт. 2004 г. № 125–ФЗ // Федер. архивн. агентство : офиц. сайт. URL: http://archives.gov.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml (дата обращения: 31.03.2021).

Юмашева Ю. Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов. Аудиовизуальные архивы онлайн. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020.

A Guide to Historical Datasets in U.S. and European Social Science Data Archives. Part I: Inter-University Consortium for Political and Social Research, Ann Arbor (Michigan), (ICPSR) ICPSR Machine Readable Datasets (Part II) (Continued) // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 1989. Vol. 14. No. 3 (51). Pp. 123–134. URL: www.jstor.org/stable/20754427 (дата обращения: 05.05.2021).

A Guide to Historical Datasets in U.S. and European Social Science Data Archives. Part XIII: Social Science Data Archive (SSDA), Hebrew University (Mount Scopus Libraries), Jerusalem, Israel // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 1993. Vol. 18, No. 4 (68), pp. 109–111.

Amount of information globally 2010–2024 // Statista. Published by Arne Holst, Feb 5, 2021. URL: https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/ (дата обращения: 31.03.2021).

Archive innovator Vlogbase offers struggling museums an isolation lifeline // Museums+Heritage. Advisors. URL: https://advisor.museumsandheritage.com/news/archive-innovators-vlogbase-offer-struggling-museums-an-isolation-lifeline/ (дата обращения: 31.03.2021).

Archive-It. URL: https://archive-it.org/blog/learn-more/ (дата обращения: 31.03.2021).

Archive-It and Archives Unleashed Join Forces to Scale Research Use of Web Archives // Internet Archive Blogs. URL: http://blog.archive.org/2020/07/28/archive-it-and-archives-unleashed-join-forces-to-scale-research-use-of-web-archives/ (дата обращения: 31.03.2021).

Archives Unleashed. URL: https://archivesunleashed.org/ (дата обращения: 31.03.2021).

Art-UK. URL: https://artuk.org/about/about (дата обращения: 31.03.2021).

Borenstein J., Howard A. Emerging challenges in AI and the need for AI // Ethics education. AI and Ethics, 2021. No. 1. Pp. 61–65. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s43681-020-00002-7 (дата обращения: 31.03.2021).

China Biographical Database Project (CBDB) // Harvard University. URL: https://projects.iq.harvard.edu/cbdb (дата обращения: 31.03.2021).

Codd E. F. A Relational Model of Data for Large Shared Data Banks // Communications of the ACM. 1970. Vol. 13. No. 6. P. 377–387.

Corti L., Thompson P. The Secondary Analysis of Archived Qualitative Data // C. Seale, G. Gobo and F . Gubrium and D. Silverman (eds). Qualitative Research Practice. London : Sage Publications, 2004. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/16387536.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

Culture, Communications // Open Platform for French public Data. URL: https://www.data.gouv.fr/en/topics/culture/ (дата обращения: 31.03.2021).

Data catalog. Access to Archival Databases (AAD) // NARA. URL: https://catalog.data.gov/nl/dataset/access-to-archival-databases-aad (дата обращения: 31.03.2021).

Dataset – Papers Past newspaper open data pilot // National Library. New Zealand. URL: https://natlib.govt.nz/about-us/open-data/papers-past-metadata/papers-past-newspaper-open-data-pilot/dataset-papers-past-newspaper-open-data-pilot?fbclid=IwAR3QD__wQhFb9ndvZHqBPn5aSVknfnA6feLHIQnXEfgWdNRv_Qkm5a9B_c8 (дата обращения: 31.03.2021).

Davis N. Scents of history: study hopes to recreate smells of old Europe // The Guardian. 2020. 20 Nov. URL: https://www.theguardian.com/science/2020/nov/17/scents-of-history-study-hopes-to-recreate-smells-of-old-europe (дата обращения: 31.03.2021).

Deep Discoveries // Towards a national collection. URL: https://tanc-ahrc.github.io/DeepDiscoveries/index.html (дата обращения: 31.03.2021).

DH Advent 2020: зум-митап Центра цифровых гуманитарных исследований. Оцифровка и digital edition // Центр цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ. URL: https://hum.hse.ru/digital/news/422476267.html (дата обращения: 31.03.2021).

Digital Peter: распознавание рукописей Петра I // Artificial Intelligence Journey. URL: https://ai-journey.ru/2020/contest/task01.html (дата обращения: 31.03.2021).

Early Web Datasets & Researcher Opportunities // Internet Archive Blogs. URL: http://blog.archive.org/2021/03/12/early-web-datasets-researcher-opportunities/ (дата обращения: 31.03.2021).

Eisen E. X. Who's Behind That Beard? Historians are using facial recognition software to identify people in Civil War photographs // Slate. URL: https://slate.com/technology/ (дата обращения: 31.03.2021).

Firmani D., Maiorino M., Merialdo P., Nieddu E. Towards Knowledge Discovery from the Vatican Secret Archives. In Codice Ratio. Episode 1: Machine Transcription of the Manuscripts // Cornell University. ArXiv.org. URL: https://arxiv.org/abs/1803.03200 (дата обращения: 31.03.2021).

Fogel R. W., Engerman S. L. Time On The Cross: Evidence and Methods – A Supplement. Boston : Little, Brown and Company, 1974.

Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1964.

Frank S. J., Frank A. M. A Neural Network Looks at Leonardo's (?) Salvator Mundi // Cornell University. ArXiv.org. URL: https://arxiv.org/abs/2005.10600 (дата обращения: 31.03.2021).

Frank S. J., Frank A. M. Analysis of Dutch Master Paintings with Convolutional Neural Networks // Cornell University. ArXiv.org. URL: https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2002/2002.05107.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

Frank S. J., Frank A. M. Salient Slices: Improved Neural Network Training and Performance with Image Entropy // Cornell University. ArXiv.org. URL: https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1907/1907.12436.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

Free dataset downloads. Collection metadata // The British Library. URL: https://www.bl.uk/collection-metadata/downloads# (дата обращения: 31.03.2021).

Galit S. To Explain or to Predict? // Statistical Science. 2010. No. 25 (3). Pp. 289–310.

Gershon L. How Researchers Are Reading Centuries-Old Letters Without Opening Them // Smithsonianmag.com. 2021. 3 Mar. URL: https://www.smithsonianmag.com/smart-news/x-rays-and-algorithms-let-scientists-read-letters-without-unfolding-them-180977138/?fbclid=IwAR1NOeqQt-_TOh9V-a04r_zlLLizdtK5r-N_UUUW5HKBXpdcxHzw-AQD7OY (дата обращения: 31.03.2021).

Google Art & Culture. URL: https://artsandculture.google.com/ (дата обращения: 31.03.2021).

Graham M. Fact Checks and Context for Wayback Machine Pages // Internet Archive blogs. 2020. 30 Oct. URL: http://blog.archive.org/2020/10/30/fact-checks-and-context-for-wayback-machine-pages/ (дата обращения: 31.03.2021).

Granell E., Chammas E., Likforman-Sulem L., Martínez-Hinarejos C.-D., Mokbel C., Cîrstea B.-I. Transcription of Spanish Historical Handwritten Documents with Deep Neural Networks // Journal of Imaging. 2018. Vol. 4. No. 15. DOI:10.3390/jimaging4010015. URL: https://perso.telecom-paristech.fr/lauli/Articles/published_jimaging_2018.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

Hamann H. The German Federal Courts Dataset 1950–2019: From Paper Archives to Linked Open Data // Journal of empirical legal studies. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jels.12230 (дата обращения: 31.03.2021).

Historical Newspapers // Bibliotheque Nationale du Luxembourg. URL: https://data.bnl.lu/data/historical-newspapers/ (дата обращения: 31.03.2021).

In Codice Ratio. URL: http://www.inf.uniroma3.it/db/icr/index.html (дата обращения: 31.03.2021).

Introducing the Wikimedia Enterprise API // Diff Wikimedia Foundation. URL: https://diff.wikimedia.org/2021/03/16/introducing-the-wikimedia-enterprise-api/ (дата обращения: 31.03.2021).

Introduction to The Time Machine Large-Scale Research Initiative // The Time Machine. https://www.timemachine.eu/wp-content/uploads/2019/06/time_machine_info_pack_2019_03_29.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

Japanese Woodblock Print Search. URL: https://ukiyo-e.org/ (дата обращения: 31.03.2021).

Kader P. I., Sittel J., Mauer R., Bulgakowa O., Ewerth R. Automated Visual Content Analysis for Film Studies: Current Status and Challenges // Digital Humanities. 2020. Vol. 14. No. 4. URL: http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/14/4/000518/000518.html (дата обращения: 31.03.2021).

Kahle B. FOSS wins again: Free and Open Source Communities comes through on 19th Century Newspapers (and Books and Periodicals…) // Internet Archive blog. 2020. 23 Nov. URL: http://blog.archive.org/2020/11/23/foss-wins-again-free-and-open-source-communities-comes-through-on-19th-century-newspapers-and-books-and-periodicals/ (дата обращения: 31.03.2021).

Kean S. Artificial Intelligence Is Cracking Open the Vatican's Secret Archives // The Atlantic. 2018. 30 Apr. URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/04/vatican-secret-archives-artificial-intelligence/559205/ (дата обращения: 31.03.2021).

Kelleher J. D., Tierney B. Data Science (Part of The MIT Press Essential Knowledge series. Category: Technology). Cambridge, MA : MIT Press, 2018.

Leibson S. Authenticating Rembrandts: CNNS plus image entropy identify the real paintings among the copies // Intel blogs. 2019. 3 Jun. URL: https://blogs.intel.com/psg/authenticating-rembrandts-cnns-plus-image-entropy-identify-the-real-paintings-among-the-copies/ (дата обращения: 31.03.2021).

Libraries and Archives of Canada // Government of Canada. URL: https://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/open-data/Pages/open-data.aspx (дата обращения: 31.03.2021).

Mao H. H., Li S., McAuley J., Cottrell G. Speech Recognition and Multi-Speaker Diarization of Long Conversations // Cornell University. ArXiv.org. URL: https://arxiv.org/abs/2005.08072 (дата обращения: 31.03.2021).

Microsoft и MIT создали ИИ-алгоритм для поиска взаимосвязей между предметами искусства // Microsoft. Новости. 2020. 18 авг. URL: https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-mit-mosaic/ (дата обращения: 31.03.2021).

Padilla T. Responsible Operations: Data Science, Machine Learning, and AI in Libraries. Dublin, OH : OCLC Research. 2019. URL: https://doi.org/10.25333/xk7z-9g97 (дата обращения: 31.03.2021).

Pardo L. P. Maps and materiality: Charting a course to the past using AI // The National Archives. Blog. 2021. 11 Mar. URL: https://blog.nationalarchives.gov.uk/maps-and-materiality-charting-a-course-to-the-past-using-ai/ (дата обращения: 31.03.2021).

Philips J. P., Tabrizi N. Historical Document Processing: A Survey of Techniques, Tools, and Trends. URL: https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2002/2002.06300.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

PIAAF (Pilote d'interopérabilité pour les autorités archivistiques françaises). URL: https://piaaf.demo.logilab.fr/ (дата обращения: 31.03.2021).

Registry of Open Data on AWS // Amazon Web Services. URL: https://registry.opendata.aws/ (дата обращения: 31.03.2021).

Romero V., Serrano N., Toselli A. H., Sanchez J. A., Vidal E. Handwritten Text Recognition for Historical Documents // Proceedings of Language Technologies for Digital Humanities and Cultural Heritage Workshop (Hissar, Bulgaria, 16 Sept. 2011). Pp. 90–96. URL: https://www.aclweb.org/anthology/W11-4114.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

Sabetsarvestani Z., Sober B., Higgitt C., Daubechies I., Rodrigues M. R. D. Artificial intelligence for art investigation: Meeting the challenge of separating x-ray images of the Ghent Altarpiece // Science Mag. Org. URL: https://advances.sciencemag.org/content/5/8/eaaw7416?fbclid=IwAR1nPJXyB5ln-ruEv5JCJW_mCXSJE_839o9wBfHO7HKI7fEK4dGCK4yWhs8 (дата обращения: 31.03.2021).

Scanning an Ancient Biblical Text That Humans Fear to Open // The New York Times. 2018. 5 May. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/05/science/biblical-codes-morgan-library.html (дата обращения: 31.03.2021).

Seales W. B., Parker C. S., Segal M., Tov E., Shor P., Porath Y. From damage to discovery via virtual unwrapping: Reading the scroll from En-Gedi // Science Advances. 2016. 21 Sept. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5031465/ (дата обращения: 31.03.2021).

Shaun R. Технология распознавания лиц: тайная история // Хабр. 14 августа 2020 г. URL: https://habr.com/ru/company/netologyru/blog/515090/ (дата обращения: 31.03.2021).

Social Networks and Archival Context Cooperative. URL: https://snaccooperative.org/?fbclid=IwAR2Q0ie7Euhd6FkITHrKlTKFyp86y4S25SZStCY3bKytBZ0FkQ6L4ubvVN4 (дата обращения: 31.03.2021).

Storrar T., Talboom L. Network analysis of the UK Government Web Archive // The National Archives blog. 2019. 30 Jul. URL: https://blog.nationalarchives.gov.uk/network-analysis-of-the-uk-government-web-archive/ (дата обращения: 31.03.2021).

Symposium "Archives and AI" by FAN and the UK National Archives // International Council of Archives. URL: https://www.ica.org/en/symposium-archives-and-ai-by-fan-and-the-uk-national-archives (дата обращения: 31.03.2021).

The Time Machine. URL: https://www.timemachine.eu (дата обращения: 31.03.2021).

Traités et accords de la France // Open Platform for French public Data. URL: https://www.data.gouv.fr/en/datasets/traites-et-accords-de-la-france/ (дата обращения: 31.03.2021).

Transcribus. Where AI meets historical documents. URL: https://readcoop.eu/transkribus (дата обращения: 04.05.2021).

Unlocking museum archives in one click: Teesside duo pioneer artificial intelligence tool // Museums+Heritage. Advisors. URL: https://advisor.museumsandheritage.com/features/unlocking-museum-archives-in-one-click-teesside-duo-pioneer-artificial-intelligence-tool/ (дата обращения: 31.03.2021).

Visual Research. PHAROS // PHAROS. URL: http://pharosartresearch.org/; http://images.pharosartresearch.org/ (дата обращения: 31.03.2021).

Vlogbase. URL: https://vlogbase.com/ (дата обращения: 31.03.2021).

Wade N. Unlocking Scrolls Preserved in Eruption of Vesuvius, Using X-Ray Beam // The New York Times. 2015. 20 Jan. URL: https://www.nytimes.com/2015/01/21/science/more-progress-made-toward-learning-contents-of-herculaneum-scrolls.html (дата обращения: 31.03.2021).

Winners of the Nobel Prize for Economics // Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/Winners-of-the-Nobel-Prize-for-Economics-1856936 (дата обращения: 31.03.2021).

Wu C. F. J. Statistics = Data Sciences? // P. C. Mahalanobis Memorial Lectures. 7th series. URL: https://web.archive.org/web/20131029191813/http://www.isical.ac.in/~statmath/html/pcm/pcm_recent.html (дата обращения: 31.03.2021).

Раздел 4
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

УДК 94(470.5).072/.083:930.253:352

А. А. Бакшаев

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОКРУЖНЫХ И ЗАВОДСКИХ АРХИВОВ НА УРАЛЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается становление и развитие архивов горного ведомства на Урале, созданных в начале XIX в. в результате реформы управления горной и металлургической промышленностью. Система архивных учреждений была представлена архивом Уральского горного правления, архивами горных округов и заводов. Отмечается, что структура, функции и кадровый состав горнозаводских архивов определялись отраслевыми нормативными актами. Несмотря на существовавшие в их деятельности проблемы, архивы горного ведомства сохранили огромный комплекс документов по истории металлургической промышленности Урала.

Ключевые слова: окружные и заводские архивы, заводская контора, главная контора, горнозаводской архив, горный округ, Проект Горного положения, Урал.

Первые архивы учреждений горного ведомства создаются на Урале в начале XVIII в. одновременно с формированием региональных органов управления и строительством заводов. В начале XIX в. в ходе реформирования центрального государственного аппарата происходят изменения в управлении горной и металлургической промышленностью. Создается новый центральный орган – Департамент

© Бакшаев А. А., 2021

горных и соляных дел при Министерстве финансов. В это же время формируются региональные учреждения горного ведомства: Уральское горное правление, которому подчинялись органы управления казенными горными округами и заводами [См.: Территориально-экономическое…, 2008, с. 178–186].

В первой четверти XIX в. на Урале создается шесть казенных горных округов: Богословский, Гороблагодатский, Екатеринбургский, Златоустовский, Камско-Воткинский и Пермский. Одновременно с созданием новых органов горнозаводского управления формируется система архивных учреждений горного ведомства, которые были представлены архивом Уральского горного правления, окружными и заводскими архивами.

Дальнейшие изменения в составе горнозаводских архивов Урала происходили в ходе реорганизации учреждений горного ведомства во второй половине XIX – начале XX вв. Так, в 1874 г. отрасль из ведомства Министерства финансов перешла под контроль Министерства государственных имуществ. Сократилось и количество казенных округов, часть которых перешла в частные руки. В итоге, к началу XX в. под управлением Горного департамента осталось 16 предприятий, объединенных в четыре казенных округа (Гороблагодатский, Пермский, Златоустовский, Камско–Воткинский), а также Нижне–Исетский и Каменский заводы бывшего Екатеринбургского округа [см.: Там же, с. 293–297]. Изменения в составе горнозаводских архивов региона представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Состав горнозаводских архивов Урала в XIX – начале XX вв.

Горные округа и архивы	По штатам		
	1827–1829 гг.	1847 г.	1895 г.
Казенных горных округов	6	6	4
в них заводов	18	16	16
управлений рудниками и промыслами	4	6	1
Архивы главных контор	6	6	3
Заводские архивы (в т. ч. Екатеринбургского монетного двора, золотых промыслов и рудников)	20	19	11
Всего горнозаводских архивов	26	25	14

Сост. по: ПСЗ РИ–II, т. 2, № 1022. Книга штатов; т. 3, № 1776. Книга штатов; т. 4, № 2888, 2890. Книга штатов; т. 22, № 21203. Книга штатов; ПСЗ РИ–III, т. 15, №. 11350. Книга штатов.

В первой половине XIX в. система архивных учреждений горного ведомства состояла из архива Уральского горного правления, окружных и заводских архивов. Окружной архив принимал на хранение документы различных подразделений главной конторы: в соответствии со штатами в ее составе создавалось несколько отделений (заводское, судное и полицейское, счетное и др.), разделенных на столы. В большинстве горных округов архив являлся самостоятельным подразделением главной конторы. В Пермском горном округе он входил в состав канцелярии и находился под наблюдением одного из членов присутствия главной конторы. В составе Камско-Воткинского горного округа действовал один Воткинский завод. Поэтому функции главной конторы выполняла заводская контора, в структуру которой входил архив [ПСЗ РИ-II. Т. 2. № 1022. Книга штатов; Т. 3. № 1776. Книга штатов].

Наряду с окружными на предприятиях округа создавались заводские архивы, которые входили в состав заводской конторы как самостоятельные подразделения. Архивы учреждались не только в заводских конторах, но и в органах управления рудниками и промыслами: в частности, в конторах Екатеринбургских и Миасских золотых промыслов, Турьинских медных рудников Богословского округа, Екатеринбургского монетного двора [ПСЗ РИ–II, т. 2, № 1022. Книга штатов; т. 3, № 1776. Книга штатов; т. 4, № 2888, 2890. Книга штатов].

Все архивные учреждения, и горнозаводские архивы в частности, руководствовались в своей работе общими нормами, регулирующими организацию архивного дела в Российской империи. В начале XIX в. продолжали действовать положения Генерального регламента 1720 г., где был раздел, посвященный архивам, а также «Учреждения для управления губерний» 1775 г. С утверждением «Общего учреждения министерств» от 25 июня 1811 г. и «Учреждения губернских правлений» 1845 и 1892 гг. эти документы стали регламентировать процесс работы с документами в органах горнозаводского управления [ПСЗ РИ–I, т. 4, № 3534; т. 20, № 18580; т. 31, № 24686].

Отраслевые нормативные акты регулировали организацию деятельности горнозаводской администрации и вопросы работы с документами в учреждениях горного ведомства. В Проекте Горного положения 1806 г. определялись состав и функции местной горнозаводской администрации; в штатах казенных горных округов (1827–1829 и 1847 гг.) – структура управления горными округами и заводами, численность и заработная плата служащих. Порядок комплектования, хранения, описания дел и другие вопросы работы с документами в учреждениях, подведомственных Министерству финансов, регламентировались в «Правилах о порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству финансов и учреждениям его ведомства» от 9 июня 1864 г. [Правила…, 1916].

Нормативные документы, регламентирующие работу с документами, были составлены в начале XIX в. для ряда казенных горных округов Урала, а также заводских контор. В фондах Государственного архива Свердловской области были выявлены подобные инструкции для главных контор Златоустовского и Пермского округов, предприятий Екатеринбургского округа (Каменского и Нижнеисетского заводов, Березовских золотых промыслов) [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1778, л. 64–68, 71–72].

Кадровый состав окружных и заводских архивов определялся штатами горных округов. Во главе окружного архива был поставлен архивариус, в чьи обязанности входило содержание документов в порядке, прием вновь поступивших дел и распределение их в архиве «по предметам». В его подчинении находился штат работников: помощники, переплетчики и писцы. В некоторых округах в архиве главной конторы работал лишь архивариус. В заводской конторе также вводилась должность архивариуса, в помощь которому придавались писцы и переплетчики. На небольших предприятиях в штат заводского архива входил только архивариус. В целом, кадры окружных и заводских архивов в конце 20-х годов XIX в. были представлены 46 работниками (Табл. 2).

Таблица 2.

Кадровый состав архивов горного ведомства на Урале в XIX – начале XX вв.

Кадровый состав	По штатам 1827–1829 гг.		По штатам 1847 г.		По штатам 1895 г.	
	работников	заработная плата, руб.	работников	заработная плата, руб.	работников	заработная плата, руб.
Архивариусов главных контор	6	240–585	6	72–180[1]	3	420[2]
Архивариусов заводских контор	18	120–300	18	54	–	–
Помощников	5	120–280	–	–	–	–
Переплетчиков	11	60–140	24	15–25	–	–
Писцов	4	96–120	–	–	–	–
Итого	46	–	48	–	3	–

Сост. по: ПСЗ РИ–II, т. 2, № 1022. Книга штатов; т. 3, № 1776. Книга штатов; т. 4, № 2888, 2890. Книга штатов.

[1] В штатах 1847 г. вследствие денежной реформы 1839–1843 гг. оклады исчислялись не в ассигнациях, а в рублях серебром.

[2] Заработная плата включала столовые и квартирные деньги.

Штатами казенных округов 1847 г. должностной состав работников горнозаводских архивов был приведен к единообразию: в каждом окружном и заводском архиве должны были состоять архивариус и переплетчик. Количество архивных работников по сравнению с предыдущими штатами увеличилось незначительно и составило 48 человек. В конце XIX в. были утверждены новые штаты казенных горных округов Урала, в которых число должностей архивных работников сократилось до минимума. Так, должности архивариусов остались лишь в трех главных конторах: Гороблагодатских, Златоустовских и Пермских пушечных заводов. При этом обязанности архивариусов обычно совмещались с функциями экзекутора. В главной конторе Камско-Воткинского округа, а также в заводских конторах такие должности не были предусмотрены новыми штатами. Вероятно, за состоянием заводского архива следили другие работники заводских контор (старшие или младшие делопроизводители) [ПСЗ РИ–II, т. 22, № 21203. Книга штатов; ПСЗ РИ–III, т. 15, №. 11350. Книга штатов].

Размер жалования архивных работников зависел от уровня управления (архивариусы главной конторы получали почти в два раза больше архивариусов заводских контор), а также особенностей положения горного округа. Например, заработная плата в Богословском и Гороблагодатском округах была выше, чем в ряде других казенных округов, что объяснялось суровостью климата в этих удаленных северных районах и дороговизной продовольствия. С утверждением штатов 1847 г., несмотря на рост уровня жизни, зарплаты чиновников горнозаводской администрации в целом, и архивных работников в частности, не увеличились. Жалование архивных работников соответствовало должностным окладам других чиновников горнозаводской администрации. В частности, жалование архивариуса окружного архива равнялось окладу столоначальника, заводского архива – помощника столоначальника [ПСЗ РИ–II, т. 2, № 1022. Книга штатов; т. 3, № 1776. Книга штатов; т. 4, № 2888, 2890. Книга штатов; т. 22, № 21203. Книга штатов].

Порядок подготовки дел к сдаче в архив, их хранения и использования на всех казенных заводах был единообразным и соответствовал нормам министерского делопроизводства. Комплектование архивов осуществлялось за счет передачи документов из соответствующих структурных подразделений главной и заводской контор. Нормативные документы требовали от них сдавать документы через год. Ни одно дело не должно было оставаться в столах более двух лет, за исключением «всегдашнего производства и справок». Передача дел происходила с разрешения главной конторы, для чего из структурных подразделений предоставлялись описи на утверждение. Прием доку-

ментов производил архивариус, проверявший состояние дел, наличие описей и доносивший об этом управителю [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1778, л. 126–127].

Но такой порядок передачи дел в архив не всегда соблюдался. Сообщения заводских архивариусов свидетельствуют о том, что и после передачи дел в архив они еще долгое время оставались не сформированными. В частности, в архиве главной конторы Пермских заводов в начале XIX в. было сосредоточено более 10 тыс. дел, из них более 7 тыс. не были оформлены должным образом, около 4 тыс. дел не имели обложек. Большинство документов архива не было описано. Так, из всего объема хранящихся дел только на 370 были составлены описи [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1627, л. 128–129].

В таком же состоянии находился и самый крупный по составу фондов горнозаводской архив Урала – Екатеринбургский. Обследовавший его в 1845 г. обер-бергмейстер Матвеев сообщал, что множество дел передавалось в архив непереплетенными. Формировать дела и приводить их в порядок приходилось уже в архиве в летнее время. Зимой этого не делали из-за отсутствия тепла, так как в помещениях архива не были установлены печи по причине боязни пожара. Всего Матвеевым в Екатеринбургском архиве было найдено более 4 тыс. дел без обложек и более 3 тыс. непереплетенных. Более того, проверка показала отсутствие значительного количества документов (5 943 дела). Поиск дел и виновных в их утрате продолжался долгое время и не дал результатов [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1765, л. 7 об. – 8 об.; оп. 2, д. 8860, л. 1–2; Цеменкова, 2007а, с. 112].

Архивные документы часто размещались в неприспособленных помещениях. Например, в Екатеринбургском заводском архиве из-за нехватки места документы располагались в окнах. Горный начальник после осмотра архива в 30-е гг. XIX в. сообщал: «при обозрении мной архива, устроенного под корпусом главной конторы, замечено, что по неимению в архиве достаточного помещения, дела хранятся не в должном порядке, кроме того, из главной и заводской контор многие решенные дела остаются несданными для хранения в архив по тесноте его; между тем в архиве находится много старинных дел, совершенно не нужных ни для каких справок» [цит. по: Буткова и др., 1983, с. 115].

Заводское начальство и ответственные за состояние архива обращали мало внимания на сохранность документов и организацию их охраны. Гороблагодатский заводской архив в начале XIX в. находился в здании главной конторы округа и представлял собой четыре «архивных чулана», находившихся в центральной части здания без окон и печей. Заводской архивариус Шишев в показаниях, данных в ходе расследования пожара в заводском архиве в 1813 г., сообщал, что дверь

была уже полгода закрыта на замок. Сам он все это время в архив не входил и ключа никому не давал [ГАСО, ф. 24, оп. 33, д. 241, л. 40].

Активная работа по проведению экспертизы ценности документов в учреждениях горного ведомства начинается во второй половине XIX в. В начале 50-х годов XIX в. главный начальник горных заводов Уральского хребта В. А. Глинка обратил внимание на большой объем документов, накопившийся в горнозаводских архивах. Это в свою очередь приводило к тому, что дела в окружных и заводских архивах хранились в неприспособленных помещениях. Из-за нехватки мест для хранения документы передавались с нарушением сроков или не передавались вообще, а находились в течение длительного времени в структурных подразделениях. Главный начальник отмечал, что многие документы «не имеют никакой важности» и не нужны для справок. Для освобождения архивов от ненужных документов он предлагал провести их разбор [Олькова, 2005, с. 339–340].

Работа по экспертизе ценности документов как в архиве Уральского горного правления, так и в местных архивах горного ведомства началась после утверждения в 1864 г. «Правил о порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству финансов и учреждениям его ведомства». Горный департамент предписал главному начальнику уральских заводов произвести разбор дел и создать для этого особые комиссии. Во исполнение распоряжения Горного департамента главный начальник приказал составить в горных округах «примерные росписания производящимся делам» и представить их в Горный департамент на утверждение. Следовало также начать разбор дел, распределение их на разряды в соответствии с «росписаниями» и составление описей дел постоянного, временного сроков хранения и дел, предназначенных к уничтожению. Описи должны были составляться по каждому заводу округа. Сведения о делах, которые должны быть уничтожены, следовало отправить в Горный департамент на утверждение [Исаева, 2002, с. 311].

В состав разборочных комиссий входили местные горные чиновники. В частности, на Воткинском заводе комиссию составляли смотритель заводских школ титулярный советник Семенов, столоначальник Главной конторы губернский секретарь Шерстобитов и архивариус. Перепиской описей занимались два писца. Работа комиссий продвигалась медленно, так как служащие были заняты на основной работе и не могли уделять разбору дел достаточно времени. Кроме того, они не были достаточно компетентны в определении ценности документов [Там же, с. 312].

В процессе использования документов горнозаводских архивов можно выделить несколько направлений: подготовка справок

по запросам горнозаводской администрации и других учреждений, подготовка и выдача справок по частным запросам, использование документов в научных и исторических исследованиях [Цеменкова, 2007б, с. 316]. По нормативным документам, справки составлялись в тех конторах, которые сдавали документы в архив. Для этого дела доставлялись из архива по особым запискам, составляемым делопроизводителем. Эти документы оставались в архиве и служили распиской в получении дела. После возвращения дела в архив записки уничтожались. При этом архивариус делал в книге отметку о возвращении дела [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1778, л. 147].

В горнозаводских архивах осуществлялось и выявление документов в научных целях. Например, поиском документов в Екатеринбургском заводском архиве занималось местное горное научное общество по поручению Департамента горных и соляных дел. Члены общества, горные офицеры, искали информацию о деятельности на Урале В. И. Геннина для составления биографий «знаменитых горных чиновников». Во второй половине XIX в. в архиве Уральского горного правления и Екатеринбургском заводском работали местные краеведы Н. К. Чупин, В. Н. Шишонко и др. По документам горнозаводских архивов были написаны работы по истории уральской промышленности, отдельных округов и заводов [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1635, л. 48 – 48 об., 59–60, 114–114 об., 116].

В итоге можно констатировать, что система горнозаводских архивов, которая начала формироваться еще в начале XVIII в., получила дальнейшее развитие в XIX – начале XX вв. Изменения в составе архивов горного ведомства были связаны с реформированием системы управления горнозаводской промышленностью Урала. Окружные и заводские архивы сыграли важную роль в сохранении документов по истории уральской металлургии XVIII – начала XX вв. Впоследствии эти материалы поступили в государственные хранилища Урала и представляют несомненный интерес для историков.

Буткова И. А., Ромме М. А., Черноухов А. В. К вопросу об источниковой базе изучения истории Урала (Экспертиза ценности документов в 40–70-х гг. XIX в.) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1983. С. 113–120.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное правление.

Ф. 25. Главная Контора екатеринбургских казенных горных заводов.

Ф. 43. Канцелярия главного начальника Уральских горных заводов.

Исаева С. А. К вопросу об экспертизе ценности документов в горно-заводских архивах во второй половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 304–318.

Козлов А. Г. Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как основной источник по истории казенных заводов Урала // Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 1. Свердловск : Кн. изд-во, 1960. С. 14–30.

Олькова А. А. Обеспечение сохранности документов в архиве Уральского горного управления // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 336–357.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. первое (ПСЗ РИ–I); Собр. второе (ПСЗ РИ–II); Собр. 3 (ПСЗ РИ–III). URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 13.05.2021).

Правила о порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству финансов и учреждениям его ведомства : утв. Министром финансов 9 июня 1864 г. // Сб. материалов, относящихся до архивной части в России. СПб : Типогр. Гл. упр. уделов, 1916. Т. 1. С. 163–164.

Территориально-экономическое управление в России XVII – начала XX века: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. М. : Наука, 2008.

Цеменкова С. И. Из истории архивного дела на Урале (конец XVIII – начале XX вв.) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 8. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 106–115. (а)

Цеменкова С. И. Использование документов горнозаводских архивов Екатеринбурга во второй половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 7. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 316–323. (б)

УДК 930.22

В. М. Маркевич

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДОКУМЕНТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Становление отечественного документоведения началось в 60-е гг. XX века и на сегодняшний день данная научная дисциплина является относительно молодой. Вопрос об объекте документоведения остается дискуссионным. Более того, в связи с принятием международных стандартов в качестве национальных возникает проблема соответствия значений отечественных и привнесенных из международной практики терминов. Это напрямую касается и понятия «документ». В статье предпринимается попытка с позиции междисциплинарного подхода проанализировать достигнутый уровень научного знания о документе с целью определить дальнейшую траекторию его развития.

Ключевые слова: документ, документоведение, междисциплинарный подход, терминосистема.

© Маркевич В. М., 2021

В настоящее время одной из главных задач для такой относительно молодой научной дисциплины как документоведение является осмысление базового понятия «документ». Несмотря на то, что идут бурные дискуссии между исследователями, до сих пор не выработано единого подхода к трактовке данного термина. Законодательные и нормативные акты также не дают однозначного ответа, более того, в связи с принятием международных стандартов в качестве национальных возникает проблема соответствия значений отечественных и зарубежных терминов. Это напрямую касается и понятия «документ». Актуальность и своевременность обновления законодательства в области управления документами обусловлена, с одной стороны, ее динамичным развитием, а с другой – ярко обозначившимся в последние годы разрывом между потребностями практики и ее законодательным обеспечением.

Поскольку история развития и становления документоведения как научной дисциплины в нашей стране имеет свою специфику, которая весьма отличается от европейской практики, подавляющее большинство литературы составляет отечественная историография.

Из зарубежной литературы по вопросам, связанным с понятием документа, можно выделить словари архивной терминологии [Pearce-Moses, 2005], концепции организации электронного документооборота иностранных государств [Dokumentenmanagement…]. Поскольку данные справочники не носят нормативного характера, в них дается широкая трактовка документа, однако, по ним можно судить о научных достижениях передовых стран в изучении исследуемого термина.

Статьи профессора университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине К. Скупенски посвящены подходам к дефиниции документа в таких дисциплинах как дипломатика, архивоведение и управление записями. Ученый отмечает, что именно дипломатика является фундаментальной наукой, которая исследует «сущность и создание документации, анализируя генезис, внутреннее устройство и трансмиссию документов, а также их отношения с представляемыми в них фактами, и отношения с их создателями» [Скупенски, 2016, с. 28], а архивоведение и управление записями являются вспомогательными науками, в то время как в России, так и в других европейских странах эти науки давно являются самостоятельными. Работы крайне важны для анализа сопоставления трактовок документа не только с отечественным, но и с зарубежным опытом.

Ряд отечественных специалистов [см.: Ларин, 2000а, 2000б, 2002; Ларин, Рысков, 2005; Плетнева, 2013; Храмцовская] занимаются изучением нормативно-правовой базы зарубежных стран, в том числе понятийным аппаратом в сфере управления документами. Без внимания

не остаются вопросы, связанные с дефиницией «документ», поскольку именно она является ключевой для данной сферы деятельности.

Осмысление сущности понятия «документ» в отечественной практике началось еще в 50-е гг. XX в. К настоящему времени отечественным документоведением накоплен значительный опыт, который находит свое отражение в научных трудах ВНИИДАД, сборниках статей, учебных и методических пособиях, материалах конференций. Однако, несмотря на то что данная проблема бурно обсуждается в научных кругах, крупных диссертационных, монографических исследований по изучению именно категории документа, к сожалению, до сих пор нет.

В диссертационных исследованиях учеными затрагиваются лишь отдельные терминологические аспекты документа. Так, в работе М. В. Ларина «Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии» подробно рассматривается история развития термина «документ», причины его возникновения, его функции, особое внимание уделяется документу как инструменту управления и его характеристикам [см.: Ларин, 2000б].

Диссертация Е. В. Кузнецовой «Институциональная природа управленческого документа» посвящена институциональному содержанию управленческих документов, которое, по мнению автора, позволяет не только преодолеть одностороннее видение управленческого документа, сведение проблем документа только к его материальному носителю, но и позволяет выделить в качестве его важнейшей составляющей социальное содержание, определяющее систему социальных отношений и деятельности в организациях различного масштаба [см.: Кузнецова, 2004, с. 4].

В диссертации В. А. Бондаря «Эволюция терминологии в сфере управления документами в России в конце 1950-х – 2013 гг.» были выделены основные этапы эволюции системы терминов, в том числе и термина «документ», а также факторы, определяющие ее развитие на каждом этапе, проанализирован состав терминов, определены роль и место каждой группы в рамках терминосистемы. В работе представлен научный обзор научных теорий и подходов к изучению понятия «документ» и связанных с ним терминов в сфере управления документами, который представляет интерес для изучения и рассмотрения [см.: Бондарь, 2015].

Диссертация Г. А. Двоеносовой «Синергетическая теория документа» посвящена изучению социальной сущности документа. Особое внимание Г. А. Двоеносова уделяет вопросам истории возникновения и эволюции развития понятия «документ». Проведенное исследование позволило автору разработать синергетическую теорию

документа, согласно которой документ является инструментом самоорганизации общества. В рамках данной теории Г. А. Двоеносовой было сформулировано собственное определение документа, а также был выделен ряд признаков, свойств и функций документа как системного объекта [см.: Двоеносова, 2017].

Изучение диссертационных исследований показывает, что проблема терминологии «документа» частично рассматривается специалистами в сфере управления документами, поэтому данная дефиниция нуждается в более глубоком рассмотрении и анализе.

В нашей стране историю развития понятия «документ» можно разделить на три этапа в зависимости от подходов к изучению исследуемой дефиниции.

Изучение понятия «документ» как отдельной категории началось с середины 50–60 гг. XX в., прежде всего, в трудах основоположника отечественного документоведения К. Г. Митяева. Им впервые в отечественной практике была сформулирована научная трактовка документа, рассмотрены его функции, определены предмет и задачи документоведения, что послужило фундаментом для развития документоведения как научной дисциплины. Кроме того, именно документ становится ключевым понятием для данной сферы. В. статье «Документоведение, его задачи и перспективы развития» К. Г. Митяев рассматривает документ как результат процесса документирования, тем самым формируя сущностно-функциональный подход к изучению документа в отечественной науке, который задал направление научной мысли на последующие два десятилетия и в дальнейшим нашел свое отражение в трудах отечественных специалистов [см.: Митяев, 1964].

Научные труды К. Г. Митяева являются безусловно важными и крайне интересными для изучения истории развития понятия «документ», также они дают представление о развитии научной мысли, поскольку являются фундаментом для исследований в отечественном документоведении.

В 60–80-е гг. XX в. начинает складываться информационно-генетический подход к изучению документа. В рамках данного подхода документ рассматривался в контексте наук об информации. Представителями информационно-генетического подхода являются: Г. Г. Воробьев, А. И. Михайлов и др. Теоретическое обоснование такого взгляда на документ полезно для сопоставления, прежде всего, с документоведческими трактовками, а также для сравнения их с современными подходами к документу с точки зрения наук об информации, поскольку информационный подход к изучению документа развивается и по сей день [см.: Воробьев, 1973; Михайлов, 1965].

В 80–90-е гг. XX в. формируется третий подход к изучению понятия «документ» – информационно-структурный. Он характеризуется, прежде всего, повышенным вниманием к изучению и соотношению понятий информации и материального носителя. В это время Б. С. Илизаров впервые выдвинул концепцию документологии как обобщающей теоретической дисциплины для изучения документа. Это предложение может быть использовано для сопоставления с теориями и концепциями, получившими развитие в современных условиях [см.: Илизаров, 1984].

Таким образом, в советский период сложились три последовательно сменившие друг друга подхода к изучению документа: сущностно-функциональный, информационно-генетический и информационно-структурный. Все они заложили основу для существующих в настоящее время научных взглядов и возможности для дальнейших теоретических исследований для понятия «документ».

Начиная с 90-х гг. XX в., во всех сферах жизни российского общества произошли серьезные изменения, что выразилось в необходимости оформлении новых теоретических подходов к изучению документа.

Во второй половине 90-х гг. XX в. появились работы, представившие обновленную версию документоведения. В книге «Теория документирования» Н. Б. Зиновьева отчасти переосмысливает положение о документе как результате процесса документирования и перестраивает ядро терминосистемы из-за изменения подхода к документу [см.: Зиновьева, 2011].

В настоящее время историография документа является малоизученным вопросом в отечественном документоведении. Обобщению накопленного теоретического опыта, начиная с 1960–2000-х гг., анализу динамики взглядов отечественных ученых на объект документоведения посвящены работы В. А. Бондаря и Н. Г. Суровцевой. Статьи ценны с точки зрения теоретической составляющей, а также с точки зрения истории изучения исследуемого термина [см.: Бондарь, 2014, Суровцева, 2016].

На современном этапе вопрос о понятии «документ» не остается без внимания отечественных специалистов, поскольку данный термин является ключевым в сфере управления документами. Его уточнение и конкретизация необходимы, так как именно документ является основой для всей терминосистемы в целом и является объектом многих научных дисциплин, в том числе и документоведения.

Именно по причине разнообразия сфер применения документа каждая из изучающих его научных дисциплин них предлагает собственный подход. Обобщив теоретические исследования специали-

стов, можно выделить следующие современные направления к изучению документа: социальный, синергетический, информационный, управленческий и книговедческий.

Социальный подход выражается в том, что различные трактовки понятия «документ» даются учеными через социальные признаки, свойства и функции документа. Сформулировать первоначальную парадигму документоведения как науки об обществе, включая представления о ее объекте, в 1960–1980-е гг. попыталась А. Н. Сокова. Она исходила из того, что документоведение относится к группе наук об обществе, поскольку документ является «одним из средств, при помощи которого функционирует, управляется, фиксирует и сохраняет информацию человеческое общество». Учебное пособие А. Н. Соковой может быть весьма полезно для усовершенствования теоретической части исследования при изучении социального подхода, поскольку оно является одним из наиболее фундаментальных. Кроме того, оно полезно для уточнения истории развития понятия «документ» в целом [см.: Сокова, 2009].

В статье М. В. Большедворской рассматривается эволюция понятия «документ», а также его взаимосвязь с науками об обществе. Автор формулирует собственное определение документа с точки зрения социального подхода, которое также нуждается в анализе и интерпретации [см. подробнее: Большедворская, 2012].

Серьезный научный интерес представляют работы Н. С. Ларькова. В своих исследованиях он подчеркивает социальную природу происхождения документа, считая, что вне общества и в условиях независимости от него документ не может ни возникнуть, ни существовать. Социальная сущность документа, по его мнению, выражается прежде всего в его функциях –коммуникативной, правовой, регулятивной и др. [см.: Ларьков, 2006, 2008].

Интересна теория документной коммуникации, предложенная А. В. Соколовым. Он рассматривает документ в качестве инструмента коммуникации и определяет его как разновидность сообщения. Предложенное А. В. Соколовым понимание документа представляется перспективным для проведения междисциплинарных исследований и разработок в рамках общей теории документа [см.: Соколов, 2002].

Представителем синергетического подхода к изучению документа является Г. Н. Двоеносова. Ее подход является разновидностью социального и рассматривается как научная теория о самоорганизации. По мнению Г. А. Двоеносовой, основным инструментом социальной самоорганизации, сохранения социального порядка является документ, именно в этом заключается его главная социальная роль. Данная теория может быть рассмотрена в качестве альтернативной, призван-

ной помочь в определении дальнейших тенденций развития понятия «документ» [см. подробнее: Двоеносова, 2016, 2017].

Информационный подход к изучению документа находит выражение в контексте наук об информации, а также через различные трактовки понятия «документ», которые даются специалистами через информационные признаки, свойства и функции документа. В рамках данного подхода особое внимание уделяется изучению понятий информации, ее носителя и их соотношения.

В статье И. Г. Моргенштерна ставится вопрос о сравнительной важности информации и носителя. Автор считает, что документ в электронном виде утрачивает свою вещную определенность, в связи чем делает вывод о том, что документ – это информационный объект. Работа может быть полезна для изучения противоречий в законодательных и нормативных актах по вопросам стандартизации понятий «документ» и «электронный документ» [см.: Моргенштерн].

Особый научный интерес представляет статья Л. Н. Мазур, в которой документ рассматривается как элемент информационной среды общества. Л. Н. Мазур рассматривает историю развития понятия «документ» через эволюцию информационной среды. В работе подчеркивается, что с развитием информационных технологий и информационной среды общества трансформируется и понятие «документ». Предлагаемая научная теория сегодня весьма актуальна, поскольку дает возможность проследить не только историю развития понятия «документ» в целом, но и историю его информационного потенциала [см.: Мазур].

Управленческая концепция документа нашла отражение в трудах М. П. Илюшенко, Т. В. Кузнецовой, Ю. В. Нестеровича [Илюшенко и др., 1977; Кузнецова, 2004]. М. В. Ларин дал краткий очерк истории понятия «документ» в статье «Развитие понятия “документ”», а в более полном виде – в книге «Управление документацией в организациях» [Ларин, 2000а, 2002]. Проблемы эволюции понятия были рассмотрены в тесной связи с управленческой деятельностью и развитием управленческого документа. Такой подход позволяет систематизировать накопленные знания и уточнить представления об управленческой документации [См.: Илюшенко и др., 1977; Кузнецова, 2004; Ларин, 2000].

Размышления над теоретическими проблемами трактовки понятия «документ» получили отражение и в книговедческой концепции. В книговедческих и библиографических дисциплинах много внимания уделено теоретической разработке понятия «документ» как междисциплинарного и изучению соотношения трактовок документа и книги.

Ю. Н. Столяров размышляет над теоретическими проблемами трактовки понятия «документ», включая обоснование существования общего документоведения или документологии. Он предложил ввести в понятие «документ» две части: инвариантную и вариативную. Инвариантную часть, по его мнению, нужно позаимствовать из международного опыта определения понятия «документ», а вариативную необходимо вырабатывать, исходя из специфики той сферы, к которой относится данный вид документа. Предложенные Ю. Н. Столяровым подходы могут рассматриваться как альтернативные в изучении документа в контексте междисциплинарного подхода [см.: Столяров, 2005, 2010].

Рассмотрение понятия «документ» с точки зрения общей теории документа и книги было предпринято Г. Н. Швецовой-Водкой. Исследовательница определяет документ как особую форму канала коммуникации. Каналом передачи информации, по ее мнению, выступает документ. Работа дает альтернативный взгляд на документ, способный учитывать неразрешенные на уровне стандартизации терминологические проблемы [см.: Швецова-Водка, 2009].

Несмотря на то, что существует множество подходов к определению документа, некоторые специалисты, в частности Н. Г. Суровцева, считают, что нет смысла в поиске единого универсального определения документа, пока однозначно не будет определена предметная область документоведения как научной дисциплины. Данная точка зрения иллюстрирует еще одну важнейшую проблему отечественного документоведения – определение предмета документоведения. Для решения этой задачи необходимы определение и классификация признаков, свойств и функций документа [см.: Суровцева, 2015].

Как видим, существует множество подходов к определению документа, однако единого понимания среди специалистов нет. Проведение терминологического анализа трактовок понятия «документ» является необходимым условием для решения проблемы соотношения существующих подходов с представителями смежных наук, в сферу интереса которых входит понятие «документ». Именно учет и анализ существующих трактовок документа позволяет говорить о применении междисциплинарного подхода к изучению документа, а также о тенденциях развития исследуемой дефиниции.

Большедворская М. В. Понятие «документ» в социальных науках // Документ: история, теория, практика : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 46–50.

Бондарь В. А. Концептуальные подходы к изучению терминов в отечественных науках о документе в 60-е – нач. 90-х гг. XX в. // Вестн. Вят. гос. гум. ун-та. 2014. № 2. С. 33–37.

Бондарь В. А. Эволюция терминологии в сфере управления документами в России в конце 1950-х – 2013 гг. : дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ. М. : Наука, 1973.

Двоеносова Г. А. Синергическая модель документа // Науч. вестн. Крыма. 2016. № 4. С. 1–5.

Двоеносова Г. А. Синергетическая теория документа : дис. … докт. ист. наук. М., 2017.

Зиновьева Н. Б. Теория документирования : учеб.-метод. пособие. М. : Литера, 2011.

Илизаров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения : учеб. пособие. М. : МГИАИ, 1984.

Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З. Документоведение: документ и системы документации : учеб. пособие. М. : МГИАИ, 1977.

Кузнецова Е. В. Институциональная природа управленческого документа : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2004.

Ларин М. В. Развитие понятия «документ» // Делопроизводство. 2000. № 1. С. 5–9. (а)

Ларин М. В. Управление документацией в организациях. М. : Науч. книга. 2002.

Ларин М. В. Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии : дис. … докт. ист. наук. М., 2000. (б)

Ларин М. В., Рысков О. И. Управление документами на основе международного стандарта ИСО 1544892001-2001 : метод. пособие. М. : ВНИДАД, 2005.

Ларьков Н. С. Функциональный анализ документа // Документ в системе социальных коммуникаций : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 45–49.

Ларьков Н. С. О предмете и объекте документоведения как междисциплинарного научного направления // Документ в парадигме междисциплинарного подхода : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 17–25.

Мазур Л. Н. Документ как элемент информационной среды общества. URL: http://www.vestarch ive.ru/2014-1/31 54-dokyment-kak-element-informacionnoi- (дата обращения: 24.12.2020).

Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопр. архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.

Михайлов А. И. Основы научной информации. М. : Наука, 1965.

Моргенштерн И. Г. Документ: информация и/или носитель? URL: http://ellib. gpnt b.ru/subscribe/index.php?art=2 0&journal= ntb&nu m=2&year=2003 (дата обращения: 24.12.2020).

Плетнева М. В. Становление и развитие системы управления документацией в США: теоретический и нормативно-правовой аспекты : заключит. отчет о НИР. Екатеринбург, 2013.

Скупенски К. Документы в круге дипломатики, архивоведения и управления записями: проблемы дефиниции, классификации и функций // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Междунар. науч.-практ- конф., Екатеринбург, 2–3 дек. 2016 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 27–31.

Сокова А. Н. Документоведение: теория и практика : избр. тр. М. : ВНИИДАД, 2009.

Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. СПб : Михайлов, 2002.

Столяров Ю. Н. Документ: инвариантная и вариативные компоненты дефиниции // Науч. и техн. библиотеки. 2010. № 11. С. 25–33.

Столяров Ю. Н. Документ – понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) // Делопроизводство. 2005. № 4. С. 11–18.

Суровцева Н. Г. Объект и предмет документоведения: историография определения (1960–2000-е гг.) // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 9–17.

Суровцева Н. Г. Влияние междисциплинарного подхода на формирование терминосистем документоведения и смежных научных дисциплин // Вестн. РГГУ. 2016. № 4. С. 62–70.

Храмцовская Н. Франция изменила определение понятий «документы» и «государственные документы». URL: http://rusrim.blogspot.ru/2016/09/blog-post_28.html?m=1 (дата обращения: 24.12.2020).

Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги : уч. пособие. М. : Рыбари, 2009.

Dokumentenmanagement und elektronische Archivierung im IT–gestützten Geschäftsgang: DOMEA-Konzept Organisations konzept 2.1. URL: domea_konzept_organisationskonzept_2_1.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (yandex.ru) (дата обращения: 24.12.2020).

Pearce-Moses R. A Glossary of Archival and Records Terminology. Chicago : Society of American Archivists, 2005.

УДК 94(47).084.6/.084.9:930.25

Е. В. Огуренко

АРХИВНАЯ СЛУЖБА СССР В 1938–1962 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье рассматривается комплекс исследований, посвященных архивному строительству в СССР в период вхождения архивной системы в состав НКВД–МВД (1938–1962 гг.). Объектом изучения является архивная служба СССР как единая совокупность архивных учреждений – органов управления, сети государственных архивов и научно-исследовательских учреждений. Рассмотрению подвергаются основные направления в изучении «ведомственного периода» в советской и современной российской историографии.

Ключевые слова: послевоенный период, архивное дело в СССР, история архивоведческой мысли, НКВД, МВД.

Рассматриваемый в работе период пребывания архивной отрасли в системе НКВД–МВД являет собой противоречивый этап в истории отечественных архивов. Он берет начало с выхода соответствующего Указа Президиума Верховного совета СССР 15 апреля 1938 г. и завершается окончательным переводом архивных отделов в подчинение исполкомам Советов в конце 1962 г. Историография темы обширна

© Огуренко Е. В., 2021

и состоит из монографий, учебных пособий и исследований в научных периодических изданиях.

Устоявшегося в историографии наименования для рассматриваемого периода не существует. В период 1990–2000-х гг. некоторую популярность приобрел оборот «командно-административная система управления архивами». Однако для описания архивной службы эта формулировка не совсем подходит, будучи заимствованной из политической истории. Формулировка подходящего названия для столь противоречивого периода в истории отечественных архивов – одна из задач историографии. При последующих упоминаниях уместно применять оборот «ведомственный период» как более лаконичный и содержащий в себе явное указание на подчиненный характер архивной службы.

Неоднозначны взгляды на хронологию и периодизацию. В архивоведческом научном поле отсутствует практика целостного восприятия периода. В вопросе изучения истории и организации архивного дела в советской историографии сложилось два основных подхода – изучение трансформаций управленческих структур – «управление архивами» (В. С. Боброва, В. И. Вяликов, В. В. Максаков, А. Л. Солодовникова, Т. И. Хорхордина) и исследование развития государственного архивного фонда – «управление информацией» (Г. И. Дремина, В. Е. Корнеев, В. А. Савин). В рамках первого подхода исследователи в целом солидарны в разделении периода на три этапа: предвоенный (1938–1941 гг.), период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и послевоенный период (1945 – 1960-е гг.) [Боброва, 2010а; Вяликов, 1972, 1976; Максаков, 1969; Солодовникова, 2006; Хорхордина, 1994]. Этот подход отличает рассмотрение архивной отрасли с точки зрения государственного управления. Встраивая архивы в контекст истории страны, исследователи формулируют концепцию их места в государстве и обществе. В рамках второго подхода не существует единого взгляда на периодизацию. Г. И. Дремина выделяет три периода: 1918–1941 гг., 1941–1955 гг. и 1956–1970 гг. [Дремина, 1972]. Автор удачно отмечает этапы изменения государственной политики по отношению к государственному архивному фонду. В. Е. Корнеев выделяет 1929 г. – июнь 1941 г., июнь 1941–1945 гг., 1945–1956 гг., вторую половину 1950-х – 1980-е гг. [Корнеев, 1989]. Данный взгляд наиболее приближен к первому подходу, Так же, как и Г. И. Дремина, В. Е. Корнеев отмечает «десталинизацию архивов» в 1956 г. Современный исследователь В. А. Савин использует следующее деление: 1918 г. – начало 1930-х гг., начало 1930-х – март 1941 гг. [Савин, 2000]. Продолжая линию Г. И. Дреминой, он выделяет принятие Положения о ГАФ в 1941 г. как значительную веху в централизации архивного

дела в стране. Так исследователи предпринимают попытку сформировать единую историю управления государственным архивным фондом как особого историко-культурного комплекса.

Таким образом, важно выделить индивидуальность подходов к изучению развития архивного дела в ведомственный период. Важно подчеркнуть взаимосвязь подходов к всестороннему исследованию архивной отрасли как со стороны «объекта» (государственного архивного фонда), так и «субъекта» (архивных учреждений).

Проблема оценки периода претерпела определенную эволюцию, поддающуюся традиционному делению на советскую и постсоветскую историографию. Советскую историографию допустимо разделить на два этапа: непосредственно ведомственного периода (1938–1962 гг.) и позднесоветского (1960 – конец 1980-х гг.). Первый характеризуется господством принципа партийности, невозможностью критической оценки государственной политики. Второй – частичной плюрализацией в оценках (критика «перегибов» эпохи «культа личности»), при продолжении общей традиции советской историографии в утверждении особой роли партии в формировании централизованной архивной системы страны.

Уже непосредственно после реорганизации 1938 г. советские исследователи оценивали этот шаг. Так, А. В. Чернов приветствовал реорганизацию, подчеркивая, что борьба архивных учреждений с внешней и внутренней контрреволюцией в условиях строительства социализма улучшится [Чернов, с. 226]. И. П. Козилитин вслед за А. В. Черновым отмечал, что реорганизация архивов осуществлялась в рамках принятия новой Конституции, но помимо этого, имела задачи централизации государственного архивного фонда, улучшения организационного и методического контроля за сохранностью документальных материалов [Козилитин, с. 36–37]. По мнению автора, именно государственный характер контроля за архивным фондом создает наиболее благоприятные условия для сохранения и рационального использования архивных документов в интересах советских граждан. Эта точка зрения на положение архивов в социалистическом государстве стала официальной и в неизменном виде просуществовала до середины 1950-х гг., постулируясь, например, в специализированном пособии по комплектованию документов М. Ф. Петровской. Торжественный тон прослеживался и в периодических публикациях [Азаров, 1958].

Таким образом, историография 1938–1960-х гг. была склонна оценивать реорганизацию архивного управления положительно. Реорганизация была исторически обусловлена необходимостью укрепления советского государства, борьбой пролетарской власти за сохранность документального наследия страны.

После 1956 г. оценки ведомственного периода стали менее однозначными [см. напр.: Вяликов, 1957], выделялись новые проблемные поля. Например, работа архивных органов в годы Великой Отечественной войны [Максаков, 1961; Цаплин, 1968]. Признанный советский историк и архивист В. В. Максаков отмечал в своей монографии, что реорганизация привела прежде всего к активизации административно-политической работы в архивах, в ущерб научно-исследовательской и справочной [Максаков, 1969, с. 351–355]. Исследователь особенно подчеркивал необходимость «вневедомственного характера» для архивной службы страны и фиксировал «некоторый отрыв архивов от науки». Г. А. Дремина, характеризуя реорганизацию архивной системы страны, выделяла фиксирование сети центральных государственных архивов, стандартизацию типов архивов в стране, значительное усиление руководства и контроля со стороны архивной службы над архивными учреждениями, что способствовало укреплению кадров архивистов и особенно оправдалось в годы Великой Отечественной войны [Дремина, 1972, с. 20–23]. Завершение ведомственного периода она объясняет изменением характера задач, стоящих перед советскими архивами и связанных с усилением работы по использованию документов [Там же, с. 25]. Работы В. И. Вяликова интересна в первую очередь значительным объемом информации по архивному делу в союзных республиках [Вяликов, 1972, 1976]. Учебное пособие З. В. Крайской закрепляло теоретический конструкт о Государственной архивной службе как комплексной системе, выстроенной вокруг Государственного архивного фонда, закрепляло позднесоветское официальное представление об истории архивной службы как поступательном совершенствовании отрасли под руководством советской власти [Крайская, 1980].

Таким образом, вклад советских архивистов в осмысление ведомственного периода значителен. В соответствии с традицией позднесоветской историографии архивная отрасль признавалась жертвой периода «культа личности». При этом одной из безусловных заслуг советской власти признавалось проведение эвакуации архивов в 1941–1942 гг. Однако возможности для критического подхода к интерпретации были исчерпаны к началу 1970-х гг. Как видно из представленных трактовок, советская историография к концу 1980-х гг. стояла на месте.

Перестройка и распад СССР привели к переосмыслению сложившихся в отечественной историографии трактовок, росту внимания исследователей к ведомственному периоду. Еще в 1974 г. в коллективной работе Ф. И. Долгих, А. В. Елпатьевского и А. П. Пшеничного, наряду с устоявшимися негативными чертами (невозможность «входить с во-

просами в правительство», низкие темпы использование документов), в качестве отдельной причины отмечается, что именно в период 1938–1961 гг. архивное ведомство имело союзно-республиканский статус, которого в 1961 г. лишилось [Долгих и др., 1974].

В своем более позднем исследовании А. П. Пшеничный старается дать объективную оценку ведомственному периоду. С одной стороны, он перечисляет ряд преимуществ: достижение единообразия в работе, дисциплину, уже упоминавшийся союзно-республиканский статус и улучшение материально-технической базы сохранности архивных документов. Но наиболее подробно автор рассматривает недостатки системы, среди которых были потеря доступа к Правительству, сокращение использования архивных документов в научно-исследовательских и народнохозяйственных целях, кадровая политика НКВД, ослабление связей с научными организациями и значительное сокращение демократических начал в управлении отраслью. В контексте сложившихся в то время оценок эти факторы он связывал с «нарушением принципов» декрета от 1 июня 1918 г. [Пшеничный, 1988].

Исследования О. Н. Копыловой посвящены проблемам сохранности документов ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны [Копылова, 1990] и репрессий в среде профессиональных архивистов в 1930-х гг. (в соавторстве с В. Е. Корнеевым) [Корнеев, Копылова, 1992, 1993]. Эти работы освещают важнейший, но в должной степени не разработанный, кадровый аспект работы архивной службы в СССР.

В условиях начала «перестройки» появилась возможность для критики позиций официальной историографии. В начале 1990-х гг. отечественные исследователи видели выход из кризиса интерпретаций в критике паттернов советской архивоведческой мысли. В сочетании с открытием архивов и расширением публикации зарубежных исследователей, это привело к росту публикаций и включению отечественной историографии в мировой дискурс.

Современная историография привнесла в изучение ведомственного периода ряд важных новаций. Исследователь А. В. Елпатьевский, возвращаясь к проблеме архивов и власти, отмечал, что «1930-е гг. для развития архивной методики явились во многом определяющими», и выделял важность нормативно-методической работы в 1950-е гг. [Елпатьевский, 1998]. Преподаватель РГГУ Т. И. Хорхордина является на данный момент крупнейшим специалистом по проблемам истории и организации архивного дела в России и СССР. Важнейшими темами в исследовании проблем архивного строительства 1938–1961 гг., которые выделяет исследовательница, является потеря архивами статуса «подлинно научно-исследовательских учреждений», а также репрессии в среде профессиональных архивистов в 1930–1940-х гг.

Используя огромную источниковую базу, автор отстаивает концепцию «советского тоталитаризма» в архивоведении. Прослеживая противостояние профессионального архивного сообщества и советского государства, исследователь приходит к выводу о неизбежности кризиса тоталитарной политики в архивной сфере. В то же время работы Т. И. Хорхординой в основном посвящены истории центральных государственных архивов и архивной службы страны и почти не затрагивает местные архивные учреждения [Хорхордина, 1994]. Исследовательница делает вывод о схожести «тоталитарных моделей» управления архивами [Хорхордина, 1996]. Работы В. А. Савина рассматривают историю архивного дела в России первой половины XX века с позиции истории Государственного архивного фонда России – СССР, его организации, коммуникации и управления [Савин, 1991, 2000]. Автор приходит к схожим выводам, что и Т. И. Хорхордина – централизация архивного дела представляется необходимым процессом для упрочения и абсолютизации власти бюрократии (номенклатуры) и монополизации ею собственности, в том числе на ретроспективную информацию, где ведомственный период предстает лишь одним из этапов развития этой власти. Всевластие государства особенно ярко проявлялось в проблеме выделения из состава ГАФ отдельных фондов. В работах широко представлен архивный и историографический материал, а события излагаются в привязке к истории России. По зарубежным меркам эти исследования легко вписываются в контекст так называемой «тоталитарной школы».

Одной из черт современной историографии является увеличение количества региональных исследований. Так, смоленский архивист А. Л. Солодовникова в целом положительно оценивает пребывание отрасли в системе НКВД–МВД. Среди отмеченных ею преимуществ – укрепление организационного аспекта работы архивов, кадровой дисциплины и материально-техническое обеспечение. Среди отрицательных сторон – утрата отраслью «права вхождения с вопросами архивного дела в правительство», предвзятость в наборе кадров по идеологическим качествам в ущерб профессиональным, засекречивание архивных фондов и их использование в оперативно-чекистских целях [Солодовникова, 2006].

Сибирская исследовательница В. С. Боброва оценивает переход отрасли неоднозначно. Основные выводы своих научных изысканий она строит на региональном материале. Среди позитивных сторон В. С. Боброва выделяет структурирование системы управления архивными учреждениями и единообразной системы государственных архивов, что обусловило успешное прохождение архивами испытания Великой Отечественной войны [Боброва, 2007, 2008, 2010б, 2012].

В то же время автор отмечает, что архивная система с функциональной точки зрения в стране была выстроена неэффективно, так как сеть региональных архивов низового уровня так и не была сформирована [Боброва, 2010а]. Рассматривая развитие архивов Сибири, исследовательница приходит к выводу, что переход в ведомство НКВД в целом имел неоднозначный результат – гипертрофированный этатизм привел к чрезмерности контроля и политизации архивного дела, что, в то же время, удерживало систему от распада [Боброва, 2010б].

Увеличивается количество диссертационных исследований, рассматривающих развитие архивных органов в регионах (Добычина, 2005; Солодовникова, 2006; Чупрова, 2004). В работах этих исследователей подробное рассмотрение истории архивного дела в регионе увязывается с историей страны, хотя ни в одной диссертации ведомственный период отдельно не рассматривается.

Таким образом, отечественной историографией достигнуты серьезные результаты. Подробно исследованы аспекты управления архивной системой, государственным архивным фондом, проблемы эвакуации, выстраивания архивной сети в районах, издательской работы и ряда других. Основные тенденции в современной историографии – изучение развития архивных служб и архивов в регионах, рассмотрение ведомственного периода в широком историческом контексте и изучение работы архивных служб в связи с историей страны. Среди сохраняющихся проблем историографии – неразработанность отдельных этапов периода (например, послевоенного 1945–1953 гг.), недостаточное применение междисциплинарной методологии и нехватка региональных исследований.

Азаров А. 40 лет архивного дела // Инф. бюлл. ГАУ. 1958. № 6. С. 3–4.

Боброва В. С. Архивное дело в Сибири (1920–1960 гг.). Омск : НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия», 2010. (а)

Боброва В. С. Из истории государственного архива Новосибирской области: под управлением НКВД–МВД СССР (1939–1960 гг.) // Новый ист. вестн. 2010. № 26. С. 109–145. (б)

Боброва В. С. Роль ГАУ НКВД в организации научной работы в архивах Сибири в 1938 – первой половине 1941 года // Вестн. НГУ. 2007. Т. 6. № 1. С. 73–78.

Боброва В. С. Сибирь как база для эвакуации архивных документов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 311. С. 58–66.

Боброва В. С. Участие новосибирского управления НКВД–НКГБ в партийной жизни области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 354. С. 74–77.

Вяликов В. И. Архивное строительство в СССР (1917–1945). М. : [б. и.], 1976.

Вяликов В. И. Архивное строительство в СССР (1946–1967 гг.). М. : [б. и.], 1972.

Вяликов В. И. Управление государственными архивами СССР. Конспект лекции III раздела курса «История и организация архивного дела СССР». М., 1957.

Добычина М. А. История и организация архивного дела в Калужской области: 1919–2000 гг. : дисс. … канд. ист. наук. М., 2005.

Долгих Ф. И., Елпатьевский А. В., Пшеничный А. П. Развитие ленинских принципов организации архивной службы СССР и задачи совершенствования управления архивным делом на современном этапе // Советские архивы. 1974. № 2. С. 3–16.

Дремина Г. А. Основные периоды организации Государственного архивного фонда СССР (1918–1970 гг.) // Тр. МГИАИ. 1972. Т. 29. С. 9–30.

Елпатьевский А. В. Из истории формирования нормативно-методических документов отечественного архивного дела (1918–1990 гг.) // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 16–24.

Козлитин И. П. Архивы учреждений, организаций и предприятий СССР (Законодательство и современная организация). М. : МГИАИ, 1958.

Копылова О. Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 37–44.

Копылова О. Н. Совнарком – Совмин СССР и архивы: постановления высшего органа исполнительной власти СССР в области архивного дела в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период // Государственный архив Российской Федерации. URL: http://statearchive.ru/1014 (дата обращения: 18.04.2021)

Корнеев В. Е. Опыт периодизации истории архивного дела в СССР // Архивы СССР. История и современность : межвуз. сб. науч. тр. М., 1989. С. 17–30.

Корнеев В. Е., Копылова О. Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920–1930-е годы) // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 29–42.

Корнеев В. Е., Копылова О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 г. – начало 1940-х годов) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13–24.

Крайская З. В. Организация архивного дела в СССР. М. : Экономика, 1980.

Максаков В. В. Архивы и архивное дело СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопр. архивоведения. 1961. № 2. С. 3–13.

Максаков. В. В. История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945. М.: Наука, 1969.

Пшеничный А. П. Система государственного управления и архивные учреждения // Советские архивы. 1991. № 2. С. 35–40.

Пшеничный А. П. Репрессии архивистов в 1930-х гг. // Советские архивы. 1988. № 6. С. 8–19.

Савин В. А. Формирование Государственного архивного фонда СССР в 1920-х – 1950-х гг. // Советские архивы. 1991. № 1. С. 44–54.

Савин В. А. Хранить нельзя уничтожить. Формирование Государственного архивного фонда РСФСР–СССР. 1918–1950-е гг. М. : РГГУ, 2000.

Солодовникова А. Л. История архивного дела в Смоленской области: 1918–2004 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

Хорхордина Т. И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. Сер.: Россия. XX век. М. : РГГУ, 1996. С. 191–214.

Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы (1917–1980-е гг.). М. : РГГУ, 1994.

Цаплин В. В. Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 42–55.

Цаплин В. В. Об ущербе, нанесенном государственным архивам Белоруссии в годы войны // Отечественные архивы. 2000. № 6. С. 17–26.

Цаплин В. В. Подвиг архивистов // Советские архивы. 1968. № 3. С. 63–70.

Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР. М. : ГАУ НКВД, 1940.

Чупрова Э. Г. Возникновение и развитие архивной отрасли в 1917–1991 гг.: на примере Коми ССР : дисс. … канд. ист. наук. М., 2004.

УДК 94(470.54):378.147

Е. В. Олимпиева, М. В. Плетнева

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ CASE STUDY В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ УРФУ

В статье представлен опыт применения методики case study при обучении студентов УрФУ гуманитарного профиля по управленческим дисциплинам в условиях дистанционного обучения. Рассматриваются теоретические и методические основания использования технологии решения кейсов в высших учебных заведениях, анализируется имеющийся опыт. Обосновывается необходимость использования технологий, имеющих опыт применения в бизнес-обучении и показавших высокую эффективность, в практической работе студентов. Делается вывод о действенности кейсовых методик при формировании у студентов компетенций, востребованных на рынке труда. Представлены результаты анкетирования магистрантов направлений подготовки «Документоведение и архивоведение», «Государственная служба РФ» и «История», в обучении которых в условиях временного дистанционного обучения применялись кейсы, вошедшие в учебное пособие «Опыт управленческой деятельности: практикум», разработанное авторами статьи.

Ключевые слова: обучение, магистратура, рынок труда, практические занятия, бизнес-обучение, менеджмент, управление проектами, кейсовый метод, дистанционное обучение, анкетирование.

Вызовы, с которыми столкнулась высшая школа в 2020 г., потребовали внесения существенных изменений во многие традиционные формы существования учреждений высшего образования. Одним из важнейших стал вопрос о методиках преподавания в условиях дистанционного обучения.

Внедрение дистанционных форм в образовательных учреждениях разных уровней ведется достаточно давно и определенный опыт уже накоплен. Краткую историю внедрения дистанционного обучения в российских вузах предлагает Е. Е. Кувшинова [Кувшинова, 2020, с. 9–15].

© Олимпиева Е. В., Плетнева М. В., 2021

Практика дистанционного обучения показала необходимость серьезного переосмысления фактически всех привычных составляющих учебного процесса. Особую значимость приобрела новая система коммуникаций студентов с преподавателем и между собой. Опыт дистанционной работы показал важность того, как происходит общение между обучаемым и обучающим, как важна командная работа, работа группы.

Традиционные методики проведения семинарских занятий, круглых столов и коллоквиумов далеко не всегда оказываются эффективными в формате онлайн. «Живое общение», по которому в ситуации удаленного обучения скучают преподаватели и студенты, действительно можно считать наиболее значимым при формировании самой важной компетенции, приобретаемой в высших учебных заведениях – умения учиться.

Именно навык самостоятельного профессионального развития наиболее ценится в молодых специалистах работодателями и, соответственно, обязательно должен быть приобретен в процессе обучения в вузе. Для формирования соответствующих навыков в онлайн-обучении требуются новые формы, новые технологии. Одной из таких технологий с полным правом может стать метод кейсов.

Данная методика обучения достаточно давно известна и используется в бизнес-образовании. В литературе встречаются различные ее названия: «метод изучения ситуаций», «метод кейсов» (case study), «метод анализа изучения ситуаций». Кейс представляет собой описание какой-либо конкретной ситуации в конкретной сфере деятельности. Классический кейс состоит из описания и некоей проблемы.

Бизнес-кейс строится на реальных фактах и предполагает анализ предложенной ситуации и поиск максимально оптимального решения проблемы. Применительно к бизнес-обучению существует устойчивое словосочетание «решать кейс». Решение кейса – это не решение математической задачи, однозначного ответа в этом случае не бывает, да и получение единственного возможного ответа не является целью обучения с помощью кейсовой методики. Метод кейсов сочетает изучение теоретических аспектов с формированием практических навыков в изучаемой области.

В системе обучения персонала в компаниях кейсовый метод часто используется при обучении и в процессе адаптации молодых специалистов. Он позволяет формировать навыки soft skills, необходимые для того, чтобы эффективно действовать в условиях своих должностных возможностей.

Применительно к обучению в школе и в вузе кейсовые методики тоже используются. Ориентация на изучение и поиск решения для

ситуации, имеющей наглядную практическую основу, возможность вовлечь в процесс большое число обучающихся одновременно и организовать их коллективную работу, актуализация теоретических знаний – эти особенности работы с кейсами привлекают внимание учителей и преподавателей высшей школы.

«Данная технология позволяет в процессе ее использования погрузить обучаемого внутрь практической проблемы, давая осмыслить ее со всех сторон, в том числе и как непосредственному участнику данных событий или процессов, задействованных в данной поставленной проблеме. Как результат такого процесса – возможные практические озарения и эффект умножения полученных знаний, а также возможность обмена полученными знаниями и решениями. Она позволяет интегрировать различные методы и системы. Обладая своей функциональной многогранностью, включая подход и полноту восприятия материала, способствует развитию у обучаемых творческой мотивации к учебе и профессиональной деятельности» [Голованова, 2016, с. 281].

Сборник кейсов «Опыт управленческой деятельности: практикум» был разработан авторами и опубликован в электронном научном архиве УрФУ еще в 2019 г., задолго до временного массового перехода на обучение с элементами дистанционного [Олимпиева, Плетнева, 2019].

Практикум «Опыт управленческой деятельности» разрабатывался для бакалавров по направлениям подготовки «Архивоведение и документоведение» и «Туризм». Идея разработки практикума возникла из практической потребности авторов-преподавателей в пособии, рассчитанном на студентов именно гуманитарных направлений подготовки, не имеющих обширных знаний экономических дисциплин. Кейсы по менеджерским дисциплинам давно и успешно применяются в процессе подготовки студентов экономических направлений. Работа с такими кейсами требует знаний основ экономики, поэтому не вполне подходит для использования на практических занятиях и при самостоятельной работе студентов гуманитарного профиля.

Студенты направлений подготовки «Архивоведение и документоведение» и «Туризм» нуждаются в приобретении знаний в области менеджмента, так как их будущая профессиональная деятельность с высокой степенью вероятности будет связана с решением управленческих задач разного уровня и сложности.

Основной целью подготовки сборника кейсов было предоставление студентам развернутого описания наиболее значимых тем, концепций, понятий, позволяющих максимально полно усвоить курсы по менеджменту и маркетингу с учетом специфики направления подготовки, на котором они обучаются.

При работе над сборником авторы исходили из того, что студенты университета должны получать не только узкопрофессиональное обучение, но фундаментальное образование и демонстрировать высокий уровень общекультурных компетенций. Поэтому источниками для кейсов стали описания реальных рабочих ситуаций, предоставленные компаниями – потенциальными работодателями для выпускников, а также материалы специализированных периодических изданий, находящихся в открытом доступе, и специализированных интернет-порталов. Кроме того, составителями были привлечены исторические источники (документы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области), соответствующие тематике практикума.

К разработке некоторых кейсов авторы практикума привлекали специалистов компаний, предприятий и учреждений различных форм собственности. В подготовке сборника активное участие приняли: компания «Апрайт», сотрудники московского офиса крупной автомобильной компании, компания по производству упаковки, а также муниципальное объединение библиотек г. Екатеринбурга.

Как было сказано выше, особенностью данного сборника стало включение кейсов, разработанных на основе архивных документов. Два кейса написаны на основе документов из фондов Государственного архива Свердловской области: «Месячник рационализации на Уралмашзаводе» и «Введение нового тюркского алфавита». Использование исторических источников позволило проследить развитие управленческих технологий, сравнить их применение в прошлом и в настоящее время. Кроме того, содержание исторических документов и их археографическое оформление в соответствии с требованиями публикации исторических источников должны быть интересны и полезны для студентов, обучающихся на историческом факультете, на котором ведется подготовка по направлениям «Архивоведение и документоведение» и «Туризм».

Каждый кейс снабжен авторским заголовком, возможными вопросами для работы в группах или при самостоятельной работе. Для лучшего понимания содержания кейса имеется небольшой словарь встречающихся в нем терминов. После кейсов в практикуме размещен глоссарий.

В условиях проведения практических занятий со студентами и магистрантами в формате онлайн обучения представленный практикум явился важным помощником в закреплении полученных знаний.

По итогам семестрового обучения среди студентов и магистрантов, в обучении которых применялся сборник кейсов, был проведен анонимный опрос, который наглядно продемонстрировал, что работа

с кейсами привнесла новизну в традиционные формы подачи материала и дала определенный положительный результат. В опросе приняли участие студенты направления подготовки «Документоведение и архивоведение», а также магистранты по направлениям подготовки «Государственная служба РФ» и «История». Большинство студентов ответили, что применение кейсовой методики обучения оказалось эффективным в условиях дистанта (70 % опрошенных). Студенты также указали на то, что им было интересно выполнять задания из сборника (более 90 % опрошенных), а использование исторических сюжетов и документов допустимо при разборе управленческих ситуаций (80 % опрошенных).

Некоторые респонденты отметили практическую ориентированность кейсов, которые описывали реальные примеры из истории и современности. Кейсы дали возможность ознакомиться с практическим опытом реализации тех или иных проектов, который вполне может пригодиться в реальной жизни. По мнению ряда опрошенных, определенным достоинством работы с кейсами было применение к ним творческого подхода, возможности личной интерпретации материала с учетом своего собственного опыта и знаний. Один из опрошенных студентов предположил, что достоинство кейса вытекает из его же недостатка и состоит в том, что в воображении при повторном прочтении текстов в итоге формировалась картина действия кейса. «Нечто похожее на сон или на фильм, который при этом транслируется из головы на глаза». Такой эффект был признан удачной посылкой к творческой деятельности в работе.

Однако, как и в использовании любого новаторского инструмента, применение кейсового подхода в учебном процессе у некоторых студентов вызвало определенные неудобства и непонимание. Главную сложность спровоцировал сам формат дистанционного обучения, который практически лишил возможности живого обсуждения проблем управления проектами. Некоторые аспекты теории управления проектами до сих пор являются предметом острых дискуссий, и их рассмотрение в формате аудиторных семинарских занятий значительно бы облегчило усвоение учебного материала. Не хватало живого общения с преподавателем, поскольку какие-то примеры из кейсов были спорными, и студентам, хотелось бы услышать экспертное мнение преподавателя по данным вопросам.

Кроме того, определенный диссонанс вызвал и творческий подход при решении поставленных в кейсе конкретных задач. Некоторые студенты отметили, что с настороженностью отнеслись к разрешению продемонстрировать свой творческий потенциал и подошли к выполнению задания достаточно формально.

В целом же применение методики case study в учебном процессе продемонстрировало широкие возможности и серьезные перспективы использования данного инструмента. Живой интерес студентов к выполнению предложенных заданий и положительная обратная связь побудили авторов подготовить к изданию второй сборник кейсов «Опыт управления проектами: практикум», который готовится к печати в 2021 г.

Голованова Ю. В. Кейсовые технологии: проблемы и пути их применения в системе высшего образования // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 274–285.

Кувшинова Е. Е. Дистанционное обучение в условиях кризиса 2020 (на примере Финансового университета при Правительстве РФ) // Современное пед. образование. 2020. № 4. С. 8–15.

Олимпиева Е. В., Плетнева М. В. Опыт управленческой деятельности: практикум. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.

УДК 930.22:34(470)

Т. А. Селезнева

О ФОРМИРОВАНИИ ЛОКАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ УПРАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАМИ

В статье дается общая характеристика структуры и содержания положения о службе управления документами организации как важнейшего организационно-правового документа, регламентирующего все основные аспекты деятельности этого подразделения. Управление документами качественно отличается от документационного обеспечения управления. Именно управление документами делает документную информацию полноценным ресурсом управления и обеспечивает качественное формирование документального фонда организации. Представляется важным учитывать эти отличия при разработке положения о службе управления документами.

На основе изучения положений действующих нормативно-методических документов и мнений ведущих отечественных документоведов автор, не претендуя на исключительность собственной позиции, предлагает для обсуждения ряд формулировок положения о службе управления документами организации.

Ключевые слова: управление документами, служба управления документами, положение о службе управления документами.

Понятие «управление документами» используется в многочис-

© Селезнева Т. А., 2021

ленных отечественных публикациях как исключительно научного документоведческого, так и прикладного характера не менее двух десятилетий. Впервые закрепленное в стандарте ИСО в 2007 г. [ГОСТ Р ИСО 15489-1–2007, с. 7]**,** понятие включено ныне в терминологический стандарт [ГОСТ Р 7.0.8–2013, с. 2], ряд стандартов, входящих в систему стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу [см., например, ГОСТ Р ИСО 23081–1–2008, ГОСТ Р ИСО 22310–2009, ГОСТ Р ИСО 30300–2015] и ряд других, затрагивающих различные аспекты управления документами. В 2019 г. основные аспекты теории и практики управления документами актуализированы в новой редакции стандарта ИСО [ГОСТ Р ИСО 15489–1–2019].

Тем не менее, понятие «управление документами» не утратило своей дискуссионности. В отечественном документоведении нет единого мнения по поводу соотношения этого относительно нового для России термина с традиционными понятиями «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления» [см. например: Быкова, 2017; Селезнева, 2016; Янковая, 2011]. Признание синонимичности понятий «документационное обеспечение управления» и «управление документами» представляется автору неоправданным, даже с позиции, закрепленной в действующем терминологическом стандарте. Наиболее объективной и логичной в этой дискуссии представляется позиция М. В. Ларина, который сформулировал методологически чрезвычайно важный тезис, о том, что документационное обеспечение управления – термин, характеризующий переходную стадию от традиционного делопроизводства к управлению документацией [Ларин, 2002, с. 156].

Данная статья не предполагает рассмотрения теоретических аспектов управления документами, а посвящена прикладным вопросам реализации процессов и формирования системы управления документами в конкретной организации. Представляется, что в практике управления документами не менее проблем, чем в ее теории. Очевидно, что в России развитие практики управления документами не может основываться на заимствовании зарубежного опыта без учета специфики российского управления, определяющей особенности отечественных подходов к организации работы с документами.

Руководители организаций зачастую понимают внедрение системы управления документами как приобретение и установку некой электронной системы (например, СЭД – системы электронного документооборота). Действительно, современные системы управления документами предполагают реализацию по преимуществу в условиях электронной технологии. Но внедрение самого современного программного обеспечения малоэффективно без предварительной разработки соответствующих принципов и стандартов деятельности.

Вместе с тем методическое обеспечение формирования системы управления документами конкретной организации пока недостаточно. Не случайно М. В. Ларин назвал задачу совершенствования нормативно-методического обеспечения управления документами одной из самых актуальных [Ларин, 2015].

Организации, желающие реализовать систему управления документами, должны определить и документально зафиксировать политику в области управления документами. Но политика – это лишь заявление о намерениях, которые реализуются через определенные процедуры; это направляющие действия, которые с наибольшей вероятностью позволят достичь желаемого результата [Саттон, 2002, с. 117].

Положения политики в области управления документами конкретизируются в локальных нормативных актах. Одним из таких локальных организационно-правовых документов является положение о службе, осуществляющей управление документами организации.

В настоящее время структурные подразделения, которое выполняют функции по документированию и организации работы с документами, в различных организациях могут иметь различные названия: отдел делопроизводства, канцелярия, общий отдел, отдел ДОУ и др. В организациях со значительным объемом документооборота, большой численностью работников и сложной структурой это может быть управление делопроизводства или документационного обеспечения. департамент ДОУ.

В действующем терминологическом стандарте есть только один термин для определения такого подразделения – это «служба делопроизводства», которая определяется как «структурное подразделение организации, на которое возложены функции по ведению делопроизводства, а также лица, ответственные за ведение делопроизводства в других структурных подразделениях организации» [ГОСТ Р 7.0.8–2013, с. 2]. Учитывая, что делопроизводство трактуется этим же стандартом как «деятельность, обеспечивающая документирование, обработку, использование и оперативное хранение документов» [Там же, с. 2], представляется не вполне правомерным называть подобным образом службу, на которую возлагаются функции по управлению документами организации. Вероятно, более правомерно назвать такое подразделение службой ДОУ (что широко распространено на практике), исходя из определения документационного обеспечения как «деятельности, целенаправленно обеспечивающей функции управления документами» [Там же].

Вероятно, такое подразделение может правомерно называться службой (отделом, департаментом) управления документами, по-

скольку управление документами трактуется как «деятельность, обеспечивающая реализацию единой политики и стандартов по отношению к документальному фонду организации» [Там же]. Подобное название подчеркивает, что управление документами – не менее важная функция, чем управление материальными ресурсами или финансами, управление персоналом или качеством. Косвенно правомерность такого названия, по мнению автора, подтверждается и профессиональным стандартом «Специалист по управлению документацией организации» [Профессиональный стандарт…, 2017].

При выборе наименования службы управления документами необходимо учитывать ее структуру, наличие отделов, групп, секторов. В крупных и средних организациях со сложной структурой, значительным количеством сотрудников, внушительным объемом документооборота службы управления документами имеют собственную внутреннюю структуру в виде отделов, групп, секторов. Такие подразделения, как правило, называются департаментами (департамент управления документами).

С определения названия службы, на которую возлагаются функции по управлению документами организации, вопросы только начинаются.

Управление документами – не только качественно новый этап в организации работы с документами, но и полноценная «область управления организацией, обеспечивающая эффективное и систематическое создание, получение, сохранение, использование, передачу на хранение или уничтожение документов, включая процессы ввода в систему и сохранения доказательств и информации о деловой деятельности и транзакции (обмене информацией) в виде документов» [ГОСТ Р ИСО 15489–1–2019, с. 2].

Управление документацией основывается на принципах экономичности, эффективности, целесообразности. Основываясь на широком использовании новейших информационных технологий, управление документацией обеспечивает качественный менеджмент по отношению к документации организации. Управление документацией делает ее полноценным ресурсом управления. Информационная составляющая по сравнению с делопроизводством и документационным обеспечением выражена в высшей степени, поскольку обеспечивается интеграция документации и информации в управлении [Ларин, 2002, с. 156]. Миссия службы по управлению документацией должна быть связана с миссией организации в целом. Все перечисленное оказывает существенное влияние на деятельность службы управления документами (как бы она ни называлась): усложняются задачи и расширяются функции этого подразделения, повышаются требования к персоналу.

Как следствие, существенно повышается значение такого локального нормативного акта как положение о службе управления документами организации. При разработке этого положения необходимо учитывать множество аспектов.

Профессионально составленное положение о структурном подразделении должно четко определять его место в организационной структуре организации, однозначно формулировать цель, задачи и функции. Иначе персонал подразделения не сможет в полной мере выполнять поставленные перед ним весьма сложные задачи.

Как правило, при разработке положения о подразделении руководствуются примерным положением, содержащимся в соответствующем нормативном документе. В настоящее время примерное положение о службе ДОУ включено в качестве приложений в два следующих методических документа: в Государственную систему документационного обеспечения управления [ГСДОУ, 1991, с. 63–69] и Рекомендации по ведению делопроизводства в организации [Рекомендации…, 2003]. ГСДОУ одобрена коллегией Главархива СССР в 1988 г., Рекомендации утверждены заместителем руководителя Росархива в 2003 г. Безусловно, со времени издания этих документов в изучаемой предметной области произошли существенные изменения. Приведенным в ГСДОУ примерным положением о службе ДОУ пользоваться в настоящее время можно только после очень серьезной его корректировки с учетом тех изменений, которые произошли в системе управления и его документационном обеспечении. В меньшей степени это относится ко второму упомянутому документу, но со дня его издания прошло уже более 17 лет, что в наше динамичное время немало.

Как и всякий организационно-правовой документ, положение о структурном подразделении начинается с раздела «Общие положения». В свою очередь, раздел «Общие положения» начинается с указания официального названия подразделения и определения его статуса.

Выбор конкретного наименования службы управления документами, безусловно, важен, но более важно определение статуса этой службы, т. е. степени его самостоятельности и места в структуре организации. Для определения статуса структурного подразделения важно, кем оно возглавляется и кому подчиняется; кем утверждаются его структура, состав и численность персонала.

Служба (отдел, департамент) управления документами организует работу с важнейшим информационным ресурсом организации – с документацией. Следовательно, она должна быть самостоятельным подразделением, подчиняющимся непосредственно первому руководителю организации. Это положение в отношении службы ДОУ было

зафиксировано и в ГСДОУ [ГСДОУ, 1991, с. 44, 64], и в примерном положении 2003 г. [Рекомендации…, 2003]. К сожалению, на практике и сегодня эта рекомендация зачастую не выполняется не только в различных государственных и негосударственных организациях, но и в органах власти федерального уровня.

Управление документами включает организацию их учета и движения, рассмотрения и согласования, контроль исполнения, справочную и аналитическую работу по документной информации, в том числе и прежде всего для руководителя и других топ-менеджеров организации. Выполнение этих задач предполагает взаимодействие сотрудников службы управления документами с руководством организации. Прямое подчинение службы руководителю организации или одному из его заместителей, в ведении которого находится управление информационными ресурсами организации, обеспечивает необходимое взаимодействие, без которого организация эффективного управления документами невозможна. Прямое подчинение руководству организации повышает статус подразделения, значимость его деятельности в глазах сотрудников и, следовательно, значимость управления документами как важнейшей управленческой функции.

Итак, самостоятельность и прямое подчинение службы управления документами первому руководителю организации или его заместителю должно быть зафиксировано в первом разделе положения о службе управления документами. Структура и штатная численность службы утверждаются (на основе нормативных документов по труду) руководителем организации, что также фиксируется в разделе «Общие положения».

Во втором разделе положения о структурном подразделении устанавливаются его цели и задачи. В рассматриваемом случае раздел так и называется «Цель и задачи службы (отдела, департамента) управления документами».

Общеизвестно, что добиться эффективных результатов деятельности любого подразделения невозможно без четко намеченной цели. В полной мере это относится и к службе управления документами. Вместе с тем в упомянутых методических документах и многочисленных примерах, приведенных в литературе, четко сформулированная цель, как правило, отсутствует. Например, в примерном положении цель службы сформулирована следующим образом: «Основной целью службы ДОУ является организация, руководство, координация, контроль и реализация работ по документационному обеспечению управления» [ГСДОУ, 1991, с. 66]. По меткому определению В. Ф. Янковой, такую формулировку можно отнести практически к любой деятельности, «тем более что это даже и не цель, а выпол-

няемые подразделением управленческие функции» [Янковая, 2011, с. 61]. Логично предположить, что цель службы управления документами определяется результатом ее практической деятельности. Результатом документной деятельности является документальный фонд организации – «совокупность документов, образующихся в деятельности организации» [ГОСТ Р 7.0.8–2013, с. 9] как созданных в ней, так и поступивших из других организаций. Документы, составляющие этот фонд, являются ценнейшим информационным ресурсом для руководителей организации, ее менеджеров и специалистов в процессе принятия управленческих решений. Для обеспечения принятия оптимальных (т. е. ведущих с наименьшими затратами к наилучшему результату) управленческих решений документальный фонд должен быть достаточным по информационному наполнению и удобным для оперативного использования. Следовательно, естественно предположить, что целью деятельности службы управления документами является формирование полноценного документального фонда организации. И не только формирование документального фонда, но и «создание условий для его эффективного использования в текущей деятельности организации» [Янковая, 2011, с. 63].

Итак, можно предложить следующую формулировку цели службы управления документами: *формирование документального фонда организации и создание условий для его эффективного использования в текущей деятельности организации.*

Далее необходимо определить, что необходимо для достижения поставленной цели, иными словами, сформулировать задачи службы управления документами.

В последние два десятилетия в сфере документирования и организации работы с документами произошли весьма существенные изменения, связанные с применением современной компьютерной техники и программного обеспечения, автоматизацией документационных процессов, использованием электронных документов, внедрением систем электронного документооборота. Значительная часть этих изменений носит технологический характер, т. е. касается технологии выполнения службой управления документами своих функций и, соответственно, решения стоящих перед ней задач. Сегодня служба управления документами организует и контролирует реализацию процессов управления документами, используя современные информационные технологии. Сложно предположить, что коренные технологические изменения не оказывают влияния на задачи и, в особенности, на функции службы управления документами.

Интерпретируя в соответствии с учетом происшедших изменений формулировки задач, содержащиеся в упомянутых примерных

положениях, можно предложить следующую систему задач службы управления документами.

Достаточно традиционной является задача обеспечения единообразия документационных процессов в масштабе всей организации. О необходимости обеспечения единого порядка документирования и организации работы с документами говорится в ГСДОУ [ГСДОУ, 1991, с. 66]. Необходимость обеспечения единой технологии отмечают и ведущие российские документоведы [см., например, Янковая, 2011, с. 65]. В условиях использования электронной технологии единообразие процессов управления документами в масштабах организации приобретает еще большую актуальность, поскольку автоматизация требует формализации автоматизируемых процессов.

Исходя из этого, можно предложить следующую формулировку первой задачи службы управления документами: «*обеспечение единой технологии управления документами (включая создание, обработки, движения, хранения и использования документов) организации на протяжении всего их жизненного цикла*» [Там же].

Организуя управление документами организации, важно соблюдать требования нормативных актов и учитывать рекомендации действующих методических документов, регламентирующих эту предметную область. Следовательно, следующую задачу службы управления документов можно сформулировать приблизительно так: *обеспечение выполнения требований нормативных актов и нормативно-методических документов в сфере управления документами.*

Управление документами делает документацию полноценным ресурсом управления. Для обеспечения качественного менеджмента по отношению к документации организации как ресурсу управления, служба управления документами, как уже отмечалось, основывает свою деятельность на широком использовании современных информационных технологий. Исходя из этого можно сформулировать следующую задачу службы: *обеспечение эффективного управления документацией организации и совершенствование этих процессов на основе использования современных информационных технологий.*

В примерном положении о службе ДОУ, приведенном в ГСДОУ, указывается задача разработки и внедрения нормативных и методических документов по совершенствованию документационного обеспечения в организации [ГСДОУ, 1991, с. 66]. Поскольку разработка нормативных актов не является самоцелью, следует предположить, что разработка локальной нормативно-методической базы управления документами является не задачей, но важнейшей функцией службы управления документами. И не только разработка локальных актов, но и их внедрение и контроль за соблюдением установленных ими требований.

Намеченная цель и поставленные перед службой управления документам задачи определяют функции этого подразделения, т. е. конкретные виды работ, которые выполняет (или должно выполнять) это подразделение.

В теории и практике менеджмента функции структурного подразделения организации принято разделять на две группы: общие (или основные) управленческие функции, присущие любому подразделению, и специфические (или конкретные), определяемые особенностью, характером и содержанием деятельности подразделения. Общие функции управления выполняются каждым структурным подразделением. При наличии различных подходов большинство теоретиков менеджмента включают в состав общих функций управления организацию, планирование, регулирование (координацию) и контроль за деятельностью [Основные категории…]. Исходя из этого, можно выделить и общие управленческие функции службы управления документами. В. Ф. Янковая предлагает следующие формулировки собственно управленческих функций службы управления документов.

1. Организация, планирование, регулирование процессов управления документами, участие в формировании политики организации в сфере управления документами.

2. Контроль выполнения установленных правил и технологий создания, обработки, хранения и использования документов в организации на всех этапах их жизненного цикла.

3. Контроль за формированием документального фонда организации (включая, контроль за формированием дел и обеспечением их сохранности) в структурных подразделениях организации [Янковая, 2011, с. 66].

Специфические функции службы управления документами определяются ее задачами, о которых говорилось выше, и особенностью объекта управления. Поскольку функция организации на практике реализуется посредством издания локальных организационно-правовых актов, важнейшей функцией службы управления документов, как уже упоминалось, является *разработка локальных нормативных и методических документов, регламентирующих процессы создания, обработки, хранения и использования документов в деятельности организации, их внедрение в практику работы с документами и контроль за их применением*.

При разработке конкретных формулировок специфических функций службы управления документами представляется вполне логичным и оправданным руководствоваться рекомендациями профессионального стандарта «Специалист по управлению документа-

цией организации» и формулировками функциональной карты вида профессиональной деятельности [Профессиональный стандарт…, 2017]. Обобщив мнения ведущих российских документоведов по исследуемой проблематике, рекомендации упомянутых примерных положений и профессионального стандарта, можно предложить следующие формулировки *специфических функций* службы управления документами.

1. Документирование управленческой деятельности, установление и контроль соблюдения правил подготовки и оформления документов, включая проектирование бланков и унифицированных форм документов.

2. Организация документооборота (т. е. движения поступающих, отправляемых, внутренних документов) организации с использованием системы электронного документооборота, включая разработку маршрутов документов и бизнес-процессов по управлению документами.

3. Внедрение, использование и разработка стратегии развития системы электронного документооборота организации.

4 Организация информационно-справочной работы по документам организации, включая формирование, ведение и использование баз данных, обеспечивающих регистрацию, учет, контроль, многоаспектный поиск документной информации.

5. Организация и осуществление контроля исполнения документов организации, включая регулирование хода исполнения и ведение аналитической работы по результатам контроля исполнения.

6. Организация оперативного хранения документов, включая разработку и ведения номенклатуры дел.

7. Подготовка и передача документов в архив организации, включая организацию и проведение экспертизы ценности документов и отбора документов с истекшими сроками хранения на уничтожение.

8. Стратегическое планирование и руководство построением единой системы управления документацией организации.

9. Организационно-методическое руководство, обучение (включая разработку учебно-методических пособий), консультирование работников организации по вопросам создания, обработки, хранения и использования документов.

10. Повышение квалификации работников службы, изучение отечественного и зарубежного опыта управления документами.

В следующих разделах положения о службе управления документами устанавливаются ее права, ответственность за отступления от установленного порядка работы, ее взаимоотношения, т. е. порядок

взаимодействия с руководством, другими подразделениями организации и сторонними организациями и лицами.

Предоставление службе управления документами необходимых прав позволяет ее сотрудникам выполнять возложенные на подразделение функции в полном объеме. Можно предложить следующие формулировки в раздел «Права службы управления документами».

1. Требовать от руководителей структурных подразделений и работников организации соблюдения правил подготовки и оформления документов, использования утвержденных бланков и унифицированных форм документов, возвращать работникам организации документы, неправильно оформленные, подготовленные с нарушением установленных правил согласования и удостоверения.

2. Требовать от руководителей структурных подразделений и работников организации соблюдения установленных правил обработки, хранения и использования документов.

3.Запрашивать у руководителей структурных подразделений и других исполнителей информацию, необходимую для организации контроля исполнения документов организации и ведения аналитической работы по результатам контроля исполнения.

4. Запрашивать у руководителей структурных подразделений и работников организации информацию, необходимую для эффективного управления документами организации и оценки ее результатов.

5. Разрабатывать проекты распорядительных документов по вопросам деятельности службы, организации и совершенствования управления документами.

6. Представлять руководству организации предложения о совершенствовании и стратегическом планировании развития системы управления документами, повышении исполнительской дисциплины, разработке стратегии развития системы электронного документооборота организации.

7. Представлять руководству организации предложения об обеспечении благоприятных условий труда работников службы и о повышении их квалификации.

В разделе «Ответственность службы управления документами» устанавливается ответственность за качество и своевременность выполнения возложенных на нее обязанностей. Качество выполнения функций службы определяться степенью соблюдения требований правовых актов и нормативно-методических документов, установленных в них сроков и объемов. Своевременность выполнения работ и обязанностей определяется также соответствием срокам, установленным организационно-правовыми, плановыми, распорядительны-

ми документами организации. Можно предложить следующие формулировки этого раздела.

Служба управления документами несет ответственность:

– за выполнение требований нормативных актов, регламентирующих сферу управления документами;

– за качество создаваемых в организации документов;

– за соблюдение принципов и правил формирования документального фонда организации;

– за соблюдение установленной технологии и процессов управления документами с применением системы электронного документооборота;

– за соблюдение принципов и правил информационной безопасности в части обеспечения сохранности документной информации и установленного в организации режима конфиденциальности и разграничения прав доступа к информации.

Выполнение функций службы управления документами предполагает коммуникацию, обмен информацией с руководством организации, другими структурными подразделениями и отдельными работниками. Раздел положения «Взаимоотношения службы управления документами» определяет ее информационные и функциональные взаимосвязи в процессе осуществления своих функций. Служба управления документами взаимодействует с первым руководителем организации и его заместителями по вопросам исполнительской дисциплины и другим вопросам своей основной деятельности; с юридической службой – по правовым вопросам; с IT-подразделением – по вопросам сопровождения и совершенствования системы электронного документооборота, эксплуатации и сервисного обслуживания средств организационной техники, необходимых для функционирования службы; с финансово-бухгалтерским отделом – по финансовым вопросам, касающимся деятельности службы; со службой кадров – по вопросам подбора, расстановки и повышения квалификации кадров. Это неполный перечень взаимосвязей и взаимодействия службы управления документами с функциональными подразделениями организации. Служба взаимодействует и с основными структурными подразделениями, реализующими основные бизнес-процессы организации, по вопросам документирования деятельности и организации работы с документами; по вопросам исполнения документов (поручений) руководства организации; по вопросам доступа к информационному фонду организации. В этом разделе желательно указывать не только подразделения, должностных лиц и специалистов, от которых служба управления документами получает и которым передает ин-

формацию, но и структуру информации, периодичность и сроки ее представления или получения, порядок согласования вопросов и рассмотрения разногласий. Структура информации этого раздела достаточно сложна, поэтому целесообразно излагать его текст полностью или частично в форме таблицы.

Цели, задачи, функции службы управления документами, установленные положением, конкретизируются и детализируются в должностных инструкциях или в должностных регламентах работников этого подразделения.

Быкова Т. А. Российские и международные стандарты о технологии управления документами // Делопроизводство. 2017. № 3. С. 17–21.

ГОСТ Р ИСО 15489-1–2007. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования. М. : Стандартинформ, 2007.

ГОСТ Р 7.0.8–2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М. : Стандартинформ, 2013.

ГОСТ Р ИСО 23081–1–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Процессы управления документами. Метаданные для документов. Ч. 1. Принципы. М. : Стандартинформ, 2008.

ГОСТ Р ИСО 22310–2009. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Руководство для разработчиков стандартов, устанавливающих требования к управлению документами. М. : Стандартинформ, 2009.

ГОСТ Р ИСО 30300–2015. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Системы управления документами. Основные положения и словарь. М. : Стандартинформ, 2015.

ГОСТ Р ИСО 15489–1–2019. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Ч. 1. Понятия и принципы. М. : Стандартинформ, 2019.

Государственная система документационного обеспечения управления (ГСДОУ). Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения. М. : Главархив СССР, 1991.

Ларин М. В. Нормативно-методическое обеспечение управления документами в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Документация в информационном обществе: нормативно-методическое обеспечение управления документами : докл. и сообщ. на XXI Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 нояб. 2014 г. М. : Росархив ; ВНИИДАД, 2015. С. 25–34.

Ларин М. В. Управление документацией в организациях. М. : Научная книга, 2002.

Основные категории управления : электрон. учеб. // Университет ИТМО. Электронная информационно-образовательная среда. URL: https://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?index=6&layer=2&tutindex=3 (дата обращения: 01.02.2021).

Профессиональный стандарт «Специалист по управлению документацией организации» : утв. приказом Мин-ва труда и соц. защиты РФ от 10.05.2017 №

416н // КонсультантПлюс. Справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217707/7abf69e303d5c0b68e9e2d392cba2edd96ced4fd/ (дата обращения: 01.02.2021).

Рекомендации по ведению делопроизводства в организации : утв. зам. руководителя Росархива 31.12.2003 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/902035424 (дата обращения: 01.02.2021).

Саттон М. Дж. Корпоративный документооборот: принципы, технологии, методология внедрения. СПб. : ООО «БМикро» ; «Азбука», 2002.

Селезнева Т. А. Соотношение понятий «делопроизводство», «документационное обеспечение управления» и «управление документами» (ретроспектива и современность) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 16. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 229–240.

Янковая В. Ф. Служба ДОУ: цели и задачи деятельности в современных условиях // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2011. № 5. С. 55–70.

УДК 930.2:34(470)

В. В. Шибаев

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020–2021 гг.

Анализируются несколько основополагающих нормативных актов, регламентирующих организацию делопроизводства и архивного дела в Российской Федерации в 2020–2021 гг. На их основе рассматриваются основные тенденции развития отечественного делопроизводства и архивного дела в современный период.

Ключевые слова: делопроизводство, документация, документ, система электронного делопроизводства, архив, архивное дело.

В рассматриваемый период в области государственной политики России в сфере делопроизводства и архивного дела основные изменения произошли в сфере нормативно-методического регулирования.

Внимание государства по-прежнему акцентируется на развитии электронного документооборота и хранения электронных документов. С этой целью были утверждены и приняты к реализации «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» в 2017–2030 гг., и программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [О стратегии…, 2017; Об утверждении программы…, 2017]. В соответствии с ними долю ведомственного и межведомственного

© Шибаев В. В., 2021

электронного документооборота к 2025 г. планируется довести до 90 %. Работа в этом направлении идет, в 2018 г. был утвержден паспорт «Цифровой экономики Российской Федерации» [см.: Национальная программа…].

Совершенствование нормативной базы в этом направлении – постоянный процесс, связанный с развитием общества в целом, а также средств коммуникации и информационных технологий, в частности. В связи с быстрым развитием информационных технологий в сфере электронного делопроизводства и хранения электронных документов происходит постоянное отставание нормативной и методической базы в этой сфере. После возврата Росархиву функций контроля за постановкой делопроизводства на данное ведомство была возложена подготовка «Типовых функциональных требований к системам электронного документооборота и хранения электронных документов». Этот документ был зарегистрирован в Минюсте России 20 октября 2020 г. за № 60484 [Об утверждении Типовых…, 2020].

В первую очередь «Требования» актуальны для государственных органов управления, для которых они носят обязательный характер. Однако, как и иные нормативные документы, регламентирующие управление документами в государственных структурах, положения «Требований» могут применяться в организациях всех форм собственности, за исключением отдельных требований, специфических для государства, например, по взаимодействию с МЭДО (межведомственным электронным документооборотом) и СМЭВ (системой межведомственного электронного взаимодействия).

Следует отметить, что в целом «Требования» носят общий характер. По содержанию их можно разделить на два раздела: во-первых, это требования к системам электронного документооборота, управления документами в текущем делопроизводстве (СЭД); во-вторых – требования к электронным архивам и системам хранения электронных документов (СХЭД). Также они являются основой для технического задания на внедрение СЭД в организации любой организационно-правовой формы, смогут помочь при анализе существующей системы в организации, понять, какой функционал отсутствует, и выработать предложения по модернизации электронного документооборота. Здесь надо отметить, что в организациях часто нет документоведов, поэтому выбор и внедрение СЭД в них происходит без участия специалистов. Соответственно, многие электронные системы управления документами не имеют нужного функционала, и необходимость их доработки выявляется уже после закупки и внедрения. А это грозит существенными финансовыми затратами. «Требования» в этом отношении можно брать за основу при анализе СЭД. Необходи-

мо просто пройти по пунктам, проверяя наличие или отсутствие той или иной функции, анализируя полезность ее реализации [Кузнецов, Коптева, 2021, с. 27, 35–36].

Большинство специалистов в области делопроизводства положительно оценивают «Правила делопроизводства…», разработанные для управленческих структур разных уровней [Правила делопроизводства…, 2019].

А. В. Ермолаева отмечает, что впервые документ, регламентирующий правила делопроизводства, представлен в форме кодифицированного нормативного правового акта. В нем объединены процедурные нормы, устанавливающие порядок организации деятельности по документированию, документообороту, оперативному хранению и использованию документов. Об этом свидетельствуют ссылки на законодательные, нормативные и методические документы в тексте «Правил». Их положения должны учитываться и реализовываться при организации и ведении делопроизводства.

Основным недостатком «Правил», по мнению А. В. Ермолаевой, является то, что они распространяются только на органы исполнительной власти и органы местного самоуправления [Там же, п. 2.3, 2.4]. Законодательная ветвь власти в них не упоминается [Ермолаева, 2020, с. 18–19].

Остальные специалисты также позитивно отзываются об этом нормативном документе. Они отмечают расширение сферы применения новых «Правил» для всей сферы органов государственной власти и местного самоуправления.

В новых «Правилах» более подробно закреплены положения об ответственности руководителей государственных органов и органов местного самоуправления и их служб делопроизводства за организацию и ведение ДОУ. Обозначены обязательные для разработки локальные правовые акты: положение о службе ДОУ, должностные регламенты (инструкции) работников службы ДОУ, инструкция по делопроизводству.

В новых «Правилах» вместо перечисления реквизитов дается ссылка на действующий ГОСТ Р 7.097–2016, который в результате становится обязательным для применения в органах государства и местного самоуправления. Также существенно расширены требования к организации работы с электронными документами в СЭД [см.: Кукарина, 2020, с. 20; Янковая, 2020, с. 3–9].

Л. Р. Фионова отмечает, что органы власти всех уровней управления должны пересмотреть свои инструкции по делопроизводству в связи с новыми «Правилами», при этом каждый орган власти сможет отразить собственную специфику делопроизводства [Фионова, 2020,

с. 7–11]. Это представляется вполне актуальным, так как по результатам исследований в 2019 г. ведомственных инструкций по делопроизводству в 31 из них нет актуального списка нормативных актов по делопроизводству и реквизитов. Каждое ведомство формировало этот список по своему усмотрению и не всегда вносило изменения в корпусе нормативных актов в инструкции по делопроизводству. В результате только четыре ведомства имели реквизит «отметка об электронной подписи» в своих инструкциях, что шло в разрез с активным внедрением электронного документооборота и системы межведомственного электронного взаимодействия в рамках реализации Стратегии информационного общества [О стратегии…, 2017].

Большим недостатком представляется отсутствие четкого понятийного аппарата управления документами в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Без этого аппарата невозможно дальнейшее развитие управления документами в условиях быстрого роста цифровой экономики и информационного общества, так как под влиянием компьютерных технологий базовые понятия «информация», «документ», «документированная информация» трансформировались и стали практически неразличимыми [Суровцева, 2020, с. 22–26].

Произошли изменения и в области архивного дела.

20 мая 2020 г. Минюстом России были зарегистрированы «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного Фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях, библиотеках, научных организациях» [Правила организации…, 2020].

Обновление было обусловлено произошедшими изменениями нормативно-правового поля, широким распространением информационных технологий в сфере делопроизводства и архивного дела, систем СЭД, резким ростом количества электронных документов постоянного хранения.

При подготовке новых «Правил…» учитывалось, что они будут использоваться как архивами, так и контрольно-надзорными органами, проводящими проверки соблюдения законодательства в сфере архивного дела, по возможности исключались коррупционные факторы.

Были сделаны изменения в связи с развитием информационных технологий: разрешено использование штрих-кодов и радиочастотных идентификаторов на первичных средствах хранения. Также были отрегулированы особенности хранения электронных документов, условия, определяющие гарантии их аутентичности, достоверности, целостности, пригодности использования при постоянном архив-

ном хранении. В «Правилах» 2020 г. была четко определена единица хранения электронных документов – это электронное дело, представляющее собой совокупность электронных документов, или один электронный документ. Тем самым была исключена привязка электронного документа к носителям, которая имела место в предыдущих «Правилах» 2007 г. Новая формулировка позволит обеспечить устойчивость учетных показателей при неизбежной замене устаревших носителей информации.

Предусмотрено широкое использование информационно–коммуникационных сетей для взаимодействия с пользователями. Например, установлена возможность приема запросов и предоставления ответов на них через Единый портал государственных и муниципальных услуг.

Как отмечают А. В. Грошев и Е. А. Романова, новые «Правила» создают условия для развития архивной сферы. Они ориентированы на широкое применение информационных технологий в деятельности архивов, сохраняя базовые принципы организации хранения, комплектования, использования и учета архивных документов. Кроме того, была предусмотрена подготовка практических рекомендаций к данным «Правилам», где более подробно будут раскрыты вопросы работы архивов с электронными документами [Грошев, Романова, с. 3–9].

6 февраля 2020 г., Минюст России зарегистрировал новый «Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения» [Об утверждении перечня…, 2019].

Появление новой редакции «Перечня» было вызвано произошедшими изменениями в законодательстве, определяющем и уточняющем состав документов, образующихся в процессе деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, подведомственных им организаций при документировании возложенных на них обязанностей, а также сроки хранения отдельных видов документов. Например, федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» (2004) внес изменения по сокращению сроков хранения документов по личному составу [Об архивном деле…, 2004].

Кроме того, опыт использования предыдущего Перечня показал, что он нуждается в серьезной переработке состава документов и сроков их хранения. Во многом это было связано с сокращением сроков временного хранения документов, исходя из их практической надобности и широким внедрением в деятельность органов власти и организаций информационных технологий; в установлении сроков хранения новых видов документов [Мещерина, Юрасов, с. 37–42].

Таким образом, в настоящее время в России происходит дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования, прежде всего, в сфере делопроизводства, обеспечивающего практику использования электронных документов в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, граждан и организаций. При этом вопросы хранения документов, в том числе в электронном виде, оказались в поле зрения государства. Кроме того, издание новых «Правил делопроизводства» и «Перечня типовых архивных документов», говорит о продолжающейся централизации государственного управления в сфере делопроизводства.

Грошев А. В. Романова Е. А. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного Фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях, библиотеках, научных организациях: выход в свет // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 3–11.

Ермолаева А. В. Совершенствование управления документами в органах государственной власти // Делопроизводство. 2020. № 4. С. 16–21.

Кузнецов С. Л., Коптева Н. П. Типовые функциональные требования к системам электронного документооборота и система хранения электронных документов в архивах государственных органов // Делопроизводство. 2021. № 1. С. 26–36.

Кукарина Ю. М. Новые правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления // Делопроизводство. 2020. № 2. С. 15–21.

Мещерина Т. А., Юрасов А. В. Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения: история подготовки, основные положения // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 37–42.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (дата обращения: 31.03.2020).

О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. : указ Президента РФ от 9.05.2017 № 203 // Собр. зак-ва РФ. 2017. № 20.

Об архивном деле в Российской Федерации: федер. закон от 22.10.2004 № 125 // Рос. газ. 2004. № 237.

Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряж. Правительства РФ от 28.07.2017. № 1632-р // Собр. зак-ва РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

Об утверждении Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения : приказ Росархива от 20.12.2019 № 236 // Федеральное архивное агентство. URL: https://archives.gov.ru/documents/prik236_2019.shtml (дата обращения: 30.03.2021).

Об утверждении Типовых функциональных требований к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов : приказ Федер. архивн. агентства от 15.06.2020 № 69 //

Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010210009 (дата обращения: 30.03.2021).

Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления : приказ Росархива от 22.05.2019 № 71 // Федеральное архивное агентство. URL: http://archives.ru/documents/rules/office-work-rules-gos.shtml (дата обращения: 30.03.2021).

Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного Фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях, библиотеках, научных организациях : приказ Росархива от 2.03.2020 № 24 // Федеральное архивное агентство. URL: https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml (дата обращения: 30.03.2021).

Суровцева Н. Г. Трансформация понятийного аппарата управления документами в условиях цифровизации // Делопроизводство. 2020. № 1. С. 22–26.

Фионова Л. Р. Новое в организации делопроизводства в органах власти // Делопроизводство. 2020. № 3. С. 7–11.

Янковая В. Ф. Правила делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления: к введению в действие // Отечественные архивы. 2020. № 2. С. 3–11.

Раздел 5
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

УДК 94(470.5).062/.063:37

А. М. Сафронова

НАДЗИРАТЕЛИ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА: КРУГ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С УЧИТЕЛЯМИ И УЧАЩИМИСЯ (1729–1730-е гг.)

Публикуемые документы представляют собой ценные источники, позволяющие судить о конфликтных ситуациях, складывавшихся между надзирателем горнозаводских школ и подчиненными ему учителями. Они проливают дополнительный свет на личность Никиты Бахорева, исполняющего роль администратора школ, позволяют увидеть повседневную жизнь как учителей, так и учащихся екатеринбургских школ. В этих документах поднимаются важные вопросы о взаимоотношениях учителя и учеников, методах наказания и воспитания учащихся, об уважительном отношении к учителю и др.

Ключевые слова: Урал, горнозаводские школы, надзиратели школ, учителя, учащиеся, наказания, история повседневности.

Чтобы лучше понять и оценить содержание впервые публикуемых нами документов, приведем краткую справку об институте надзирателей школ, сложившемся на Урале в первой половине XVIII в. Первые школы, открытые при заводах в 1721 г., подчинялись Канцелярии горных дел, в 1723 г. ставшей Сибирским высшим начальством, Сибирскому обер-бергамту (1723–1734), а с октября 1734 г. – Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. На низо-

© Сафронова А. М., 2021

вом уровне, согласно наказам заводским комиссарам Т. Бурцеву 1721 г. и Ф. Неклюдову 1723 г., школами ведали и эти должностные лица, что нашло отражение в главах этих наказов, специально посвященных контролю за деятельностью школ. По этой причине в 1723–1726 гг. документы о школах откладывались и в делах созданной Екатеринбургской заводской конторы, возглавляемой заводским комиссаром [Сафронова, 2014, с. 47]. С 1725 г. стали действовать лишь две екатеринбургские школы при заводах, в 1726 г. они перешли в непосредственное ведение Сибирского обер-бергамта.

Но в 1729 г. члены бергамта выразили недовольство частыми обращениями к ним учащихся школ и решили назначить специальное лицо, ответственное за деятельность школ. 10 июля К. Гордеев и С. Неелов определили: «понеже многие школьные ученики приходят во обер-бергамт и просят и докучают о своих разных нуждах мимо учителей», а определением начальника заводов В. И. Геннина 4 марта велено над арифметической школой надзирать вице-маркшейдеру князю Василию Горчакову, послать к нему указ, «чтоб он объявил арифметической и словесной школ учителем и ученикам, чтоб они о своих нуждах приходили и доносили ему, Горчекову, а он бы о тех их нуждах письменно предлагал в Сибирской обер-бергамт». Член бергамта А. Томилов ниже дописал: «и оные обе школы ведать и над мастерами команду иметь ему, князю Василью Горчекову» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 198, л. 244].

Горчаков собирал рапорты от учителей словесной и арифметической школ и передавал их начальству [Там же, д. 201, л. 291, 421 об.], об отношениях с учителями и учащимися документы обер-бергамта умалчивают. Лишь в октябре 1730 г. надзиратель школ проявил инициативу и в доношении начальству сообщил: «Посылаются многократно от разных повытьев Сибирского обер-бергамта кананеры и сторожи в словесную школу по учеников для переплету приказных дел, и которые ученики всегда бывают безпрестанно по повытьям у переплетов». Всегда ли это делалось по приказам обер-бергамта, неизвестно, указа «у нас» об этом не имеется, а ученики «в непонятии своих наук закоснели». Горчаков просил прислать указ об отпуске учеников для переплета или «по соизволению» бергамта «на то учрежденных учеников определить», т. е. назначить конкретных лиц из них [Там же, д. 220, л. 272]. 2 ноября 1730 г. начальство отреагировало: запретило отпускать школьников для переплета без доклада обер-бергамту, предписало найти кого-то из рассыльщиков или других грамотных людей, «кто переплетать обучит, понеже без того пробыть нельзя»; выяснить, нет ли переплетчиков в дистриктах, но пока люди не отыщутся и обучены не будут, «миновать нельзя, чтоб школьников к тому не брать» [Там же].

Через полтора года В. Горчаков по прошению, поданному в Берг-коллегию, получил разрешение об отпуске, так как «деревни ево бес призрения в конец разорились». Указом начальника заводов В. И. Геннина он был отпущен в Москву на год. Примечательно, что Горчаков 19 декабря 1730 г. сам ходатайствовал о назначении лица, которому мог бы передать смотрение над школами, «дабы по отъезде… чего впредь на нем не спросилось» [Там же, д. 201, л. 553].

23 декабря 1730 г. последовало решение начальства: «…над тою школою как в обучение, так и в протчем надзирать и смотрение иметь крепкое, дабы всегда они [ученики] при своих науках безотлучно были и мастера б их обучали, и они училися с прилежностию, и содержать их во всякой тихости и в добром порядке маркшейдерского дела ученику Андрею Татищеву. И во всем том поступать, как о том в прежних указех написано, и без ведома обер-бергамта из них никого из Екатеринбурха не отпускать и к себе ни на какую услугу, кроме их дела и обучения, не брать и не употреблять. А какие в той школе есть указы и инструкции, ведомости, также и инструменты, оное все описать», одну опись оставить в школе, другую подать в обер-бергамт» [Там же].

Но назначение А. Татищева оказалось неудачным. Уже через полмесяца, 7 января 1731 г., оно было отменено под предлогом: «ныне при маркшейдерском деле и сочинения чертежей только того маркшейдерского дела ученик один, он, Андрей Татищев, ибо маркшейдер Горчеков отпущен в дом свой на год, а берг-гешворен Кутузов посылаетца для горного дела в Илимск. А здесь случаютца частые по заводам и рудникам посылки для осмотрения оных и сочинения чертежей. И кроме ево, Татищева, посылать будет иного некого, ибо знающих того дела иных нет. И за тем ему, Татищеву, над школами прилежного смотрения иметь будет некогда и невозможно» [Там же, д. 202, л. 3–4].

Поэтому начальство поручило школы члену обер-бергамта гитенфервальтеру Никифору Клеопину, освободив его от составления описи указов, инструкций, ведомостей, инструментов, это он должен был поручить учителям, им же и подать опись в бергамт. При этом предписывалось: «о всем ему мастерам репортовать ежедневно, и что он усмотрит, а без обер-бергамта учинить ему невозможно, о том ему представлять» и для того дать копию с этого определения или указ [Там же, л. 4]. Это означало, что учителя (мастера) должны были докладывать Клеопину ежедневно о школьных делах, а он мог давать им свои распоряжения, о важных вопросах представлять начальству.

8 октября 1734 г. заводы официально были переданы от В. И. Геннина новому начальнику, В. Н. Татищеву. Он сразу же начал хлопотать об открытии школ словесных, а по мере обучения детей грамо-

те – и арифметических при всех казенных заводах. 4 января 1735 г. В. Н. Татищев и советник А. Ф. Хрущов постановили: о посылке на все казенные заводы указов о постройке школ и обучении чтению и письму дьячкам или другим лицам, а арифметике и геометрии – шихтмейстерам. Одновременно было назначено лицо, ответственное за деятельность школ в Екатеринбурге, где предполагалось открыть и иноязычные школы: «Здешнюю же школу иметь в особном смотрении главному межевщику Юдину и, о содержании оных написав правила, разослать» [Там же, д. 216, л. 16–18]. С этого времени Игнатий Юдин стал поднимать вопросы, касавшиеся организации школ в Екатеринбурге, перед членами Канцелярии Главного заводов правления. И делал это постоянно, в отличие от своих предшественников.

Историк Урала А. Г. Козлов приводит следующие данные о жизненном пути этого горного офицера, Игнатия Никитича Юдина (1691–1772): «С 1709 г. учился в немецкой школе, с 1711 г. был инженерным учеником, с 1717 г. работал кондуктором в Новгород-Волынске, Казани и других местах. С 1721 г. Юдин работал на Урале: сначала на Уктусских заводах, с 1723 г. при строении Пыскорских заводов, с 1735 г. в присутствии канцелярии Главного заводов правления главным межевщиком. В 1741 г. произведен в бергмейстерский чин. В 1759–1762 гг. и. д. начальника канцелярии Главного заводов правления» [Козлов, 1981].

Весной 1735 г. В. Н. Татищев по своей инициативе начал разработку Заводского устава, регламентирующего обязанности коронной администрации казенных заводов. Текст устава излагался от имени высшей императорской власти, поскольку предполагалось, что Заводской устав после апробации Анной Иоанновной станет законом. 22 мая 1735 г. текст восьми подготовленных лично Татищевым глав обсуждался на заседании Канцелярии, при этом отсутствовали советник Канцелярии А. Хрущов и главный межевщик И. Юдин: первый в это время осматривал Пермские заводы, второй – пильные мельницы. Они подписали устав позже: Юдин – 28 мая, А. Хрущов – 9 июня. 30 мая 1735 г. Татищев сообщил кабинет-министрам о составлении Заводского устава, 26 июня его текст был отправлен на высочайшее рассмотрение и утверждение [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 220, л. 121 – 121 об.].

В главе 6-й «О должности главного горного межевщика или обермаркшейдера» Татищев впервые изложил обязанности этого должностного лица в отношении школ, которые он должен был осуществлять параллельно с надзиранием за межеванием лесов, прокладкой дорог, креплением горных копей, составлением геодезистами ландкарт всех уездов горного ведомства [Горный журнал, 1831]. Подобная практика поручения школ лицам, уже имевшим определенные

обязанности, была характерной для XVIII в. Отметим, что Татищев поручал контроль за школами лицу, выполнявшему работы квалифицированного, творческого характера.

Главный межевщик должен был проводить сбор детей в школы и контролировать ход их обучения, «чтоб такие младенцы напрасно времени не теряли и надмерным долговременно в школе держанием отягчены и науки им в омерзение приведены не были, того ради по временам росписать, когда и гулять имеют, однако ж и оное по разности возраста, ибо младенец 10 лет в день осми часов, а 6-летней и 6 часов летом без труда не сможет снести» [Там же, с. 316].

В этом предписании Татищева мы видим в зародыше такие важные теоретические положения педагогики, как необходимость разумного чередования учебы и отдыха, влияние правильной организации обучения на его результаты, на отношение детей к обучению; учет возрастных особенностей детского организма при определении часов обучения в день. Мы впервые сталкиваемся с попыткой ввести эти положения в нормы законодательства. Возможно, Татищев был первым, кто затронул эти проблемы в нашей стране.

В пункте 10-м «О порядке учения» Татищев сформулировал мысль о введении параллельного обучения учащихся предметам – «как скоро который (ученик. – *А. С.*) порядочно складывать научится, то есть когда первое младенцам учение или букварь внятно хотя и складом читать будет, то немедленно ему начать писать…, а при том обучать в особливый час арифметике». Татищев обосновывает пользу параллельного обучения: оно способствует лучшему усвоению предмета (письмо «складыванию немалая помощь»), повышает заинтересованность в обучении, ускоряет сам процесс его – «тако по малу с большею охоток в кратчайшее время учиться может» и «к прилежности лучшая охота явится» [Горный журнал, 1831, с. 316–317].

В пункте 11-м «О содержании учеников» формулировались обязанности межевщика по контролю за учителями. Фактически здесь излагались требования к учителям, к их методам обучения и воспитания детей: «чтоб с младенцами не слабо и не жестко поступали, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но страху божию и благочестному житию поучали, с ними ласково поступали и более любовно, нежели страхом обходились, и для того не токмо в школах, но и в гуляньи за ними надзирать и им игор вредительных и досадительных не допущать» [Там же, с. 317], т. е. в целом предписывалось использовать гуманные методы обучения и воспитания.

В пункте «О училищах и припасах» содержались общие положения об обеспечении училищ помещениями (чтоб «покоями были

довольны и способны, а наипаче, чтоб не близко кабаков, но при церкви и к полю стояли»), книгами, инструментами (чтоб «оскудения не было»).

В обязанность межевщику вменялось: свидетельствовать учащихся, закончивших обучение, поощрять способных, «дабы чрез то к наукам всяк лучшую охоту имел», «а ленивых, непокорных и распутных принуждать, смирять и наказывать, колико возможно безоплошно, дабы злости из младенчества вкорениться не допустить», т. е. формулировалась мысль об умелом воздействии на учеников [Горный журнал, 1831, с. 316].

Положения этой главы Заводского устава об обязанностях главного межевщика были переданы И. Юдину в виде должностной инструкции еще до отправки устава верховной власти: 19 мая Татищев предписал дать «с должности ево написанной» копию и «по оной… в надзирании школ и протчем поступать» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 220, л. 142]. Так появилась специальная инструкция ответственному за деятельность школ члену коронной заводской администрации Игнатию Юдину, который исполнял эти обязанности на протяжении многих лет.

3 ноября 1735 г. на заседании Канцелярии заслушивались вопросы о результатах переписи детей, подлежащих обучению на территории горнозаводского ведомства, назначались учителя в словесную, арифметическую, знаменованную школы Екатеринбурга, уже прибыли учителя латинской, немецкой школ. В связи с расширением сети учебных заведений в помощь главному межевщику Юдину был назначен механик Никита Бахорев [Там же, д. 226, л. 11–13].

Жизненный путь Никиты Бахорева отражен в его челобитной, поданной в 1741 г. в Канцелярию о повышении жалованья [Там же, оп. 1. д. 952, л. 15 – 15 об.]. Он сообщал, что в 1722 г. был взят «в Академию московскую», т. е. в Московскую школу навигацких наук, в 1724 г. по именному указу Петра I «выслан» в академию в Санкт-Петербург, т. е. в Морскую. В 1724 г. был «из меркоторской науки» (изучения проекции изображения мира на плоскости картографа XVI в. Меркатора), отобран для обучения в Швеции в группе с другими учениками. Известно, что там под контролем Татищева с лета 1725 г. он обучался «машинному (а также столярному, токарному и кузнечному) делу» [Юхт, 1991, с. 320] и, как сообщает Бахорев, «обучил тщанием и своим коштом часть для вычету машин механики». В 1727 г. он прибыл с аттестатом в Берг-коллегию, был определен «для апробации в той науке» на Красносельский завод близ Петербурга с тем же жалованьем, что имел и в академии, 27 руб., но потом перенаправлен Берг-коллегией в Екатеринбург. На Урале в марте 1729 г. его

определили к «надзиранию над плотниками меховыми, столярными и токарными мастерами и в тех делах и самому присматриваться, чтоб впредь мог быть полным механиком». В ноябре 1732 г. Бахорев стал машинным подмастерьем с жалованьем 60 руб., по штату 1735 г. – механиком, имеющем собственных учеников, с годовым окладом 96 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 952, л. 15 – 15 об.] Таким образом, Никита Бахорев, ставший помощником Юдину, имел хорошее образование и на Урале стал признанным специалистом в области механики [см: Корепанов, 2005, с. 59–60].

В конце 1735 г. Юдин подал доношение в Канцелярию «о даче ему к правлению положенной на него должности подьячих и служителей, ибо ему одному оного управить и иметь в надлежащем действи[и], не можно». И 29 декабря 1735 г. Татищев «с товарыщи» решили: «ко исправлению положенных на него, Юдина, дел, показанных в ево должности, учредить особое повытье» в составе подканцеляриста и двух копиистов с жалованьем из штатных школьных сумм. В других повытьях Канцелярии таких дел не решать, чтобы при наведении справок «замешания и затруднения не было» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 277, л. 206–207]. Благодаря этому решению с 1736 г. стал формироваться комплекс т. н. «школьных книг», в которых подшивались документы, касающиеся школ: доношения и рапорты учителей надзирателю школ; доношения Юдина и Бахорева в Канцелярию; прошения учителей, учащихся и их родителей; копии протоколов о школах, указы Канцелярии и другие документы.

Изучение этих дел свидетельствует, что среди них, по сути, отсутствуют источники, позволяющие судить о личных взаимоотношениях надзирателей школ с учителями и учащимися. Поэтому публикуемые ниже документы, выявленные нами в первом «школьном» деле за 1736 г., представляют особую ценность [Там же, оп. 1, д. 624, т. 2, л. 417–423]. Они ярко демонстрируют взаимоотношения помощника И. Юдина, Никиты Бахорева, с учителями екатеринбургских школ, отражают его личные отношения с учениками, проливают дополнительный свет на личность Бахорева как исполняющего роль администратора школ, позволяют увидеть повседневную жизнь учителей, учащихся не только знаменованной и арифметической школ, но и словесной, механической. В этих документах поднимаются важные вопросы о взаимоотношениях учителя и учеников, методах воспитания учащихся, об уважительном отношении к учителю и др.

Из доношения Бахорева, поданного в Канцелярию в июле 1736 г., следует, что в отсутствие Юдина он посещал школы, и у него сложились непростые отношения с учителем знаменованной школы Мироном Аврамовым и арифметической – Федором Санниковым: они

«мало слушают» его, «при школах мало бывают и настоящаго своего дела, что надлежит, не отправляют», на замечания не реагируют, более того, дают отповедь (документ № 1).

Из показаний же учителей следует, что Бахорев сам в это время редко бывал у обучения своих подопечных механике, поэтому не посещал и другие школы. Как показал Аврамов, Бахорев его «в школе мало видал», поскольку сам «к науке своей учеников всегда ретко хаживал и не более как однажды в неделю, а иной недели и не бывает» (документ № 2). Санников подчеркнул и следствие такого отношения: ученики Бахорева, что «научены были арифметик от учителя Каркадинова, и то все забыли, как я в апреле месяце усмотрел, а механики не токмо знать по нынешней месяц, они и начала не видали» (документ № 3).

Ясно, что Бахорев несправедливо использовал свои полномочия по контролю за учителями для наветов на них. Запретил Аврамову писать «картины» для церкви, хотя тот выполнял поручение, данное начальником заводов Татищевым. Приписал Санникову манкирование составлением рапорта об успехах учащихся в математике якобы из-за недостатка времени, хождения для обучения немецкому языку к ректору Штермеру.

Из сказки Санникова выясняется, что Бахорев недостойно вел себя по отношению к учителям словесной школы. Они были ссыльными (Арсений Иевлев, Логин Егоров, Никита Артемьев) [см.: Сафронова, 2014, с. 292], поэтому Бахорев с ними не церемонился, заигрывал с их учениками, приказывал им жаловаться на учителей лично ему, если те будут сечь их лозами, а сам наказывал не только учеников, но и учителей словесной школы: бил «пред учениками», покрывал «всякою матерною бранью». Санников ставит вопрос о пагубном влиянии Бахорева на этих учеников, переставших слушаться учителей, выполнять их задания, и даже на их отцов, перенявших от Бахорева манеру бранить учителей; угрожавших учителям жаловаться на них Бахореву. Санников сообщает о жестоких и унизительных методах наказаний, применяемых Бахоревым в отношении своих учеников механики, ставит вопрос о неприемлемости вмешательства Бахорева в наказания чужих учащихся (документ № 3).

Большой интерес представляют рассуждения Санникова о необходимости воспитания в учениках уважения к учителям: «во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость… Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит». Одновременно Санников ставит вопрос об отрицательной роли жестоких наказаний: «наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотрения и учения хорошего искусного не будет» (документ № 3).

Публикуемые документы сообщают об изучении учителем математики Санниковым по собственному желанию основ немецкого языка, для чего он и ходил на занятия в класс немецкой школы к ректору Штермеру, о чем сообщили и Бахорев, и сам Санников.

Заметим, что лишь по прошествии трех месяцев, 23 октября 1736 г., члены Канцелярии вынесли решение по доношению Бахорева. Предписали за малые проступки наказывать учеников самим учителям, а о продерзостях и плутовстве доносить Юдину. Учителям смотреть за своей школой, «в чюжое учение и порятки не мешаться», о своих ссорах доносить опять-таки надзирателю Юдину; если он сам не сможет разрешить ссору, предлагать в Канцелярию. Начальство уточняло, что в случае отъезда, Юдин должен поручать смотрение, «кому по указу надлежит», с уведомлением учителей, чтоб были послушны этому лицу. О том, как учителям «содержать учеников в школах, дать им приличныя пункты» (документ № 4).

Известно, что 9 ноября 1736 г. В. Н. Татищев разработал «Учреждение, коим порядком учители руских школ имеют поступать» [Татищев, 1990, с. 235–243]. В свете вышеизложенного решения уральского начальства ясно, что Татищев сам взял на себя роль разработчика этой инструкции, которую историк педагогики А. А. Буров назвал лучшим уставом русской начальной школы, а самого Татищева выдающимся деятелем просвещения своего времени [Буров, 1960, с. 119–129; 1961, с. 117]. Так рассмотрение ссоры между надзирателем и учителями стало непосредственным поводом для рождения уникального памятника педагогической мысли, использовавшегося в уральских школах многие десятилетия.

Документы вводятся в научный оборот в соответствии с правилами публикации с сохранением орфографии, включением пропущенных букв и слов в квадратные скобки. Автором публикации расставлены и знаки препинания при передаче текста.

№ 1

1736, июля 10. – Доношение надзирателя екатеринбургских школ Никиты Бахорева в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов о непослушании ему учителей знаменованной школы Мирона Аврамова и арифметической Федора Санникова

В Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов от механика Никиты Бахорева доношение.

В прошлом 1735-м году ноября дня[1] по определению из Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов велено мне

[1] Определение Татищева с Товарищи состоялось 3 ноября 1735 г.

обучать механики и надзирание иметь надо всеми школами. А по тому определению, ежели не в отлучке когда бываю, механики обучаю и над всеми школами надзираю, также в небытность главного межевщика господина Юдина, что ево должности при школах [касается], отправляю.

Но ис того, как видно, что некоторые учители мало слушают, а именно, живописной Мирон Аврамов, арифметической школы учитель Федор Санников, к тому же при школах мало бывают и настоящаго своего дела, что надлежит, не отправляют. Да оной же Аврамов, когда в школу и придет, но токмо мало весьма работает, которым уже словесно неоднократно и сказывал. И из оных Аврамов сказал мне: поди де ты прочь, я де тебя не слушаю; а Санникову также довольно сказывал, чтоб он зделал третной репорт об арифметических школьниках для подания в Главную канцелярию да и в школу чтоб почаще ходил, которой сказал, что мне де недосук[2] и обучается в немецкой школе.

А особливо как в нынешнем году, июля 5 дня, усмотрел я арифметической школы ученика Горшкова, играл на улице и бросал палками и забросил одну палку на двор и чрез забор по ту палку лазил. И того Горшкова за ту ево бездельную игру в арифметической школе при ево других братии лозами и наказал, чтоб впредь и другие так не делали. А того ж месяца 7 числа означенной Санников пришел в арифметическую школу и говорил мне, для чего де ты моей команды лозами сек школьника? Ежели де впредь будешь так делать, и я де с тобою дурно зделаю, и надлежит де тебе об оном мне сказывать, а не самому их наказывать.

Того ради сим Канцелярии Главного правления покорно прошу, чтоб повелено было по оному моему доношению учинить резолюцию: и как впредь со оными учители поступать, и школьников в добром порядке содержать, и надзирание над ними какое иметь, чтоб и впредь мне от того в каких неисправностях не остаться.

Июля 10 дня 1736 году.

Механик Никита Бахорев.

Помета на верхнем поле документа: Подано июля 10 дня 1736 году.

Помета: Записав, оных учителей призвать в Канцелярию и показанные от Бахорева непорядки от них были ль, взять с обстоятельством скаски.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 417 – 417 об.
Подлинник.

[2] Так в тексте.

№ 2

Сказка учителя знаменованной школы Мирона Аврамова

1736, июля 14

1736 году иулиа 14 дня в Канцелярии Главного правления заводов живописной учитель Мирон Аврамов сказал:

В небытность главного межевщика господина Юдина механику Никите Бахореву никакого непослушания он не чинил, а ко определенному своему делу на каждой день он приходил и указные часы высиживал. И данных ему учеников к знаменованию обучает безленостно и в том механической, знаменованной, немецкой и латынской школ на учеников шлетца.

И кроме оного обучения имеетца у него дело: писать живописное в церковь – образы, токмо оное стоит за неимением красок. А вышепомянутой механик Никита Бахорев приходил к нему в прежние покои господина генерала-порутчика Геннина, где он писал живописное тому назад месяца с три. И по приказу его превосходительства действительного статского советника Василья Никитича Татищева писал он разные картины. И усмотря у него, Аврамова, те картины, он, Бахорев, писать ему запретил. Токмо де он, Аврамов, при том ево запрещении говорил: тебе де до етова нужды нет и запрещать тебе не надлежало. Токмо он по тому ево запрещению те картины писать не стал и ту свою работу отставил.

А, может быть, что он, Бахорев, ево, Аврамова, в школе мало видал для того, что он [Бахорев] к науке своей учеников всегда ретко хаживал и не более как однажды в неделю, а иной недели и не бывает.

К сей скаске Мирон Аврамов руку приложил.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 418–418 об.
Подлинник.

№ 3

Сказка учителя арифметической школы Федора Санникова

1736 г., 26 июля

О непослушании оного доносителя Бахорева и о бытии моем мало при школе и о не отправлении настоящего моего дела, что надлежит, покорно ответствую.

[1]. В потребном по указом порученном мне деле послушание ему, доносителю Бахореву, всегда представлял (кроме того, что бесполезно и не подлежит моей должности), и при школе бываю во всякой работной день два раза до полдня часа по полтора и по полудни три часа. А протчие часы употребляются в науках [по] надписанию ректора господина Штермера.

И в показанные часы я своим ученикам арифметические и геометрические члены по возможности охотно толкую и задаю. И кроме меня никто моим учеником не показывает, и тако положенное на меня дело исправлял. И оной Бахорев доносит то все несправедливо, для чего во оправдание и для подлинного свидетельства предъявляю всех учителей словесной руской школы.

2. О третном репорте о науках 3 числа сего месяца он, Бахорев, меня спрашивал, и я ему, Бахореву, сказывал, что у меня репорт давно готов. И он сказал, что де от других школ еще не подано, да и от него, Бахорева, также в подании нет, и в то время оного от меня не взял.

3. О наказании школьника Горшкова я ему, Бахореву, говорил, для чего он чрез меня моих учеников наказывает и хочет так же зделать, как и в словесной [школе] учинил. И он сказал о себе, что я де главной камандир и впредь буду сечь, да и тебя де выбью батожьем, а и взять де будет негде.

И на то я ему сказал, что из того, ежели у детей много учителей будет, которые сами не разумеют или не смыслят, дурно будет, а не так, как он написал, [будто] ему я дурно зделаю. И описаные речи сказывал ему для того, что оной доноситель, как видно, в школах порядку не знает и токмо более в науках чинит помешательство.

1. Выждав меня из школы, когда я пойду в науку к господину ректору, то придет в школу и моим учеником приказывает писать письма постороние, а что им в науке задано от меня, того они не делают.

И я, желая не допустить, чтобы и мои ученики не были наукою таковы ж не достаточны, как и ево ученики (кои не токмо чтоб от него получили в пользу науки механики в бытность ево, но что научены были арифметик от учителя Каркадинова, и то все забыли, как я в апреле месяце усмотрел, а механики не токмо знать по нынешней месяц, они и начала не видали), и чтоб в наказании с моими учениками так же не поступал, как со оными поступает, что я видял[3] при Кушвинском заводе.

Ученика Галкина обучал делать чертежи, и что у них неисправно зделается, то ученика бьет беспорядочно, харкает и плюет ему в глаза, и пинает ногами и, взяв за волосы, бросает о землю, и топчет, что де-

[3] Так в тексте.

лывал часто. Да еще же и того глупяе, что оному ученику велит сесть на пол и велит выпучить глаза и кричать ханжинским голосом пред многими людьми.

А признавается мне, что фудамент есть детского учения – порядочное их содержание и всегдашное прилежное смотрение, а за неисправность можно словесное и лехкое лозное наказание чинить, а не надмерное, яко палкою и протчим, что у него ж водится. Ибо наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотрения и учения хорошего искусного не будет.

2. Тако ж де он желает в арифметической школе свой порядок установить, как в руской словесной школе от неимения довольнаго разсуждения учинил, ибо приказывает ученикам, что ежели де вас учители будут сечь лозами, то жалуйтесь мне. И ныне ученики учителя не опасаются, что им задано будет, не обучают, а наказание он учеником чинит кроме учителей. А учителей пред учениками бьет, бранит всякою матерною бранью и называет канальями. И такой непорядок в словесной школе учинил, что тех учеников отцы, приходя в школу, учителей бранят матерно, угрожая им Бахоревым.

Что во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость, а не такую, как ныне чинит. Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит. И ежели впредь смотрение вручено будет ему, Бахореву, то учеником не токмо что науки в пользу придаться, но и благословенно от Бога природной разум утратиться может ево неискусным учением.

Июля 26 дня 1736 году

Учитель Федор Санников руку приложил.

Помета: Учиня из сего дела экстракт, предложить[4].

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 419–420.
Подлинник.

[4] «Экстракт о непослушании механика Бахорева учителями Санниковым и Аврамовым и о протчем» (л. 421–422) повторяет содержание документов № 1–3, поэтому опускается.

№ 4

Определение Канцелярии Главного заводов правления о наказании учеников своим учителем, о невмешательстве учителю в порядок преподавания в другой школе, рассмотрении продерзостей учеников и ссор учителей главному межевщику И. Юдину, в его отсутствие учителям быть послушными его заместителю, составлении пунктов учителям о содержании школьников

1736, 23 октября

1736 октября в 23 день по указу Е. И. В. в Канцелярии Главного заводов правления слушав экстракта, учиненного по доносу механика Бахорева о непослушании ево учителями Санниковым и Аврамовым, ис которого усмотрено, что у них меж собою одно несогласие произошло и тем только нанесен напрасной трут Канцелярии, что было можно розобрать и на словах, согласно определили:

Учителем учеников за приключившияся при учении небольшия вины наказывать самим, а буде явятся в какой продерзости или плутовстве, о том им, учителям, доносить главному межевсчику Юдину.

И учителю всякому смотреть свою школу, а в чюжое учение и порятки не мешаться, и в своих ссорах письменно или словесно доносить ему ж, Юдину. А ему те ссоры их разсматривать и чего не может решить сам, о том предлагать в Канцелярию Главного заводов правления.

А в небытность ево, Юдина, за отлучками, поруча свое смотрение, кому по указу надлежит, с объявлением учителем, дабы оному были послушны. А как учителем содержать учеников в школах, дать им приличныя пункты, и о том им, учителем, Бахореву, Аврамову и Санникову, объявить и куда надлежит, собсчить.

На подлинном определении подписано тако: Андрей Хрущов, Никифор Клеопин.

Протоколист Евдоким Яковлев

Помета: Для исполнения дана в школьное повытье.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 423.
Копия.

Буров А. А. Первый устав русской народной школы // Советская педагогика. 1960. № 6. С. 119–129.

Буров А. А. В. Н. Татищев – выдающийся деятель просвещения первой половины XVIII в. // Советская педагогика. 1961. № 5. С. 110–120.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 8. С. 316–319.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1981.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990.

Юхт А. И. Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Ист. записки. 1971. Т. 88. С. 296–335.

УДК 94(47).073:37

Т. Н. Кандаурова

АГРАРНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЮГА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ФЕРМЫ НОВОРОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ

1840–1850-е гг. были отмечены расширением образовательной системы военных поселений кавалерии юга России, в этот период здесь были созданы новые аграрные учебные заведения – Чугуевская сельскохозяйственная школа и земледельческие учебные фермы в п. Новая Прага и г. Новомиргороде для подготовки специалистов-агрономов и животноводов в помощь военным поселянам. Представленные в публикации отчетные материалы Новопражской и Новомиргородской земледельческих ферм позволяют детализировать процесс развития учебных заведений данного профиля в поселенных кавалерийских округах, полнее охарактеризовать систему обучения в них, включая практическую базу, а также процесс социализации детей поселян – военных кантонистов и повседневную жизнь учащихся и персонала учебных ферм.

Ключевые слова: аграрные учебные заведения, Департамент военных поселений, военные поселения, сельскохозяйственная школа, земле-

© Кандаурова Т. Н., 2021

дельческие фермы, кантонисты, ремесленное обучение, отчетная документация, социализация кантонистов.

В 1840–1850-х гг. развитие военных поселений (далее – ВП) кавалерии сопровождалось расширением их образовательной системы, что было обусловлено активизацией социально-экономического и социокультурного развития региональных кавалерийских поселенных округов в Слободско-Украинской, Херсонской, Киевской и Подольской губерниях и государственной политикой в сфере аграрного производства и образования [Волков, 2008; Книга, 2007; Козлов, 1998; 2020, с. 61–76; Плаксин, 2001; Ясман, 1976]. В этот период получили развитие новые специальные учебные заведения, назначение которых состояло в обеспечении поселенных полковых округов кадрами специалистов по различным профилям хозяйства, строительства, ремесла, медицины, военного дела. [Кандаурова, 2019, 2020а, 2020б, 2020в]. Развитие земледельческого и животноводческого секторов поселений кавалерии, применение новых технологий в земледелии поставило на повестку дня формирование корпуса учебных заведений аграрного профиля, обеспечивавшего полковые поселенные округа грамотными специалистами – агрономами, животноводами, шелководами, садоводами, табаководами. В 1842 г. в г. Чугуеве Украинского ВП была учреждена первая в поселенных округах кавалерии школа сельского хозяйства, ставшая здесь головным учебным заведением данного профиля. [Кандаурова, 2020в; Шевченко]. Школа готовила кадры специалистов-аграриев для всех региональных ВП. В 1850 г. в Новороссийском ВП были учреждены две «земледельческие фермы при Штабах: первых 4-х округов в п. Новая Прага и вторых 4-х округов в г. Новомиргороде». Учебные фермы должны были готовить специалистов «по всем отраслям сельского хозяйства» в помощь военным поселянам в их хозяйственных занятиях [Статистичний опис…, 2008, с. 167]. Фермы получали соответствующие земельные угодья. В статистических описаниях показано, что «для практических занятий по полеводству отделено для каждой фермы по 180 десятин земли» [Там же].

Все сельскохозяйственные учебные заведения поселенных округов ежегодно представляли в Департамент военных поселений (далее – ДВП) годовые отчеты с итогами и достижениями их развития [Кандаурова, 2020в]. В фонде ДВП сохранились годовые отчеты по Новопражской и Новомиргородской земледельческим фермам за 1855 г. В структурном отношении отчеты по фермам включают несколько разделов или частей и имеют обширные и подробные приложения в форме ведомостей и таблиц.

Тематические разделы отчетов могут быть объединены в отдельные блоки: разделы, характеризующие состав учащихся ферм, где показана численность, динамика, состояние здоровья, питание, обмундирование, расходы на содержание учеников и в приложении ведомости успеваемости учащихся; разделы, характеризующие образовательный процесс – занятия учеников в классах, ремесленное обучение, годовые экзамены, практические занятия. Отдельный тематический блок представляют разделы, включающие характеристики «работ по земледелию» на фермах (полевые работы, используемые технические средства, работы на опытных полях с приложением «записок о разных опытах»).

Тема метеорологии включена в самостоятельные разделы отчетов, и в приложениях даны ежедневные ведомости метеонаблюдений. Представлена в разделах отчетов тема строительства – характеристика группы построек фермы (Новопражская) и ход строительных работ на Новомиргородской ферме. Отдельные разделы каждого отчета включают основные характеристики животноводческих комплексов представляемых учебных ферм (количественные характеристики фермерских стад, продовольствие рабочего и продуктивного скота, покупка скота, источники финансирования при покупках). В заключительных разделах отчетов называются все ведомости, прилагаемые к отчетам и детализирующие характеристику всех разделов отчетов (состояние финансов ферм, движение денежных средств; сборы, хранение, обработка, продажи зерновых культур и других продуктов; продукция ремесленного производства учеников; движение основных средств ферм в 1855 г.). Все отчетные материалы представлены в деле в подлинниках, подписаны начальником первых восьми округов Новороссийского ВП, генерал-майором артиллерии К. В. Пистелькорсом, начальниками 1–4 и 5–8 округов генерал-майором А. А. Косовским и генерал-майором О. К. Шмитом [Адрес-календарь, 1855, с. 66] и заведующими фермами.

По причине значительного объема отчетных материалов по земледельческим фермам для публикации отобраны основные части отчетов. Информационный потенциал отчетов земледельческих ферм Новороссийского ВП позволяет анализировать процесс социализации части кантонистов учебных дивизионов и молодых военных поселян в процессе обучения в сельскохозяйственных школах, каковыми являлись данные фермы. Отчеты раскрывают учебные курсы и программы сельскохозяйственных учебных заведений, постановку образовательного процесса, в котором присутствует сочетание теоретического и практического обучения; освоение учащимися ферм знаний и практических навыков по сельскохозяйственным специальностям, ремес-

лам, основам военного дела. В 1855 г. численность учащихся двух земледельческих ферм составляла 56 чел., на место выбывающих по окончании курса обучения или по другим причинам учеников зачисляли такое же количество новых учащихся. В 1857 г. численность учащихся и обслуживающего персонала на фермах была такой же, как и в 1855 г., – по 28 учеников на каждой ферме и по 6 чел. служащих при фермах, включая двух учителей, двух рядовых мастеровых, обучавших учеников ремеслам, унтер-офицера инвалидной команды и рядового роты служащих инвалидов [Статистичний опис…, 2008, с. 167].

Материалы отчетов также дают представление о повседневной жизни учащихся сельскохозяйственных учебных заведений полковых кавалерийских округов, их занятиях по сезонам, бытовых условиях, службе после выпуска. Средства на устройство и содержание ферм были выделены из капиталов военных поселений, и в процессе реализации программы развития этих учебных заведений ежегодно частями возвращались в капиталы полковых округов.

№ 1

Отчет фермы, высочайше утвержденной при дежурстве первых четырех кавалерийских округов Новороссийского военного поселения, в п. Новой Праге за 1855 год

1-е. Состав учащихся

К 1-му числу генваря 1855 года состояло при ферме учеников из военных поселян первых 4-х округов Новороссийского военного поселения, от каждого округа по три человека нехозяев, всего 12

Из военных кантонистов дивизионов, состоящих при этих же округах, от каждого дивизиона по четыре человека кантонистов, всего 16

Младших вахмистров, окончивших курс агрономии в Чугуевской земледельческой школе, для обучения воспитанников улучшенному земледелию 2

Унтер-офицеров инвалидной роты, согласно положения о фермах § 72 1

Рядовых мастеровых для обучения воспитанников мастерствам из временных рабочих рот, согласно § 11–го 2

Для очищения труб и других потребностей, рядовой роты служащих инвалидов согласно положения § 12-го 1

Всего 34

В течение 1855 года прибыло:

Поступило на место окончивших теоретически и практически курс сельского хозяйства воспитанников из военных поселян первых четырех округов нехозяев ……..……..… 11

На место умерших воспитанников из военных кантонистов ..… 2

Убыло:

Учеников из военных поселян ..……...……... 11

Ученики эти, окончив теоретически и практически курс сельского хозяйства с приложением земледелия, полеводства, луговодства, огородничества, садоводства, скотоводства и домоводства, при хорошем поведении и нравственности, экзаменованы 15 марта сего года, в присутствии начальника первых 4 округов, окружных командиров, волостных начальников и других офицеров из управления этих округов; удостоены общим присутствием производства в унтер-офицеры своих округов и волостей, в коих по прибытии помещены на вакансии членов и десяточных.

Учеников из военных кантонистов умерло от тифа ……..… 2

Затем к 1 числу генваря 1856 года состоит при ферме:

младших вахмистров ……..…….. 2

унтер-офицеров ……....……..... 1

рядовых …...……...…… … 3

воспитанников

из военных поселян нехозяев …...…… 12

из военных кантонистов ……..……... 16

Всего 34

Поясненные в отчете за 1854 год 12 военно-поселянских мальчиков, изучившие возделыванию табака, осенью текущего года обэкзаменованы в присутствии начальства и отправлены в свои округа для указания разведения табака на шелковичных плантациях в округах и распространения оного между военными поселянами.

Ученики фермы и табаководы во всех отраслях по предметам занятий теоретически и практически руководились двумя младшими вахмистрами, в 1 пункте сего отчета помянутыми, под надзором заведующего фермою офицера.

О состоянии здоровья учеников.

В продолжении года из учеников больных было:

воспалением горла 2

тифозною горячкою ……..… 2

лихорадкою ……..……..…….. 2

Всего 6

2. Занятия учеников в классах

Все воспитанники фермы разделены на два отделения или класса, первый класс составлен из военных поселян, а второй из военных кантонистов (*)[1]

Время занятий их в классах назначено осенью – с окончанием практических полевых работ и до открытия таковых весною. Ежедневно по два часа в день преимущественно утром, а вечером они занимались повторением уроков, починкою и шитьем новых одежды и обуви, и, кроме того, искусственными по способностях их работами.

Во все воскресные и праздничные дни, утром до начатия литургии, занимались все вообще воспитанники пением молитв и литургии, а с наступлением таковой ходят в команде в церковь; после обеда занимались чтением сельскохозяйственных книг.

Занятие учеников в классах в течение года состояло:

В первом классе. Писание по линейкам, из Закона Божия начальные основания краткого катехизиса, из арифметики исчисления простых чисел, а из теории сельского хозяйства первоначальные сведения науки, т. е. что называется телом органическим и неорганическим, каким образом размножаются и питаются органические тела; сколько главных родов почв, способных для произведения искусственно разводимых растений, на сколько частей подразделяются почвы и какая часть почвы считается ценнее для растительности относительно питательных веществ и, наконец, заключение о влиянии самих почв, на рост растений.

Во втором классе. Чистописание по диктовке из закона Божия краткий катехизис до молитвы Господней, из арифметики – решения задач первыми четырьмя правилами, из теории сельского хозяйства – о землеодобрении и поправлении почв минеральными веществами.

Пение молитв и литургии производится всеми воспитанниками вместе и, кроме того, преподаются им изустно все правила православной религии.

Все выше прописанные науки преподаются воспитанникам, помянутыми в первом пункте, двумя младшими вахмистрами, по распоряжению офицера, заведывающего фермою и наблюдению начальника первых 4-х округов.

[1] (*) Воспитанники из кантонистов, как более сведущи в теоретических науках, перемещены во второй класс, а из военных поселян, как поступивших с открытием весны, составлен первый класс.

3-е. Ремесленное обучение

Время для изучения учеников разным мастерствам назначено преимущественно зимнее; случалось, впрочем, что ремесленные работы производились весною и осенью, но в летнее время никогда.

Мастерствам тем же, как и в прошлом 1854 году, воспитанники в остальное от классов занятий время обучались попеременно, а именно, починкою и устройством новых земледельческих орудий, обоза, посуды, плетением из лозы корзин и из соломы исправление кошилей и мест для постелей и другие надобности, и, кроме того, они употреблялись на молодьбу хлеба, очистку от строений и скирд снега, заготовлением на летнее время для команды льда, уходом за скотом и вывозкою на поля, предполагаемые к паровой распашке для удобрения почв, навоза.

Весною – приготовлением для яровых посевов земли и обсеменением оной, а также посадкою и возделыванием огородных овощей, перекапыванием земли под древесные и табачные плантации и, наконец, пересадкою тутовых деревьев и разного рода табака, первых – из школы, а последних – из парников на грунт.

По окончании посева оканчивали вывозку навоза на паровые поля.

Летом [занимались] возделыванием и уборкою в предыдущей статьи прописанных растений, о успехе разведения коих объяснено в приложении к сему отчету под № 9-м, при наступлении паровой распашки полей; приготовленные на них навозные кучи воспитанники развозили и разбрасывали сколь возможно тщательнее и в след за этим запахивали тот же час.

Пред посевом поля опять были передвоены, а во второй половине июля приступлено к посеву озимей.

Всходы озимей появились скоро, потому, что 19-го числа дождь удовлетворительно напитал землю; зато в продолжении целой осени дождей почти не было, от чего озимые хлеба кустились и росли довольно тупо.

Осенью [занимались] уборкою огородных овощей и других плодов позже созревающих, как то: картофеля, бураков и тому подобных, а впоследствии обработкою или доведением оных до степени полного процесса, смотря по их предназначению, и, наконец, переделкою и починкою печей в строениях фермы и выделывали дубленные овчинные кожи.

Приготовление пищи для команды производилось воспитанниками по очереди, каковая наблюдалась и далее наблюдаться будет установленным в положении о фермах порядком, о чем объяснено было в отчете за 1854 год.

В свободное время от приготовления пищи, преимущественно летом, воспитанники эти употребляются в промежуточные домашние работы, именно: пропалыванию на плантациях табака, школы древесной[2] и проч.

Для ведения всех отчетностей по хозяйству заведены при ферме шнуровые книги согласно § 132 положения о фермах.

4-е. Об испытании учеников

Согласно § 110 положения о фермах годичное испытание учеников производилось в первой половине декабря месяца в присутствии начальника первых 4-х округов и других господ штаб- и обер-офицеров из управления первых 4-х округов, знающих сельское хозяйство.

Испытание произведено по программе, утвержденной начальством для Чугуевской школы сельского хозяйства.

Экзаменованы были только 16 воспитанников из военных кантонистов и табаководы.

Воспитанники экзаменованы по предметам, объясненным во 2-м пункте сего отчета, а табаководы – по предмету возделывания разного рода табаку, причем лица присутствовавшие предлагали также и свои вопросы.

Ответы воспитанников и табаководов на предлагаемые вопросы были удовлетворительны.

По окончании экзамена присутствовавшими определено 12-ть военно-поселянских мальчиков, изучившихся возделыванию табака, выпустить в свои округи для разведения такового между деревьями имеющихся в округах шелковичных плантаций и дальнейшего распространения как важной отрасли хозяйства между военными поселянами.

При этом экзамене достоинство воспитанников и табаководов в технических познаниях и способностях их определялось присутствовавшими осмотром совершенствующегося при ферме от калмыцкой породы скотоводства, климатизирующегося в Новороссийском крае, которые содержанием и сложением полное обратили на себя внимание. Почему и определено присутствовавшими для улучшения породы содержать при ферме – от округов из племенных стад по одной малороссийской телке с отнесением издержек на содержание оных округам.

Осмотром разных земледельческих орудий, ремесленных изделий, выделки овчин посредством дубления их и возделываемого при

[2] Школа древесная – отделение питомника для выращивания древесно-кустарниковых растений.

ферме сего года табака в папушах[3] и сигарах; все выше прописанные предметы заслужили одобрение присутствовавших, и табак, правильною обработкою и ароматным своим запахом обратил на себя особенное внимание.

Из сортов табака при ферме разводились, как признаны более ценными, виргинский и албанский.

Об урожае возделываемого табака прилагается при сем отчете ведомость под литерою Д.

5-е. По предмету содержания учеников

Воспитанники и табаководы из военных поселян все содержание получают от своих родных, как сказано в положении о фермах § 41-м.

Воспитанники же из военных кантонистов содержание, как-то одного-, двух- и трехгодовые вещи, провиант и деньги на приварок и опрятность, получают от своих эскадронов.

Огородиною[4] все вообще воспитанники и нижние чины фермы довольствуются из огорода при ферме возделываемого.

На зимнее время для воспитанников из кантонистов и нижних чинов, коим определена на основании положения о фермах § 35-го зимняя одежда, в сем году из суммы, вырученной фермою чрез продажу разных продуктов, построена таковая, а именно, полушубки из дубленных овчин самими воспитанниками под руководством мастера выделанные, для сапогов покупался черный сапожный товар, а также рукавицы и сукно на обвертки и шапки.

Расход денег на постройку выше прописанной одежды показан в ведомости № 3.

6-е. Работы по земледелию фермы

Полевые работы открылись 14-го марта, ранее прошлого года 12 днями, они начинались двоением и разбороновкою полей, предполагаемых для посева яровых хлебов, 16-го числа того же месяца приступлено к посеву ярины[5], ранее прошлого года 15-ю днями. Сначала сеялся ячмень, овес, горох, пшеницы и в след за ними все прочие растения по порядку.

Посевы растений произведены на приготовленной с осени пашне, весною передвоенной и разборонованной до рыхлости, по принятым системам полеводства.

Полевое хозяйство относительно прибавления пахоты не увеличилось нисколько, потому что поднятие земли на пар и зябь произво-

[3] Папуша – связка, пучок табачных листьев, бумаг и т. п.

[4] Огородная продукция.

[5] Яровые культуры.

дится по утвержденному для военного поселения проэкту; затем все полевые работы прекратились 1-го ноября.

Производство всех практических полевых работ на полях было под личным наблюдением офицера, заведывающего фермою, при помощи помянутых в 1-м пункте сего отчета двух младших вахмистров. При этом учащимся указывались последствия теоретических доказательств на самом деле. Возделывание огорода и подсолнечника, как более принадлежащих к разряду плугопольных растений, производилось конною матыкою[6] и двукрылым плужком.

Произведение посевов с расчетом опытных севооборотов, места посеянных растений, количество и название оных, число занятых десятин земли, урожай растений, период роста таковых на корню, укажет ведомость литера А.

7-е. Какие употреблялись орудия

При обработке полей, распашке весеннего и осеннего пара, употреблялись плуги малороссийские с передками, а для двоения или рыхления земли (употреблялись) экстирпаторы[7] и оралы[8], для очищения пашни от сорных трав – бороны Роджера и простые с железными зубьями, а для пропалывания плугопольных растений, как-то, картофеля, бураков и подсолнечника, употреблялись конная мотыка и двукрылый [п]лужок.

Все выше поясненные орудия [с] улучшенным способом механизма изготовлены при ферме воспитанниками оной под руководством имеющихся мастеров, по наставлениям журнала «Труды Императорского Вольного экономического общества» почерпнутых.

8-е. Способ сеяния

Посев озимых и яровых хлебов производился ручным общепринятым способом, только крестообразно, то есть один севач сеет вдоль, а другой – поперек десятины; способ этот принят фермою для устранения могущих встретиться от неопытности севача прогалин. Картофель и другие плугопольныя растения сеяны под плуг и маркер рядами, а обрабатывались орудиями, прописанными в 6-м пункте сего

---

[6] Мотика, матика, мотыка – мотыга, сельскохозяйственное орудие для рыхления земли. Другие названия: тяпка, цапка, сапка, сапа.

[7] Экстирпатор – вид культиватора, употребляемый для глубокого рыхления почвы. Сельскохозяйственное орудие для уничтожения сорной растительности. Снабжается ножевидными лапками, подрезающими корешки сорняков.

[8] Орало – пахотное орудие с крупным лемехом и мало выгнутым отвалом, с низко расположенными над самым лемехом оглоблями. Орало сильно раздробляло почву, облегчая боронование, было более устойчивым, и работать им было легче, чем сохой. [Беловинский, 1996, с. 18].

отчета, то есть сперва по борозде между рядами растущих растений для истребления сорных трав; покуда растения не требуют еще окучивания проходили конною матыкою, а потом спустя дней 10-ть окучивали двукрылым плужком.

9-е. Уборка растений

Жатва или уборка с корня хлеба, начата 16-го июня и производилась косами на грабки, потому более, что стебли хлебных растений по сухости лета были частью среднего, а более малого роста, а потому более способны уборке косою. Ученикам определялись уроки на основании урочного положения, причем рачительность их и успехи были примерные.

Опытов уборки хлеба другими приемами не делано по той причине, что на одной и той же десятине встречалось много чересполосностей, то есть на одной сажени урожай средний, на другой скудный, а на третьей вовсе и зародыша зерна не было; и, кроме того, в иных местах насекомые гороховики[9], появившиеся в бесчисленном множестве на колосьях хлеба, при самом наливе зерна, выпивали и истребляли оные до основания; в других более или менее возвышенных местах запалины были хлеба от солнечного зноя. И так, урожаем колосовых хлебов ферма в сем году похвалится не может, и потому более что те меры, которые ферма употребляла для улучшения качества зерна (то есть удобрение полей посредством унаваживания), послужили более ко вреду, нежели пользе, ибо скудные почвы, при постоянной засухе, теряя последние силы плодородия от присутствия навоза, лишены были и природной влаги, которая хотя в малой части могла б вспомоществовать точнейшему образованию зерна.

Уборка сена производилась по примеру прошлого года – на 1-й десятине получено довольно доброкачественного сена не более 25 пудов.

Картофель выкапывался из земли в последних числах августа железными лопатками и убирался для хранения на зимнее продовольствие команды, а также и на семена в предбудущую весну. Согласно наставления, изданного в 4-м № журнала труды за 1854-й год, картофель по выкопании из земли выдерживан был на открытом воздухе в ясную погоду, а в пасмурные дни и на ночь укрываем был ржаною соломою.

Сушка картофеля продолжалась равно как и в прошлом 1854-м году около 30 дней, наконец ее положили в приготовленную для сего четвероугольную яму, дно и стены коей устланы были ржаною соло-

[9] Брухус (Bruchus pisorum L.) насекомое из разряда жесткокрылых жуков, которого еще называют гороховиком (гороховкой) или зерновкой – является злостным вредителем зерновых бобовых культур. [Брухус].

мою толщиною до 2½ вершков; картофель по сухости осени в яме не закупревался до самого ноября месяца, а только покрываем был толстым слоем ржаной соломы. Для того чтобы от положенного в яму картофеля отнять наружную его сырость, которая в последствии располагает его к гниению, картофель до укупорки его окончательной, укрывался толстым слоем соломы, которая по принятии приличного количества от него влаги, заменялась другою сухою соломой каждые 7 дней, а иногда и ранее, смотря по влиянию атмосферы. В первых числах ноября яма с картофелем закупорена следующим порядком: картофель покрыт на 1 аршин высушенною на печи ржаною соломою, потом на яму в поперек положены перекладины, на коих по средине ямы утверждена труба для протока воздуха и пропуска могущей встретится от скопления воздуха в яме испарины; потом по верху перекладин наложено опять на ¼ аршина соломы и покрыто с небольшим возвышением землею.

Благополучному испытанию сохранения картофеля в прошлом 1854 году по изясненному способу ферма обязана редакции журнала труды. О дальнейших действиях сего опыта, уже испытанного на самом деле, объяснено в записке об оных под литерою Б.

Уборка масличных растений производилась воспитанниками по примеру прошлого года.

Урожай хлеба был следующий: на одной десятине ставилась коп[10] ржи от 6 до 10, пшеницы озимой(*)[11] от 9 до 11 коп; яровой от 2-х до 3-х, ячменя от 4-х до 6-ти коп, проса 2ось с снопами, овса от 4-х до 6-ти; гречихи 7 коп, гороха 4 копы, чечевицы 1 копа, конопли до 10 коп, льна 10 коп с снопами. Сена ставили на десятине 2 и 3 копы, с коих весу было не более 12 пудов.

Огородные овощи, как-то, картофель, капуста, бураки и прочие, родились изобильно.

10. Перевозка хлеба

Убранный с корня хлеб после должной просушки перевезен с поля в гумно, устроенное при усадьбе фермы, перевозка производилась волами, искупленными на основании положения на сумму, вырученную чрез продажу продуктов фермы.

---

[10] Коп – т. е. копён (от «копна»).

[11] (*) *Примечание*. Озимыя пшеница вышла на солому действительнее урожайных годов, но к бедствию, между цветением и наливом ее, внезапно последовали чрезвычайные солнечные жары с промежуточным сильным и знойным ветром, отчего цвет ее частию засох, частию опал несвоевременно, в налив зерна не мог в полнее образоваться и потому колосья остались совершенно пустыми.

11-е. Складка хлеба

Хлеб по привозе с поля в гумно сложен в небольшие полускирды и стоги, а спустя некоторое время, потребное для осадки, вывершен русским способом, то есть колосьями внутрь, а комлями наружу[12]; ферма положила употреблять способ этот всегда по причинам, изложенным в отчете за прошлый 1854 год.

Сено складывалось тоже по примеру прошлого года в небольшие полускерды[13] и по складке вывершивалось сколь можно по направлению длины полускирдов крутыми наклонностями на стороны.

Огородние и бакшевные[14] овощи, как-то: бураки, капуста, огурцы и тыквы, убраны и переквашены для зимнего продовольствия команды по общепринятым правилам, а картофель убран по вышеизложенному способу в 9-м пункте сего отчета заключенному.

12-е. Молотьба

Молотьба всех вообще хлебных, масличных и кормовых растений производилась цепами.

Веяние вымолоченного зерна на ветре, а очистка вывеянного зерна происходила на решетах.

Сушка же предварительно очищенного зерна одбывалась на печах, нарочито для того в комнате шелковичного сарая устроенных.

13-е. Обзор опытного поля

Опыты, в истекшем году производившиеся, заключались в построении разводимых некоторых растений и вновь удобрения почв разными туками[15], с посевом на оных хлебных семян, применяя однако приличные почвам удобрения; земля для этих опытов отделялась большей частью из опытных полей.

Произведенным в 1855 году опытам прилагается записка под литерою Б.

14-е. Метеорологические наблюдения

Наблюдения эти в течение 1855 года делались по три раза в день, полная выписка из веденного журнала прилагается под литерою В.

[12] Комель – нижняя расширенная часть снопа. Перевязка снопа делалась с отступом на ¼ от верха стеблей. Такой сноп, поставленный вертикально, комлем вниз, как более широкой частью, позволял временно оставлять его в поле без опасения, что внутрь снопа попадет дождевая вода [Комель].

[13] Так в тексте.

[14] Так в тексте.

[15] Туки – минеральные удобрения; механическая смесь однокомпонентных удобрений.

В заключении же этого объясняется общее влияние атмосферы в прошедшем и в сем годе на растительность.

После сухого лета, бывшего в 1854 году, осень наступила можно сказать благоприятная. Несмотря на сентябрьскую погоду, в течение коей по отсутствию необходимых дождей озимые хлеба росли тупо, а также и поднятие земли на зябь производилось затруднительно; октябрь месяц, и десять дней ноября могут признаны быть благоприятствующими как для озимой, так равно и к облегчению поднятия земли на зябь, словом сказать, с самого начала осени, что у нас полагается с 1 сентября по 11 число ноября погода существовала частью ясная, частью пасмурная, а иногда [мо]росили порядочные дожди и все большой частию под общим влиянием теплоты. Итак, в присутствии благоприятствующих для растительности условий озимые хлеба росли и кустились хорошо, а поднятие земли продолжалось по 11 число ноября. 11 же числа на рассвете начал изредка прорываться снег, а к вечеру появилась сильная метель, так что постигнутые ею в степи земледельцы едва могли с трудом возвратиться к своим жилищам; когда унялась метель, выпал снег в степных равнинах на ¼ аршина, а в низьменных – и более, после чего надо было ожидать санной дороги; но, напротив, 12 и 13 числа последовали теплые туманы, отчего снегу много стаяло, а хотя 15 и 16 числа небольшие морозы поддержали или сказать подкрепили остальный снег, однако шедший 17 числа с полудня и целую ночь того же м-ца проливный дождь разрушил санную дорогу и испортил ее до той степени, что и телегами не было возможности ездить, в особенности с тяжолою клажей. Беспутица эта продолжилась почти до последних числ генваря месяца сего 1855 года.

В феврале погода существовала большей частью тихая и пасмурная с перемежающими дождями и снегами, ветры имели направление более от северо-востока и северо-запада.

Оттепели начали значительно действие свое с первых числ сего месяца, так что 3-го числа речка Бешка от сильного наводнения вышла из берегов; 9-го числа снова покрылась крепким льдом и находилась в таком положении до 22-го числа того же месяца, после коего наступила совершенная оттепель, так что уже земледельцы намерены были в скором времени приступить к посеву ярины.

В марте месяце погода существовала большею частию пасмурная, сопровождаемая южными и юго-западными ветрами, оттепели значительные и затем 14-го числа сего месяца открылись полевые работы, а 16 числа и самые посевы. Озимы[16] приметно начали осуществляться во второй половине сего месяца, а всходы ярины в первых числах апреля, но по случаю бездождия и холодных ветров росли весьма медленно.

[16] Озимые посевы.

Первый отзыв грома последовал с запада 11 числа марта при действии порядочного дождя.

Уборка трав началась во второй половине майя и продолжались до 15 июня, при всех благоприятствиях погоды урожай сена ниже посредственного, на одной десятине ставилось коп 2 и 3, в копе до 12 пудов, следовательно, получалось с десятины сена около 30 пудов.

К уборке хлеба приступлено с 15 июля, сначала убирали рожь, потом ячмень, пшеницу и другие растения по порядку, сколько ставилось на одной десятине коп и какой урожай хлеба объяснено в 9 пункте сего отчета.

Уборка картофеля началась с 25 августа и продолжалась по 20 число сентября месяца.

Посев озимой ржи на 1856 год начался с 25 июля и продолжался по 6 число августа, посев озимой пшеницы с 25 августа и продолжался по 1 число сентября. Всходы ржи и пшеницы появились после проходивших в августе месяце дождей хорошие, и в продолжении целой осени росли и кустились весьма хорошо. Затем приступлено к поднятию земли на зябь, с 1 сентября, производство этой работы было не слишком трудно и продолжалось до 1 ноября.

Определительно сказать можно, что в лете 1855 года сбор хлебных растений по росту и соломе был частью средний и частью хорош, но на зерно вообще плохой, а некоторых только, как то, овса, ячменя, средний и то в центрах между посевными нивами, наружные же посевы всех растений вообще испиты при начале налива зерен насекомыми гороховиками, появившимися в бесчисленном множестве, но этому и объяснено выше, что некоторые хлеба на рост соломы при ферме очень хороши были, как то, рожь и пшеница озимые так, что достигали до 2-х аршин ростом, но зато зерна с первой получено весьма незначительное количество, а вторая как посеяна при опушке горы близ большой дороги совершенно испита означенными насекомыми, и по освидетельствовании начальством кошена на корм скоту.

Масличныя растения родились: лен, хотя малорослый, но на зерно средний урожай дал, конопли тоже, волокно в прочем изрядное, подсолнечник же ниже [по]средственного урожая.

Огородные овощи без исключения весьма хорошие.

Бакшевные [по]средственные.

Картофель тоже.

15. По предмету шелководства

Вывод и выкармливание шелковичных червей производилось в сарае, для этого предмета при ферме устроенном воспитанниками

фермы, изучавшимся[17] в 7 округе Украинского военного поселения рядовым Даниилом Первушином под распоряжением и надзором офицера, заведывающаго фермою. Размотка онаго производилась тем же рядовым при ферме. Прилагаемый отчет о шелководстве под литерою Г укажет результаты, полученные от вывода вышепомянутых насекомых, деньги, вырученные чрез продажу сырцового шелка в прошлых годах, находятся для приращения в Одесском коммерческом банке, как значится в отчете за прошлый 1854 год; за шелк, добытый в сем году, денег еще не получено, а когда таковые получатся, то и будут отправлены тоже в тот же банк.

16. По заведению огорода

Места и количество земли для разведения огородных овощей заняты были те же самые, как объяснено в отчете за прошлый 1854 год. Земля обрабатывалась следующим порядком, осенью была вспахана большими плугами, но зимою не удобрялась, ибо заключала в себе довольно питательности, а ежели земли передать туку, то она может производить перерод, тогда растения сильно будут тянуться вверх, то есть в стебли, и листья и плоды будут слабы и мелки.

С открытия весны земля передвоена и разборонована до рыхлости, потом произведен посев бураков, моркови, петрушки, чернушки[18], укропу, арбузов, дынь, огурцов, тыкв, перцу, луку, чесноку, редьки, редисы, салаты, шпината и прочих.

Все растения обрабатывались воспитанниками фермы по примеру прошлого года. Об урожае этих растений уже объяснено в 14 пункте сего отчета.

17-е. По части садоводства

Состояние садоводства в текущем году увеличивалось усилением посадки тутовых и в части белой акации деревьев в приготовленную с осени прошлого 1854 года 1-ну десятину земли. С открытием весны пересажено из школы на плантацию тутовых деревьев белой шелковицы 567 и красной 567 штук, и в округе плантации посажена белая акация. Посадки деревьев прежних лет и сего года поливались воспитанниками фермы, которые при рачительном за ними уходе принялись и росли хорошо. Кроме того, из высланных по распоряжению начальства от 5-ти округов Киевского и Подольского военного поселения семян белой акации разведено при ферме порядочное количество деревцев, которые успешным ростом своим оправдали ожи-

[17] Так в тексте.

[18] Чернушка посевная, или калинджи, или сейдана, или седана, или черный тмин или римский кориандр.

дания садовников. Прибавление земли под плантации в сем году не делано, более для того, чтобы места занимаемые посадкою деревьев на плантациях прежних лет, привести в лучшее состояние тщательным уходом за оными.

На шелковичных плантациях между рядами деревьев в истекшем лете по примеру прошлого года разводился табак, а в предстоящую весну предполагается разводить таковой только на тех плантациях, которые будут удобрены.

О приходе собранного плантаций в сем году табака прилагается отчет под литерою Д.

18-е. Строения

Воспитанники и нижние чины фермы со всеми службами имеют помещения в ниже поясненных строениях.

1. *Казарма* деревянная под соломенной крышей о 4-х комнатах, кладовой и сеньми. В одной из комнат устроены нары для воспитанников, другая для помещения агрономии, третья классная и четвертая мастерская.

2. *Кухня* из сженного кирпича в виде землянки под соломенной крышей разделена перегородкою на два помещения, первое для приготовления пищи команде, а вторая столовая, в которой сапожники и портные занимаются.

3. *Магазин* деревянный под соломенной крышей, в коем устроены девять закромов и, кроме того, два отдельные склады с перегородками для хранения очищенного зернового хлеба и других в сухом виде находящихся продуктов.

4. *Навес* каменный под соломенной односкатной крышей для помещения земледельческих орудий и обозов и двумя по краям оного комнатами, определенных, одной, для цейхгауза, а другой, для хранения мелких железных вещей, канатов, смолы и прочего.

5. *Сарай временный* на столбах под соломенной односкатной крышей с обставленными камышом и обмазанными глиною стенами для рабочих волов с отделениями для помещения приплода, полученного от калмыцкого племенного скота и овец.

6. *Сарай деревянный* под соломенной крышей, в коем устроены деревянные досточаные станки с общим при них жолобом и драбиною для помещения пяти коров и одного бугая калмыцкой породы.

7. *Погреб с ледником* для хранения на продовольствие команды разных съестных и огородных продуктов, а также и льда.

8. *Клуня* деревянная для молотьбы хлеба цепами или посредством молотильной машины.

9. *Сарай для воспитания шелководных червей* с принадлежащими к оным рамами и двумя по краям оного комнатами, в которых помещаются шелководы и воспитанники из военных поселян.

19-е. Состояние рабочего и гулевого скота и содержание оных
К 1 генваря 1855 года состояло:

Рабочих волов новороссийской породы – 18
Гулевого племенных калмыцкой породы
коров – 5
бугай – 1
от них телят – 2
Свиней разнолетков местной породы – 14

В течение года прибыло:

Искуплены по распоряжению начальства на сумму, оставшуюся из числа вырученных в первых 8-ми Новороссийских округах от продажи общественных бычков и переданы на ферму бесплатно:
овец калмыцкой породы – 25
баранов – 2
при них ягнят
баранов – 1
ягниц – 14
Поступило приплода от имеющихся при ферме калмыцких коров
телят самок – 3
поросят от свиней – 10

Убыло:

Употреблено в пищу воспитанникам в разные праздничные дни свиней разнолетков – 9
Пало поросят – 5
Пала от оспы овца – 1

Затем к 1 числу генваря 1856 года состоит при Новопрагской ферме скота:
Рабочего
волов малороссийской породы – 18
Гулевого
коров калмыцкой породы – 5
бугай – 1
от них телят – 5
Овец той же породы – 24
Баранов – 2

Ягниц – 14
Баран молодой – 1
Свиней разнолетков – 10

Скот этот продовольствовался в летнее время подножным кормом, а в осеннее, зимнее и весеннее сухим фуражом от запасов фермы, как объяснено в ведомости сего отчета № 15.

Заключение

При сем отчете представляются ведомости, которые подробно укажут действия фермы по внутреннему ее управлению и состоянии хозяйства, а именно:

№ 1-го. Список о успехах и поведении воспитанников.

№ 2-го. Ведомость о приходе денег, приобретенных фермою чрез продажу продуктов и изделий.

№ 3-го. Ведомость о расходе денег по ферме на разные хозяйственные надобности.

№ 4-го. Ведомость о сумме, оставшейся за расходом от прихода в течение 1855 года.

№ 5-го. Ведомость о убыли воспитанников из фермы со времени ея учреждения и по 1-е число генваря 1856-го года.

№ 6-го. Ведомость об уплате фермою долга в заемный денежный капитал военных поселян по заимствованною при первоначальном заведении фермы.

№ 7-го. Ведомость о количестве обмолоченных к 1 числу генваря 1856 года хлеба и других произведений урожая 1853 года.

№ 8. Ведомость о количестве обмолоченных к 1 числу генваря хлеба и других произведений урожая 1854 года.

№ 9-го. Ведомость о количестве хлеба и других произведений, собранных с полей урожая 1855 года.

№ 10. Ведомость о количестве обмолоченных к 1 числу генваря 1856 года хлеба и других произведений урожая 1855 года.

№ 11. Ведомость о количестве зернового хлеба и других произведений, назначенных в продажу по отчету за 1852 год и оставшихся не проданным по 1 число генваря 1856 года.

№ 12-го. Ведомость о количестве зернового хлеба и других произведений, назначенных в продажу по отчету за 1853 год и оставшихся не проданным по 1 число генваря 1856 года.

№ 13-го. Ведомость о количестве зернового хлеба и других произведений, назначенных в продажу по отчету за 1854 год и оставшихся не проданным по 1 число генваря 1856 года.

№ 14. Ведомость о количестве собранного зернового хлеба и других произведений с полей фермы урожая 1855 года с означением,

сколько из оного числа отделено на продовольствие воспитанников фермы и для посева и сколько предполагается в продажу.

№ 15. Ведомость о приходе и расходе и остатке зернового хлеба и других произведений хозяйства за 1855 год.

№ 16. Ведомость разным изделиям, произведенным воспитанниками при обучении их мастерствам за 1855 год.

№ 17. Ведомость о состоянии имущества школы с показанием цены оному.

№ 18. Ведомость, чего стоит казне учреждение и содержание школы со включением и того, что было дано из других ведомств, сделано мастеровыми, не принадлежащими школе, сколько она дала доходу и на какую сумму имеет еще продуктов, скота и прочего хозяйства.

№ 19. Общая перечень о состоянии полей школы сельского хозяйства, учрежденной при посаде Новой Праге к концу 1855 года.

№ 20. Таблица о движении всего имущества Новопражской образцовой фермы за 1855 год.

Начальник 1, 2, 3 и 4 кавалерийских
округов Новороссийского военного
поселения артиллерии генерал-майор [А. А.] Косовский

Начальник первых 8-ми округов,
артиллерии генерал-майор [К. В.] Пистелькорс

Заведывающий Ново-Прагскою
фермою штабс-ротмистр подпись

РГВИА, ф. 405, оп. 4, д. 8614, л. 70 – 85.
Подлинник.

№ 2

Отчет фермы, высочайше учрежденной при Штабе вторых 4-х округов Новороссийского военного поселения, в г. Новомиргороде за 1855 год

1-е. Состав учащихся

К 1 числу генваря 1855 года состояло при ферме учеников:

Из малолетних военных поселян вторых 4-х округов Новороссийского военного поселения, с каждой волости по одному …….....12

Кантонистов из кантонистских эскадронов, с каждого эскадрона по два, всего 16

Младших вахмистров 7 округа, окончивших курс агрономии в Чугуевской земледельческой школе……..…2

Роты служащих инвалидов 6го округа:

унтер-офицеров …..…… 1

рядовой..…….. 1

Временно-рабочей роты 8 округа рядовых ….…….....…… 2

Всего 34

В течение 1855 года прибыли и убыли не было.

Затем к 1 генваря 1856 года состоит при ферме на лицо:

Младших вахмистров ……..…… 2

Унтер-офицеров ……..…… 1

Рядовых ……..……... 3

Воспитанников

из военных поселян ……..…….. 12

из кантонистов ……..…….. 16

Всего 34

Состояние здоровья воспитанников.

В продолжении 1855 года из учеников больных было:

лихорадкою ……..…… 1

ломотой головы ……..…….. 4

горячкой ……..…… 2

поносом ……..…… 3

Всего 10

2. Занятия воспитанников в классах

Для теоретических занятий все воспитанники Новомиргородской земледельческой школы разделены были на два класса или отделения; время для занятий их в классах назначено: осенью после окончания практических полевых работ и до открытия таковых весною ежедневно по 2 часа в день, т. е. утром 8 и 9, и остальное время занимались ремеслами, как сказано в предыдущем 3 пункте. Кроме того, во все воскресные и праздничные дни читался им военный артикул; они пели молитвы; потом водимы были в церковь для выслушивания Божественной Литургии, а после обеда занимались чтением сельскохозяйственных книг, слушанием лекции из теории сельского хозяйства, в субботу же указываемы были воспитанникам правила пешей выправки и поворотов.

Занятие учеников в течение года было.

В 1-м классе: Закон Божий окончен, писание по диктовке, из теории сельского хозяйства до туков смешанных; теоретические правила полевых работ и урочное для того положение; из арифметики умножение именованных чисел.

Во 2 классе: Закон Божий до 10 заповеди, чистописание по одной линейке; из теории сельского хозяйства до пережженной глины; из арифметики умножение простых чисел.

Все выше прописанные науки преподавались ученикам младшими вахмистрами, выпущенными из Чугуевской земледельческой школы под надзором заведывающего фермою штабс-ротмистра Пиваровича и наблюдением начальника вторых 4-х округов; в продолжении вечеров до ужина ученики писали свои тетради по всем преподаваемым им предметам; учили наизусть заданные им уроки и занимались повторением пройденного.

3-е. Ремесленное обучение учеников

Время для изучения учеников разным ремеслам назначено преимущественно в свободные часы от занятий их в классах, причем они постоянно занимались устройством моделей для земледельческих орудий и самих орудий; деланием деревянной посуды; изучением кладки голландских и русских печей по устроенным для того моделям, возведением неоконченных строений при ферме; выделкою волокон из пеньки; плетением кошелей из соломы, корзин из лозы, веревок и налигачей[19] из своих замашек[20], дублением овчин; случалось, что ремесленная работа производилась весною и осенью, именно: они занимались починкой и устройством новых земледельческих орудий и посуды, штукатуркою и побелкою жилых строений, починкою и новою постройкою одежды и обуви для себя; все эти ремесла производятся под руководством имеющихся при ферме двух мастеровых.

4-е. По предмету содержания учеников

Дети военных поселян рабочей и форменной одеждой снабжаются от своих родителей, а кантонисты теплую одежду получают от фермы, а прочие вещи и обмундирование по положению от своих эскадронов.

[19] Налигач – веревка, связывающая рога волу или корове и служащая поводом; обл. – налыгач.

[20] Замашка то же, что посконина, дерганец. Замашная (или посконная) рубаха. Замашка – это первичное сырье для получения грубого волокна, называемого пенькой. Домотканый холст из конопляного волокна, часто использовалась для крестьянской одежды. Из женских стеблей конопли добывается волокно, которое получило название пеньки, и семя, богатое маслом. Из мужских стеблей добывается волокно, которое называется замашкой, посконью и моченником [Пенька, сечка, замашка; Краснянский].

Пища приготовлялась для них хорошая, в скоромные дни отпускалось свинина, сало и говядина, в посные рыба и конопляное масло.

Все эти съестные припасы покупались на сумму, получаемую для учеников кантонистов из эскадронов, а для военных поселян от их семейств. Провиант получался на кантонистов из окружных запасных хлебных магазинов, а для поселян от своих семейств.

Опряточные деньги по 90 коп. серебром в год на каждого ученика из кантонистов употреблялись на покупку тех материалов, которые необходимы для содержания в исправности одежды, обуви и прочего. На поведение, опрятность и сбережение здоровья учеников начальство постоянно обращает особенное внимание.

5-е. Работы по земледелию фермы

Полевые работы открылись с 20 марта, ранее противу прошлого года 11-ю днями; оне начались передвоением и разборонованием пашни под посевы яровых и других растений; затем 30-го марта приступлено к самим посевам, ранее противу прошлого года 7-ю днями, сначала сеялся ячмень, обыкновенный и голак, полба, овес, пшеница гирка, горох, картофель, а потом все прочие растения по порядку.

Помянутые посевы произведены на приготовленной с осени пашне, весною передвоенной малыми однопарными малороссийскими плужками и разборонованной до рыхлости по принятым системам полеводства; зерно хлебного растения на посев употреблено из урожаев 1853 и 1854 годов, по отделении самого лучшего и сделанного прежде испытания в его всходах.

Производство земледельческих практических работ на полях было под личным присмотром и наблюдением заведывающего фермою при помощи младших вахмистров, обучившихся в Чугуевской земледельческой школе.

При этом ученикам были указываемы сравнительные обработки земли, удобрение оной разными, соответствующими почве туками и очищении от сорных трав; различные приемы посевов разного рода хлеба с определением количества семян на десятину и системы выгоднейших севооборотов; разведение огородных овощей, уборка сена и хлеба косою, молотьба цепами. Веяние ручной лопатой, уход за скотом и прочего.

Ведомость, приложенная под литерою А, подробно укажет место посеянных растений, количество их и название, число занятых ими десятин земли, какой урожай и как продолжителен был период роста на корне.

6-е. Какие употреблялись орудия при возделывании земли

При обработке полей распашкою весною на пар и осенью на зябь употреблялись малороссийские большие плуги с передками в три

пары волов; для разрыхления пашни и очищения от сорных трав употреблялись обыкновенные бороны с железными зубьями; при окучивании картофеля употреблялся двухкрильный плужок или распашник; работа этими орудиями производилась успешно и хорошо.

7-е. Способ сеяния

На приготовленной земле (для озимых с весны и для яровых хлебных, огородных и торговых растений с осени) посев производился своевременный тем же способом, сначала забрав определенное количество зерна, два севца, один шедши по длине, а другой в поперек десятины, засевали оную, отчего всходы показались ровные без всяких обсевов или пустых прогалин. Способ этот оказался удовлетворителен, второй способ сеяния был произведен так: предположенные к засеву десятины земли первоначально разделялись на лехи[21] по 3-и сажени в каждой, для означения этих лех ставили камышины и потом делали борозды малым однопарным плужком. Зерно, определенное на посев десятин, разделяли поровну на каждую леху; севцы, забрав определенное количество зерна, ставши посредине лехи, бросают семяна сперва на правую, потом на левую стороны и продолжают идти по длине десятины, рассчитывая, чтобы стало семян до другого конца оной. Этот способ сеяния, хотя не так успешен, но хорош и в нем никогда не может быть обсевов или пустых прогалин.

Посадка картофеля, бобов и свекловицы производились рядами под малороссийский однопарный плужок, сперва проходили борозду, в которую клали картофель в расстоянии одна от другой на один аршин, бобы на ½ аршина и свекловицы на 10 вершков по одному зерну. Затем проходили другую борозду подле первой, которая покрывала семена; потом снова проходили третью борозду подле второй, в эту борозду опять клали семени и продолжали таким образом до тех пор пока вся посадка каждого растения не окончилась; при всходах растений и когда оное доходило до 4-х вершков вышины, появлявшиеся между ними сорные травы выпалывались ручными матиками.

Посадка картофеля произведена в различных испытаниях, чему полный обзор имеется в ведомости под литерою Г.

8. Уборка растений

Жатва или уборка хлеба с корня производилась косою на грабки, причем ученикам указано было кошение хлеба в отвал и привал.

Уборка эта производилась следующим порядком: на одну десятину ржи поставлено было два косаря и четыре вязальщика, работники

[21] Леха, лешина, лешка – гряда, ряд, порядок, полоса; борозда, обмежек пашни, межа. Лешить, ляшить, лящить поле, разбивать на лехи, разбивать посев или поле на полосы, Лехи, чтобы не было огрехов, или на клетки. [Леха].

оканчивали эту работу в течение дня очень рано и не позже 6-го часов по полудни; на десятине ржи поставлено 15 коп, в копе 60 снопов, величина снопов в окружности 1¼ аршин. Зерна получено 3 четверти 7 четвериков и 7 гарнцов, соломы 75 пудов.

Масличные растения убирались учениками фермы: выдергивали из земли руками, потом связывались в снопы, для просушки потом связывались в суслоны[22] по 10 снопов; после должной просушки обмолачивались ручными цепами; зерно веялось ручной лопатой, очищалось на решето и убиралось в соломенные кошели для хранения в магазине; самые же стебли конопли вымачивались в реке, а по вымочке и просушке обрабатывались в прядиво. Стебли же льну как по малому росту негодны были для волокна и потому остались без всякой обработки.

Картофель выкапывалась из земли заступами, а для просушки в хорошие дни расстилались на солнце, потом перевозилась в ямы и погреб, кроме той части, которая оставлена на семена для посева по методе профессора Болэмана, и как картофель по этой методе должна быть предварительно высушена, то таковая для того и обращена в такую сушку.

9. Перевозка растений с поля

Убранные с корня растения после должной просушки перевозились с поля в гумно, назначенное около полей фермы, таким точно порядком и теми средствами, как в прошлом году.

10. Складка растений

Растения, по привозе с поля, складывались в полускирды и стоги, а спустя некоторое время, потребное для складки, покрывались соломою, которая прикреплялась к полускирдам и стогам веревками, из соломы же свитыми.

11. Молотьба

Молотьба всех растений производилась ручными цепами.

12. Очистка зерна

Вымолоченные зерна для очистки от битой соломы, мякин и пыли проветривали ручными лопатами, потом чистые зерна сортировались на три сорта посредством решет и посредством перебрасывания зерна ручными лопатками, к 1-м сорту отделялись зерна самые крупные и полновесные; к 2-м несколько ниже, а к 3-м самые худшие; первые

[22] Суслон – несколько снопов, поставленных в поле для просушки стоймя, колосьями вверх, и покрытых сверху снопом же [Суслон].

два сорта употреблялись для посева и последний, который оставался после выточки из решет, поступал в послед.

13. Обзор опыта над посевами разных семян, засеваемых на особых участках земли

Опыты в истекшем году заключались также над посевами английских семян, сушенной картофели, белого заграничного тяжеловесного овса, льну и табака разных сортов, именно: турецкого, вергинского, мариланда и гаваны, посаженного между деревьями плантации; все таковые опыты производились не на одних избранных для того местах, но соображаясь с свойством почвы для растений, каковым опытам прилагается записка под литерою Б.

14. Метеорологические наблюдения

Наблюдения эти в течение 1855 года делались по три раза в день, полные выписки из веденного журнала прилагаются под литерою В.

В заключении же этого объясняется общее влияние погоды прошедшего года на растительность.

Осень 1854 года была дождливая, отчего всходы озимых хлебов оказались скоро после посева и были хороши, зима началась позже прошл.[ого] года 1-м днем, а именно, 1-го ноября и продолжалась до 9-го марта 1855 года с оттепелями и без сильных морозов, земля во все время зимы покрыта была достаточным и ровным слоем снега, с 12-го же числа марта началась весна с посредственным разлитием вод, того же числа в 9 часов вечера шел сильный дождь и слышен был гром, и когда поля освободились совершенно от снега, то зелени озимых хлебов казались благонадежными; весь март месяц растворен был тихой и ясной погодой, между которой перепадали иногда небольшие дожди, отчего земля свободно и скоро просохла и была легка для обработки; 21 числа марта начались полевые работы, передвоение и разрыхление пашни под посевы яровых растений, и с 30 числа марта начались и самые посевы и окончены к 6 мая, во все продолжение этого времени перепадали небольшие дожди и воздух был растворен теплой и ясной погодой, почему яровые хлеба как-то, овес, ячмень, просо и гречиха, и равно и все овощи по своим равным всходам были очень надежны, но влияние дождей значительно уменьшилось с 1-го мая, и без дождей продолжалось до 3 числа июня месяца, и во все это время было только три дождя, погода сделалась значительно жаркая; по временам дули сухие ветры, которые и засушив верхний слой почвы, остановил[и] растительность при этом сухом состоянии; около 25 числа начали появляться на растениях выплодившиеся во множестве разные насекомые: гусеница, жучки и, напав на растение при

самом их цветении, оставались до налива, уничтожив совершенно только рождавшийся хлебный колос, что и было главной причиной весьма скудного урожая хлебов. Весь июнь, июль месяцы продолжилась засуха, так что во все это время было всего 13-ть небольших и кратковременных дождей, и зной солнца доходил в полдень, был весьма силен, а 24 и 30 чисел июня месяца замечено ясное явление сухой мглы или дневной помохи[23], весьма вредное своим влиянием для растений, подобное тому, которое описано в земледельческой газете 1854 года июля 24 в № 59 на странице 473, с того времени растения прекратили рост свой, пожелтели и, дозревши безвременно, готовы уже были к уборке, которая и началась 13 июня сперва с многоплодной ржи, затем и все прочие растения по порядку. Посевы озимой ржи на 1856 год произведены: многоплодной 8 и 9 августа, 10 и 11 сего же месяца обыкновенная рожь, а озимая пшеница посеяна 12 сего августа месяца 1855 года. Погода в течение августа месяца во все продолжение озимого посева стояла постоянно сухая и жаркая, и потому работа при разрыхлении земли была затруднительна; дождей в течение августа месяца всего было 4-е, почему озимые посевы, хотя немного и оживились, но потом от наступившего опять бездожия, продолжавшагося уже чрез весь сентябрь и октябрь месяцы до самого наступления морозов, а именно до 13 числа ноября месяца, остановили свой рост и не могли окуститься надлежащим образом. 9 числа августа месяца показалась значительными массами саранча, но как в это время хлеб был уже подобран в копы и всходы озимых посевов еще не взошли, то саранча нанесла значительный вред только одним огородным растениям и просу, не снятому еще в то время по несвоевременной зрелости своей. По всем изложенным фактам, приведенным из наблюдений настоящего года, определительно можно сказать, что в лете 1855 года сбор хлебных растений по росту и соломе был посредственный, а по умолоте зерна некоторые оказались посредственными, а некоторые ниже посредственных, а именно: пшеница озимая, ярая, ячмень и полба, урожай картофеля посредственный, урожай же масличных растений как то, конопли и китайской репы, посредственной, и льну хуже посредственного, сбор огородных растений настоящего года был худший, что произошло от скопления всех изложенных выше неблагоприятных причин; озимые посевы, сопровожденные засухой до самых морозов и потом покрытые в таком же состоянии снегом 13-го числа ноября месяца также был мало надежен в осеннем своем росте .

[23] Помоха (мгла, сухой туман, мга) – атмосферное явление, наблюдаемое по преимуществу в летние дни при восточных и юго-восточных ветрах и представляющее особенность климата обширной части Европейской России и, вероятно, Западной Сибири и азиатских степных областей. Вредно влияет на культурную растительность. [Помоха].

15. Строения

В течение 1855 года исполнено при ферме из построек: сарай для птиц и мелкого скота по смете под № 4-м и хлебный магазин под № 5 согласно утвержденных смет и чертежей, здания эти совершенно окончены.

Сверх того производилась штукатурка и побелка стен снутри и снаружи жилых строений и исправление печей, возведен кирпичный забор из женного кирпича на каменном фундаменте, от угла казармы до угла сарая, что для земледельческих орудий, на пространстве 16 сажень с двумя главными воротами и двумя фортками, и как местность, занимаемая двором и зданиями фермы поката, то плоскость ее спланирована уступами в три террасы, почему уступы этих террас одернованы по своим скатам.

Спланирована местность под постройку кухни до плоскости, причем снято от главной высоты и подсыпано на покатость земли на 4 квадратных сажени в один кубический аршин, на этой же местности вырыто рва в один аршин ширины и в один глубины под фундамент кухни, который и забучен диким камнем с заливкою извести с песком, здесь же приготовлено и сложено для постройки кухни камня 3 сажени 1 арш.[ин] 8 верш.[ков] женного кирпича 20 000, песку 2 кубических сажени и устроено дощатое творило[24].

16. По заведению огорода и садов

Под разведение огородных овощей занято было земли при ферме 7 десятин 2 303 квадратных сажень. Местность эта разбита была в правильные фигуры, потом осенью 1854 года была вспахана большим плугом, затем на глинистых почвах, требующих удобрения, вывезено навоза определенное по расчету земли, следуемой к удобрению, количество. Навоз был разбросан ровно по всему огороду, и в ту же осень запахан большим плугом, с открытием весны разборонован и перепахан, а перед посевом передвоен малыми плужками и разборонован до рыхлости. Это делалось для того, чтобы навоз лучше соединился с почвой земли, затем произведен посев огородных овощей, бураков, кукурузы, петрушки, огурцов, подсолнухов и тыкв, и равно и разных семян зерновых хлебов и растений, посеянных в малом количестве для разведения, после производилась посадка капусты и посев масличных растений, а именно, конопли, льну и китайской репы, но урожай огородных растений в настоящем году по случаю многих причин, не благоприятствовавших этим растениям и исчисленных в статье о метеорологии, оказался по результатам своим весьма неудовлетворительным.

[24] Творило – подъемная крышка, дверца, прикрывающая лаз в подвал, погреб или в какое-либо иное место, находящееся ниже уровня пола, земли.

1-е. Местность между казармой и сараем, что для земледельческих орудий, занято тутовыми и фруктовыми деревьями, весь этот садик имеет в длину 15 сажень, ширины 11 сажень.

2-е. При ферме в течение 1855 года произведена таковая посадка и посев введенным древесным питомником для воспитания фруктовых, тутовых и диких дерев, а равно и для посева древесных семян; под питомником занято земли 66 квадратных саженей, в настоящем году посажено в питомнике:

А. Черенков тутовых на 45 квадратных саженей 648 штук.
Б. Осокоровых[25] на 15 квадратных саженях 216 штук.
В. Тополи италианской на 25 квадратных саженях 276 штук.

Посеяно семян:

А. Шелковицы французской белой на 4-х грядках в 6 квадратных саженях.
Б. Каштанов, яблок крымских на 2 квадратных саженях.
В. Груш всех семян на 4 квадратных саженях.
Г. Слив венгерок на 4 квадратных саженях.
Д. Шпанских вишень на 2-х квадратных саженях.

Сверх означенного питомника в настоящем году при ферме посажено тутовых дерев на постоянные места трехлетнего возраста 490 штук, под которыми занято земли 1 десятина 100 квадратных саженей.

17. Состояние рабочего и гулевого скота, домашних птиц и содержание оных

К 1 числу января 1855 года состояло при ферме скота:
Рабочего
быков малороссийской породы – 18 штук.
Гулевого, калмыцкой породы:
бугай – 1
коров – 5
бугайчиков – 1
телка – 1
Свиней разнолеток – 9
Курей простой породы – 5

В течение года прибыло

Искуплены по распоряжению начальства на сумму, вырученную

[25] Тополь черный, или *осокорь*, или тополь серебристый. Деревья раскидистой широкой кроной достигают в высоту 15–25 метров. Высоко ценится как декоративная и фитонцидная порода в озеленении городов и населенных пунктов [Тополь черный].

в первых 8 Новороссийских округах от продажи общественных бычков, и переданы на ферму бесплатно.

Овец калмыцкой породы:
баранов – 9
маток – 24
при них ягнят – 18

Поступило приплода от имеющихся при ферме калмыцких коров, бугайчик – 1

От свиней поросят – 4

Приобретено на вырученные фермою деньги чрез продажу огородных овощей:
курей голландской породы:
петух – 1
курей – 4
китайской породы:
петух – 1
курица – 1

Убыло

Употреблено в пищу для учеников свиней – 2
Пало от болезни – 2
Пало от болезни овец маток: старых 1 и малых 1, всего 2

Затем к 1 января 1856 года состоит при ферме скота

Рабочего
быков малороссийской породы – 18 штук.
Гулевого
калмыцкой породы:
бугай – 1
коров – 5
бугайчиков – 2
телка – 1
Овец – 39
Свиней разнолетков – 9
Курей – 12

Состоящий при ферме рабочий и гулевой скот продовольствовался в летнее время подножным кормом на паровых и отдыхающих полях, принадлежащих ферме, а осенью и зимою сеном из общественных запасов вторых 4-х округов, потому что местность земли, отведенная под поля фермы как по гористому своему положению и по сильному прежнему истощению обработкой в настоящее время сена дала самое незначительное количество и совершенно бурьяноватое;

свиньи и куры продовольствовались последом, оставшимся от очистки вымолачиваемого зерна и остатками от пищи учеников фермы.

Для ведения счетов по всем предметам хозяйства на основании § 133 положения о ферме имеются шнуровые книги, именно: 1-я для хлеба вообще; 2-я для сена, соломы, кормовых трав и семян их; 3. для рабочего скота и наряда их на работы; 4-я для записки прибыли и убыли скота; 5-я для записывания наряда учеников на работы; 6-я для прихода и расхода денег, получаемых на устройство фермы, 7-я для прихода и расхода денег, вырученных от продажи хлеба и других предметов.

18. Заключение

При сем отчете представляются ведомости, которые подробно укажут действие фермы по внутреннему ее управлению и состояние хозяйства, именно:

№ 1. Список об успехах и поведении воспитанников.

№ 2. Ведомость о приходе денег, приобретенных фермой.

№ 3. Ведомость о расходе денег по ферме на разные хозяйственные надобности за 1855 год.

№ 4. Ведомость о сумме, оставшейся за расходом от приобретения фермы.

№ 5. Ведомость о убыли воспитанников из школы со времени ее учреждения и по 1-е число января 1856 года.

№ 6. Ведомость о позаимствованной сумме из капитала.

№ 7. Ведомость о количестве обмолоченного к 1-му числу января 1856 года хлеба и других произведений урожая 1853 года.

№ 8. Ведомость о количестве обмолоченного хлеба и других произведений к 1 числу января 1856 года урожая 1854 года.

№ 9. Ведомость о количестве обмолоченного к 1 числу января 1856 года хлеба и других произведений из урожая 1855 года.

№ 10. Ведомость о количестве хлеба, оставшегося не вымолоченным к 1-му числу января 1856 года урожая 1855 года.

№ 11. Ведомость о количестве хлеба и других произведений, собранных с полей фермы урожая 1855 года.

№ 12. Ведомость о приходе расходе и остатке зернового хлеба и других произведений хозяйства в течение 1855 года.

№ 13. Ведомость разным изделиям, произведенным учениками при обучении их мастерствам 1855 году.

№ 14. Ведомость о состоянии имуществ фермы с показанием ценности оному.

№ 15. Ведомость о том, что стоит казне учреждение и содержание фермы со включением всего того, что дано было от других ведомств, сделано мастеровыми, не принадлежащими ферме, сколько она дала доходу и на какую сумму имеет еще продуктов и прочего хозяйства.

№ 16. Общая перечень о состоянии полей фермы.

№ 17. Таблица о движении денежного капитала, зернового хлеба и других произведений и всего имущества по ферме сельского хозяйства за 1855 год.

Начальник 5, 6, 7 и 8 кавалерийских
округов Новороссийского военного
поселения, артиллерии генерал-майор [О. К.] Шмит

Начальник первых 8-ми округов,
артиллерии генерал-майор [К. В.] Пистелькорс

Заведывающий фермою штабс-ротмистр Пиварович.

РГВИА, ф. 405, оп. 4, д. 8614, л. 166 – 179 об.
Подлинник.

Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. В 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, 1855.

Беловинский Л. История русской материальной культуры : учеб. пособие. Ч. 1. М. : Изд-во МГУК, 1996.

Брухус // Agro story. Портал агробизнеса. URL: https://agrostory.com/info-centre/knowledge-lab/bruchus-gorohovik-weevil-three-names-one-enemy/ (дата обращения: 15.01.202).

Волков А. В. Становление и развитие профессионального сельскохозяйственного образования в России: XIX – начало XX века // Вестн. Саратов. гос. соц.-эк. ун-та. 2008. № 4 (23). С. 153–155.

Кандаурова Т. Н. Социокультурное развитие Южной России в XVIII–XIX вв.: роль Славяносербских, Украинского, Новороссийского и Киевско-Подольского военных поселений // Россия и Украина: историко-психологические аспекты взаимоотношений : материалы LXVI Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 16 дек. 2019 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2019. С. 13–30.

Кандаурова Т. Н. Образовательные практики российской военно-поселенной организации: аграрные учебные заведения (по материалам отчетной и статистической документации) // Документ. Архив. Информационное общество : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. / сост.: Е. М. Бурова, О. Е. Антонова. М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ». 2020. С. 124–137. (а)

Кандаурова Т. Н. От начального к специальному: образовательные структуры округов военных поселений первой половины XIX века // Герценовские чтения

2019. Актуальные проблемы русской истории : сб. науч. и уч.-метод. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 23–33 (б).

Кандаурова Т. Н. Учреждения сельскохозяйственного образования в округах военных поселений кавалерии: Чугуевская школа сельского хозяйства // Документ. Архив. История. Современность: сб. научн. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 262–279. (в)

Книга М. Д. Становление сельскохозяйственного образования в России в XIX в. // Вестн. Саратов. гос. соц.-эк. ун-та. 2007. № 18. С. 137–141.

Козлов С. А. Сельскохозяйственное образование и внедрение передового опыта в крестьянские и помещичьи хозяйства России в конце XVIII – начале XX в.: традиции и новации // Традиционный опыт природопользования в России. М.: Наука, 1998. С. 238–254.

Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 тт. Т. 1. М.: ИРИ РАН, 2020.

Комель // Словарь терминов. URL: http://homedizainer.ru/part/glossary/K/Komel. (дата обращения: 27.01.2021).

Краснянский В. В. Замашный и посконный [Электронный ресурс] // Naukarus. URL: http://naukarus.com/zamashnyy-i-poskonnyy (дата обращения: 15.01.2021).

Леха // Толковый словарь Даля. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/262090. (дата обращения: 24.01.2021).

Пенька, сечка, замашка // Ярмарка мастеров. URL: https://www.livemaster.ru/topic/2895413-penka-sechka-zamashka (дата обращения: 15.01.2021).

Плаксин В. Н. Становление и развитие сельскохозяйственного образования и научной агрономии в России (XVIII – первая половина XIX века). Воронеж : Центр.-Черноз. кн. изд-во, 2001.

Помоха // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa (48). Спб.: Семеновская типолитография (И. Е. Ефрона), 1898. С. 506–507.

Суслон // Толковый словарь Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=75521 (дата обращения: 15.08.2021).

Статистичний опис округів 1-8 Новороссійского військового поселення. 1857 г. // Цубенко В. Л. Документи из історії військових поселень в Україні. Харків : «Видавництво САГА», 2008. С. 145–199.

Тополь черный // FloraPedia.ru. URL: http://florapedia.ru/sorts/section_1/brood_751/class_2090/ (дата обращения: 15.01.2021).

Шевченко О. А. Школа сельского хозяйства в Чугуевском военном поселении [Электронный ресурс] // Художественный мемориальный музей И. Е. Репина. URL: https://repin.in.ua/ru/articles/shkola-selskogo-hozyaystva-v-chuguevskom-voennom-poselenii (дата обращения: 15.01.2021).

Ясман З. Д. Первая сельскохозяйственная школа в России // Вопр. истории. 1976. № 11. С. 203–209.

УДК 94(470.342).081/.084.9:61

А. В. Бровцин

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ САНАТОРИЯ «НИЖНЕИВКИНО». 1870–1970-е гг.: ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Публикация документов отражает процесс создания санатория Нижнеивкино в Кировской области. До революции 1917 г. курортный потенциал минеральных вод и грязей Нижнеивкино не был использован должным образом, поскольку власти Вятской губернии развивали курорт Варзи-Ятчи, построенный елабужским купцом П. К. Ушковым, и Ижевские минеральные воды как общегубернские курорты. После окончания Гражданской войны территории, на которых располагались Варзиятчинские и Ижевские минеральные воды, вошли в Татарскую автономию, и Вятская губерния осталась без своего курорта. Создание санатория «Нижнеивкино» обусловлено образованием Кировской области и потребностью местных органов власти обеспечить курортным лечением жителей области и других регионов Советского Союза. После окончания Второй мировой войны поправить здоровье простых людей стало возможно в санатории, емкость которого увеличилась с 20 до 800 мест.

Ключевые слова: курорты, минеральные воды, лечебные грязи, местные органы власти, Вятская губерния, Кировская область, Нижнеивкино, М. М. Маевский, Н. В. Шестаков.

На расстоянии 50 км к югу от г. Кирова Кировской области расположен поселок Нижнеивкино, известный как курортная зона. Сейчас только на территории поселка расположены санатории «Нижнеивкино», «Лесная новь», «Колос», детский санаторий, больница, где для лечения больных применяют известные многим жителям России и зарубежья минеральные воды и грязи. Вся эта востребованная инфраструктура создавалась долгие годы и потребовала значительных затрат душевных сил, интеллекта, управленческих решений, материальных средств вятчан. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. ежегодно сюда приезжали лечиться и отдыхать до 12 тыс. человек [см.: Санаторий Нижне-Ивкино, 1991, с. 12]. История курорта «Нижнеивкино» прежде рассматривалась в краеведческой литературе, рекламных проспектах санатория, специалистами курортологии [см.: Гуляева, 2000; Шарабаров, 2014], где авторы выделяли основные этапы изучения кировских вод и грязей. Недавно были опубликованы три документа из истории возникновения курорта в 1930-е гг. [Шарабаров, 2014, с. 128–137]. Следовательно, тема все еще привлекает исследователей,

© Бровцин А. В., 2021

а публикуемые документы позволят расширить понимание истории появления курорта «Нижнеивкино».

Нижнеивкинские минеральные источники известны с XVII в. Храмозданная грамота архиепископа Вятского и Великопермского Ионы от 30 ноября 1688 г. разрешала построить новую церковь во имя Модеста Иерусалимского «подле речку Ивкину близ речки Вонечки» [см.: Сборник…, 1914, с. 47]. Считается, что речкой Вонечкой назывались источники вод, пахнущих сероводородом и использовавшихся крестьянами для лечения. В 1872 г. врач Орловского уездного земства Кормильский обнаружил, что один из источников каптирован деревянной трубой и огорожен. В том же году химик Матиссен в результате анализа состава минеральных вод доказал, что они по составу сходны с Сергиевскими минеральными водами. Орловская уездная управа предложила Вятскому уездному земству совместно построить больницу на источниках. Но инициатива не была поддержана губернским земством, крестьяне же засыпали выходы воды так, что в конце 1880-х гг. они заглохли. В 1895 г. источники появились на правом берегу реки Ивкиной, на их месте был вырыт колодец и огражден со стороны реки небольшой плотиной для защиты от речных наносов. В колодце был установлен насос. Избыток воды по желобу отводился в особый резервуар, на дне которого откладывалась серная иловая грязь. В то время водами источников пользовались местные жители под наблюдением врачей Кормильского и Рудольского [ЦГАКО, ф. Р-2298, оп. 6, д. 342, л. 55–56]. Усилий одних энтузиастов для всестороннего и соответствующего требованиям времени использования минеральных вод у села Нижнеивкино было недостаточно. До революции потенциал нижнеивкинских источников не был полностью раскрыт, так как власти Вятской губернии использовали инфраструктуру купца П. К. Ушкова в окрестностях с. Варзи-Ятчи Елабужского уезда для создания курорта общегубернского значения. В Елабужском уезде также использовались Ижевские минеральные воды [см.: Есиева, 2014. с. 77–79; Обзор Вятской губернии…, 1916, с. 124, 125]. После окончания Гражданской войны территории, на которых располагались Варзиятчинские и Ижевские минеральные воды, вошли в Татарскую автономию, и Вятская губерния осталась без своего курорта.

Документы № 2–4 иллюстрируют неослабевающую заинтересованность жителей Вятской губернии в использовании минеральных источников и показывают степень вовлеченности губернских властей в суть вопроса. В 1931, 1932, 1935, 1937 гг. по инициативе врача Михаила Михайловича Маевского источники исследовались специалистами Горьковского физиотерапевтического института, Государственного

центрального института курортологии для определения бальнеологических и климатических факторов будущего курорта в селе Нижнеивкино. К 1941 г. были установлены типы минеральных источников, лечебных грязей и возможности применения:

1. Сульфатно-хлоридно-натриевый, суточный дебит 600 тыс. л, область применения – заболевания желудочно-кишечного канала, почек, печени, ожирения.

2. Сульфатно-кальциевый, суточный дебит 135 тыс. л, область применения – заболевания желудочно-кишечного тракта.

3. Сульфатно-кальциевый, суточный дебит 1 275 тыс. л, область применения – заболевания желудочно-кишечного тракта.

4. Сульфатно-кальциево-магниевый, суточный дебит 39 744 л.

5. Рассольный хлоридно-натриевый, суточный дебит 175 тыс. л, для лечения суставов, нервных заболеваний.

6. Черная иловая грязь, ориентировочно 2 100 тонн.

7. Торфяная грязь, ориентировочно 2 300 тыс. тонн.

Полученные данные позволяли открыть бальнеологический курорт местного значения. Для этого Кировский облисполком и его подразделения в 1941 г. намеревались изыскать средства на дополнительное планирование работ, каптирование источников, перестройку здания Рождество-Богородицкой церкви с. Нижнеивкино для размещения в ней водогрязелечебницы, постройку санатория для больных туберкулезом и нервными заболеваниями, другие необходимые лечебно-санитарные и хозяйственные постройки [ЦГАКО, ф. Р-2298, оп. 6, д. 342, л. 55–56]. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала работу.

После ее окончания создание здравницы было обусловлено необходимостью поправить ослабленное здоровье жителей Кировской области, вынесших тяготы закончившейся недавно войны. В 1947 г. профессор В. Б. Милин и доцент Б. П. Спасский изучали физико-химические свойства вод, полярную проводимость воздуха в районе источников и ближайших окрестностей и открыли, что повышенная ионизация атмосферного воздуха в том районе близка к таковым же показателям для высокогорных районов [см.: Милин, 1948; Спасский, 1948]. Обнаруженная физиками повышенная ионизация воздуха как самостоятельный лечебный фактор придала еще большую ценность местности. Тогда же в Нижнеивкино была открыта больница на 20 коек, где в лечении использовали минеральную воду и сероводородную грязь. С 1954 г. на базе лечебницы действует санаторий «Нижнеивкино» емкостью 75 коек. В 1957–1959 гг. в селе снова работала

комплексная экспедиция Государственного научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии. Она доразведала источники, каптировала все виды вод, уточнила запасы [Санаторий Нижне-Ивкино, 1991, с. 3].

Проект первой очереди современного курортного комплекса в поселке Нижнеивкино на 317 мест разрабатывал проектный институт Министерства здравоохранения РСФСР в 1960–1965 гг. Здания и сооружения возводились строительным трестом «Кировсельстрой» в 1963–1972 гг. [ЦГАКО, ф. П-6793, оп. 1, д. 28, л. 5]. Построенная первая очередь курортного комплекса развивалась в 1970–1980-х гг., основные направления этого развития намечены в документе № 8. В итоге к 1991 г. санаторий «Нижнеивкино» достиг емкости 800 мест [Санаторий Нижне-Ивкино, 1991, с. 4].

Представленные в публикации документы показывают, что Советский Союз при всех своих недостатках в целом существовал для удовлетворения духовных и материальных потребностей большинства своих граждан, в том числе в сохранении здоровья. Многие советские люди в 1960–1970-х гг., может, и не были глубоко образованными, но они победили в войне, наладили мирную жизнь. В конечном итоге курорт для жителей области построен усилиями органов советской власти в центре и Кировской области по инициативе таких энтузиастов как врач Михаил Михайлович Маевский, заведующий облздравотделом Николай Васильевич Шестаков.

Настоящая публикация характеризует историю создания курорта «Нижнеивкино». Видовой состав документов: доклады, решения, постановления, предложения, переписка местных и центральных органов государственной власти, жителей, заявления, отзывы отдыхающих на курорте.

Все документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) применительно к научно-популярным изданиям. Документы опубликованы без пропусков и сокращений. Языковые погрешности и ошибки в документах личного происхождения передаются дословно, чтобы можно было лучше представить главную целевую аудиторию курорта – простого советского человека, – и мотивы их руководителей. В квадратных скобках заключен текст, восстановленный публикатором – пропущенные в документе слова, буквы, раскрываются сокращения. К документам также составлены примечания по тексту и по содержанию.

№ 1

Доклад Вятской губернской земской управы 7-й сессии Вятского губернского земского собрания о перспективах использования ключей в д. Бутырке Орловского уезда, Кузебаевских, Варзиятчинских[1] минеральных источников Елабужского уезда в интересах губернии в целом

30 ноября 1873 г.

В прошедшем годе Орловское уездное собрание, ходатайствуя пред губернским собранием об отпуске ему взаимообразно 7 000 руб. на устройство больницы при вновь открытом в Безсолинской волости при дер. Бутырке минеральном ключе, предлагало губернскому собранию, не угодно ли будет ему участвовать в расходах на устройство этой больницы, так как целебными свойствами ключа могут пользоваться больные всей губернии. Губернское собрание в заседании 1 декабря 1872 года, разрешив просимую взаимообразно сумму 7 000 руб. с рассрочкою на 10 лет без процентов, вопрос об участии губернскаго земства в расходах на больницу при минеральном ключе оставило открытым впредь до разъяснения медицинским департаментом свойств и степени целебности минеральнаго ключа. Затем в ту же сессию гласные от Орловского уезда Красовский и Булычев представили в губернское собрание отношение директора медицинского департамента, из которого видно, что по химическому анализу, произведенному химиком Матизеном над посланными Орловскою уездною управою тремя полубутылками воды, и мнению медицинскаго совета, вода Бутырского ключа по содержанию сернистого водорода и земель должна быть причислена к группе землисто-серных вод, и сходствует с Сергиевскими[2] Самарской губернии, с Болдонскими[3] Курляндской

[1] Курорт в пос. Варзи-Ятчи (Удмуртия, Россия) открыт с 1889 г. в окрестностях с. Варзи Ятчи Асановской волости Елабужского уезда Вятской губ. Лечение минеральной водой, минерализованной торфяной грязью показано для заболеваний опорно-двигательного аппарата, гинекологических, болезней периферической нервной системы. У деревни Кузебаевой Асановской волости Елабужского уезда были известны серные источники, но только при самих Варзи-Ятчи наряду с источником имелись значительные запасы грязей. Поэтому лечебница открыта в Варзи-Ятчи [см.: Баталова, 2012].

[2] Сергиевские минеральные воды – бальнеогрязевой курорт в пос. Серноводск Самарской обл., открыт в 1833 г. Основные природные лечебные факторы – сульфидные воды минеральных источников и сульфидная иловая грязь окрестных озер Молочка, Тепловка и др., применяемые для ванн и грязелечения при заболеваниях органов движения и опоры, сердечно-сосудистой системы, кожи, гинекологических болезнях. [Курорты, 1983, с. 307, 308].

[3] Болдонские воды – бальнеологический и грязевой курорт в пос. Балдоне (Латвия), открыт в 1795 г. Лечебные средства: сероводородная и бромистая минеральная вода, используемая для ванн, купаний и торфяная грязь. Лечение больных с заболеваниями

губернии и Исидоровскими. Но при этом г.[осподин] директор медицинского департамента присовокупил, что так как для производства анализа доставлено только около трех фунтов воды в трех полубутылках и, как можно предполагать без необходимых предосторожностей, то анализ этот относительно количественного содержания составных частей нельзя считать окончательно верным в сравнении с анализом, который бы следовало произвести при самом источнике. Так, найденное количество сернистого водорода, без сомнения, не соответствует действительному содержанию его в самом источнике, а также и отсутствие в воде угольной кислоты не доказывает, чтобы ея не находилось в источнике. Во всяком случае, однако ж, вода находящагося при деревне Бутырках ключа по обильному содержанию составных частей, по мнению медицинскаго совета, должна быть отнесена к целебным минеральным водам и может быть употреблена с пользою в тех же случаях, в каких употребляются вышесказанные сходствующия с нею воды.

Представляя губернскому собранию удостоверение директора медицинского департамента о достоинствах воды Бутырского ключа, гг. Красовский и Булычев просили губернское собрание рассмотреть вопрос об участии губернского земства в расходах на постройку больницы или, если означенное ходатайство не может быть удовлетворено, то открыть губернской управе из запасного капитала кредит для орловского земства примерно до 5 000 руб.

Губернское собрание в заседании 18 декабря постановило ассигновать 5 000 руб. с возвратом чрез 5 лет под тем условием, если уездное земство признает необходимым устройство предполагаемой лечебницы и будет ходатайствовать о займе означенной суммы.

Ныне Орловское уездное собрание в заседании 27 сентября сего года по выслушании доклада управы об устройстве Бутырского минерального ключа при участии в расходах вятского уездного земства постановило: в видах того, что от устройства этого ключа по орловскому земству возвысился бы еще и без того не низкий, судя по состоянию уезда, бюджет, и что польза от этого ключа будет вообще губернская, и имея в виду вновь открытые, но необследованные еще минеральные ключи, снова предложить губернскому земству, не признает ли оно более удобным устроить больницу при этом ключе на губернский сбор, а в случае отказа губернского земства предложить и вятскому уездному земству – не устроит ли оно этот ключ собственно на свой счет. Если же это предложение будет отклонено, то поручить упра-

---

органов движения и опоры, периферической нервной системы и гинекологическими болезнями. В советское время работали: санаторий, грязелечебница, ванное здание, водолечебница [Курорты, 1983, с. 64].

ве просить архитектора Дружинина[4] составить подробную смету по устройству ключа, что и представить будущему собранию, пригласив снова участвовать в этом вятское уездное земство.

Представляя о сем губернскому собранию, губернская управа имеет честь доложить, что, так как губернское земство со своей стороны осуществило уже готовность содействовать орловскому земству в устройстве больницы при минеральных водах, разрешив на первый раз безпроцентную ссуду из запаснаго капитала, и так как Орловское уездное собрание, как видно из последняго постановления, имеет в виду вновь открытые и необследованные еще источники, а кроме того и елабужское земство приступило к разработке вопроса о имеющихся в его уезде Кузебаевских и Варзиятчинских минеральных источниках, назначив сумму на исследование их, то по мнению губернской управы дальнейшее участие в этом деле губернского земства может определиться из того, в какой степени те или другие источники будут наиболее иметь значения в смысле общегубернской пользы, что, в свою очередь, определится, но не прежде как по приспособлении их к употреблению. А потому желательно бы, чтобы орловское уездное земство, хотя на первое время, сделало бы на свой счет необходимые приспособления.

Председатель управы П. Колотов
Члены: Соломин
Одинцов
Секретарь Н. Попов

Опубл.: [Журналы…, 1874].

№ 2

Заявление учителя школы с. Нижнеивкино Владимира Александровича Овчинникова в Вятский губздравотдел о пользе открытия курорта на ключах в районе села

2 февраля 1926 г.

В июне или июле прошлого года, 1925, мною было подано заявление в губздравотдел об исследовании Нижнеивкинских целебных ключей в смысле использования их и устройства на них курортов. Кроме сего мною же было помещено на страницах газеты «Вятская правда» несколько корреспонденций и статей о ключах. До настоя-

[4] Дружинин Василий Михайлович (1840, Рязань – 1900, Вятка) – архитектор Вятского губернского земства и вятский городской архитектор (1874–1882) [Тинский, 1996, с. 280, 281].

щего времени мне неизвестно, как подвигается это дело, а лишь известно, что летом выезжал врач Верхошижемской больницы вместе с председателем ВИКа на ключи. Других сведений нет.

Вместе с этим я могу еще заявить следующее: население местного края весьма заинтересовано ключами, так как оно по мере возможности их употребляет для лечения; нужно сказать, что эти ключи известны верст на 50. Население Ивкинского края уже знает, что эти ключи предполагают использовать для правильного использования, и некоторые граждане просили меня узнать, как идет дело исследования, а поэтому я обращаюсь в губздравотдел, если возможно, сообщить мне, как обстоит дело, и в то же время горячая просьба от населения в губздравотдел о том, чтобы дать ход делу более ускоренный или определенный в смысле положительном или отрицательном. Нужно сказать, что от использования этих ключей зависит дальнейшее использование Нижнеивкинского края в культурном отношении: электрофикация и сельское хозяйство, о чем писалось [в газете] «Вятская правда» от 28 августа 1925 г.

В заключении скажу: природа Н[ижне]Ивкинского края настолько обширна, что она ждет культурного движения. Если кто поедет из губздравотдела в Н. Ивкино, то прошу тт.[оварищей] останавливаться у меня. Необходим выезд на место ключей химиков. Прошу губздравотдел по мере возможности сообщить мне результат дела.

К сему заявлению шк.[ольный] раб.[отник] Н.-Ивкинской школы
В. Овчинников

ЦГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 1179. Л. 296–296 об.
Подлинник.

№ 3

Запрос Вятского научно-исследовательского института краеведения в Вятский губздравотдел о результатах обследования ключей в с. Нижнеивкино

11 марта 1926 г.

Прилагая выписку из корреспонденции школьного работника В. А. Овчинникова Вятский научно-исследовательский институт краеведения просит сообщить результаты поездки для исследования Нижнеивкинских ключей врачом Верхошижемской больницы.

Директор института краеведения Б. С. Лукаш
Секретарь А. И. Шернин

ЦГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 1179. Л. 298.
Подлинник

№ 4

Письмо санитарно-профилактического подотдела отдела здравоохранения Вятского губисполкома в Вятский научно-исследовательский институт краеведения о направлениях обследования ключей в районе с. Нижнеивкино

5 апреля 1926 г.

Прилагая при сем в копии анализы вод Нижнеивкинских ключей с заключением о их составе на обороте, санитарно-профилактический п[од]отдел сообщает, что без подробного обследования говорить о том или ином значении этих источников преждевременно. Надлежит произвести обследование весной по спаде вешних вод, примерно в мае-июне месяце, причем обследование помимо химического анализа должно состоять в обследовании местности в геологическо-почвенном отношении, быть может, с наложением пробных скважин, в гидролого-гидрометрическом обследовании ключей с определением их дебита, в географическо-климатическом – с нанесением на карту местности ключей и окрестности их; на каковое обследование потребуется отпуск средств для снаряжения такой экспедиции и специалистов – геолога и почвоведа или штейгера, химика-гидролога, ботаника, санврача с инструментами для съемки плана и, может быть, нивелировки (съемки рельефа), пробного бурения, измерения дебита и др.

Для предварительного обсуждения этого вопроса полезно было бы составить комиссию или рассмотреть его в сансовещании губздравотдела и наметить план и границы обследования, собрать предварительные данные об их источниках (обследования Халтуринского уздрава, д[окт]ром Романиным, обследования быв[шим] врачебным отделением Вятского губернского правления), быть может, с поездкой на место для предварительного ознакомления. На производство обследования потребуется кредит на оплату проезда на 60 верст и обратно, на суточные на 4–5 чел. дня на 4, на инструментарий и посуду, в общем приблизительно рублей около 150–180, не считая стоимости химического анализа (руб. 30–50) воды и, может быть, других объектов, как например, торф, почва и т. д.

Зав.[едующий] сан.[итарно-] проф[илактическим] п[од]отделом Ворохович[5]

Делопроизводитель Е. Васенина

ЦГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 1179. Л. 303, 303 об. Отпуск.

[5] Подпись отсутствует.

№ 5

Докладная записка отдела народного здравоохранения Кировского облисполкома заместителю народного комиссара здравоохранения РСФСР М. Г. Гуревич с просьбой содействовать созданию курорта в районе Нижнеивкинских минеральных источников Куменского района Кировской области

7 марта 1937 г.

Кировская область несомненно богата целебными грязями и источниками минеральных вод, но на них до последних лет не обращалось внимания, и они не подвергались бальнеологическому исследованию. В 1935 г. Кировский крайздрав заинтересовался минеральными источниками и целебными грязями в селе Нижнеивкино Куменского района, в 1936 г. в полосу внимания вошли запасы целебных грязей и средней силы солянощелочные источники в Унинском районе, и в текущем году стали известными довольно обильные серные источники в селе Кичме Кичминского района.

Село Нижнеивкино, находится в 55 километрах от г. Кирова, оказалось наиболее богатым минеральными водами и целебными грязями и наиболее близкими к г. Кирову. Унинские источники расположены от областного центра в 120 км., и от ближайшей станции жел.[езной] дор.[оги] (Фаленки) 74 км. Село Кичма находится в 212 км от г. Кирова и вдали от железнодорожных и речных путей. Нижнеивкинские минеральные источники известны в бальнеологической литературе с 70-х годов прошлого столетия, неоднократно были описаны и приблизительно обследованы.

Ввиду близости к областному центру и некоторой известности Нижнеивкинских источников Кировский крайздрав пригласил гидрологическую экспедицию от Горьковского краевого физиотерапевтического института. Эта экспедиция в составе горного инженера тов. Штильмарк и зав.[едущего] химической лабораторией государственного института т. Палей выезжали в село Нижнеивкино. Экспедиция подтвердила наличие источников сульфатно-кальциевых вод, огромного дебита, с содержанием железа и хлористого натра и 1 железистый. Воды эти по своему качеству и содержанию минеральных солей оказались сходными с Ижевскими и знаменитыми контрексвильскими[6] водами, они могут быть использованы при заболеваниях желудоч-

[6] Ижевские минеральные воды – бальнеологический курорт (Татарстан, Россия), в лечебных целях используется с 1903 г., комбинация минеральных вод хлоридно-сульфатных магниево-кальциево-натриевых для лечения заболеваний органов пищеварения. Используется также лечение Варзиятчинской грязью.

Контрексвиль – бальнеологический курорт во Франции, в департаменте Вогезы. Лечебные средства: холодные маломинерализованные источники сульфатно-гидрокар-

но-кишечного тракта, печени, почек. В водоемах старого протока реки Ивкино в пределах села Нижнеивкино было обнаружено залегание черной иловой грязи, подобной грязям Старой Руссы, Сергиевской и Шатковской[7].

В прилагаемом к этой записке исследовательском материале подробно изложена сущность курортной ценности Нижнеивкино. В настоящее время согласно постановления Кировского крайисполкома производится более детальное физико-химическое исследование как грязей, так и минеральных источников, делается топографическая съемка местности, где находятся минеральные источники и водоемы с грязями, и где будут воздвигаться будущие курортные постройки. Ответственным уполномоченным по строительству и обследованию предполагаемого курорта назначен д[окто]р М. М. Маевский.

В настоящее время по обследованию будущего курорта в Нижнеивкино сделано следующее: проведено физико-геологическое обследование залежей грязей, пробы грязей отправлены в Москву, где их исследуют в институте курортологии; в ближайшем будущем начнется дополнительное химическое исследование минеральных источников на месте бригадой инженера-гидролога тов. Штильмарк с сопутствующим геологическим изучением хода и глубинного залегания минеральных источников посредством буровых работ.

Производятся геодезическо-топографические работы в районе залегания грязей и источников для составления генерального плана курорта. В марте, весной, и в начале лета будут производиться микроклиматические исследования.

Докладывая о выявленных в Кировской области целебных грязях и источниках минеральных вод, просим Вас дать указание главному курортному управлению заинтересоваться этими курортными богатствами и оказать нам помощь в дальнейшем изучении и освоении этих богатств.

бонатно-кальциевого типа, вода в которых применяется для питьевого лечения и ванн. Лечение больных с заболеваниями почек и мочевыводящих путей, печени и желчного пузыря, желудочно-кишечного тракта, нарушениями обмена веществ. [Курорты, 1983, с. 147; Контрексвиль, 1970].

[7] Старая Русса – бальнеологический и грязевой курорт (Новгородская обл., Россия) у оз. Ильмень, известен с 1815 г., для лечения заболеваний органов пищеварения, опорно-двигательного аппарата, периферической нервной системы, женских половых органов.

Шатковские минеральные воды и грязи расположены у с. Архангельского Нижегородской области. Известны с XIX в., разведаны в 1932 г. комплексной экспедицией Государственного центрального института курортологии в составе: сероводородные источники; сульфатно-кальциевый источник «Кипячий ключ», озера с сапропелевой серной иловой грязью; железистые источники; слабо минерализованные щелочные воды. Курорт так и не был построен, но с 1934 г. в лечебных целях использовалась грязь [Полторанов, 1985; Жиженина, Жукова, 2019].

Сергиевские грязи – см. примечание 2.

Приложение.

1. Копия докладной записки инженера В. В. Штильмарк.
2. Аэрофотосъемка с. Нижнеивкина и его ближайших окрестностей (красным карандашом очерчена топографическая съемка будущего курорта).
3. Разрез старицы р. Ивкины.
4. Чертеж № 3.
5. Чертеж № 4.
6. Чертеж № 6.
7. 2 фото из газеты «Кировская правда».
8. 2 газетных вырезки.
9. Копия постановления президиума Кировского крайисполкома от 2 октября 1936 г. № 1744.
10. Карта подъездных путей к Нижнеивкину.

Заведующий облздравотделом Шубников
Уполномоченный облисполкома по Нижнеивкинскому курорту
врач Маевский

ЦГАКО. Р-2169. Оп. 1. Д. 193. Л. 113–115.
Подлинник.

№ 6

Постановление Кировской областной плановой комиссии при Кировском облисполкоме «О Нижнеивкинских минеральных водах и грязях»

8 мая 1940 г.

Учитывая, что произведенными исследованиями Н. Ивкинских источников установлены значительные запасы минеральных вод и грязей, обладающих высокими лечебными свойствами, областная плановая комиссия постановляет:

1. Просить госплан РСФСР о созыве в июле месяце совещания по вопросу использования Н. Ивкинских минеральных вод и грязей. Докладную записку к этому совещанию поручить составить тт. Маевскому и Усольцеву.
2. Поручить сектору культуры и здравоохранения облплана с привлечением заинтересованных организаций проработать вопрос об организации в 1940 году разлива минеральных вод в целях их использования в лечебных учреждениях и через торговую сеть области.
3. Поручить сектору культуры и здравоохранения облплана предусмотреть в плане на 1941 г. соответствующие средства на доисследование Н. Ивкинских источников, их каптирование и на составление проектного задания.

4. Просить исполком областного совета:

а) предложить облздравотделу организовать в 1940 году в с. Н. Ивкино стационар на 10–15 коек с 4 ваннами для использования на месте рассольных вод, иловых и торфяных грязей;

б) предложить облздравотделу установить санитарную охрану зоны буровых скважин и организовать периодическое бактериологическое исследование источников;

в) обязать облдоротдел дать свои соображения о шоссировании дороги от с. Адышева (на Советском тракте) до с. Н. Ивкино.

5. Поручить тт. Усольцеву и Маевскому подготовить записку наркомздраву СССР на предмет получения от него разрешения на право разлива минеральных вод и их продажу.

6. Считать необходимым издание сводного отчета и альбома к нему о Н.Ивкинских минеральных водах и грязях.

Председатель областной плановой комиссии Сулинов

За секретаря областной плановой комиссии Казанцев

ЦГАКО. Ф. Р-2756. Оп. 1. Д. 74. Л. 27.
Подлинник.

№ 7

Решение Кировского облисполкома
«Об организации Нижнеивкинского санатория облздравотдела»
№ 764

24 сентября 1954 г.

1. Обязать заведующего областным отделом здравоохранения тов. Шестакова Н. В. организовать с января 1955 года на базе Нижнеивкинских минеральных источников и грязей санаторий облздравотдела на 75 коек.

2. Просить министра здравоохранения РСФСР т. Степанова В. С. разрешить с 1 января 1955 года открытие Нижнеивкинского санатория на 75 коек и предусмотреть в плане 1955 года необходимые ассигнования на его содержание.

Председатель исполкома областного совета депутатов трудящихся
И. Сафронов

Секретарь исполкома областного совета депутатов трудящихся
П. Ермилов

ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 25. Д. 2227. Л. 208.
Подлинник.

№ 8

Предложения Кировского областного совета профсоюзов заместителю председателя Центрального совета по управлению курортами профсоюзов П. С. Попову по развитию курорта «Нижнеивкино» в 1975–1980 гг.

12 сентября 1973 г.

Вводом в 1974 году в эксплуатацию клуба на 400 мест и спального корпуса на 250 мест в основном завершится строительство комплекса санатория «Нижнеивкино» по утвержденному в 1966 году проектному заданию. На 1975 год останется только плотина, строительство которой ведет субподрядная организация «Гидроспецстрой». Таким образом, Нижнеивкинский стройучасток треста «Кировсельстрой», созданный в 1963 году для строительства курорта и осваивающий в настоящее время ежегодно около 800 тыс. рублей, из них половину на объектах санатория, останется в 1975 году незагруженным объемами работ по строительству санатория. В то же время комплекс санатория в том виде, в котором он запроектирован и строится, не удовлетворяет, на наш взгляд, современным требованиям санаторно-курортного обслуживания трудящихся. В частности, проектом не предусмотрено строительство лыжной базы, необходимой в условиях длительной и снежной зимы.

Совмещение в одном здании спального корпуса, административно-бытовых помещений, пищеблока и столовой создает много неудобств для больных, проживающих в проходных 1-ом и 2-ом этажах. Некоторые крайне необходимые для обслуживания курортников помещения, такие как пункт проката, фотография, комната быта, камера хранения, транспортное агентство и др., вообще нет возможности разместить в существующих помещениях.

Для размещения всех этих помещений, а также регистратуры, почты-телеграфа, парикмахерской, АТС, радиоузла, магазина, библиотеки и администрации санатория необходимо построить отдельно стоящее здание административно-бытового корпуса в один-два этажа.

Популярность нового Кировского курорта все растет, и Горьковский советкурорт уже не в состоянии удовлетворить потребности в путевках всех желающих пройти курс лечения в «Нижнеивкино». Из 14 тысяч санаторных путевок, ежегодно выделяемых облсовпрофу Горьковским советкурортом, на долю местного санатория «Нижнеивкино» приходится всего около 600 или 4,5 %. Спрос же на Нижнеивкинский курорт такой, что по данным отдела соцстраха, одна

Кировская область сегодня в состоянии ежемесячно направлять в Нижнеивкино свыше 300 больных, которым показано лечение на данном курорте.

С целью увеличения числа пользующихся курортом больных введена система курсовок, которая позволяет ежемесячно принимать дополнительно от 50 до 100 человек. По возможностям питьевой галереи и водогрязелечебницы санаторий в состоянии обслужить в заезд до 900 человек. Сдерживают дальнейший рост числа обслуживаемых курортом ограниченные возможности пищеблока и столовой, которые уже сегодня (без спального корпуса на 250 мест) работают с напряжением. Если построить на территории санатория отдельно стоящую типовую столовую на 500 посадочных мест, появится реальная возможность привязать еще один (второй) спальный корпус на 250 мест и расширить сеть курсовочных больных. Необходимо завершить благоустройство и озеленение курорта с устройством лесопарка, спортплощадок, малых архитектурных форм, аттракционов и т. п.

Ранее доказана необходимость строительства для обслуживания персонала санатория 90-квартирного жилого дома и коммунальной столовой на 50 посадочных мест. Документация на эти объекты в настоящее время разрабатывается.

Таким образом, в целях дальнейшего расширения курорта и доведение его мощности до 817 мест, а с курсовочниками до 1 000 мест, а также в целях повышения уровня обслуживания больных и загрузки мощностей подрядной строительной организации областной совет профсоюзов предлагает осуществить в 1975–1980 годах строительство следующих сооружений на территории санатория «Нижнеивкино»:

Наименование объекта	Мощность		Сметная стоимость (ориентир., т. р.)	Предложения по годам строительства (в тыс. руб.)					
	ед. изм.	колич.		1975	1976	1977	1978	1979	1980
90-квартирный дом с пристроенной столовой на 50 м[ест]	кв.м.	4 568	650	250	400	–	–	–	–
Административ [ный] корпус	кв.м.	1 500	150	150	–	–	–	–	–
Лыжная база	пар лыж	400	300	150	150	–	–	–	–

Наименование объекта	Мощность		Сметная стоимость (ориентир., т. р.)	Предложения по годам строительства (в тыс. руб.)					
	ед. изм.	колич.		1975	1976	1977	1978	1979	1980
Столовая	пос. мест	500	530	–	–	230	300	–	–
Спальн[ый] корпус	мест	250	650					350	300
Реконструкция сетей водоснабжения	–	–	120	–	–	70	50	–	–
Внешние сети, благоустр[ойство] (включая озеленение, устройство лесопарка, спортплощадок и т. д.)	–	–	100	–	–	100			
Итого:			2 500	550	550	400	350	350	300

При этом имеется в виду, что реконструкция котельной будет произведена хозяйственным способом в 1974 году, пропускная способность сетей канализации и очистных сооружений проверяется расчетом при составлении ТЭО.

Председатель областного совета профсоюзов Е. Некрасов

ЦГАКО. Ф. П-6793. Оп. 1. Д. 3. Л. 112–114.
Отпуск.

№ 9

Из книги отзывов и предложений отдыхающих санатория «Нижнеивкино». 27 ноября 1973 г. – 9 октября 1974 г.

27 ноября 1973 г.

Большое спасибо за чуткое внимание врачу Житлухиной Н. С., сестрам Филиповой Р. и Носковой Л. Хочется пожелать, чтобы они так же работали и в 1974 г.

1 декабря 1973 г.

Большое спасибо и за чуткое отношение хочется от души благодарить врача Житлухину Н. С., массажиску Гмызину Л., сестру Киселеву Н. В., санитарку Чучкалову С. А. и пожелать хороших успехов в работе и личного счастья в жизни.

29 декабря 1973 г.

Уважаемые сотрудники санатория «Н-Ивкино»!

Поздравляем Вас с наступающим 1974 г., желаем от души успехов в работе, хорошего здоровья, личного счастья и отличного настроения.

Находясь в вашем санатории в течение 24 дней, мы встретили теплый прием и внимательное отношение к нам лечащего врача Чучиной Раисы Ивановны, которая определила нам точный диагноз болезни и была внимательна в процессе лечения. Мы также очень довольны остались отношением массажистки Черновой Галины, приветливой и старательной девушки, которая старается отдать все силы и умения для выздоровления больных. Большую благодарность мы выражаем Валентине Петровне Поляковой, которая привлекает вниманием больных, скромностью, добросовестным отношением к обязанностям. Еще хотелось бы отблагодарить за чуткое отношение к больным ренгенолога Толстоброву (не знаем имени и отчества), медсестру Мамаеву Татьяну Романовну и официанточку Хозову Галину.

Но, однако, хотелось бы, чтобы обслуживающий персонал обратил внимание на следующее:

1) необходимо повысить культуру обслуживания;

2) среднему медицинскому персоналу обратить внимание на правильное прохождение процедур и разъяснение послепроцедурного режима.

ЦГАКО. Ф. П-6793. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об., 10 об., 11.
Подлинник.

Баталова Л. В. Туризм в Удмуртии: история и современность : моногр. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2012.

Гуляева С. Ф. Лечебные минеральные воды Вятского региона, их внутреннее применение с целью лечения заболеваний и сохранения здоровья. Киров: [б. и.], 2000.

Есиева И. В. История курорта Варзи-Ятчи. // Грамота. 2014. № 3. Ч. 2. С. 77–79.

Жиженина Л. М., Жукова А. Е. История открытия минеральных вод и лечебных грязей Шатковского района Нижегородской области. // Общество. 2019. № 1. С. 6–8.

Журналы Вятского губернского земского собрания VII-й очередной сессии и доклады Вятской губернской земской управы. Т. I (28 ноября-5 декабря 1873 года).

Вятка : Тип. Вят. губ. правления, 1874.

Контрексвиль // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энц., 1970. Т. 13. С. 68. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/98074 (дата обращения: 28.01.2021).

Курорты. Энциклопедический словарь / гл. ред. Е. И. Чазов. М. : Сов. энциклопедия, 1983.

Милин В. Б. Физико-химическое исследование Нижне-Ивкинских источников минеральных вод, связанное с изучением ионизации нижних слоев атмосферы // Киров. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Уч. зап.: фак-т физ.-мат. Вып. 5. Киров : Изд. пединститута, 1948. С. 41–57.

Обзор Вятской губернии за 1915 год. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка : Губерн. типолит-я, 1916.

Полторанов В. В. Старая Русса. // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. Т. 24. М. : Сов. энц. 1985. С. 204.

Санаторий Нижне-Ивкино / сост.: В. А. Домрачев, В. Н. Рыков. Киров : [б. и.], 1991.

Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии / публ. В. И. Шабалина. Вятка : Губ. тип-я, 1914.

Спасский Б. П. Особенности ионизации нижних слоев атмосферы в районе села Нижнее Ивкино Кировской области // Киров. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Уч. зап.: фак-т физ.-мат. Вып. 5. Киров : Изд. пединститута, 1948. С. 3–40.

Тинский А. Г. Краткие сведения об архитекторах // Энциклопедия Земли Вятской: откуда мы родом? : в 10-ти т. / ред.: В. И. Шишкин. Т. 5: Архитектура. Киров : Вятка, 1996. С. 278–289.

Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО).

Ф. П-6793. Акционерное общество закрытого типа «Санаторий Нижнеивкино».

Ф. Р-1089. Отдел здравоохранения Вятского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Ф. Р-2169. Кировский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

Ф. Р-2298. Кировский территориальный акционерный институт по инженерно-строительным изысканиям и проектированию объектов строительства «Кировпроект».

Ф. Р-2756. Департамент финансов Кировской области.

Шарабаров П. Н. У истоков Нижнеивкинского курорта // Вятский ист. сб. Год 2015-й. Киров : Герценка, 2014. С. 128–137.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЗГО	Архив Златоустовского городского округа
АФ РФ	Архивный Фонд Российской Федерации
БММТ	Бюро международного молодежного туризма
ВАО	Внешнеэкономическое акционерное общество
ВНИИДАД	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВНИХФИ	Всесоюзный научно-исследовательский химико-фармацевтический институт им. С. Орджоникидзе
ВП	Военные поселения
ВУХИН	Восточный угле-химический институт
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАФ	Государственный архивный фонд
ГлавАПУ	Главное архитектурно-планировочное управление
ГПНТБ	Государственная публичная научно-техническая библиотека
ГСДОУ	Государственная система документационного обеспечения управления
ДВП	Департамент военных поселений
Закупсбыт	Союз сибирских кооперативных союзов; сибирская кооперация, существовавшая с 1916 г. до начала 1920-х гг.
ЗиПП	Объединение золото- и платинопромышленников
ИНИОН РАН	Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук
МГИАИ	Московский историко-архивный институт
МГПИ	Московский государственный педагогический институт (сейчас – МПГУ)
МЭДО	Межведомственный электронный документооборот
НИР	Научно-исследовательская работа
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОГАЧО	Объединенный государственный архив Челябинской области.
ПЛСР	Партия левых социалистов-революционеров
ПСЗ РИ	Полное Собрание Законов Российской империи
ПСР	Партия социалистов-революционеров
РГАДА	Российский государственный архив древних актов

РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАНТД	Российский государственный архив научно-технической документации
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РГППУ	Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург).
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
СМЭВ	Система межведомственного электронного взаимодействия
СОО ВООПИК	Свердловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
СПбГУКИ	Санкт-Петербургский государственный институт культуры
ССУЗ	Средне-специальное учебное заведение
СХЭД	Система хранения электронных документов
СЭД	Система электронного документооборота
УНКВД	Управление Народного комиссариата внутренних дел
УОДКС	Украинское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЧГПИ	Челябинский государственный педагогический институт
ЮНЕСКО	(англ. UNESCO; United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.
AE	Archives du ministere des affairesétrangères
CP	Correspondence Politique
DS	Data Science

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакшаев Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

Батищев Сергей Дмитриевич, магистрант кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет, Челябинск. E-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Бекленищева Мария Владимировна, аспирант кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: bekmv88@yandex.ru

Бондарь Валерий Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований», УрФУ, Екатеринбург. E-mail: bondar1213@yandex.ru

Бровцин Александр Викторович, главный архивист отдела использования архивных документов государственных органов, Центральный государственный архив Кировской области, Киров. E-mail: akhlyn@hotmail.com

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Веселкова Наталья Вадимовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: n.v.veselkova@urfu.ru

Каменская Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: ekam82@yandex.ru

Кандаурова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: tanikand@mail.ru

Клинова Марина Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург. klinowa.m@yandex.ru

Купорез Кристина Даниловна, ведущий специалист АО «ПФ “СКБ Контур”», Екатеринбург. E-mail: krizmalitanka@mail.ru

Левашова Елена Валерьевна, магистрант кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: levashova.ev99@gmail.com

Логинова Наталья Евгеньевна, магистрант кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: loginova.natalya.98@mail.ru

Люхудзаев Марат Иркинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, МБУК «Музейный ресурсный центр», Ноябрьск. E-mail: guingm2004@list.ru

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: lmaz@mail.ru

Манин Даниил Олегович, лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: daniil-manin@mail.ru.

Маркевич Виктория Михайловна, преподаватель Свердловского областного педагогического колледжа. E-mail: his.topu@gmail.com

Огорельцев Павел Александрович, студент 2 курса направления «Документоведение и архивоведение», УрФУ, Екатеринбург. E-mail: workpost.ogoreltzev@mail.ru

Огуренко Егор Владимирович, магистр истории, Екатеринбург. E-mail: y.ogurenko@gmail.com

Олимпиева Елена Вячеславовна, кандидат философский наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: evoove@yandex.ru

Павленко Алексей Павлович, кандидат исторических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru

Плетнева Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: mvt0303@yandex.ru

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Селезнева Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: t.selezneva37@gmail.com

Соколов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии, зав. кафедрой истории России, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: sokolovsv@urfu.ru

Уланов Кирилл Андреевич, ассистент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: ulanov.kir@gmail.com

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы, Екатеринбург. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Хакимов Рашид Шавкатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет, Челябинск. E-mail: hakra51@mail.ru

Черноухов Эдуард Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета. E-mail: echernoukhov@yandex.ru

Шибаев Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: archivist76@mail.ru

Шихова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург. E-mail: krutikol@mail.ru

Юмашева Юлия Юрьевна, доктор исторических наук, заместитель генерального директора по научно-методической работе ООО «ДИМИ-ЦЕНТР». E-mail: Juliayu@yandex.ru

SUMMARY

Section 1
RELAY OF ACADEMIC RESEARCH

Sergey Batishchev
Chelyabinsk State University

Private Archive of Historian V. E. Chetin (1922-2008) 6

The article provides an overview of the private collection of Ural historian V. E. Chetin, which included his correspondence, publications, and other documents. The article sheds light on his personal and professional interests and on the research that laid the foundation for his dissertations. The correspondence in Chetin's collection (a part of it published) reflects the history of his relationships with his family members, frontline comrades, friends, and colleagues.

Key words: V. E. Chetin, private archive, historian, document

Elena Levashova, Alevtina Safronova
Ural Federal University, Ekaterinburg

Military Service as a Type of Public Service in the Russian Federation ... 13

The article discusses the norms set by the Federal Law 'On Military Duty and Military Service' adopted in 1998. Between 1998 and 2020, the law was amended 127 times. It regulates military service as a kind of public service: in fact, military service is the only public service where people are enlisted through voluntary recruitment or through conscription. In Russia, military service is mandatory for all male citizens aged 18-27. The law clarifies in detail the concept of 'military duty', the procedure of enlistment in the military, describes military posts and ranks, sets the active duty age limit, and so on.

Key words: Federal Law 'On Military Duty and Military Service', military service, military duty, conscription, contract enlistment, military service personnel, military rank, service period, transfer to the reserve

Natalya Loginova, Marina Pletneva
Ural Federal University, Ekaterinburg

Faculty Recruitment and Selection in Russian Universities
(The Case of the Russian State Professional Pedagogical University) 27

The article describes the procedures of faculty recruitment and selection in the Russian higher education system with a focus on unique characteristics of certain universities. A particular emphasis is made on how this process is shaped by institutions' regulatory framework.

Key words: faculty, HR, management, job interview

Dmitry Manin
Ural Federal University, Ekaterinburg

The Struggle Over the Titulary:
Russian Ambassadors at the Court of Louis XIV 32

The article discusses ambassadorship as a special cultural practice of the early modern period in Russia, in particular the Russian ambassadors' struggle for the recognition of the title "*magni domini*" at the French court. The analysis relies on the detailed records of Russian diplomats (*stateynye spiski*), diplomatic letters and French reports about the activities of embassies. The study follows the discussion and arguments put forward by both sides, especially the cultural instruments used by Russian diplomats, describes the influence of the international situation, cultural stereotypes and diplomatic traditions on the struggle.

Key words: Louis XIV, Franco-Russian relations, diplomatic ceremonial, foreign policy, Westphalian system

Pavel Ogoreltsev
Ural Federal University, Ekaterinburg
Kristina Kuporez
JSC PF SKB Kontur, Ekaterinburg

Higher Education During the Pandemic:
Effects and Prospects of Distance Learning 40

The article discusses the positive and negative effects of distance learning in higher education. Methodologically, the study relies on a comprehensive approach and analyzes media coverage, results of student questionnaire surveys and expert opinions. The study brings to the fore a range of public attitudes towards distance learning in the pandemic and the factors that have shaped public opinion on this topic. The findings are compared with those of the previous studies (V. A. Mau, G. I. Idrisov, Y. I. Kuzminov).

Key words: pandemic, higher education, public opinion, crisis, survey, distance learning, COVID-19, students, online communication, education technologies

Section 2
HISTORY OF RUSSIA AND THE URALS

Eduard Chernoukhov
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

Verkh-Isetsky Hospital in the 19th and Early 20th centuries 48

The article discusses the history of Verkh-Isetsky hospital in Ekaterinburg in 1810-1914. The hospital was initially a private medical institution founded by the Yakovlev family, owners of metallurgical factories, and later became a hospital of Ekaterinburg *zemstvo*. The analysis focuses on the reasons behind the hospital's construction, its staffing policy, and the reasons why the hospital was transferred into public ownership. The hospital played an important role in the development of health care in Verkh-Isetsky factory settlement and Ekaterinburg in general.

Key words: Verkh-Isetsky factory settlement, Ekaterinburg, medicine, mining hospital, district hospital, zemstvo, doctors

Marat Lyukhudzaev
Museum Resource Center, Noyabrsk

Participation of Z. N. Strizhov and I. P. Tarasov in the Political Activities of the Socialist-Revolutionaries in the Urals in 1903-1918 56

The article discusses the role of S. N. Strizhov and I. P. Tarasov in the political activities of the Socialist-Revolutionaries (SRs) in the Urals in 1903-1918. Strizhov and Tarasov sought to secure the support of other party members and were quite successful in their agitation and propaganda efforts before their activities were declared illegal. Being the leaders of the SR Party in Ekaterinburg in 1917, Strizhov and Tarasov tried to exert influence on the management of Ural factories through the Factory Council (*Zavodskoye soveshchanie*). However, the Civil War made Strizhov's idea about the autonomous development of the Urals difficult to realize in practice.

Key words: I. P. Tarasov, S. N. Strizhov, Socialist Revolutionaries, SRs, geology, industry, autonomy of the Urals, gold mining, meetings of gold miners

Alexey Pavlenko
Ural Federal University, Ekaterinburg

The Red Army at Kyshtym in May-June 1918 (As Witnessed by General Staff Officer A. l. Simonov) 70

The article analyzes the report written by Andrey Simonov, a former General Staff officer, who served in the Red Army (but later switched sides and joined

the White Army). The article briefly describes the biography of A. L. Simonov. The main focus is made on the military action of the Red Army near Kyshtym from 27 May to 12 June 1918 against the backdrop of the Revolt of the Czechoslovak Legion. The study investigates the state of the Red Army's forces, their efforts against the Czechoslovak Legion, and retreat from the battle.

Key words: Civil War, Red Army, Revolt of the Czechoslovak Legion, military construction, Andrey Simonov, General Staff Academy

Mikhail Feldman
Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg

Regional Leadership in the Period of the First Five-Year Plans Facing the Challenges of the Industrial Project (The Case of the Ural Region) ... 86

In the early 1920s, the practice of appointing government officials to positions in central and local government bodies was formalized in the Party documents. Stalin relied on the nomenklatura system for his power and personally controlled the lists of appointees to specific posts. Were these 'appointees' (*naznachentsy*) mere executors of Stalin's orders? How did the utopian projects of Socialist building clash with the reality of the Industrial Project? How did these clashes affect the appointees' fates? What forms did the interactions between the appointees and local administrators take? Did these interactions lead government functionaries to reconsider the obsolete Marxist dogmas?

The article aims to address these questions by focusing on the case of the Ural region, which was one of the largest industrial regions in the USSR.

Key words: USSR, Bolshevik Party, appointees, naznachentsy, Ural region, five-year plan, industrialization, plenum, conference

Ekaterina Kamenskaya
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

The Soviet-French Pact of 1935 in the Context of International Relations in the mid-1930s (Based on Materials from the Soviet Press) 105

The article examines the coverage of the Soviet-French negotiations and the conclusion of a mutual assistance pact in the spring of 1935 in the Soviet press. An information campaign is analyzed, within the framework of which the Soviet-French pact was viewed as an attempt to implement the idea of collective security. It shows how Soviet readers saw the balance of power in Europe in the mid-1930s. and the main prospects for the formation of interstate coalitions.

Key words: USSR, France, Soviet-French relations, Soviet-French pact, collective security, Soviet press

Konstantin Bugrov
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

Sulfidine Race: Research Strategy of I. Y. Postovsky and the Creation of the Sulfamide Therapy Centre in Sverdlovsk in the late 1930s - 1940s ... 121

The article discusses the creation of a sulfamide therapy centre in Sverdlovsk in the second half of the 1930s and the early 1940s. This centre was established at the initiative of outstanding chemist I. Y. Postovsky. In 1935, his area of research interests shifted away from the problems of coal chemistry and petro chemistry to synthesis of sulfamide-based drugs. In 1936-1939, I. Y. Postovsky and his students faced a series of unfortunate events as the most promising pharmacological compounds failed to pass the clinical trials and, consequently, were not launched for mass production. The leader in terms of sulfamide research at that time was the Soviet Research Chemical and Pharmaceutical Institute n. a. S. Ordzhonikidze in Moscow. In 1940, however, I. Y. Postovsky managed to gain support of the leading members of the local medical community in Sverdlovsk - B. P. Kushelevsky and E. S. Krol-Klivanskaya - and initiate the reconstruction of a pharmaceutical factory to launch the industrial production of sulfamide-based drugs. This process was accelerated by the beginning of the Great Patriotic War and was completed by 1943 when a large sulfamide therapy centre was built in Sverdlovsk. This centre brought together chemists, health care professionals and industrial pharmacists.

Key words: sulfamide, pharmaceutical chemistry, I. Y. Postovsky, B. P. Kushelevsky, history of medicine, history of chemistry

Marina Klinova
Ural State University of Economics, Ekaterinburg

Changes in the Industrial Output Standards and the Piece Wage System of Soviet Industrial Enterprises (1946-1949) 133

The article analyzes the changes in the output standards and piece wage rates of Soviet industrial enterprises in 1946-1949 and their socio-economic outcomes by tracing the dynamics of these indicators in different sectors.

Key words: output standards, piece wage rates, wages, salaries, socio-economic policy, USSR, model of economic mobilization

Rashid Khakimov
Chelyabinsk State University

Case No. 1335. Zlatoust, 1957 145

The study analyzes the data from the criminal investigation file No. 1335 and brings to light the sentiments that prevailed among young workers and students from the local vocational college in Zlatoust (Chelyabinsk region). In 1957, they created an underground group that produced and disseminated anti-Soviet leaflets. The study analyzes their motives, activities and characteristics

It was found that many young workers joined the group because they were dissatisfied with their life. Their ideology can be described as 'naive Communism' or 'grassroots Stalinism'.

Key words: metallurgical factory, protest sentiments, underground group, radio 'Voice of America', young workers, Zlatoust, KGB, persecutions

Lyudmila Mazur
Ural Federal University, Ekaterinburg

From a Provincial Town to the Capital of the Urals: Urban Transition of Ekaterinburg-Sverdlovsk 165

The article outlines the evolution of the urban environment of Ekaterinburg-Sverdlovsk and shows the connections between this process and the city's trajectory of socio-demographic development. Urban environment is pivotal for human capital generation and includes economic, infrastructural and socio-cultural subsystems. The development of the city's socio-cultural environment throughout the given period was largely determined by economic factors and served the city's economic needs. Only in the second half of the 19th century, the socio-cultural environment became more self-sufficient as it started to be controlled by the city administration rather than by sectoral executive bodies. This period saw the development of local self-government, which, in its turn, contributed to the development of culture, education and health care. The next stage of «catching-up» modernization coincided with the Soviet period, when the city turned into a centre of military machine-building. In that period, the city's population was booming. In addition, a massive improvement was made to its socio-cultural infrastructure.

Key words: Ekaterinburg, Sverdlovsk, urban transition, demographic development, urban environment, socio-cultural infrastructure

Section 3
PROBLEMS OF METHODOLOGY,
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Maria Beklenishcheva
Ural Federal University, Ekaterinburg

Modern Historiography on International Tourism in the USSR in 1955-1991 191

The study analyzes the main trends in post-Soviet historical research on international tourism in the USSR in the 1950s-1980s. The study proposes a periodization comprising the following three 10-year periods. In the first period, the questions of international tourism were considered in the light of international and foreign economic cooperation. The key feature of these studies was their 'regional-

ization'. In the second period, there was a surge in scholarly interest in the history of Soviet international tourism as a separate field of studies. The research of 1991 and the late 2000s laid the ground for the boom in research on international tourism in the third period. Seven major themes in the studies of inbound tourism and three major themes in the studies of outbound tourism are described.

Key words: USSR, inbound tourism, outbound tourism, international tourism, historiography of tourism

Valery Bondar
Ural Federal University, Ekaterinburg

Personal Records of the Members of the Bolshevik Party's Branch in Ekaterinburg *Guberniya* (1921-1924) as Historical Source 206

The materials of the Bolshevik Party's branch in Ekaterinburg *gubernia* are important historical sources although they remain largely underexplored in research literature. These materials include semi-standardized individual forms of several types and questionnaire-type forms such as the so-called *'oprosnye listy'* (record forms), personal forms and their appendices, and personal registration cards. These sets of documents contain a wealth of personal data about Party members. Some of these data are unique and can be used to clarify and complement the information from other sources. Due to their diversity, these documents hold great research potential since they can be used for studies in different areas and of different kinds, including the history of the Bolshevik Party, prosopographical studies, historical demographic studies, genealogical studies and so on.

Key words: source, personal questionnaire, field, data, profile, records, party membership data, Bolshevik Party

Natalya Veselkova
Ural Federal University, Ekaterinburg

Documentary Memory: Fragile Actants 213

The article centres around the concept of documentary memory proposed by V. P.Kozlov and the relationship between the concepts of documentary memory and documentary heritage. The collapse of the historical archive in Cologne in 2009 and the fire in the Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) in 2015 are used as case studies to illustrate the fragility of interconnected actants. The study relies on the actor-network and multi-scalar approaches.

Key words: documentary memory, documentary heritage, Cologne archive, Institute of Scientific Information for Social Sciences, UNESCO, scale, multi-scalarity, actor-network theory

Sergey Sokolov
Ural Federal University, Ekaterinburg

The Intellectual Life of Sverdlovsk in the 1960s-1980s in the Documents of Sverdlovsk Branch of The All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) ... 222

The article explores archival documents of Sverdlovsk branch of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) as sources of information on the city's intellectual life in 1960-1980s. VOOPIK's activities involved many members of Sverdlovsk intelligentsia. The documents can be used to gather information about the membership of the Society and professional status of its leaders and most active members. The analysis of these documents can also bring to light the problems raised by the city's intelligentsia in relation to heritage preservation, the arguments they brought and the viewpoints they expressed in their discussions and correspondence with the state agencies and Party bodies. The documents are now stored in the Centre for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Region. They show the impressive amount of intellectual effort it took to create and develop public understanding of the value of certain categories of historical and cultural monuments as well as of individual heritage assets.

Key words: monument conservation, Sverdlovsk, All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, late Soviet society, intellectual history

Kirill Ulanov
Ural Federal University, Ekaterinburg

Logbooks of the Supervisors of State-Owned Convoys in the 1st half of the 18th Century 230

The article discusses logbooks of the supervisors of state-owned convoys that carried the production of Ural factories to Moscow and St.Petersburg in the first half of the 18th century. Logbooks may be used to reconstruct the itinerary of convoys, employment procedures, and to compare the main characteristics of convoys.

Key words: Ural, convoy, Chusovaya River, cargo boat, quay, convoy supervisor

Olga Shikhova
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

Museum That Any Modern School Student Would Like To Visit 237

Museum as a social institution comprises a mechanism for memorization of socio-cultural heritage. The article discusses museum practices that attract school students and probes into the deficiencies of the traditional approach to the past as something 'static'. The quantitative data of a sociological survey of school students' perceptions of the museum are analyzed. The interactivity of museum space is approached from the socio-cultural perspective.

Key words: museum practices, interactive museum space, memorization strategies, mosaic thinking, dialogue, virtualization of museum assets

Yulia Yumasheva
DIMI-CENTER LLC, Moscow

Historical Science, Archives, Libraries, Museums and Artificial Intelligence: What Does Tomorrow Hold? 247

The article contains an overview of data science techniques (AI, machine learning, deep learning, computer vision, etc) in modern historical studies, in archival and library science and museum work.

Key words: data science, data set, artificial intelligence, machine learning, computer vision, historical studies, archives, libraries, museums

Section 4
THEORY, HISTORY AND PRACTICE
OF DOCUMENT MANAGEMENT AND ARCHIVING

Alexander Bakshaev
Ural Federal University, Ekaterinburg

Administration of District and Factory Archives in the Urals in the 19th and Early 20th Centuries 280

The article discusses the development of archives of the Mining Department created in the early 19th century as a result of the mining reform. Apart from the archive of the Ural Mining Department, there were archives of mining districts and factories. It is shown that the structure, functions and staff of the mining archives were determined by the corresponding legal acts of the mining industry. Despite certain problems, a large collection of documents on the history of the Ural metallurgical industry was preserved.

Key words: district archives, factory archives, factory office, archives of mining factory, mining district, Mining Statute, Urals

Victoria Markevich
Sverdlovsk Regional Pedagogical College

Modern Approaches to the Concept ‘Document’ In Russian Document Studies: Historiography of the problem 288

The development of Russian document studies started in the 1960s, which means that it is a comparatively young discipline. The subject of document studies is still a disputable question. The situation became even more complicated after the

adoption of international standards in Russia, since this reform created a problem of establishing the equivalence between international and Russian terms. Thus, the debate about what constitutes the concept of document gained even more relevance. In this article, this concept and related knowledge are considered from the inter-disciplinary perspective and the trajectory of their further development is outlined.

Key words: document, document studies, interdisciplinary approach, term system

Egor Ogurenko
Ural Federal University, Ekaterinburg

Archives in the USSR In 1938-1962: Historiographic Review 297

The study reviews the key trends in Soviet and contemporary research on archive building in the USSR in the period when the archival system was managed by the NKVD-MVD (1938-1962). Archiving in the USSR comprised a complex of archival institutions, including the archive administration, network of state archives and research institutions. The key trends in the research on this period in Soviet and post-Soviet Russian historiography are outlined.

Key words: post-war period, archiving in the USSR, history of archival thought, NKVD, MVD

Elena Olimpieva, Marina Pletneva
Ural Federal University, Ekaterinburg

A Case Study in Distance Learning at the Ural Federal University 305

The article describes the use of the case method for online teaching of Master's students majoring in humanities (document management and archiving, history and public service) at the Ural Federal University. The theoretical and methodological foundations of the method and its possible applications in higher education are discussed. The case method originated in business training, where it showed good results. The article demonstrates its efficiency for hands-on learning in higher education as it helps students develop some of the most sought after competencies. The study summarizes the authors' own experience of teaching Master's students with the help of cases they created for this purpose and analyzes the results of the questionnaire survey of these students.

Key words: education, Master's programs, labour market, tutorials, business training, management, project management, case method, distance learning, questionnaire survey

Tatiana Selezneva
Ural Federal University, Ekaterinburg

Formation of a Local Regulatory Framework for Document Management 310

The article describes the general structure and content of the provision on the document management service in organizations. This provision plays a crucial role in the regulation of all the key aspects of the service's activities. Document management differs significantly from document support of management. Well-organized document management makes the information that documents contain a valuable resource and helps ensure the high level of organizational documentation. The differences between document support and document management should be given due account in the development of the provision.

The study analyzes the relevant regulatory and methodological sources and opinions of the leading Russian experts. It puts forward for further discussion several principles concerning the document management service.

Key words: document management, document management service, provision on the document management service

Victor Shibaev
Ural Federal University, Ekaterinburg

Legal Regulation of Records Management and Archiving in the Russian Federation in 2020-2021 323

The article analyzes the key legal acts regulating the organization of records management and archiving in Russia in 2020-2021 and shows how these acts reflect the current trends in this sphere.

Key words: records management, documentation, document, digital records management, archive, archiving

Section 5
PUBLICATION OF HISTORICAL SOURCES

Alevtina Safronova
Ural Federal University, Ekaterinburg

Supervisors of Ural Mining Schools: Responsibilities and Relationships With Teachers and Students (1729-1730s) 330

The study analyzes the documents that describe the relationships and conflicts between supervisors and teachers of Ural mining schools. The documents in question provide the information about the biography and personality of school administrator Nikita Bakhorev. They can also be used to reconstruct the everyday life of teachers and students in Ekaterinburg school, the teacher-student relation-

ships, methods of education and punishment, students' attitude to their teachers, and so on.

Key words: Ural, mining schools, school supervisors, teachers, students, punishments, history of everyday life

Tatiana Kandaurova
Russian State University of the Humanities, Moscow

Agricultural Educational Institutions in the South of Russia in the 1st half of the 19th Century: Farms of Military Settlements in Novorossiya 344

In the 1840s and 1850s, the educational system of military settlements of the cavalry was expanded. In this period, new agricultural educational institutions were created - for example, Chuguev Agricultural School and agricultural training farms in the settlement of Novaya Praga and in the town of Novomirgorod. These institutions were aimed at training agronomists and stockbreeders to help the inhabitants of the military settlements. The study analyzes the reporting materials of the agricultural training farms in Novaya Praga and Novomirgorod and sheds light on the development of these educational institutions and their daily life. Their system of training included hands-on learning and socialization of the cantonists.

Key words: agricultural educational institutions, Department of Military Settlements, military settlements, agricultural school, agricultural training farms, cantonists, vocational education, reporting, socialization of the cantonists

Alexander Brovtsin
Central State Archives of Kirov region, Kirov

History of the Sanatorium in Nizhneivkino Between the 1870s and 1970s: Analysis of the Documents of the Central State Archive Of Kirov Region 377

The study analyzes archival documents reflecting the process of creation and operation of the sanatorium in Nizhneivkino of Kirov region. Until the Revolution of 1917, local authorities had preferred to develop the resort of Varzi-Yatchi, built by Yelabuga merchant P. K. Ushkov, while the mineral waters in Izhevsk were a popular resort for the whole *guberniya*. Thus, the potential of the mineral waters and mud of Nizhneivkino remained largely neglected. After the end of the Civil War, the areas where the mineral waters of Varzi-Yatchi and Izhevsk were located were included into the Tatar Autonomy, leaving Vyatka *guberniya* without a resort of its own. Therefore, after Kirov region was established, the decision was taken to build a sanatorium in Nizhneivkino to provide treatment and recreation facilities for local inhabitants and people from other regions. In the post-war period, the capacity of the sanatorium was increased from 20 to 800 beds.

Key words: resort, mineral waters, healing mud, local authorities, Vyatka guberniya, Kirov region, Nizhneivkino, M. M. Maevsky, N. V. Shestakov

Научное издание

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 21

Издается с 2001 г.

Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ
http://elar.urfu.ru/
http://dais-urgi.urfu.ru

Редактор *Л. Н. Мазур*
Корректор *О. В. Горбачев*
Компьютерная верстка *О. В. Горбачева*

Подписано в печать 15.09.21. Формат 60x84/16.
Усл. изд. л. 25,47. Объем данных 3,08 Мб.
Гарнитура Times New Roman.
Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
Сайт: http://print.urfu.ru